

ФЕД. КАБАРИН

Сияние
**БАЗАЛЬТОВЫХ
ГОР**

ФЕД. КАБАРИН

Сияние
**БАЗАЛЬТОВЫХ
ГОР**

Научно-фантастическая повесть

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Издательство просит дать отзыв о содержании и оформлении книги, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Отзывы и пожелания автору и издательству направлять по адресу: Саратов, Вольская, 81 Саратовское книжное издательство.

ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В КАБИНЕТЕ ПРОФЕССОРА

Вечерний сумрак заполнял кабинет. На розоватом фоне стены стали сливаться рельефные краски географической карты. Все больше утрачивал свою яркость рисунок ковра, закрывшего почти весь пол. Потускнело золото рам на портретах Ломоносова, Менделеева, Ползунова, Леонардо да Винчи, развешанных в простенках.

В застекленной нише кабинета за массивным столом склонился широкоплечий старик. Тронутая сединой черная борода закрывала почти всю грудь. В слегка подстриженных пышных усах, казалось, запуталась потухшая папироса. Его могучие плечи, богатырская грудь, сросшиеся над переносицей брови, пышная шевелюра осыпанных серебром волос невольно наводили на мысль о таежных богатырях Сибири.

Петр Кузьмич Кремлев любил, как он говорил, посоветоваться и поспорить с самим собой наедине. Каждый раз, когда рождалась новая идея, он старался уединиться, побыть один на один со своими мыслями: проверить свои расчеты и выводы, взвесить все «за» и «против».

Вот и сейчас, уединившись в своем кабинете, Петр Кузьмич проверял физические свойства открытого им нового вида газообразного топлива. Анализируя формулу, он сравнивал энергию освобожденной ядерной реакции и активность реактивных смесей с этим новым, еще не опробованным топливом. Объемность делала его пока менее эффективным по сравнению с высокооктановыми бензинами. Зная это, профессор придирчиво проверял свои расчеты, продумывал химические процессы, которые позволили бы получить более плотную массу.

— Если удастся, — думал Кремлев, — уплотнить объем кубического метра газа, скажем, до одного литра...

При этой мысли профессору ясно представились те колоссальные изменения, которые произойдут в народном хозяйстве... Для того, чтобы пройти тысячу километров грузовому трехтонному автомобилю, не нужно будет заливать в баки около двух центнеров бензина. Одного килограмма нового топлива хватит с избытком, чтобы покрыть это расстояние.

Петр Кузьмич мечтательно прищурил глаза. Поддерживая левой рукой склоненную набок голову, сжимая в правой цветной карандаш, Кремлев еще и еще раз проверял формулу и выводы рукописи, на обложке которой четко было выведено: «Детонирующие газы».

Когда строчки стали сливаться и уже трудно было прочесть написанное, Петр Кузьмич не спеша поднял голову, взглянул на матовый плафон люстры, неторопливо повернулся на винтовом кресле к мраморному столику и передвинул зеленый ромбик на деление «Включено». Понималось легкое, напоминающее характерную работу пневматики, гудение. Внутренняя рама большого окна, застекленная из кабинета гофрированным сталинитом, раздвинулась посредине и скрылась за обшивкой стен.

В кабинете стало немного светлее. Через вторые, обычные стекла наружной рамы был виден широкий плес большой реки с дымящими пароходами. Петр Кузьмич поднялся и вышел на балкон.

На гребнях холмов, покрытых лесами, да на оцинко-

ванных куполах кладбищенской церкви, видневшейся на загородном холме, еще горели багряные блики заходящего солнца. Стояла та сумеречная тишина, которую не столько нарушают, сколько подчеркивают сигналы проносящихся автомобилей.

Петр Кузьмич любил эти вечерние часы, когда живительная прохлада входит в нагретые солнцем улицы города, когда ветерки доносят запах тополевой листвы и влажное дыхание парков. Он стоял, облокотившись на перила балкона, и смотрел далеко вверх городских строений. Мягкая, еле заметная улыбка и искрящийся огонек в его добрых, темно-карих глазах говорили о том, что мысли профессора заняты сейчас чем-то приятным. Он вспоминал подробности заседания ученого совета ЭИСТА — Экспериментального института специального топлива, на котором доказывал необходимость объединения двух лабораторий. «Нам удалось, — говорил он, — проникнуть в тайны уплотнения газообразного горючего, а профессор Хрусталеv в своей лаборатории нашел пути замедленной реакции горения детонирующих газов. Оба мы решили большие, но частные проблемы. Объединение лабораторий, мне кажется, позволит в самое короткое время предложить народному хозяйству интересные новинки...» «Ты глубоко прав, Петр Кузьмич. В этом-то и сила нашей науки, во взаимной помощи научных коллективов... Лаборатории нужно непременно объединить и поручить их одному руководителю. Таким руководителем, я думаю, мы обязаны назвать профессора, доктора химических наук... Петра Кузьмича Кремлева...» — поддержал его председатель ученого совета.

Вспоминая все это, Петр Кузьмич мечтательно раздумывал: «Скоро, очень скоро не нужны будут ни паровые котлы, ни топki. для дров и угля, ни дизеля для нефти. Забудется и само название их, как ушло в историю понятие о «деревянном огне» наших предков... Какие откроются перспективы!... Пойдут в океанские просторы новые лайнеры без громоздкого топлива в трюмах, помчатся дальние экспрессы без смены паровозов, без многократных остановок для набора угля или мазута. «Профессор Кремлев со всей ясностью представлял себе, как в сборочных цехах устанавливают на двигатели герметические цилиндры-баллоны, которые обеспечат работу могучих машин до износа моторов... Он мысленно под-

считывал, сколько раз с одним баллоном нового топлива облетит самолет вокруг земного шара...

И тут Кремлев вспомнил своего ученика, дипломанта Споряну. «Паренек довольно смысленный...—вполголоса произнес он и тут же по-детски прикрыл рот ладонью и посмотрел через перила балкона на тротуар. — Неужели я вслух разболтался?»

С реки тянул легкий, освежающий ветерок. На тополях, стоящих вровень с четвертым этажом, робко шелестела листва. С городской башни донесся бой часов. На площади заговорили репродукторы. Петр Кузьмич взглянул на часы и торопливо направился в кабинет.

Прикрыв дверь и сдвинув на лоб роговые очки, он отдернул шторку, скрывавшую радиоприемник в нише стены, включил его и перевел искатель радиоволн на Москву. Закурил. Заложил руки за спину и, слушая, стал прохаживаться по кабинету.

Стук в дверь заставил его остановиться. На пороге показалась стройная девушка в темно-синем костюме.

— Петр Кузьмич! — сказала она, стараясь говорить громче... — К вам студент моторостроительного факультета, Антон Споряну.

— Пусть заходит!... И выключите, пожалуйста, радио.

Споряну вошел смелой, уверенной походкой, ловко придерживая под мышкой свернутый в трубку лист ватмана. В его внешности было много привлекательного: и открытый взгляд черных глаз, настолько черных, что трудно было различить зрачки, и приветливое выражение лица, и непосредственность обращения, и даже непокорный вихор, упрямо спадавший на лоб, хотя Споряну старался тщательно пригладить его, — все в нем непринужденно располагало к себе. Профессор не без удовольствия оглядел юношу.

— Я за советом, Петр Кузьмич, по моему курсовому проекту. Дело в том, что...

— Разрешите чертеж! — перебил его профессор, указывая взглядом на зеленое сукно длинного стола, окруженного полукреслами с высокими спинками.

Споряну разложил чертеж, придерживая его углы руками.

— Ну-с, рассказывайте!... — внимательно рассматривая сложное переплетение линий, сказал профессор.

Споряну начал не спеша объяснять, как он представ-

ляет себе рабочий объем камеры сгорания, принцип подачи горючего, силу давления газов. Потом перешел к своим расчетам прочности металла, срокам его износа при высоких температурах.

Профессор слушал молча, но по тому, как Петр Кузьмич не отрывал взгляда от чертежа и не перебивал Споряну, было совершенно очевидно, что проект увлекает его. Петра Кузьмича занимала в эти минуты не только дерзкая мысль, смелость решения больших теоретических вопросов термодинамики, но и подкупающая логичность доказательств начинающего конструктора.

«Отличный проект, — думал профессор. — Правда, не всегда еще четки теоретические обоснования, но таланту можно и нужно подсказать, помочь».

Петр Кузьмич выпрямился во весь свой богатырский рост, внимательно, с прищуром посмотрел на Споряну и сказал многозначительно, стараясь уяснить, как глубоко захватила эта идея студента.

— Интересно. Но не слишком ли рано вы начинаете увлекаться теорией высотных полетов, так сказать, стратосферной аэронавтикой? Вам еще больше года учиться. Не выбрать ли более земную тему для дипломного проекта?

— Нет, профессор. Эта тема уже захватила меня. От нее невозможно, не смогу перейти к другой.

Профессор удовлетворенно кашлянул.

— Давно возникла у вас эта идея? — спросил он Споряну.

— После одной из ваших лекций о реактивных двигателях.

— Любопытно...

— Однажды я задумался над тем, можно ли что-нибудь добавить к тому, что нам известно? Перечитал немало литературы и пришел к твердому убеждению, что можно. Во-первых, если увеличить отталкивающую силу выходных газов, можно добиться новых скоростей.

— Как же вы представляете себе это практически?

Споряну смутил, помолчал некоторое время и сказал не совсем уверенно:

— Вот если бы спрессовать реактивные смеси, превратить их в меньшее по объему вещество, сконцентрировав в одном литре силу энергии, допустим, равную десяти-двадцати литрам существующей реактивной смеси.

Внутренне профессор был восхищен, но сказал назидательно совсем не то, о чем думал:

— Вот именно «если бы»... Значит, рассчитываете на топливо, которого не существует в природе.

— А может и существует, — тоном возражения ответил Споряну. — Во всяком случае нам известно, что не всегда вид топлива определяет — подсказывает принципы и схему двигателя. Важно знать химическую формулу вещества.

— А именно? — с повышенным интересом вставил профессор.

— Керосин, дрова — тоже топливо. Но древесину превращают в газ, некоторые нефтепродукты в реактивное топливо...

Когда Споряну закончил свою мысль, Кремлев посмотрел на него, тепло улыбнулся, опустился в кресло и сказал с расстановкой:

— Насчет проекта я вам вот что скажу: идея смелая, очень смелая. Нравится она мне... Прошу приходить почаще, советоваться.

— Спасибо, Петр Кузьмич!

Споряну свернул чертеж. Слова профессора вызвали в нем такой прилив энергии, что он готов был сию секунду забыть все, забросить свои встречи с Зиной и с утра до вечера сидеть над проектом. Ему хотелось сказать что-нибудь особенно приятное профессору, но смущение не позволяло.

— Идите! — мягко произнес Кремлев. — Поработайте над автоматическим регулированием подачи горючего... У вас тут есть серьезные недоработки. А их быть не должно. И в будущий вторник — жду непременно!

Петр Кузьмич проводил Споряну до двери. Это было знаком особого внимания профессора.

Глава II

ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ

Прикрыв за Споряну дверь, Петр Кузьмич не спеша обвел взглядом висящие на стене портреты великих ученых, как бы выбирая, с которым из них посоветоваться.

— Чуть не забыл, — спохватился он, заметив незакрытую дверь балкона.

Он подошел к круглому мраморному столику и перевел зеленый ромбик к черте «Выключено». Внутренние рамы с матовыми стеклами медленно выползли из стены и соединились. На мраморном щитке вспыхнул зеленый глазок сигнальной лампочки «Закрывается!»

Зазвонил телефо. Профессор поднял трубку.

— Я вас слушаю... А-а, дочка. Скоро, скоро, Зинушка! Через полчаса буду дома — можно, пожалуй, накрывать стол.

Положив трубку, профессор обвел взглядом свой стол и проверил, закрыты ли ящики. Убедившись, что все в порядке, он после минутного раздумья положил ладони на подлокотники, чтобы подняться, но, услышав знакомый голос в приемной, снова выжидательно откинулся в кресле.

На пороге показался в форме полковника авиационной службы начальник института Прозоров. Это был высокий, широкоплечий, блестящей выправки человек. Строгий бобрик прически, седеющие виски придавали его округлому, молоджавому, с тонким румянцем лицу те особенные черты, которые свойственны мужчинам, достигшим пятидесятилетнего возраста.

— Вы свободны, профессор? — спросил он.

— Пожалуй, да. Да, я свободен.

— Вы, кажется, чем-то озабочены?

Кремлев посмотрел на Прозорова хитровато прищуренными глазами, поглаживая бороду.

— Представьте себе самолет, на котором включен автопилот. Летчик поставил приборы на заданный курс и раскрыл книгу. Самолет идет самостоятельно. Пилот читает роман...

— Да, но автопилоты, профессор, известны давно...

— Не забегайте вперед, полковник... Пилот читает книгу, а самолет продолжает бороздить воздушный океан без вмешательства человека. Вот он пролетел тысячу километров, пять тысяч, десять, огибает земной шар, а мотор все гудит и гудит. И все это на одной заправке горючего.

— На одной заправке? Трудно представить, Петр Кузьмич.

— А вспомните гражданскую. Стреляли из кремневых фузей, мечтая об автоматах, как о чем-то фантастическом. А сегодня артиллерийские установки, приводимые

в действие нажатием кнопки, реактивные самолеты, управляемые по радио... Ни сегодня-завтра полетим и вокруг света на одной заправке.

— Возможность полета вокруг земного шара с промежуточными посадками — дело недалекого будущего. А на одной заправке... Нет, профессор, я пока этого не представляю.

— А я вот верю и вполне себе представляю. Вы не встретились в коридоре с таким чернявым, очень подвижным юношей?

— Да, встретил нашего студента Споряну.

— Так вот я сейчас знакомился с чертежами его будущего дипломного проекта. Какая заманчивая идея! Какая смелость мысли!

Не верить профессору Прозоров не имел оснований. С мнением Кремлева, выдающегося химика и не менее известного физика, весьма скупого на похвалы, осторожного и внимательного ученого, считались многие.

Профессор объяснил предлагаемый Антоном Споряну принцип двухкамерного реактивного двигателя, идею бескарбюраторной подачи горючего.

Прозоров внимательно выслушал и, не скрывая интереса, воскликнул:

— Вместо серии цилиндров авиационного или турбин-реактивного двигателя — две камеры! Поясните, Петр Кузьмич, я что-то не представляю себе...

— Гм, на чем вам показать нагляднее? — Профессор взял карандаш и стал набрасывать на листке бумаги схему двигателя. — Вот это верхний цилиндр для калиброванного топлива, а нижний — турбина-камера сгорания. Когда в нижнем происходит вспышка, силой давления нарастающей реакции закрывается отверстие и прекращается поступление горючего. А когда реакция в турбине ослабевает, механизм подачи начинает действовать автоматически — пружины в стенках цилиндра отодвигают сектора, и поступает следующая доза горючего.

— Это вариант Споряну?

— Принцип подачи горючего — моя фантазия, но я хочу исподволь навести Споряну на эту мысль. Паренек подает большие надежды. Он еще не расправил крылья, но когда это произойдет, не раз и удивит и обрадует нас с вами...

— Не прикрепить ли к нему конструктора? — предложил, помолчав, Прозоров.

— Не стоит пока. Пусть поработает один. Если понадобится конструктор, я вам скажу.

— Согласен, Петр Кузьмич.

Взглянув на часы, Прозоров протянул профессору руку:

— Опаздываю на бюро горкома партии.

— И меня ждут дома... Нам, кажется, в одну сторону, — сказал профессор, направляясь к вешалке за тростью и шляпой.

— Идемте. Машина у подъезда, — подвезу по пути.

Когда автомобиль остановился перед калиткой профессорского сада, Петр Кузьмич вышел из машины и погрозил пальцем Прозорову:

— О проекте студента пока ни слова...

Глава III

СО «ЕРШЕНЮЛЕТНЕ

Споряну мужал на глазах. В феврале ему исполнилось 22 года, хотя сам он не замечал перемен в своем характере, но однокурсники и преподаватели видели, что юноша становится не по возрасту рассудительным, неторопливым, настойчивым в достижении поставленной цели. Некоторые полагали, что это результат личного влияния профессора, шефствующего над студентом. И в этом была известная доля правды. Общаясь с Кремлевым, Споряну незаметно для себя во многом подражал ученому. Он стал больше просиживать над дипломным проектом, не замечая этого сам. Его интересовало очень многое в теории аэронавтики. Особенно упорно он старался разгадать: «Почему двухтурбинные реактивные самолеты ведут себя в разреженных слоях атмосферы лучше, чем одотурбинные. От чего это зависит — только ли от спаренной мощности или уменьшения веса конструкции или объясняется каким-нибудь иным явлением, неизвестной реакцией, вызываемой столкновением двухструйного потока выходных газов с массой стратосферы?.. Что придает самолету большую устойчивость, что вызывает повышение скоростей?..»

Но юность брала свое. Чем больше он сидел над книгами или чертежами, тем чаще начинал задумываться не

только над проблемами проникновения в стратосферу. В минуты таких раздумий его тянуло туда, где слышался веселый говор и беззаботный смех сверстников.

В один из весенних дней он особенно долго сидел за чертежным столом, набрасывая схемы реактивного двигателя. Погрузившись в размышления, Антон не заметил, как наступил вечер, настала ночь, не ощутил и предрассветной прохлады, лившейся через открытое окно в комнату. И вдруг среди тишины за окном раздались звонкие голоса кряковых уток.

Антон вскинул голову, подошел к окну и широко улыбнулся. На зеркальной глади пруда, розовеющей в первых блестках зари, резвились утки.

— Весна, — вздохнул Антон. Распахнул пижаму, подставил грудь утренней свежести, сладко зевнул, потянулся, как бы прогоняя сон. Снова присел к столу, пристально посмотрел на чертеж, отложил его в сторону, завел будильник и лег спать.

Его разбудил стук в дверь и нетерпеливый голос Сергея Топоркова:

— Антон, идем скорее на берег, начался ледоход.

Около затона, где на помостках стояли свежепокрашенные катера, плескались мутные волны. Вода прибывала, затопляя пологий берег. Группа студентов принесла старый пароходный трап. Другая — скатила в воду толстое бревно. Трап положили на бревно, и получившийся мостик выдвинули на воду.

— Девчата, полощите в первой воде косы — на экзаменах попадут легкие вопросы, — крикнул кто-то из студентов.

Шутка вызвала смех, ответные шутки.

Сперяну стоял у самой воды, наблюдая за полетом легкокрылых чаек. Он слюдил за тем, как прожорливые птицы, заметив на поверхности мутного потока чешуйчатую спину рыбок, падали камнем в воду, потом легко взмывали ввысь. Его занимала не охота чаек, а сам полет птиц: крутые развороты, стремительные падения и почти неподвижное парение. «Интересно, — думал он, — почему мы хотя и изучили кривую полета, определили несущую поверхность крыльев в момент парения — узнали соотношения их площади и веса птицы, а парить так свободно и так стремительно уходить в полет никак не можем?»

Возвратившись в общежитие, Антон долго сидел за чертежным столом, рисуя чайку в различных положениях полета. Затем, вспомнив что-то, быстро оделся и поехал в загородный учебно-тренировочный центр парашютной станции.

— Здравствуйте!.. Почему в неурочное время? Сегодня прыжков нет, — сказал дежурный инструктор, протягивая руку. — Пилоты отдыхают. Завтра тренировочные прыжки. Будем отбирать парашютистов к Первомайскому параду.

— Я знаю об этом, товарищ инструктор, — ответил Споряну.

— Тогда зачем же ехали?

— Хочу прыгнуть с вышки пару раз, проверить некоторые предположения.

— Парашют решили изобрести, — насмешливо заметил инструктор.

— Нет, меня интересует другое.

— Ну что ж, прыгайте. Берите вон тот новый парашют.

— Хорошо, товарищ инструктор, — сказал Споряну, но, заметив, как пристально взглянул на него инструктор, опустил руки по швам и отчеканил: — есть взять новый парашют!

— То-то же! Надо привыкать, товарищ Споряну, к дисциплине. Ну, идите на вышку.

Споряну прыгал с вышки в этот день с особой расчетливостью. Приземлится, посмотрит на часы; отстегнет карабины, отпустит кверху парашют, запишет что-то в блокнот и снова подымается на вышку. То он прыгнет ласточкой, широко расставив руки, то падает солдатиком, скрестивши руки на груди. Наблюдавший за ним инструктор насчитал восемнадцать прыжков и пошел к вышке. Споряну застегнул карабины, вышел на самый край помоста вышки и, подпрыгнув кверху, столбиком помчался навстречу земле. Перед самой землей он ловко перехватил выше головы стропы, сделал резкий рывок на себя и встал на ноги. «Молодец», — подумал про себя инструктор, но сказал строго:

— Вы что, прочность строп испытываете? Девятнадцать раз прыгнули! Вас завтра врач не допустит к прыжкам с самолета.

— Если узнает, конечно, придерется.

— Больше я не разрешаю. Свертывайте парашют.

— Есть свертывать парашют!

Инструктор внимательно наблюдал за каждым движением Споряну, отмечая про себя: «Правильно, знает дело». Когда Споряну одной рукой вскинул ранец с парашютом на плечо и направился к помещению, инструктор пошел за ним в нескольких шагах, думая о завтрашних прыжках. «Расскажу непременно комэску. Он любит волевых ребят. Из Споряну выйдет отличный истребитель. Завтра посоветую дать ему первый пристрелочный прыжок».

Инструктор закурил, поджидая, когда Споряну положит на место парашют и выйдет из помещения. Он встретил Споряну вопросом, сказав дружелюбно:

— Ну, как, натешился?

— Почему натешился? Просто убедился в том, что меня интересовало... Теперь знаю, как управлять собой в воздухе, как находить положения равновесия тела при затяжном прыжке.

— Правильно, что добиваешься этого тренировкой.— Он взял Споряну под руку. — Я о другом решил с тобой поговорить. Завтра будешь прыгать первым в пристрелочной паре?

— Охотно, если разрешит начальник института.

— Постараюсь уговорить. Но будь требователен к себе. Не своевольничай в воздухе.

Инструктор проводил Споряну до ворот, напутствуя его перед прыжками. Он рассказывал о встречающихся в парашютной практике непредвиденных обстоятельствах, намеренно преувеличивая причины, вызывающие задержку раскрытия парашюта. Споряну слушал молча. У ворот он остановился, пристально посмотрел в лицо инструктору:

— Воздушные ямы, падение штопором да еще плоским, восходящие потоки... Зачем же вы об этом говорите накануне прыжков. Я и сам достаточно хорошо знаю. — Он подал руку инструктору, задержал рукопожатие и сказал решительно: — Прыгать я все равно буду! Волнуюсь, когда выхожу на крыло, но... Скажите, разве вы не волнуетесь?

— Волнуюсь и, возможно, больше, чем вы...

— Потому что с каждым прыжком познаете, насколько еще не совершенна конструкция парашюта, сколько

непредвиденных обстоятельств подстерегает парашютиста в воздухе.

— Правильно. Но инструктор должен знать, насколько сильна воля человека, которого готовит к прыжку, тем более самостоятельному и особенно затяжному. Пусть лучше он вернется с крыла в кабину, чем...

— Чем разобьется...

— Ну, довольно об этом, Споряну. Вижу, что тебя можно допускать к отработке затяжных прыжков. Но предупреждаю еще раз — не экспериментировать в воздухе.

Споряну вскочил на подножку подошедшего трамвая, поднялся на площадку и стал наблюдать за удаляющейся парашютной вышкой. «Не экспериментировать в воздухе», — думал он, стараясь представить себя в момент завтрашнего затяжного прыжка. — Нет, инструктор безусловно прав. Сначала надо отработать технику падения, овладеть в совершенстве управлением своего тела в воздухе. Потом можно попробовать и «ласточкой». Он припоминал ощущения первого, второго, последнего пятнадцатого прыжка с самолета и пришел к выводу, что у него больше еще робости, чем смелости.

Споряну соскочил с трамвая, не дожидаясь полной остановки, и пошел в зал тренировочного бассейна, чтобы ринуться «ласточкой» с вышки, освежиться, распрямить мышцы в прохладной воде.

Глава IV

АНТОН СПОРЯНСКИЙ

Осенью, после каникул, Антон Споряну дольше обычного беседовал с профессором Кремлевым. Петр Кузьмич особенно тщательно рассматривал чертежи двигателя, обмениваясь краткими фразами со Споряну.

— Я вижу, все заново переделано...

— Почти заново, Петр Кузьмич.

— Мм, да. Прделана большая работа. Посмотрим, что к чему. — Петр Кузьмич взял карандаш, лист бумаги. Начертил схематически силуэт двухтурбинного самолета. От турбин к хвостовому оперению провел диагонали и взглянул на Споряну.

— Тут вы, Антон Савельевич, не рассчитали. Посмотрите. Линия рассеивания газов после выхода из сопел

пересекается на основании хвостового оперения. Нужно уменьшить конус выходного отверстия или...

— Или изменить угол выхода газов по отношению к фюзеляжу, — вопросительно промолвил Споряну.

— Совершенно верно. Чем меньше угол рассеивания, тем больше сила отталкивающих газов. Как вы думаете?

— Правильно, Петр Кузьмич. Но уменьшение угла рассеивания возможно лишь до известного предела.

— Вот этот наиболее эффективный предел рассеивания и нужно определить. Попробуйте отыскать его теоретически, потом проверим в лаборатории.

Рассматривая веерообразные линии предполагаемого выхода газов, Петр Кузьмич то расспрашивал Споряну, как он провел каникулы, чем увлекался летом, какие прочитал книги, то сам рассказывал о своих летних поездках на рыбалку, о кольцевании рыб, о собранной за лето коллекции минералов. Потом умолк, занятый вычислениями. После непродолжительной паузы он положил карандаш и обернулся к Споряну.

— Вы проектируете направление выхода газов по линии, параллельной фюзеляжу?

— Да, строго параллельно оси фюзеляжа.

— А если отклонить от оси? Придать небольшой угол. Подумайте.

Профессор закурил. Споряну понял, что беседа закончена, и начал свертывать чертежи. Петр Кузьмич прошелся по кабинету и, вернувшись к столу, внимательно посмотрел на Споряну, затем спросил дружелюбно:

— Антон Савельевич, скажите, не вас ли студенты называют Антиохом Спорянским?

Споряну густо покраснел. Так его назвала еще полгода тому назад Зиновья Кремлева — дочь Петра Кузьмича, когда он, Споряну, играя в волейбол против команды университета, виртуозно гасил мячи у самой сетки, подбадривая своих товарищей возгласом «Бей их беспощадно!» С того дня Антон Споряну и Зина Кремлева стали все чаще и чаще встречаться. И вот сейчас Споряну казалось, что профессор знает или догадывается о его встречах с Зиной, и ему стало неловко. Заметив смущение Споряну, профессор сказал добродушно:

— Ничего, ничего, молодой человек. В наше время и не то еще бывало. — Пожимая на прощанье руку,

профессор добавил: — Антиох, это не так уже плохо. У нас в Томске одного студента прозвали «редька с квасом». Но этот «мужичкий сынок» закончил университет с похвальным листом и стал доцентом. А теперь он профессор, доктор наук, говорят, известный ученый — вот вам и «редька с квасом».

Споряну не знал, что «редька с квасом» — это студенческое прозвище профессора.

Выйдя от него, Антон долго ходил по улицам, механически перечитывая одни и те же рекламы кино и театров. И только встретившись с Зиной Кремлевой у троллейбусной остановки, очнулся от своих размышлений.

— Зиночка?.. — робко окликнул он девушку.

— Откуда это вы такой взъерошенный?

— Из кабинета вашего папаши...

— Как из кабинета — вызывал?

— Я ходил посоветоваться по некоторым вопросам дипломного проекта. И, как видите, до сих пор не могу прийти в себя.

— Пробрал?

— Нет, Зиночка. Просто назвал Антиохом Спорянским и вогнал в краску. Я готов был провалиться. Думал, ну, Антон Савельевич, сейчас начнется...

— Значит, все обошлось хорошо?

— Кажется, удовлетворительно. Видимо, пошутил.

Оба замолчали. Зина ласково посмотрела на Антона и взяла его под руку. Они пошли от остановки троллейбуса на набережную.

— Зиночка! Это не вы сообщили папаше титул, которым сами меня пожаловали?

— Какой титул? — переспросила девушка.

— Тот самый, Антиоха Спорянского.

Девушка сначала улыбнулась, потом задорно рассмееялась.

— Нет, я дома никому об этом даже не заикалась.

Около павильона Споряну остановился и спросил Зину:

— Не хочешь мороженого?

— Если есть пломбир, с удовольствием.

Посидев в павильоне за ароматичным пломбиром, они вышли на главную аллею парка и долго шли молча, любуясь морем цветов.

Светло-каштановые длинные волосы девушки были заплетены в упругие косы и уложены вокруг головы. От этого Зина казалась немного выше. Голубые, широко открытые, смеющиеся глаза, резко изогнутый разрез губ и пылающий румянец щек — все это казалось Антону особенно привлекательным, неповторимым.

Юноша и девушка шли медленно, любуясь газонами, рассказывая друг другу студенческие новости. Зина временами громко смеялась, запрокидывая голову. Встречаясь с довольным, искрящимся радостью взглядом Антона, она еще крепче прижималась к его руке.

— Я давно собираюсь тебе что-то сказать... — медленно произнес юноша и пристально посмотрел в глаза девушке.

Но Зина ничего не ответила. Замолчал и Антон. Они продолжали идти, украдкой поглядывая друг на друга. Антон первым не выдержал молчания.

— А все-таки я знаю, что ты...

— И я хорошо знаю, — перебила его девушка и рассмеялась. — Знаю, что дипломный проект подготовишь на отлично.

— Эх! Зинушка, если бы ты была все время со мной... — вырвалось у Споряну.

— Нет, нет! Вот когда защитишь свой проект, тогда...

— Что же тогда?..

— Тсс! Наши студенты идут, — прошептала Зина и потянула Антона в беседку. — Посидим здесь. Пусть пройдут. И нам пора уже домой.

Через полчаса они попрощались у калитки профессорского сада. Антон долго еще ходил по аллеям сквера. Когда он подошел к подъезду общежития, часы пробили полночь.

Глава V

НОВАЯ ДОГАДКА

Шли недели, месяцы. Заканчивался третий семестр последнего курса. Антон продолжал упорно работать над проектом. Он читал и перечитывал литературу по истории и теории реактивных двигателей. Потом брал удочки и до поздней ночи сидел где-нибудь в тени развесистой ветлы. Или уезжал за реку на остров и часами лежал

на траве, заложив руки под голову. После этих уединенных прогулок снова брался за расчеты, вычисления — не спал ночей.

Порой ему казалось, что все ясно, но, рассказав профессору о новом варианте двигателя, принципе подачи горючего и выслушав мнение Петра Кузьмича, он убеждался, что так же далек от разрешения главной задачи, как и в самом начале. Это угнетало его.

Он сделался неразговорчивым, реже появлялся в клубе. Даже при встрече с Зиной был не так ласков, как обычно, хотя отношения между ними давно уже перешли в настоящую искреннюю привязанность друг к другу. Однажды Зина не выдержала:

— Тоня, в чем дело? За последнее время ты стал сам на себя не похож, осунулся, побледнел. Чем молча переживать, лучше скажи, как другу.

Зина доверчиво прижалась головой к его груди. Антон глубоко вздохнул:

— Хочешь знать правду? — спросил он.

Зина подняла на него умоляющий взгляд и сказала чуть слышно:

— Да... только правду...

— Не хотел я никому в этом признаться, но тебе, так уж и быть, скажу. Ты слушаешь?

— Говори, говори, Тоня!..

— У меня ничего не получается с дипломным проектом...

Зина с силой обхватила его за шею.

— А я-то думала, что...

— Разве тебя, Зина, не огорчает моя неудача? — обиженно спросил Антон.

— Тонька, мой хороший! Огорчает и очень. Ты просто устал. Подумай сам, — полгода просидеть все ночи над книгами или за чертежным столом... Тебе нужен отдых. Поедем завтра на остров? Проветришься, рассеешься. Потом со свежей головой и дело пойдет лучше.

— Может, ты права, — ответил Антон после небольшой паузы.

— Ну если не мне, то папе ты должен поверить. Когда у него что-нибудь не ладится, он закрывает свою лабораторию, нахлобучивает соломенную шляпу и то бродит у озер с ружьем, то плавает в лодке с сеткой. Или дома с ребятами целыми днями мастерит какие-нибудь

безделушки. Вот у меня тоже не ладилось с одним раз-
делом по химии. Он консультировал, консультировал, а
потом и говорит: «Поедем-ка лучше, дочка, за грибами.
Тебе мозги нужно освежить».

— И помогло?

— А как ты думал? Конечно, помогло. Когда взялась
после прогулки за учебник, самой смешно стало: «Как,
думаю, я, дуреха, не понимала таких простых вещей...»

— Ну хватит...

— А что, не нравится разговор?

Антон рассмеялся.

— Да нет, я не о том...

— Тогда о чем же?

Он взял ее за руки и, кружась на одном месте, быстро
вращая девушку по кругу, произнес нараспев:

— Одним словом, уговорила. И мастерица же ты,
Зина, изменять чужие настроения.

Утром в воскресенье они взяли на водной станции
моторку-малютку и, обогнув песчаный остров, причалили
к Лисьему мысу. Наломав веток пахучей черемухи, они
вырулили на середину реки и выключили мотор. Чем
дальше уносило их течением, тем красивее становился
пейзаж. По левому берегу реки шли хвойные леса, сре-
ди которых проглядывали блестящие на солнце желез-
ные крыши дач. На другой стороне виднелись далекие
равнины с редкими куполами кудрявых берез. Из села,
видневшегося за лугами на холмах, доносились перебо-
ры тальянки и задорные голоса. Звуки то утихали, то
доносились с полной ясностью. Густой сильный баритон
выводил:

...Точно звезды, светят ясные глаза.

Отражается в них месяц золотой.

Антон и Зина сидели молча, вслушиваясь в доносив-
шиеся напевы, любясь, как резвится рыба, поднимая
всплески на зеркальной поверхности реки. Вот совсем
рядом показалась голова щуки, потом исчезла, не оста-
вив на поверхности следа, а рядом, наоборот, взметну-
лась над водой серебристыми брызгами стая мальков.
Чуть подальше наперерез лодке прошла с торчащим над
водой спинным плавником большая нельма. То тут, то
там легко всплескивала резвившаяся на поверхности
плотва. Пробежит полоска блуждающего одиночного ве-

терка, тронет рябью полированную поверхность воды, и вновь тишина, всплески рыбок, одинокие сонные голоса чаек.

Антон и Зина решили набрать букеты луговых цветов. Включив движок и приняв комичную позу, Антон сложил ладони рупором и крикнул:

— Внимание на штурвале! Право руля!..

Гулко застучал мотор. Лодка развернулась и понеслась к берегу, оставляя позади себя расходящийся широкой полосой вспененный след.

Причалив к берегу, Антон и Зина долго ходили среди буйно разросшейся зелени луга. Букеты цветов становились все больше и больше. Наконец Зина запротестовала.

— Хватит, Тоня! Уже трудно держать.

— Дай, Зинушка, я понесу?

Вернувшись к берегу, Антон предложил:

— Зиночка, хороший будет снимок на фоне реки и синих гор. Располагайся здесь, вот так, бери оба букета, а я сейчас увековечу тебя.

Девушка охотно присела на пригнутый Антоном молодой вяз, а он начал налаживать аппарат. Раза три Антон нацеливался, но когда нажимал спусковой механизм, характерного моментального щелчка затвора не получалось.

— Видимо, засорился, — сказал он с досадой.

Повернув аппарат объективом кверху, он начал внимательно рассматривать, стараясь понять причины такого медленного сползания затвора. Несколько раз нажимал спуск объектива, наблюдая за плавным движением затвора, и вдруг, подняв глаза на девушку, небрежно бросил фотоаппарат на землю, в один прыжок подскочил к Зине, порывисто обнял ее приговаривая:

— Нашел, хорошая моя, честное слово, нашел!

— Что с тобой, Тоня? — сказала девушка. — Ну если нашел неисправность, тогда сфотографируй.

— Да не то совсем, как ты не понимаешь? Я нашел то, чего не хватало в моем дипломном проекте.

Он взял фотоаппарат, нажал на спусковой механизм и сказал, сияя от радости:

— Вот смотри, Зинушка, в объектив. Видишь, как плавно закрывается створка диафрагмы?

— Да... Ну и что из этого?

Он подмигнул хитровато, поглаживая рукой объектив, и добавил:

— Вот этого-то мне и не хватало! Совершенно оригинальный принцип регулирования подачи горючего.

Минуты через две моторная лодка уже неслась вверх против течения, поднимая носом каскады брызг. За рулем сидела Зина, а Споряну, склонившись над блокнотом, высчитывал что-то.

— Крупнейший современный самолет весит в полете около двухсот тонн, — мысленно прикидывал он, — но почти половину веса составляет горючее... Вес топлива в скоростном ракетном самолете равен весу самолета — соотношение один к одному. Запас горючего большой ракеты в три раза превышает вес самой ракеты... И все же дальность полета этих стратосферных аппаратов ограничена.

Он посмотрел на Зину, положил в карман блокнот и сказал:

— Зиночка!.. Ты бы хотела совершить прогулку на Луну?

— На Луну?.. — не без удивления переспросила Зина.

— Именно на Луну. Я совершенно отчетливо представляю себе такую прогулку... Правда, пока теоретически...

— Скорее фантастически, — вставила Зина.

— Пусть фантастически... Пока это фантазия, но фантазия не так уж далекого будущего.

Он снова достал блокнот и стал подсчитывать, напряженно размышляя: «Для полета вокруг орбиты Земли запас реактивного топлива должен в пятьдесят раз превышать вес ракеты, а для полета на Луну — в двести раз. Чем же можно заменить эти реактивные смеси, чтобы сократить объем топлива, сделать его меньшим по весу и объему, но более мощным по реактивной отдаче?.. Где пути для такого выхода — в сжиженном газе или в ядерной реакции?.. Надо посоветоваться с Петром Кузьмичом. Теперь система и принцип регулирования подачи горючего ясны...

Он положил блокнот в карман, пересел рядом с Зиной и затянул свою любимую песню:

Милый друг,
Наконец-то мы вместе...

Зина сначала слушала молча, потом начала тихо подпевать. Их голоса разносились далеко по реке. Когда они проезжали мимо Лисьего мыса, один из дачников долго смотрел вслед удаляющейся моторной лодке, прислушиваясь к тихому, задумчивому пенью, и сказал:

— Какая счастливая парочка...

Глава VI

СОДРУЖЕСТВО

— Догадываюсь, с новостью пришли? — заметил Петр Кузьмич, прикрывая, как всегда, плотнее дверь кабинета.

Антон стал с увлечением рассказывать о своей догадке.

— Вы понимаете, профессор! Все очень просто. В период наибольшего разряда, вернее сгорания, силой давления газов автоматически запирается диафрагма и прекращается доступ горючего в камеру сгорания. По мере того, как сила сжатия уменьшается, начинает действовать пневматический механизм, отпуская сектора диафрагмы — снова открывается отверстие, подается очередная доза горючего, происходит следующий разряд, вновь закрывающий силой своего давления диафрагму...

При этих словах он остановил вопросительный взгляд на своем учителе. Профессор сидел с закрытыми глазами, словно не слушал того, что говорил Антон. Когда Споряну умолк, профессор открыл глаза и поднялся:

— Продолжайте, Антон Савельевич, продолжайте!

У Споряну блестели глаза от возбуждения, он говорил уверенно, не останавливаясь. Было очевидным, что он все продумал до мельчайших деталей. Профессор, заложив за спину руки, ходил от окна к столу, кивая одобрительно головой. Потом остановился напротив своего ученика и спросил почти официальным тоном.

— Может, это и излишне, но я вправе узнать, с кем-нибудь делились своими планами?

Споряну непонимающе пожал плечами.

— Нет, профессор. Кроме вас, ни с кем.

— Имейте в виду, о вашем проекте, его деталях пока никто не должен знать. И лучше хранить наброски

чертежей и расчетов в надежном месте, скажем, ну вот хотя бы у меня в этом сейфе.

Профессор умолк, разглаживая бороду, что обычно делал в минуту размышления. Споряну знал эту его привычку и сидел молча. Очнувшись, профессор повернулся к мраморному столику и передвинул голубой ромбик. Послышалось легкое жужжание невидимых вентиляторов. Споряну ощутил приток свежего воздуха. Петр Кузьмич встал, заложил руки за спину, прошелся по кабинету. Остановившись у портрета Менделеева, сказал многозначительно:

— Ничего не поделаешь... некоторые пустые места таблицы придется заполнить...

— Антон Савельевич, — заговорил он, подходя к столу, — между нами не должно быть секретов. Надо подумать еще об одном варианте подачи горючего через цилиндрический, герметически точный в его гнезде валик. Способ вращения валика в электрическом поле, мне кажется, имеет многие преимущества. Синхронность возможна большой точности. Как думаете?

— Мне, профессор... — хотел что-то сказать Споряну, но Кремлев перебил его.

— Слушайте, Антон Савельевич. Не нравится мне, когда меня то и дело величают профессором. Наедине зовите просто — Петр Кузьмич...

Споряну улыбнулся. Той же теплой улыбкой ответил и профессор.

— Идея неожиданная, Петр Кузьмич. Признаюсь, у меня ни разу не возникала такая мысль.

— Вот и подумайте, всесторонне обмозгуйте оба варианта. От быстроты подачи горючего будет зависеть мощность двигателя, да и более полное использование самого горючего.

— Все это очень хорошо, Петр Кузьмич. Но на какое горючее рассчитывать? Мне не известны ни удельный вес топлива, ни степень и быстрота сгорания, ни даже сама формула смесей, знание которых очень важно при окончательном проектировании двигателя. Я фантазирую, строю все на предположениях, и может оказаться, что работаю впустую. Без чего можно было обходиться вначале, невозможно теперь. Нужна помощь химиков...

Петр Кузьмич внимательно выслушал своего учени-

ка, как бы проверяя его, хитрит или действительно ничего не знает о работах лаборатории института.

— Не падайте духом, — сказал он. — Есть люди, которые обладают рецептом получения именно такого горючего, которое нужно для проектируемого вами двигателя. И они обеспокоены так же, как и вы, только оборотной стороной дела: есть горючее, но нет пока двигателя для такого горючего.

Петр Кузьмич усиленно задымил папиросой и начал рассказывать своему ученику основные данные нового топлива, добытого им в лабораторных условиях.

С этого момента и началось настоящее творческое содружество ученого с молодым, начинающим конструктором, неожиданно прерванное обстоятельствами, о которых читатель узнает из следующих глав.

Глава VII

„БРЮНЕТ—ПРИМА“

Кандидат географических наук Эмиль Яковлевич Фирсун сидел в кафе, поминутно поглядывая на дверь. Он начинал нервничать. Прошло больше получаса, а никто к нему не подходил. Наконец, когда большинство столиков освободилось, он услышал за спиной свое имя.

Фирсун обернулся. Человек неопределенного возраста, с пергаментного цвета лицом сел напротив и осмотрелся. Поблизости пустовали все столики. Официантки находились у буфета в противоположном конце зала.

— Задание разведцентра «ОСТ», — полупшепотом проговорил незнакомец, — сфотографировать чертежи двигателя Споряну. Персональное задание вам, «Брюнет-прима»... Вы имеете доступ в институт, постарайтесь... Через несколько дней мы встретимся. — Он поднялся, сказал нарочито громко: — Благодарю за компанию. До свидания! — И вышел.

Минуты через две покинул кафе и Фирсун, думая про себя: «Сфотографируй... легко сказать. А если заметят?» С этими невеселыми думами он провел остальную часть дня и вечер. А на следующий день решил пойти в библиотеку института, присмотреться. «Может, фортуна улыбнется», — утешал он себя.

Не успела Вера Михайловна, секретарша начальника института ЦАВИ, переступить порог кабинета заведующей библиотекой, как комната заполнилась ее веселым, звонким голосом.

— Фаина Григорьевна! Готовьтесь к выходу в большой свет. Скоро выпускной вечер, грандиозный бал. Иду заказывать пригласительные билеты. Академики, конструкторы будут. Сам президент приедет... — Суетливой походкой она приблизилась к столу заведующей библиотекой и положила на край картотеки стопку дипломов. — Целый день на ногах: и книжку раскрыть некогда. Вот еще в учебную часть нужно—новые дипломы оформлять.

Не успели подруги поделиться последними новостями, высказать свои точки зрения о предстоящем бале, как в кабинет вошел жгучий брюнет.

— А-а-а, Эмиль Яковлевич! Давненько вы у нас не были, — приветливо встретила его Фаина Григорьевна. — Пожалуйста, проходите. Знакомьтесь. Это секретарь начальника ЦАВИ, Вера Михайловна — моя подруга.

— Очень приятно. Эмиль Яковлевич Фирсун. Кандидат наук.

— Присаживайтесь, Эмиль Яковлевич.

— Благодарю вас, — ответил Фирсун, с достоинством опустил на стул напротив Веры Михайловны и добавил: — зашел попутешествовать по метеокартам.

— Сейчас я принесу метеофолиант, — сказала Фаина Григорьевна.

Вера Михайловна, бросив короткий взгляд на брюнета, взяла из лежавшей около нее стопки одну из дипломных книжек, раскрыла ее и стала незаметно наблюдать за брюнетом, рассматривая его привлекательные черты.

— Новые дипломы, насколько я понимаю? — любезно осведомился Фирсун. — Прекрасное будущее у нашей молодежи, замечательные перспективы.

— Да, вы правы — молодежь растет сказочно. Вот посмотрите на этого юношу, — добавила она восторженно, протягивая Фирсуну одну из дипломных книжек. — Кто бы мог подумать пять лет тому назад, что из этого вихрастого молдаванина получится настоящий интеллигент!.. А сегодня он уже высокоэрудированный инженер с отличием.

Фирсун не спеша раскрыл книжечку. Это был именно один из тех документов, которые нужны разведке. То удаляя, то приближая ее к близоруким глазам, он раскрыл диплом пошире и минуту-две рассматривал, прищуривая глаза. Потом одел дымчатые очки, скользнул испытующим взглядом по лицу ничего не подозревавшей Веры Михайловны и, поднявшись со стула, не спеша отошел к окну. Снова, то удаляя от себя, то приближая книжечку, он заложил правую руку за борт костюма и повернулся к падающему от окна свету, нажал кнопку скрытого под бортом пиджака микрофотоаппарата. Действия Фирсуна не вызвали подозрений у Веры Михайловны: фотоаппарат, объективом которого служил миниатюрный эмалевый значок на лацкане костюма, был невидим для окружающих. Вернувшись к столу, он протянул книжечку Вере Михайловне.

— Интересный юноша, — заметил он. — С характерными, волевыми чертами. Видимо, настойчив и плюс одарен — редкое сочетание.

— Заметный паренек. Любимец профессора Кремлева.

— Случайно, не родственник этого ученого?

— Нет. Профессор благоволит к нему за его склонность к научной работе...

Фирсун помолчал, занятый своими мыслями. Из архива вышла Фаина Григорьевна с огромным томом в руках. Фирсун поблагодарил ее, извинился перед Верой Михайловной, вышел в читальный зал и устроился с фолиантом за столиком около окна.

Вера Михайловна пошептала с подругой, взяла со столика стопку книжечек и, пристально посмотрев на склонившегося над метеокартами красивого брюнета, направилась к дверям.

Фирсун стал снова ежедневно бывать в библиотеке института. Приходил иногда утром, иногда днем, чаще — вечером, после окончания занятий в институте. В один из вечеров он заметил сидевшего за столиком под ярким плафоном Споряну, склонившегося над книгой. Проходя мимо, Фирсун задержался около Споряну с заложенной за борт костюма правой рукой. Затем посидев некоторое время над раскрытым фолиантом метеокарт, он поблагодарил Фаину Григорьевну и собрался уходить.

— Сегодня что-то очень быстро, Эмиль Яковлевич?

— Благодарю вас. Тема исчерпана. И к тому же сегодня совещание синоптиков, на котором мне выступать с докладом. Нужно еще подготовиться.

Это был последний визит метеоролога в библиотеку ЦАВИ.

Глава VIII

ИНЖЕНЕР СПОРЯНУ

В ЦАВИ шла сдача государственных экзаменов. В одну из суббот студента Споряну пригласили в кабинет начальника института Прозорова. Здесь же был и профессор Кремлев.

Антон Споряну вошел в кабинет, остановился.

— Студент спецфакультета Споряну...

Прозоров слегка улыбнулся, переглянулся с профессором, подошел к Споряну и дружески сказал:

— Здравствуйте, инженер Споряну! Да, да — инженер! Дайте-ка лучше руку... Вот так, поздравляю; — он жестом пригласил занять кресло.

— Не понимаю, — удивленно пожал плечами смутившийся Споряну, — ведь я еще не защищал...

— Вот, вот, поэтому мы и пригласили вас, — перебил его Прозоров. Он взял со стола тисненую серебром книжечку и протянул Споряну.

Взволнованный юноша как-то неловко взял диплом обеими руками, краснея все гуще и гуще от волнения. Растроганный профессор подошел к нему:

— Да успокойтесь же вы, именинник! Радоваться надо, — говорил ему профессор, взволнованный сам не меньше. — Все очень просто. Ваш дипломный проект нового двигателя представляет большой государственный интерес. Вот комиссия и решила рассмотреть его в специальном составе и присвоить вам звание инженера.

Профессор взял за виски юношу и поцеловал его в лоб.

Споряну порывисто обнял ученого:

— Спасибо, дорогой профессор, спасибо! За все спасибо! И вам, — повернулся он к Прозорову, — спасибо за отеческую заботу и внимание. Прошу считать мой первый

проект достоянием института. Он принадлежит комсомолу и партии, открывшим мне дорогу к науке.

Прозоров склонился над столом, перебирая бумаги. Профессор Кремлев пристально смотрел на Споряну. Все молчали.

— Антон Савельевич,—прервал молчание Прозоров,—теперь вы инженер. Идите отдыхайте, развлекайтесь. Завтра, кстати, воскресенье. Впрочем, в понедельник в 12 часов будем решать вопрос о создании экспериментального образца двигателя по вашему проекту. Приходите непременно. — Прозоров, улыбаясь, протянул руку.

Выйдя из кабинета, Споряну стал разыскивать Зиночку. «Может, в нижнем фойе ждет?—подумал он и пошел по коридорам, не замечая двигающихся взад и вперед преподавателей и студентов. Почувствовав на плече чью-то руку, он обернулся.

— А, Зиночка!

— Ты, что же это, Тоня, даже меня не узнаешь? Что случилось. Провалился с дипломом?

Споряну звонко рассмеялся, схватил девушку в объятия и закружился с ней по коридору.

— Нет, нет, моя хорошая! Наоборот, у меня сегодня великий праздник...

Поставив ее рядом с собой, он достал диплом и раскрыл его перед самыми глазами девушки.

— Читайте, завидуйте!..

Зина ловко выхватила из его рук книжку, посмотрела на серебряное тиснение, перечитала текст диплома, один раз, второй, бросая взгляд то на юношу, то на диплом, и от чистого сердца, нараспев, сказала:

— Какой же ты, Тоня, молодчина! А я пришла, жду тебя, волнуясь. — Помолчав немного, она с грустью добавила: — А мне еще почти месяц корпеть над учебниками... Говорят, скоро нас пошлют на практику куда-то в дальние края, а куда не говорят.

— Подожду, Зиночка! — лукаво улыбаясь, сказал Антон.

— То есть что подождешь? — вопросительно подняла на него девушка открытые удивленные глаза.

— Тебя, Зиночка, тебя, моя хорошая!..

Он взял ее под руку и повел к выходу. Они вышли на улицу, вошли в сквер. Антон рассказывал, а Зина слушала его, то улыбаясь, то поднимая на него вопроситель-

ный взгляд, стараясь идти в ногу. Так они миновали широкую аллею сквера. На водной станции Антон взял парусную лодку. Усадив Зину за руль, он выехал подалее от берега и поднял парус.

До самой ночи белела на речной глади «косынка» паруса, устремленная одним острием в небо, проплывая на фоне зеленых заречных лесов, как крыло огромного альбатроса. Парус повернул к берегу лишь тогда, когда в ночной тишине из репродукторов города донеслась знакомая мелодия московских курантов.

В понедельник специальная комиссия рассмотрела проект Споряну. Начальник конструкторского бюро, выступая после доклада Споряну, сказал:

— Некоторые узлы двигателя потребуют кое-какой доработки при подготовке рабочих чертежей... Но главное не в этом. Какому заводу поручить изготовление опытных образцов двигателя — вот в чем вопрос?..

— Значит, вы, Павел Александрович, за? — спросил Прозоров.

— Мне кажется, иного мнения быть не может...

Услышав эти слова, Споряну почувствовал, как начинают краснеть щеки от радостного волнения. Проект двигателя был одобрен единогласно.

На следующий день Прозоров пригласил Споряну к себе. В беседе принял участие и Кремлев. Он настаивал, чтобы Споряну оставили при институте. Это был первый разговор с начальником института, во время которого Споряну почувствовал себя взрослым, самостоятельным человеком. В голосе Прозорова не чувствовалось начальственного тона, он уже не называл его студентом, не подчеркивал даже жестом своего служебного положения. Когда Споряну вошел в кабинет, Прозоров сказал просто:

— Здравствуйте, Антон Савельевич. Присаживайтесь. Мы с профессором посоветовались вчера и решили предложить вам работу на спецкафедре института. Как вы на это смотрите?..

— Положительно должен смотреть, — вставил профессор. — Не каждому выпускнику предлагают должность ассистента даже на обычной кафедре...

— Я еще не думал о работе. Полагал, дадут назначение...

— Вот это и есть назначение, — пояснил с расстановкой Прозоров. — Пока работайте на спецкафедре. Решит-

ся вопрос с производством двигателя, предоставим командировку на завод.

Споряну вернулся домой довольный. Вечером встретились с Зиной, условились, когда она сдаст экзамен, поехать вместе на южный берег Крыма.

Но слишком долго тянулись междуправительственные переговоры, согласования, выбор профиля завода. Пока на кафедре не было работы, Споряну продолжал сидеть над проектом; внося поправки по замечаниям начальника конструкторского бюро. Неопределенность с передачей проекта в производство и наступление каникул вызывали далеко не творческое состояние духа. Пересчитав заново все узлы, Споряну заскучал по родной Молдавии, по берегам Днестра, вспомнил мать, сестер. Вскоре получил письмо из Харькова от старшей сестры Елены Савельевны, собиравшейся в отпуск на родину; Антон тоже решил съездить повидаться с родными.

— Отдохну недельки две, — решил он, — потом, на свежую голову, пересчитаю еще раз все выходные данные. Может, меня подстерегают те же просчеты, что и немецкого инженера фон Брауна с его «ФАУ-2»? — По какой причине некоторые из его аппаратов не долетали до Лондона, а падали в Ламанш? Если разрядка газов в ионосфере возрастает в той же геометрической прогрессии, что и нарастание высоты и дальности полета ракетных самолетов-снарядов в безвоздушном пространстве, то возможны разные сюрпризы в изменении траектории полета...

Через день, даже не сообщив Прозорову, Споряну уехал в Молдавию. И в дороге и дома он не переставал думать о своем проекте. Ему казалось, что граница ионосферы — это скопление еще мало известных науке частиц, которые своей массой, словно гигантской скорлупой, опоясывают земную атмосферу, создавая в ней различные давления и сопротивления.

— Если существует такая масса неизвестных активных частиц, — думал он, — то как она будет воздействовать на посторонний для космоса предмет, скажем, вторгающийся в ее пределы ракетный аппарат? Что произойдет — сгорит он или нет, как сгорают при вторжении в пределы земной атмосферы мелкие метеориты и так называемые кометы?

Не один вечер просидел Споряну со своими мыслями

на Кошницких холмах, всматриваясь в глубину южного звездного неба. И все больше росло у него желание проникнуть в пределы ионосферы.

В Кошнице Споряну пробыл не более двух недель. Однажды утром около дома остановилась легковая машина. Антон был в саду, «омолаживал» начинающую увядать старую грушу.

— Тоня, Тоня, — услышал он голос младшей сестренки, восьмиклассницы Иры, — к тебе машина...

Антон спрыгнул с лестницы, бросил садовые ножницы.

Он вышел за ворота, взял у шофера пакет, вскрыл и начал читать: «...Инженеру Споряну, — бежал он взглядом по печатному тексту, — с этой же машиной вам необходимо прибыть к начальнику Кишиневского порта ГВФ. Распоряжение начальника ЦАВИ Прозорова. Личные вещи взять с собой...» «Видимо, новое назначение», — подумал Споряну.

В час дня Споряну приехал на Кишиневский аэродром. Начальник порта встретил его с подчеркнутой любовью.

— Приказано отправить Вас немедленно. Звонили по телефону из Москвы...

Споряну недоуменно пожал плечами:

— Не понимаю причин, товарищ начальник. Я закончил институт и решил воспользоваться каникулами — отдохнуть, повидаться с родными...

— Только закончили институт? — недоверчиво переспросил начальник порта и пристально посмотрел на Споряну, но тут же снова перешел на официальный тон: — Машина идет через час, — сообщил он. — Будьте готовы. Отдохните пока в буфете.

Споряну вышел в скверик, присел на скамейку. А начальник аэропорта в это время вызвал дежурного инженера.

— Приготовьте «401» к рейсу. Вылет через час. Курс, конечная остановка командиру корабля известны. «401-й» готов к полету. Экипаж в комнате отдыха.

— Отлично. Проверьте машину тщательнее. Пойдет необычным маршрутом без промежуточных посадок. — Когда инженер вышел, он взял трубку, вызвал начальника пассажирских перевозок. — Дементьев. Приготовьтесь к отправлению «401». Два пассажира... Да, да — два пас-

сажира. Рейс за счет Главного Управления. Понятно? Действуйте. Отправление через час...

В 14.30 «401» развернулся над Кишиневом и лег курсом на Киев.

Устроившись поудобнее в кресле, Споряну посмотрел на второго пассажира, сидевшего с журналом в руках, и подумал: «Должно быть, важная птица, если для одного предоставлен самолет». А его спутник думал то же самое о Споряну. Посматривая время от времени на инженера, он размышлял: «Так молод, а уже особое сопровождение, специальный рейс. Видимо, фигура...»

Они присматривались друг к другу, а самолет поднимался все выше и выше. Через полчаса из кабины открылась дверь. Второй пилот поставил около сидений пассажиров брезентовые чемоданчики, напоминающие чехлы с запасным парашютом, и пояснил:

— Приближаемся к грозовому фронту. Возможен подъем на критическую высоту. В чехлах кислородные приборы. — Он расстегнул чехол, соединил гибкий шланг с краном кислородной магистрали, протянул Споряну кислородную маску и добавил: — Поступление кислорода регулируется вот этим рычагом.

Когда пилот ушел в кабину, Споряну придвинулся к окну. Самолет шел с резким подъемом. Впереди по курсу приближалась иссиня-темная стена грозового фронта. То тут, то там на фоне тучи вспыхивали огненные жилки молний. Попульсируют одно-два мгновения и потухнут. Следом за вспышками молний донесутся раскаты грома, то глухого и далекого, будто горный обвал в ущелье, то резкого, словно лязг железа, брошенного с большой высоты.

Грозовой фронт занимал весь видимый горизонт. Споряну, не отрывая глаз, любовался сказочным, поистине высотным пейзажем. Верхняя граница грозового фронта, меняя свои очертания, напоминала то горные кряжи, то барханы покрытой снегом пустыни, то вдруг приходила в движение, как бушующий океан.

— Смотрите, смотрите, какая красота!..

Спутник Споряну перешел к правому борту и сел за спиной Споряну.

— Понаблюдайте, — пояснил Споряну не оборачиваясь. — Вот это силища. Смотрите, точно извержения вулканов сразу в нескольких местах.

Они умолкли, наблюдая, как из толщи туч вздымались высокие «горные пики», «загорались», отражая солнечные лучи, и оседали, напоминая картину исчезновения островов в океане при землетрясении.

— Кухня дождей, — заметил Споряну, а про себя подумал: «Хорошо бы проникнуть в суть этих атмосферных явлений и научиться управлять ими».

Через два часа пассажиры ощутили легкое потряхивание. «Начинается обледенение», — отметил про себя Споряну и невольно поежился, взялся за подлокотники кресла. Он первым почувствовал, как самолет начал терять высоту. По спине прошелся холодок. Но вот справа в облаках обозначились «окна». Пилот развернул самолет и повел его на резкое снижение в один из разрывов между тучами. Обледенение прекратилось. Вскоре грозовой фронт остался позади. Кислородные приборы не потребовались. Однако погода не благоприятствовала полету. Земля была окутана густыми туманами. Прошел час, второй, но нигде не было видно земных ориентиров. Это особенно беспокоило второго пассажира, сопровождавшего Споряну. Он все чаще и чаще поглядывал на часы, прикидывая что-то в уме.

— Немудрено и сбиться, — сказал Споряну, будто прочитав мысли своего спутника.

Однако опасения были напрасны. Через полчаса штурман объявил:

— Харьков. Дают посадку. Придется переночевать... Учтите, товарищи пассажиры, вылет в пять утра — не опаздывайте.

Глава IX

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Прозоров после краткого приветствия сказал назидательно:

— Даже студент ЦАВИ обязан докладывать о времени и месте отлучки. А вы, инженер, научный сотрудник спецкафедры, поступили, как школьник.

— Я считал, что...

— Что дисциплина для вас не обязательна, — перебил Прозоров. — Ошибочное мнение. Это называется самовольной отлучкой...

Он встал, молча прошелся по кабинету. Споряну казалось, что Прозоров сильно рассержен, и ждал разноса. Но тот подошел к сейфу, достал папку и, не глядя на Споряну, опустился в кресло за своим столом. Перелистывая бумаги в папке, он сказал тихо, привычным для Споряну, глухим грудным голосом:

— Садитесь и слушайте внимательно.

Споряну нерешительно опустился на стул, не сводя глаз с Прозорова. «Сердится или уже нет», — думал Споряну. Начальник ЦАВИ продолжал перелистывать бумаги, будто и не замечал его. Наконец, найдя нужный документ, он поднял голову:

— Теперь о деле. В районе южного побережья Крыма предстоят интересные испытания. Для вас очень важно понаблюдать эти первые эксперименты, тем более, что будут испытываться установки, близкие, по некоторым данным, вашему изобретению.

— Это очень любопытно, товарищ полковник. Интересно, в чем состоят особенности и назначение испытываемых установок?

— Все, с чем можно, вас познакомят, проинструктируют на месте. А вторая, пожалуй, главная задача этой поездки — ознакомиться со схемой современного реактивного двигателя, сопоставить со своим, возможно, и получить кое-чему. Дело в том, что вблизи Балаклавы совершил «вынужденную» посадку неизвестный самолет очень оригинальной конструкции.

— Американский или...

— Трудно сказать, чей. Да вас это и не должно интересовать. Важно познакомиться с двигателем. Вы понимаете меня?

— Понятно. Разрешите узнать, когда выезжать к месту испытаний и куда именно.

— Завтра в военкомате вас проинструктируют обо всем подробно. Там будет совещание. Поедете вместе с группой специалистов. А пока отдыхайте, готовьтесь к поездке. — Прозоров встал и протянул руку. — Поедете на пару недель, возможно, и больше, будет зависеть от обстоятельств на месте. Зайдите к Петру Кузьмичу, у него есть кое-какие напутствия. Перед выездом загляните ко мне, а пока всего хорошего. — Прозоров подошел к вешалке, перекинул через руку легкий плащ, надел фуражку. — Закройте кабинет, — сказал он на ходу сек-

ретарю, — до трех буду в горькоме на совещании. К шести вечера подготовьте командировку Споряну на месяц, оформите подотчетные, билет на самолет до Симферополя.

— Александр Никитич, на какое число билет?

— На послезавтра.

Когда Прозоров вышел, девушка подумала с досадой, имея в виду Споряну:

— Подумаешь, тоже мне шишка на ровном месте. То его разыскивают чуть ли не шифром, то выправляй ему командировку... Чего доброго, еще поручат билет и подотчетные суммы доставить на квартиру. — И, покосившись взглядом на дверь кабинета профессора Кремлева, куда зашел Споряну, продолжала размышлять: — Молодой, да ранний — знает, за чьей дочерью ухаживать...

Из кабинета профессора доносился недовольный голос Петра Кузьмича:

— Да как же так можно уехать. Получил диплом и—фюить! Нет, не одобряю, больше того, самым решительным образом осуждаю. Это мальчишество!..

— Петр Кузьмич, я...

— Не перебивайте, молодой человек. Слушайте... На родину уехали, заскучали. А о своей работе не подумали... Поменьше этой сентиментальности, инженер... — Петр Кузьмич ходил по кабинету, ворча про себя, потом обернулся к Споряну и сказал строго: — Садитесь, поговорим с поездке... Предстоят очень важные испытания, при которых вам необходимо присутствовать...

— Товарищ Прозоров не совсем ясно сказал мне, Петр Кузьмич, какие именно испытания, что за установка? Может, поясните.

— Поясните, — профессор развел руками, — этого не пояснишь, надо видеть сам процесс испытаний... — Он задумался, разглаживая бороду. — Знаю только в общих чертах: будут запускать реактивные управляемые по радио стратостаты для исследования верхней границы стратосферы. А как они устроены, почему названы реактивными — посмотришь, поделишься впечатлениями.

Споряну улыбнулся. Профессор назвал его на ты. Он уже не сердился.

— Запомните, ваша роль — наблюдение, наблюдение и только. Это, так сказать, для просветления ума. А вот

вторая задача — главное для вас. Самым внимательным образом присмотритесь к двигателю самолета. Обратите внимание на каждую мелочь. Советую пересмотреть еще раз работы фон Брауна, ученого Эрике, американские источники о последних новинках. Это даст вам пищу для сравнения с извлеченным со дна Черного моря двигателем. Кстати, этот самолет, по утверждению очевидцев, не производит шумов при полете, свойственных реактивным и ракетным двигателям.

— Это очень интересно...

— Интересно, но, на мой взгляд, недостаточно полно. Я склонен думать, что этот самолет появился издалека на больших высотах. Не производил шумов потому, что снижался на цели наблюдения с выключенным двигателем. А когда его прошил снаряд и он развернулся, чтобы уйти в сторону моря, то, видимо, включить двигатель уже было некому. А может, есть и доля правды. В том и состоит ваша задача — найти эту правду. С вами едут опытные специалисты, которые помогут разобраться, что к чему. Зайдите в военкомат. Профессор Хрусталеv там собирает сегодня в три часа участников испытаний. О вас я ему уже говорил.—Кремлев встал, прошелся по кабинету, обдумывая что-то. Подойдя к Споряну, остановился, внимательно посмотрел ему в глаза.— Ну, по моему, все. Готовьтесь. Поездка интересная. Вам это может очень пригодиться. Желаю успехов.—Он пожал Споряну руку и улыбнулся.— Сам бы не прочь посмотреть улетающий в стратосферу «глобус», но занят не менее важными делами. Некогда.

Споряну вышел на улицу, остановился. «Как это кстати, — думал он. — Зина уже в Крыму. Выкрою время, навещу ее. Сегодня же надо послать письмо, нет, письмо не успеет. Пошлю лучше телеграмму». Он посмотрел на часы и пошел на телеграф.

На следующее утро Споряну первым пришел в библиотеку института, взял нужные книги и стал готовиться к поездке. Перечитывая материалы о создании ракетных аппаратов от проектов Циолковского до «ФАУ-2», конструкции немца фон Брауна и теоретические изыскания известного немецкого эксперта в области ракетного дела ученого Эрике о создании сателлоида — искусственного спутника Земли. Споряну предположил:

— Видимо, эти испытания и есть нечто предваритель-

ное — первые эксперименты по созданию искусственного спутника Земли.

Его догадки были близки к истине. Так называемый стратосферный глобус, или как его называли в официальной переписке — реактивный стратостат, к запуску которого шла подготовка в Крыму, был именно зародышем аппарата для межпланетных полетов — пионером будущих кораблей вселенной. Но более подробно о нем Споряну узнать предстояло лишь на месте, в зоне испытаний.

Самолет, на котором летел Споряну с группой специалистов, приземлился на Симферопольском аэродроме. Но встретиться на аэровокзале с Зиной Кремлевой Споряну не удалось. Он даже не знал, приехала ли она на аэродром. Самолет сделал посадку на учебном, а не на пассажирском аэродроме. Как только самолет остановился, сопровождающие комиссию товарищи пригласили учених в автомашины и, минуя Симферополь, направились в зону испытаний.

Зина Кремлева провела в Симферопольском аэропорту почти весь день. Встретила пассажиров всех прибывших самолетов, но Споряну среди них не оказалось. Не понимая, в чем дело, она несколько раз обращалась к дежурному и начальнику аэропорта, но и они не развеяли ее беспокойства. Преследуемая мыслью о неисправности самолета, возможной катастрофе, она послала молнию и поехала в свой дом отдыха в Ялту. Только по дороге совершенно случайно Зина поняла причины того, почему разминулась с Антоном.

Один из спутников по автобусу, человек в сером плаще, пристально наблюдая за ней, спросил:

— Извините, пожалуйста. Что вас так угнетает? Вы слишком печальны, чтобы не обратить на это внимания. Что-нибудь случилось?

— Не знаю. Боюсь, что случилось, — ничего не подозревая, ответила она. — Должен был прилететь сегодня один близкий родственник, но... не прилетел. Хотя предупредил о вылете телеграммой.

— Он случайно не спецрейсом летел? — спросил незнакомец, подумав: «Она или не она?.. По приметам похожа».

— Не знаю, возможно. Он в командировку..

— Тогда и волноваться нечего, девушка. Вон видите,

пылят по дороге автомашины. Он там и едет. Их самолет приняли на учебном поле. А оттуда все пассажиры — какая-то комиссия — уехали по своему назначению.

— Неужели, — обрадовалась Зина, — это правда?

— Конечно!.. Я летел одним с ними самолетом, — сказал он, стараясь вызвать девушку на откровенный разговор, догадываясь, что это именно она — Зина Кремлева.

Зина повернулась к нему, просветлевшая, и спросила:

— Вы не видели среди пассажиров молодого человека с черными-черными глазами?

— В стальном реглане и тяжелой клетчатой кепи?

— Ой, это он — Тоня!..

— А как его фамилия, кажется, Споряну?

Зина невольно отодвинулась подальше на сиденье, очень непристеливо взглянула на показавшегося вдруг подозрительным спутника. Отвернулась к окну, потом посмотрела еще пристальнее и сказала с ноткой вызова в голосе:

— А зачем вам знать, как его фамилия?

— Мне абсолютно все равно. Вы же волнуетесь, — безразличным тоном ответил незнакомец в сером плаще, а про себя подумал: «Это она, Зина Кремлева. Надо держать в поле зрения. Споряну должен с ней встретиться».

Зина молчала. Но по выражению лица было видно, что она обрадовалась. Она устроилась поудобнее на сиденье, отвернулась к окну и так просидела до самой Ялты.

Зина почти не спала в эту ночь. Сначала она подумала: «Серый плащ мог и ошибиться». Потом пришла другая, более беспокойная мысль: а что если это какой-нибудь шпион, который охотится за Споряну? Эта мысль становилась все навязчивее после того, как она вспомнила отрывки случайно подслушанного разговора ее отца, профессора Кремлева, с Прозоровым на даче. В ушах звучали слова Прозорова: «Кто ему разрешил уехать в Молдавию?.. Головой рискует...» О чем говорил дальше Прозоров, Зина уже не помнила. Но сейчас ее все сильнее и сильнее тревожило предчувствие чего-то непоправимого. Она напряженно прислушивалась к порывам ветра, шелесту ветвей за окном, к тихому плеску прибоя у набережной.

«Уж лучше бы он не вздумал разыскивать меня», — с беспокойством подумала она. Ей стало боязно одной в пустой темной комнате, и она натянула на голову одеяло. Обострившимся воображением Зина зримо представляла, что Споряну преследуют какие-то неизвестные люди. Следят за каждым его шагом. Перед ее взором то возникали, то исчезали какие-то крадущиеся тени.

Дважды до слуха Зины доносились резкие телефонные звонки и приглушенный голос дежурного. Она ловила себя на мысли, что никак не может отделаться от галлюцинаций. Споряну стоял перед ней, как живой. Откинет одеяло — никого нет, тишина, размеренно монотонный ход часов, плеск прибоя. Зина погрузилась в забытие лишь под утро. Проснулась с тяжелой больной головой, думая все о том же: «Где Тоня, что с ним случилось?»

Глава X

ГНЕЗДО НОЧНЫХ ПТИЦ

Осенний альпийский пейзаж: высокие горы, покрытые вековыми лесами, освежающий запах хвои, горных трав, стремительные потоки горных речек с прозрачной, кристально чистой водой.

Извиваясь змеей, асфальтированное шоссе убегает все выше и выше к виднеющемуся на горе средневековому замку. Он расположен на каменном уступе горы, напоминающем вместе с замком голову спящего носорога. Готические башни, позеленевшие от времени, подернутые мхом, высокая каменная стена ограды, поросшая травой и кустарником, производят впечатление заброшенности, запустения. «Гнездо ночных птиц» — так с незапамятных времен называют этот замок жители окрестных селений. В его высокой, давно заброшенной башне, венчающей фасад, когда-то поселились совы.

С какой бы стороны вы ни смотрели на это древнее сооружение, оно всегда обращено к вам углом, точно гигантский корабль, сползающий с перевала на город. Особенно мрачное впечатление производит этот опустевший замок в вечернюю пору. Из средних, узких, как амбразуры дота, продухов башен вылетают на ночные прогулки совы. В вечерней мгле сюда скрываются преследуемые

ласточками маленькие ястребки-копчики. Лунной ночью вокруг шпилей бесшумно снуют летучие мыши.

Когда-то этот замок принадлежал одному из рыцарских орденов, затем отставному генералу времен Бисмарка и служил школой для подготовки миссионеров-шпионов, засылаемых святейшим папой в славянские государства. Потом замок перешел к Мюнхенскому епископству. Изменилась вывеска, но содержание осталось прежним. Об этом свидетельствуют записи почетных гостей в биографическом, если можно так назвать, альбоме — старейшей реликвии замка, ведущемуся уже около двухсот лет.

В нем можно встретить философские изречения фон Клаузевица, Мольтке младшего, откровения Бисмарка, Карла Каутского, Вильгельма Второго, балтийского барона Розенберга, австрийского ефрейтора Адольфа Шикль-грубера и им подобных. Это своеобразная летопись бандитских дел римской церкви вперемежку с международными кознями немецкого рейхсвера.

Очень любопытны две записи. В разгар русско-германской войны 1914—1917 гг. здесь встретились Вильгельм Второй и Кемаль Байяр — брат турецкого султана. После совершенного заговорщиками «намаза», покидая замок, германский император сделал такую запись в альбоме:

«. Россия будет побеждена!

Вильгельм II».

А в конце 1942 года рядом появилась вторая запись неизвестного офицера, не лишенная злой иронии:

«...Солдат пока я слишком молод,
Но «немцы русских победят»?
Да вот в последний русский город
Придет .. последний наш солдат!
Тоже Вилли, но не смешивать
с императором».

С приходом Гитлера к власти замок перешел в собственность одной из любовниц мюнхенского штурмовика Рема. А после «варфоломеевской» ночи — к любовнице рейхсминистра гестапо Гиммлера — кинозвезде фрау Дональде Лоттер. Новая хозяйка огромного средневекового замка, насчитывающего сто комнат, почти не бывала в своих легко приобретенных владениях. Она жила на даче в Потсдаме, а в замке хозяйничала разведка рейхсмаршала Геринга.

Но и эти времена, времена разгула фашизма, прошли давно.

Замок кажется необитаемым. Единственная дорога, ведущая к воротам замка по обрыву глубокой промоины, поросла травой, железные ворота давно не открывались. Но замок живет своей тайной жизнью. Каждый вечер, когда сгущаются сумерки, на высоком готическом шпиле начинает мигать красный огонек, напоминающий сигнал, подаваемый с маяка в открытое море. Многие горожане думают, что сигнал установлен авиакомпанией для того, чтобы служить пеленгатором и предупреждающим сигналом пролетающим над городом самолетам. Только очень немногие знают, что происходит за двухметровыми гранитными стенами замка и кому мигает по ночам красный огонек.

Среди этих немногих и внук старого сторожа замка Ирже Томмах, электромонтер городской теплоцентрали Энрике Томмах. Когда хозяйка замка фрау Дональда Лоттер вышла замуж, стала баронессой фон Бретт и уехала за границу, старый Томмах не захотел покидать замка, в стенах которого он провел сорок лет. В свои семьдесят лет он уже не видел смысла уходить — оставлять насиженное место.

— Жить осталось немного, — говорил он, — да и хозяйка просила присматривать за всем, проветривать, прибивать помещения. А на жизнь мне хватит того, что хранится в подвалах.

Ирже Томмах каждый день обходил комнаты замка, заглядывая во все тайники. Но самым отрадным уголком для него был сад, выращенный с его участием. Томмах не уставал любоваться садом, целыми днями просиживал в сиреневой аллее.

Однажды ранним утром его подняли с постели незнакомые люди. В привезенном от хозяйки замка письме было сказано кратко:

«Наш добрый Ирже!

Замок вынуждены сдать, временно, в аренду. Служите этим людям так же безупречно, как служили нам. Никто лучше вас не знает расположения замка, его лабиринтов. Вы будете очень полезны новым господам. Вернемся — отблагодарим вдвойне.

Баронесса Дональда фон Бретт».

Ирже Томмах долго всматривался в эти несколько строчек письма, стараясь понять, что заставило его хозяев допустить чужих людей в «тайники своей души», как любила повторять баронесса. Но никакого объяснения найти не мог. Люди, пришедшие с письмом, приказали запереть ворота, взяли себе ключи от всех внешних выходов и, когда Томмах проводил их до подземного хода, предупредили:

— Будем бывать в замке часто, в ночное время. Пока никаких сношений с городом, а дальше будет зависеть от вас... Доверие надо заслужить!..

— Доверие надо заслужить, — шептал старый Ирже, оставшись один у опустившейся чугунной плиты. «Кто они такие?» — думал он.

Сегодня в замке должна состояться встреча конструктора Ганса Вульфа с полковником Цвельт — помощником начальника разведцентра «ОСТ» адмирала Ландэ.

Было около 10 часов вечера, когда они встретились за круглым столом в квадратном зеркальном зале с куполообразным ажурным потолком из разноцветного стекла. Огромные зеркала, обилие падающего сквозь стеклянный купол света придавали небольшому помещению, устланному коврами, декорированному звериными шкурами, впечатление простора и легкости. Вошел офицер и положил на стол перед Цвельтом палку. Полковник так же молча раскрыл ее и подал большой фотоснимок конструктору. Конструктор долго рассматривал фотографию, затем не спеша поднял взгляд на полковника.

— Вы правы, полковник. Это чертеж одной из деталей реактивного двигателя. По-моему, камеры сгорания... Но, увы! По этой детали невозможно разгадать замысел изобретателя.

Цвельт подал второй снимок. Конструктор снова углубился в чтение чертежа.

— Та же самая деталь, только в разрезе, — сказал про себя Вульф. — Вы понимаете, господин Цвельт, насколько бездарен снимок. Самое важное закрыто, заслонено фигурой человека.

Полковник поднял палец и спросил подскочившего к нему офицера:

— Кто фотографировал?

— «Брюнет»!..

— «Прима», если не изменяет память?

— Так точно, герр полковник.

— Сообщите «Консулу» от имени адмирала: «Брюнет» — болван!

— Есть сообщить, «Брюнет» — болван!

— Потребуйте приставить к изобретателю опытных разведчиков! — заметил недовольным тоном Вульф. — Кстати, сколько ему лет?

— Попробуйте определить, — сказал полковник, протягивая еще один снимок.

— Споряну Антон Савельевич, — прочитал конструктор с расстановкой... — Совсем еще юноша! — После паузы он сказал раздраженно:

— Не понимаю одного, полковник: откуда американцам известно об изобретении инженера Споряну?

Конструктор еще раз внимательно просмотрел фотографии чертежей, отодвинул их, глубоко вздохнул и сказал:

— Сумейте заполучить настоящие чертежи, еще лучше — самого изобретателя... Это должно быть сделано любой ценой!

— Установлено, где он? — обернулся полковник к офицеру разведки.

— На самолете доставлен в Симферополь. С аэродрома с группой ученых уехал в направлении Алушты, но куда именно — пока не выяснено.

— Поставить на ноги всех. Разыскать инженера Споряну и доставить сюда. Сообщите «Корнету» — средств не жалеть! — отчеканил полковник.

— Все расходы принимаю на себя, — добавил конструктор, откинув небрежно монокль.

Цвельт подал знак, что офицер больше не нужен, и нажал кнопку сигнала в салон замка, что означало: сервировать стол для ужина. Когда офицер удалился, Цвельт закурил папиросу, посмотрел пристально в глаза знаменитому конструктору самолетов и сказал с расстановкой:

— Вас удивляет, что за океаном известно об изобретении инженера Споряну. А меня удивляет больше другое: как чертежи вашего нового истребителя и ракетного двигателя оказались в сейфах «Дженерал моторс»?

Конструктор недоумевающе посмотрел на собеседника, придвинулся вплотную к столу и сказал приглушенным голосом:

— Шутить изволите!..

— Нет, нам не до шуток. Вас обокрала «Си Ай Си», а нашу разведку обвиняют в беспечности.

— «Си Ай Си», «Си Ай Си», — повторил конструктор, глядя на лежащую перед ним шкуру бенгальского тигра. Потом резко повернулся к Цвельту. — Значит, в моем конструкторском бюро шпионы! Но кто? У меня все специалисты — проверенные люди.

— Видимо, плохо проверены, — спокойно сказал Цвельт, — в этом все дело.

— Да-а-а. Но кто же тогда? Чертежи... — задумчиво повторял Вульф.

Цвельт поднялся, приосанился и, вспомнив разговор с адмиралом перед выездом в замок, проговорил самоуверенным тоном:

— Ничего. Янки вынуждены, заинтересованы работать на нас. Адмирал Ландэ убежден, что придет еще наше время... Что не удалось Вильгельму в 1914 году, не вышло в 1941 году у Гитлера — доведем до конца мы, их последователи... Теперь главное — накапливать силы. Важно освоиться в новой обстановке, не дать умереть прусскому духу... — Цвельт заложил по-наполеоновски руку за борт кителя и заключил многозначительно: — Мы еще доживем до сияния Великой Германии!..

Конструктор не ответил на эту тираду, будто не слышал ее. Он все думал о чертежах инженера Споряну, прикидывая мысленно: «На какое же горячее рассчитывал Споряну, конструируя такую камеру, такие габариты для выходных газов?» Он откинулся в кресле и бросил прищуренный взгляд куда-то в пространство, мимо Цвельта. Минуты две он сидел молча. Его вывел из раздумья голос из раскрывшейся двери:

— Приказано доложить — ужин подан.

Конструктор устало поднялся и заключил свои мысли вслух:

— Конструкция Споряну необычайно оригинальна. Вероятно, его двигатель заключает в себе большие мощности, не известные до сих пор.

За весь вечер конструктор не произнес больше на эту тему ни одного слова. Только когда садился в своего «Оппель-адмирала», чтобы покинуть замок фрау фон Бретт, сказал, пожимая руку Цвельту:

— Если разыщите инженера Споряну и переправите ко мне, буду всегда обязан.

Комфортабельные машины одна вслед за другой со строгим интервалом покатались под уклон, шурша по асфальту кирпичного цвета шинами. А в это время в одной из комнат замка радист выстукивал срочную шифровку резиденту разведки в Крыму о розыске и похищении инженера Споряну.

На следующий день из Мюнхена пошла вторая шифровка «Корнету» в Ялту о розыске инженера Споряну, «консервировании» его до передачи на рейде «Розовой дачи» на борт подводной лодки...

Глава XI

МЕСТНАЯ ПОЧТА

Адмирал Ландэ молча выслушал доклад Цвельта о встрече с конструктором в замке фрау фон Бретт, постукал карандашом по столу и откинулся в кресле:

— Значит, Вульф заинтересовался чертежами?

— Очень пристально. И, как мне показалось, несколько взволнован тем, что из снимков нельзя понять существа изобретения.

Адмирал поднялся, подошел к окну, опустил штору, чтобы солнечный свет не падал на стол, и снова вернулся в кресло. Несколько минут он сидел молча, покручивая заводную головку ручных часов. Цвельт наблюдал за каждым его движением, стараясь понять — предугадать намерения своего шефа. Но адмирал Ландэ был непроходим. Казалось, он чрезвычайно, чем-то озадачен и сейчас обдумывает очень важный шаг разведки.

— Что известно о студенте Руссо? — неожиданно для Цвельта спросил адмирал, не поворачивая головы.

— Передвинут в Самгунь. Готовится поступать в аспирантуру лесного института.

— Подробнее!.. Чем вызвано передвижение?..

— Институт и лаборатория Кремлева скоро перебазируются в Самгунь. Студент пока устанавливает связи, знакомства, изучает экономику района, расположение военных заводов, закрытых лабораторий.

— Послать ориентировку. Главное — изобретение инженера Споряну, работы профессора Кремлева. Нам важны все мелочи, относящиеся к работам Споряну и Кремлева: разговоры, упоминания в переписке, переезды,

круг знакомых, родственники, друзья и особенно враги. За наукой и славой по пятам следует зависть. Ее и надо использовать во всей полноте.

Адмирал снова умолк, прищурился, будто рассматривал чернильный прибор, занимавший добрую половину письменного стола. Пальцы правой руки легли на карандаш. Ландэ придвинул листок бумаги и начал набрасывать контуры чертиков, задавая Цвельту время от времени вопросы.

— А как барон?

— Продолжает вояж. Знакомился с обстановкой в «Лесной Каравелле».

— Впечатления?

— Доволен. Склонен обосновать там свою резиденцию.

— А замок фон Бретт?

— Останется в нашем распоряжении.

— Это решено без него. Приставьте к барону «глаза», да поопытнее.

— Будет исполнено.

— Да, господин Цвельт. Не следовало ли бы перекопировать будущего аспиранта лесного института?

— В каком смысле, адмирал?

— Установить другой девиз и дополнительное наблюдение. Ведь он родился в России. Его может потянуть в «родные пенаты». Как вы думаете — не переориентируется он на генерала Галаджи?.. Это опасный соперник.

— Не думаю, адмирал. Немец остается немцем, где бы он ни родился.

— Глупости говорите, полковник. Паулюс тоже был немцем. Фельдмаршал Паулюс!..

— Что прикажете?

— Прежде всего и больше всего — не-ре-про-ве-рять. Понятно?

— Это непреложный закон разведки, адмирал. Аспирант в наших руках. Для Галаджи он дезертир, предатель. Там его ждет только одно — тюрьма.

— Знаю. Но вы не использовали бы аналогичного субъекта из шпионов УГБ, если бы он оказался в ваших руках? В тюрьму бы посадили с первого дня или..?

— Скорее «или», адмирал.

— Это подсказывает логика вещей... — После паузы адмирал пояснил: — Другое дело, если бы у него здесь

была семья. А так чем он к нам привязан? Абсолютно ничем. Притом это был отпрыск не так уже надежного племени. Поразмыслите над таким фактом. Отец в 1915 году попал в плен к русским. Не воспользовался ни одной возможностью вернуться на родину, а остался и прожил до конца жизни в России. Это не из тех немцев, которые работали на нас, жили там до нужного времени по нашим инструкциям.

Адмирал замолчал, продолжая рисовать чертиков. А полковник Цвельт думал о том, насколько безбрежна память адмирала, насколько дальновиден этот представитель «тайных пружин», двигающих политикой Европы. Да и одной ли Европы!

Адмирал положил карандаш и взглянул на Цвельта.

— Вот так, полковник. Надо иметь в виду даже далекое прошлое своих подчиненных. Вы должны знать, о том, что кое-какие «болезни» передаются и по наследству... Впрочем, ближе к делу. — Он достал блокнот в массивном кожаном переплете и начал перебирать страницы по алфавиту. — Попробуем необычную кличку. Запишите. Аспирант лесного института Никандр Руссо — «Местная почта». Под этим девизом он должен поработать некоторое время. Все его сообщения взять под особый контроль. Если что-нибудь просочится в другие руки, — убрать.

Адмирал встал, дав понять, что разговор окончен. Цвельт направился к выходу. Адмирал остановил его посреди комнаты.

— Поручите тщательно обследовать замок барона фон Бретт. Перенесем туда вторую квартиру. Установить рацию.

— Телефоны?

— И телефоны. Все средства сигнализации.

— А как поступить с прислугой барона?

— Старик-ключник, по-моему, не представляет опасности. Как по-вашему, полковник?

— Ирже Томмах сам по себе не опасен. А его окружение, связи проверим.

— И как можно тщательнее.

— Все будет исполнено.

— Действуйте, полковник.

Цвельт вышел, адмирал позвонил шефу школы разведки — «Колледж Экономик», потребовал доставить

личное дело Никандра Руссо со всеми приложениями. Раскрыв папку с личным делом Руссо, адмирал Ландэ подумал: «Не излишни ли мои подозрения?.. Может, именно Руссо и проникнет туда, куда нам нужно...» Он закрыл папку, положил ее в сейф и встал около окна. Вдали виднелись снежные вершины высоких гор. Там, на востоке, за ними тайна, которая становилась все более интригующей.

— Чем порадует «Корнет», — размышлял Ландэ. — Нашупает ли следы инженера Споряну?.. Удастся или нет вариант «М»?

Глава XII

АСПИРАНТ ЛЕСНОГО ИНСТИТУТА

Адмирал Ландэ просматривал почту. Последние дни он особенно внимательно изучал донесения агентов зоны «СА» и прежде всего шифровки «Брюнет-примы». Некоторое время тому назад от него поступило настораживающее сообщение. «Брюнет-прима» доносил:

«...Агент «Местная почта» отправляет донесения с одной и той же многолюдной дачной станции. Проверкой установлено: приезжает в одно и то же время, сразу идет на почту, сдает пакет и садится в обратный поезд. Не исключено, что эта личность, появляющаяся на станции в одном и том же костюме, с запоминающимися пакетами «Простая бандероль» привлечет (если не привлекла) внимание не только работников станции и почтового отделения...»

Адмирал в тот же день принял необходимые меры против ротозейства «Местной почты». И теперь следил за тем, что об этом сообщает «Брюнет-прима». Но пока ничего тревожного он не находил. Просмотрев почту, адмирал снова занялся изучением данных о предстоящих испытаниях за Базальтовым перевалом.

Неосмотрительные действия «Местной почты» были не просто фактом беспечности. Аспирант Самгуньского лесного института, Никандр Руссо, скрывавшийся под псевдонимом «Местная почта», совершал эти «проступки» намеренно. Пробыв несколько месяцев в Советском Союзе, он начал понимать, что не сможет шпионить против этой страны, не сможет выполнять заданий хозяев из

разведцентра «ОСТ» — злобных врагов советского народа, врагов народа и своей страны, не сможет быть исполнителем их вражеских замыслов. Он убедился на множестве фактов, проверил не раз на примерах самой жизни, в откровенных беседах со студентами, преподавателями всю неприглядность своего положения, убедился и возненавидел своих хозяев — служителей доллара.

Он долго колебался, как ему поступить. Пойти в органы ГБ и рассказать все — казалось ему слишком обычным и рискованным. Ему хотелось не просто разоблачить своих хозяев, а работать против них, обезвреживать этих врагов, расстраивать их замыслы. И он решил встать на этот избранный им самим путь.

Написал коротенькую записку в Самгуньское управление ГБ, в которой сообщал:

«...На станцию Д. каждую субботу в семь часов вечера приезжает молодой человек в темно-сером спортивном костюме, в зеленой велюровой шляпе. На груди фотоаппарат «лейка». В боковом кармане пиджака ручка и карандаш с хромированной оправой».

В субботу аспирант Самгуньского лесного института Никандр Руссо приехал на станцию Д. Но ни на перроне, ни на почте никто к нему не подошел. Он зашел в буфет и занял свободный столик. Подошел еще один дачный поезд. В буфет зашли несколько мужчин. Один из них взял бутылку сидра и присел за столом напротив аспиранта. Разговорились. Когда аспирант допил вторую бутылку, сосед по столу спросил:

— Вам в город?

— Да, мне нужно в Самгунь. Жду поезд.

— Поезд придет через час, не раньше. Я здесь на машине. Если желаете, подвезу. Через полчаса будем в Самгуни.

Аспирант согласился. «Почему не проехать на машине, — думал он. — Все равно теперь уже никто не встретит. Видимо, еще не дошла записка». Когда машина вышла на лесной участок дороги, ее владелец попросил шофера остановиться.

— Цветы здесь хорошие. Идемте, нарвем по букету. Поднесете знакомой девушке, — сказал он, обращаясь к аспиранту. — Девчата любят цветы...

Они вышли на лужайку. Начали рвать цветы. Владе-

лец машины набрал большой букет и протянул аспиранту улыбаясь:

— Возьмите, Никандр Руссо... аспирант.

Аспирант поднял недоуменный взгляд.

— Полковник Вересаев, — сказал незнакомец, — из Управления ГБ. Мы получили вашу записку. Садитесь поговорим. — Они опустились на траву. — Продолжайте работать по-прежнему на разведцентр «ОСТ». Нам ничего не посылайте в копии. Нет необходимости. Прекратите посылать почту с одной и той же станции. Понятно?

— Понятно. Но я бы хотел рассказать вам...

— Для этого я и встретился с вами. Говорите.

Аспирант рассказал Вересаеву все, что знал о разведцентре «ОСТ» и его людях. Полковник внимательно его выслушал и предупредил еще раз:

— Продолжайте работать на разведцентр. И помните, что работаете на нас. Пусть вас не беспокоит такая форма связи с нами. Через явки разведцентра нам удобнее наблюдать за вашей работой. Не ведете ли вы двойной игры?

— Да как же я могу, я чистосердечно...

— Ничего, ничего, — перебил его Вересаев. — Мы в этом сможем убедиться сами. А пока всего хорошего. Только один совет: самая придирчивая к себе осторожность. Старайтесь держаться как можно осмотрительнее. Вы нам будете нужны, а когда — покажет время. Согласны?

— Да, согласен.

— Вы, кажется, майор?

— Да.

— Звание о многом говорит. Адмирал Ландэ ждет от вас большой отдачи. А мы... Но это несколько позднее. — Вересаев поднялся. — В случае необходимости звоните Ж-05-00. Вы для нас: Ярусов Николай Климович, запомните и звоните от этого имени — инженер Ярусов.

Всю дорогу до Самгуни они ехали молча. На окраине Вересаев остановил машину.

— Отсюда проедете до института на автобусе. Так лучше.

Он пожал руку и скрылся в тени дачного переулка. Аспирант посмотрел вслед уходящей «Победе», две остановки прошел пешком и сел в догнавший его автобус

Глава XIII

ВАРИАНТ „М“

Через три дня после встречи полковника Цвельта с конструктором Вульфом адмирал Ландэ сидел в своем кабинете, ожидая Цвельта с докладом по операции вариант «М». Он назначил встречу в двадцать ноль-ноль, явился сам за пять минут и сейчас нетерпеливо посматривал на часы. Когда раздался звон стенных часов, одновременно с первым ударом адмирал услышал в двери голос Цвельта:

— Разрешите, герр адмирал?..

— Прошу. Какие новости от «Корнета»?

Цвельт раскрыл папку и протянул адмиралу донесение. Адмирал Ландэ надел пенсне, бегло прочел первые строки донесения и улыбнулся. «Корнет» сообщал:

«...Конструктор Споряну находится в районе зоны «К». Предстоят испытания. Подробности неизвестны. В одном из санаториев Ялты отдыхает Зинаида Кремлева. Ждет встречи со Споряну. План варианта «М» реален. Обстановка на «Розовой даче» благоприятна. Сигнал окончания операции — дымящий самовар на столе веранды...»

— Предупредили командира подлодки?

— Так точно, герр адмирал. Ганс Ульрих проинструктирован. Он ждет сигнала, отстайваясь в турецких водах.

Адмирал раскрыл положенную Цвельтом папку и начал перелистывать документы, обмениваясь краткими фразами с Цвельтом по существу некоторых документов.

— Значит, сведения о передвижении института и лаборатории Кремлева в район Самгуни подтверждаются?

— Факт достоверный, герр адмирал. «Брюнет-прима» и «Консул» подтверждают это.

Адмирал задал еще несколько вопросов, потом взял бюллетень прогнозов, откинулся в кресле и сказал про себя:

— В районе Крыма восьмибальный ветер... шторм... хорошая погода!

В те минуты, когда адмирал Ландэ посматривал на часы, поджидая с докладом полковника Цвельта, в одном из домиков на Алуштинском шоссе в Ялте квартирант и хозяин сидели за бутылкой крымского муската. После нескольких рюмок выдававший себя за синоптика Тай-

мира — разведчик «Корнет» подсел поближе к повеселевшему хозяину, положил руку на плечо и начал в шутливом тоне упрекать его.

— Живу я у вас, Пал Саныч, второй месяц. Заплатил за весь курортный сезон за «Розовую дачу» и за комнату в городе. Кажется, ничем не стесняю: ухожу рано, возвращаюсь поздно, а иногда не прихожу с дачи и по два-три дня...

— Мы с хозяйкой довольны, — добродушно заметил Пал Саныч, — часто говорим между собой: хороший парень попался, не пьет и подружек домой не приглашает. Не то что в прошлом году: каждый день пьяные компании, женщины — дым коромыслом все лето. А вы совсем другое дело. Будто вас и нет...

— Об этом я и говорю, а вы все сторонитесь меня...

— Как так сторонимся, — перебил хозяин. — Ничего подобного и не думайте. Вы у нас на правах своего человека. И на будущее лето, пожалуйста, с весны и до осени «Розовая дачка» в вашем распоряжении, только дайте знать.

— Пал Саныч! А сейчас вы смогли бы выполнить одну или две мои просьбы.

— Какие просьбы? — любопытствовал хозяин, придвинувшись к квартиранту.

— Самые простые. Вы работаете на глассере в порту. А никогда не пригласите покататься. Имеете свою «Победу», а ни разу в Симферополь вместе не съездили.

— Я не знал, что могу доставить удовольствие. Пожалуйста, хоть завтра, — сказал Пал Саныч и прислушался. За окнами шумел ветер.

— Завтра я не смогу. Мы договорились посидеть за преферансом. Да и погода, как видите, не для прогулок. Позднее я скажу, в какой день был бы вам очень обязан, если бы приехали за мной на глассере к Аю-Дагу.

— Скажите когда, обязательно приеду.

— А вторая просьба еще проще. В ближайшие дни — вы мой гид. Будете возить меня на своей «Победе» после работы, показывать достопримечательности Крыма

— Что ж. И это можно.

— Значит, договорились? — Он встал, открыл чемодан и достал еще бутылку мускату. — Десятилетнее. Из подвалов «Масандры». Через преферанс раздобыл.

Налив по рюмке, он чокнулся с хозяином.

Они засиделись допоздна, слушая, как грозно шумело море, как бились ветвями о стекла веранды мокрые кусты.

Утром прислушивался к завыванию ветра и Споряну, которого этот рассвет застал в зоне «К».

«Испытания, видимо, отложат, — думал он проснувшись. — А может, поднимутся на самолетах выше туч и оттуда будут вести наблюдения...

— Доброе утро, — услышал он знакомый голос.

— Доброе утро, Владимир Петрович... Ну и погодка!

— Да, погода неблагоприятна... Наблюдения предполагалось вести не только с земли, но и с самолетов. Вот ветер с моря — помеха серьезная. Пожалуй, рискованно при таком направлении... Придется сделать разведку облачности.

Они подошли к окну.

Споряну слушал Владимира Петровича Кремлева — инженера испытательной группы, соглашался с высказываемыми опасениями, а сам в душе был доволен. «Если испытания отложат на день-два, съезжу, — думал он, — в Ялту, навещу Зиночку. Наверное, волнуется, что не встретила. Еще подумает невесть что...» Когда Владимир Петрович умолк, наблюдая за быстро пролетающими облаками, Споряну достал портсигар, предложил папиросу Владимиру Петровичу, закурил и тоже стал наблюдать за перемещением облачности.

— Может, пронесет морские туманы, прояснится, — сказал он неопределенно.

— Вряд ли, Антон Савельевич. Облака, может, и пронесет. Но направление ветра — более серьезная помеха. Эксперимент испытаний не свободен от риска. А рисковать при таком направлении ветра в пору курортного сезона, когда в Крыму сотни тысяч отдыхающих, — шаг исключительный. Пойти на это никто не решится. Видимо, повременим день, два. Понаблюдаем за изменением воздушных течений.

— А я съезжу в Балаклаву, посмотреть новинку.

— Посоветуйтесь с руководителем испытаний. Можно ли отлучиться?

— Мне ненадолго. Думаю, на день разрешат.

Споряну вслед за Владимиром Петровичем пошел к Хрусталеву, продолжая размышлять, что сделать раньше — заехать в Ялту к Зине или сначала в Балаклаву,

познакомиться с машиной, а Зине позвонить. Или послать телеграмму.

Когда они поднимались на террасу дачи, где остановился Хрусталеv, Споряну услышал его голос:

— Обратите внимание, дождь усиливается, а грома не слышно. Нет, это не кратковременный грозовой дождь, он может продлиться сутки.

Здороваясь с Владимиром Петровичем, он озадаченно покачал головой:

— Непредвиденные обстоятельства. Над Черным морем «антициклонные настроения». Испытания рекомендуют отложить на сутки...

Споряну встретился взглядом с Владимиром Петровичем, улыбнулся. Профессор заметил это и сказал неодобрительно:

— А кое-кому это нравится...

— Споряну улыбается по другому поводу, профессор. У него есть еще одно срочное задание...

— Догадываюсь, — улыбнулся профессор. — Уж очень он пристально искал это «срочное задание» среди встречающих, когда проезжали Симферопольский аэровокзал...

Споряну бросил на профессора недовольный взгляд, но сдержал себя и сказал как можно спокойно, но не то, что готово было сорваться с языка:

— Можно, профессор, отлучиться и на какое время? Я должен побывать в штабе гидроавиации.

— Значит, действительно есть задание?..

— Очень важное, профессор. Специальное задание начальника ЦАВИ...

— Прошу извинить за неуместный намек, Антон Савельевич. Вы вольный казак и мне не подчинены. Испытания откладываются на сутки. Если успеете вернуться...

— Вполне успею. Эта поездка необходима, чтобы условиться о времени и месте. Детальное знакомство с объектом предстоит позднее, после испытаний.

— Ну что ж. Только оставьте Владимиру Петровичу координаты, где вас найти, предупредить в случае изменения обстановки.

— С Владимиром Петровичем мы условимся.

Через полчаса профессор уехал в Симферополь. Следом за ним через Симферополь проехал в Севастополь Споряну.

А в это время квартирант Пал Саныча в Ялте надел прорезиненный серый плащ, клетчатое кепи и пошел к директору санатория «сражаться» в преферанс. Владелец серого плаща расположился так, чтобы через дверь балкона второго этажа было видно все, что происходило у корпуса напротив, в котором проживала Зина Кремлева.

Глава XIV

СХВАТКА НА ШОССЕ

— Инженер Споряну, — доложил дежурный.

Майор Медведев отодвинул бумаги, прищурился, перебирая в памяти, что напоминает эта фамилия. «Что-то знакомое... А-а-а, это инженер-конструктор ЦАВИ по поводу подбитого самолета». Майор встал, вышел из-за стола, поправил пояс и сказал дежурному:

— Просите... И вызовите инженера отряда.

Майор обвел беглым взглядом появившегося в дверях Споряну, шагнул навстречу и подал руку:

— Майор Медведев, начальник штаба учебного отряда гидроавиации.

— Инженер Споряну, Антон Савельевич.

— Прошу садиться.

Споряну опустился на стул. Вошел инженер отряда. Майор Медведев указал взглядом на свободный стул около своего стола:

— Знакомьтесь, Михаил Андреевич, — инженер Споряну. Приехал посмотреть, как выглядит «иностранец» после вынужденной морской ванны.

— Очень приятно, — инженер отряда Столяров.

— Стоит посмотреть эту штуку, Антон Савельевич, — сказал майор Медведев, возвращая Споряну удостоверение на право посещения базы.

— Интересен именно двигатель, — сказал инженер Столяров. — Он многим отличается от известных реактивных турбин. По-моему, двигатель на «иностранце» ракетного типа.

— Когда вы смогли бы показать мне эту новинку? — спросил Споряну. — Я приехал ненадолго: пока познакомиться, договориться о времени демонтажа двигателя. Но любопытно посмотреть, что за конструкция?

— Инженер Столяров познакомит вас. С ним договоритесь и о времени последующих встреч.

Споряну посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти двенадцать. До шести я могу побыть у вас.

— Товарищ Столяров, займитесь с Антоном Савельевичем, — сказал майор Медведев и поднялся. — В восемь часов вечера к командиру отряда. Думаю, до восьми часов освободитесь.

— Что вы, товарищ майор, — возразил Споряну. — Нам и двух часов достаточно. Самое большее через три часа товарищ Столяров будет свободен.

— Ну, желаю успехов.

Споряну и Столяров вышли, свернули на посыпанную желтым песком дорожку и направились к виднеющемуся в полкилометре ангару.

— Если не секрет, товарищ Столяров, при каких обстоятельствах попал к вам «иностронец»?

— Особого секрета в этом нет. Однажды под утро звено патрульных истребителей обнаружило его на высоте двадцати километров. Скользил в пологом пике на нашу территорию со стороны морской границы. Истребители радировали на базу, пристроились в хвост непрошенному гостю, предупредили, что он над чужой территорией, и потребовали следовать на наш аэродром.

— А он открыл огонь...

— Нет, не сразу. Выкинул три струи белого тумана и под прикрытием этой завесы начал резко набирать высоту, продолжая полет в глубь нашей территории. Открыл огонь. Повредил один из наших истребителей. Пришлось летчикам взяться за гашетки... Налетчик пытался уйти в сторону моря, резко спикировал, а потом развернулся и упал в воду недалеко от берега.

Они вошли в ангар. Инженер Столяров откинул брезент.

— Вот он, полюбуйтеесь...

Споряну постучал по фюзеляжу, определяя марку металла. Его заинтересовала местами сохранившаяся полированная, точно хромированная, поверхность фюзеляжа. «Насколько, — думал Споряну, — это уменьшает трение и сопротивление воздуха? Видимо, дает значительный выигрыш в скорости». Он присел на корточки, рассматривая выходные отверстия газовых камер. Измерил их

микрометром, записал результаты в блокнот. Он долго сидел неподвижно, думая о том, почему патрон выходных газов имеет три выступающие форсунки? Что дает внутреннее углубленное кольцо выхлопного жерла — усиливает разрядку газов или направляет отдачу? Из какого металла выхлопное жерло, на котором незаметно и следов влияния морской воды?

— Сколько дней самолет находился в воде? — спросил он.

— Дней семь, не больше.

— Интересно... Необходимо послать на анализ образцы металла фюзеляжа, особенно выходных сопел.

Столяров записал в блокнот эти предложения. Споряну поднялся на крыло и спустился в кабину самолета. Больше двух часов он находился в самолете, записывая что-то в блокнот, обмениваясь односложными фразами с инженером Столяровым. Наконец вышел из кабины, соскочил с крыла на землю, отошел на несколько метров, задумался.

— Оригинальная машина, — сказал он после длительной паузы. — Прошу вас выделить опытного авиатехника и человек трех рабочих. Демонтаж буду производить сам. Приеду дня через три, а если задержусь — пришлю телеграмму.

Он достал платок, тщательно вытер руки, посмотрел на часы.

— Как время бежит! Кажется, только что пришли, а уже без четверти три. Прошу извинить, что задержал. Очень любопытная конструкция.

Споряну вышел из ангара, продолжая рассказывать о своих впечатлениях. Когда поравнялись со зданием штаба, Споряну остановился.

— Извините за беспокойство, товарищ Столяров. Мне нужно ехать. Вернусь, поговорим обстоятельнее.

— Всего хорошего. Приедете, будете моим гостем.

Они обменялись рукопожатиями. Узнав, что начальник штаба выехал в город, Споряну попросил Столярова передать извинения за поспешный отъезд и сел в машину.

— В Ялту дорогу знаете? — спросил он шофера

— Не раз приходилось ездить.

— Сколько часов езды?

— Обычно два часа. Можно и за час, если нервы не сдадут на поворотах.

Споряну помолчал, посмотрел еще раз на бушующее море, глубоко вздохнул и сказал нетерпеливо:

— В Ялту. Только побыстрее...

— Есть в Ялту, — отозвался шофер и прибавил газу.

Споряну временами казалось, что машина летит по воздуху. На особенно крутых поворотах он невольно хватался за спинку переднего сиденья. Шофер ехал лихо, как умеют водить машины только шоферы Крыма и Кавказа. Через час пятнадцать «Победа» вырвалась в ялтинскую котловину. На город только начали спускаться сумерки. Споряну занял номер в гостинице, привел себя после дороги в порядок и вышел на набережную. Пройдя квартала два по направлению к санаторию, где отдыхала Зина Кремлева, он услышал позади себя знакомый голос:

— Тоня!..

Споряну обернулся. По асфальту набережной к нему бежала Зина.

— Ты откуда, Тоня, так неожиданно? А я вторые сутки жду тебя. Передумала черт знает что...

— Здравствуй, Зиночка... Я знал, что ты волнуешься. Но предупредить не мог. Наш самолет приземлился на учебном аэродроме, откуда автобусом нас увезли, минуя аэровокзал...

— А я не поверила, Тоня.

— Как не поверила?..

— Мне по дороге один гражданин рассказал, что ваш самолет приземлился на другом поле. Я все время волновалась, не случилось ли чего в воздухе.

— Гражданин, говоришь. Откуда ему известно о нашем приезде?

— Не знаю, что ему известно. Он сказал, что если гот, кого я жду, прилетел спецрейсом, то он уже уехал, и показал мне на автобус, уходящий по дороге в горы. Говорит, что он прилетел в этом же самолете.

— Болтун это какой-то, никто с нами посторонний не летел, — резко сказал Споряну и взял Зину под руку.

Они прошли вдоль набережной, свернули в переулок, идущий к парку.

Споряну возвратился в гостиницу поздно, позвонил Владимиру Петровичу в Симферополь, сообщил свой адрес и лег в постель.

Он долго не спал, курил и думал о мужчине в сером плаще, который каждый день встречается Зине на улице или наблюдает за ней с балкона, расположенного против ее комнаты. Ворочаясь с боку на бок, он невольно прислушивался к шагам в коридоре, потом снова начал думать о Зине, о предстоящих испытаниях, о двигателе «иностранца» и о том, когда утихомирится дурная погода. Он вставал, выходил на балкон, прислушивался к ворчливой песне морского прибоя, неугомонному движению на улицах курортного города. Вернувшись в комнату, ложился в постель, и снова его мысли переносились то в зону «К», то в ангар учебного отряда.

Наконец отяжелевшие ресницы начали медленно опускаться, и через несколько минут в комнате наступила тишина, нарушаемая только глубокими вздохами беспокойно спавшего человека.

В четыре часа утра Споряну разбудили.

— Вас просят к телефону, — донесся голос дежурного из коридора.

— Переключите на мой номер, — ответил Споряну и вскочил с кровати. И только тут заметил, что трубка лежит на шнуре. «Видимо, вчера недосмотрел и положил неправильно». Он снял трубку. Послышался недовольный голос телефонистки: «Полчаса вам звоним, почему не снимаете трубку?.. Соединяю Симферополь». Споряну услышал показавшийся незнакомым голос и ответил машинально: — Владимир Петрович, доброе утро! Я вас слушаю...

— ...

— В семь часов запуск.

— ...

— Немедленно выезжаю. До свиданья.

Споряну положил трубку, задумался. «Надо предупредить Зиночку», — мелькнула мысль. Он набрал номер санатория. Послышался женский голос:

— Куда звоните?

— В санаторий «Горный воздух». Позовите, пожалуйста, Зинаиду Петровну Кремлеву. Двадцать пятая комната.

— Вам дня мало, гражданин. Утра дожждаться не можете. Это санаторий, а не постоянный двор.

Женщина положила трубку. Споряну пожал плечами. Позвонил в гараж гостиницы, предупредил шофера о не-

медленном выезде. Снова набрал номер санатория. Второй, более приветливый женский голос ответил:

— Говорит дежурный врач. Прошу ночью не беспокоить отдыхающих.

Споряну посмотрел на часы. «Выезжать нужно немедленно, чтобы не опоздать. Если поеду в санаторий, пока уговорю дежурного вызвать Зиночку, пройдет полчаса или больше. Опоздаю... Позвоню лучше из зоны. Он быстро оделся, в фойе написал записку, передал ее швейцару, вышел на улицу и сел в машину, сказав шоферу коротко:

— В зону, быстрее!

В пути он задумался над неожиданностью вызова. «Ветер, пожалуй, сильнее, чем вчера, идет дождь, а они решили проводить испытания, — думал он. — Непонятно... Может, в зоне прояснилось? Успокоившись этой мыслью, он устроился поудобнее на сиденье и задремал.

Когда Споряну выехал на верхнюю террасу предгорья, ему навстречу из Симферополя мчалась на большой скорости легковая машина. На заднем сиденье, подняв воротник серого плаща, сдвинув на глаза козырек кепи, сидел постоялец Пал Саныча — шпион «Корнет». Он поминутно поглядывал на часы, торопил шофера:

— Пал Саныч! Быстрее, опаздываем.

— Мы и так летим навстречу смерти, — ворчливо ответил тот. — Перекувырнемся где-нибудь на повороте...

Забрезжил рассвет. Дорога пошла по карнизу отвесного обрыва. «Корнет» положил руку на плечо шофера и с силой нажал ключицу:

— Слушайте внимательно. Скоро за поворотом будет небольшое ущелье. Перед ним остановите машину. Заедете в ущелье, потушите фары и ждите меня... Через полчаса поедем дальше.

Машина обогнула каменный мыс и остановилась.

— Здесь? — спросил Пал Саныч.

— Да, здесь. Отъезжайте и ждите свистка.

«Корнет» вышел из машины, подождал, пока она вошла в боковой овраг, подошел к краю обрыва. «Туда, в пропасть, не рискнет прыгнуть, — прикидывал он, — а слева отвесная стена — не заберешься...» Прошло десять минут. Стояла тишина, моросил мелкий дождь. Минут через двадцать в дали ущелья блеснули лучи приближающейся машины. «Корнет» положил что-то поперек

шоссе и, разматывая провод, отошел за высокий камень. Вдали снова мелькнули лучи фар и погасли. Прошло не менее часа. «Корнет» нервничал, догадавшись, что у машины Споряну спустил скат. Но идти навстречу было бессмысленно. Его могли заметить. Выходило солнце.

Донесся рокот заведенного мотора, «Корнет» прильнул к камню, не сводя глаз с приближающейся машины. «Только бы не свалились в ущелье, — думал он, — а остальное приложится само собой. Споряну ездит всегда на заднем сиденье. Его может только оглушить. А шофер... одним свидетелем меньше». Вот машина уже вернулась из-за последнего уступа. Осталось не больше километра. «Корнет» нервно переступал с ноги на ногу, как бы готовясь к прыжку. Машина уже в двадцати... десяти... пяти метрах...

В тот момент, когда «Корнет» приготовился нажать рычаг динамики, шофер заметил подозрительный предмет на пути и резко повернул машину прямо на камень, за которым укрылся диверсант. Раздался взрыв, звон разбитых стекол и протяжный стон человека. «Корнет» прыгнул сквозь пыль и дым к машине. Когда Споряну, опомнившись от взрыва и сильного удара, бросился на помощь шоферу, «Корнет» занес руку, рассчитывая оглушить инженера рукояткой пистолета, но Споряну почувствовал за спиной движение и резко обернулся. «Ах, вон вы кто, в сером плаще?» — мгновенно догадался Споряну. Удар пришелся по плечу. Пистолет выскользнул из руки «Корнета», ударился о капот машины и отскочил в кювет. Споряну с силой ударил противника в живот ногой. «Корнет» скрючился от боли, но через одно-два мгновения прыгнул кошкой на Споряну.

Завязалась молчаливая схватка, соревнование на физическую выносливость и сноровку. Споряну понял, что противник ждет момента, чтобы нанести удар в сонное сплетение. Ударив его лбом в нижнюю челюсть, Споряну убедился, что таким образом не сладишь. И он решил применить запрещенный боксерский прием. Выждав удобный момент, он нанес удар и отскочил, но не рассчитал, что за спиной обрыв, и полетел, как ему показалось, в бездонную пропасть. Два раза он сильно ударился о каменные выступы, почувствовал резкую боль в руке, услышал, как затрещали ветки дерева, ощутил запах свежей хвои и потерял сознание.

ПЕРВАЯ ШИФРОВКА

В институте шла напряженная работа по перебазированию. Правительство решило перевести институт со всеми лабораториями в Самгунь, и там, на базе источников сырья, создать Центральный научно-исследовательский институт специального топлива — ЦНИИСТ. Готовясь к отъезду, Петр Кузьмич Кремлев поставил непереносимое условие — вернуть немедленно инженера Споряну из командировки.

Для этого у него были веские основания. Открытое им топливо и двигатель Споряну профессор считал единым целым, решением одной и той же проблемы. Но запросы и телеграммы института с вызовом Споряну оставались без ответа. Профессор волновался.

Во дворе института рычали грузовики, — шла погрузка оборудования. Снизу донеслось многоголосое: «Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!» В распахнувшейся двери появился взволнованный начальник ЦАВИ.

— Ну что? — спросил он.

— Никаких известий! Запрашивал дочку — тоже не знает. Пропал человек. А он так нужен, необходим. Я не имею права ехать без него...

— Не волнуйтесь, профессор, — успокаивающе произнес Прозоров.

— Как же не волноваться, — снова воскликнул Кремлев. — Его нигде нет. А он нам с вами, больше того — государству нужен вот так. — Профессор провел рукой под подбородком. — Неужели он там попал в какую-нибудь историю, — закончил он сокрушенно и умолк.

Прозоров позвонил в военкомат, в авиа часть, но всюду получал ответ: «Где инженер Споряну — неизвестно». Потом связался по телефону с горкомом партии. Рассказал кратко об исчезновении инженера Споряну, о беспокойстве профессора.

— Эшелон через 30 минут будет готов к отправлению. Машина у подъезда, — доложил вошедший начальник АХО.

— Это невозможно! — крикнул профессор. — Я не еду! Прикажете эшелон задержать! Идемте к Дмитрию Дмитриевичу посоветоваться.

Начальник АХО посторонился, уступая дорогу взволнованному профессору, и недоуменно взглянул на Прозорова. Начальник ЦАВИ спокойно одел фуражку и на ходу отчеканил:

— Отправку эшелона отставить... на два часа!

* * *

...У подъезда здания, в котором помещался горком партии, непрерывно гудели подходившие и отходившие автомобили. В приемной секретаря горкома Дмитрия Дмитриевича Вахрушева было необычно много посетителей. Профессор Кремлев рассеянно кивнул головой и сразу обратился к секретарше.

— Срочное дело. Доложите Дмитрию Дмитриевичу.

— Он знает, Петр Кузьмич, заходите...

— Я не могу больше ждать!.. — запротестовал один из посетителей.

— Не волнуйтесь, товарищ, — спокойно сказала девушка, прикрывая дверь кабинета за профессором и Прозоровым. — И не шумите, — добавила она строго. — Дмитрий Дмитриевич занят очень важным делом, просил обождать.

Посетители утихли. Из приоткрывшейся движением воздуха двери кабинета доносился приглушенный голос профессора:

— Дмитрий Дмитриевич, дорогой. Споряну нужно немедленно вернуть... И кто это набрался разума позволить разъезжать ему по курортам в такой командировке?

— Я хорошо вас понимаю, — сказал секретарь горкома. — Инженер Споряну нужнее сейчас здесь.

Он позвонил. На пороге показался помощник секретаря.

— Илья Степанович, — обратился секретарь к своему помощнику, — пишите:

«Симферополь. Обком партии. В вашей области в зоне испытаний находится в командировке научный сотрудник ЦАВИ инженер Антон Савельевич Споряну. Просим дать указание органам о немедленном розыске и возвращении инженера Споряну в распоряжение начальника ЦАВИ.

Вахрушев».

Закончив диктовать, он обернулся к профессору с улыбкой.

— Ну вот, Петр Кузьмич, сигнал дан. Я еще позвоню по телефону.

— А скоро он приедет? — нетерпеливо спросил профессор.

— Думаю, что разыщут скоро.

Профессор, довольный, крепко пожал руку секретаря.

— Спасибо, Дмитрий Дмитриевич, большое спасибо...

Профессор еще раз пожал руку Дмитрию Дмитриевичу и направился вслед за Прозоровым, думая про себя: «Найдут или не найдут?.. Куда запропастился Споряну?..»

Прошло еще несколько дней. Прозоров, проводив последний эшелон, вылетел самолетом в Самгунь.

ГЛАВА XVI НА РОЗОВОЙ ДАЧЕ*

Начальник Крымского областного управления ВД, розовощекий генерал, прислушиваясь к шагам в приемной, одной рукой теребил холеный черный ус, а ногтями другой выстукивал о крышку папиросной коробки ритм какой-то мелодии. Когда в открытой двери появился офицер, генерал нетерпеливо поднялся, не спуская с вошедшего укоризненного взгляда.

— Ну, как, нашли?...

— Нет, товарищ начальник. Инженер Споряну выехал из Ялты в зону. Машина, на которой ехал Споряну из Ялты, в горах потерпела аварию. Шофер найден убитым. Инженер Споряну не обнаружен.

— Мне нужен Споряну, а не сведения об аварии... Запомните: приказано разыскать Споряну и доставить в институт ЦАВИ.— Обернувшись к дверям, он крикнул:— Адъютант!..

— Слушаю, товарищ генерал...

— Немедленно свяжитесь с майором Звездиным.— Взглянув на офицера, он строгим тоном добавил: — Придется обратиться за помощью к военной разведке. Вы свободны!.. Ищите. Через два часа доложите. Если нужно, послать самолет. Споряну к вечеру должен быть здесь!

В то время когда начальник Крымского УВД давал задание своим подчиненным, командир подлодки «Зет дубль» капитан Ганс Ульрих отдал команду: «К всплытию!» Лодка выкинула балласт и стремительно пошла вверх.

Выдвинув перископ, Ганс Ульрих убедился, что переход границы им выполнен отлично. На траверзе была «Розовая дача». В перископ было видно, как у ворот особняка остановился коричневый лимузин Пал Саныча. Торопливо выпрыгнувший из машины «Корнет», сменивший уже серый плащ на белый пыльник, рáспяхнул дверку автомашины и пропустил вперед себя грузного, с отвисшим подбородком блондина, в широкополой бежевой шляпе и такого же цвета плащ-накидке. Проводив блондина в калитку, «Корнет» взглянул пристально на Пал Саныча и коротким движением рук изобразил знак креста, что означало — «не впускать и не выпускать никого!»

Ульрих удовлетворенно вздохнул и опустил перископ, отдал команду к погружению. «Будем ждать, как приказано, до ночи», — подумал он.

...Легко вбежав следом за блондином на террасу «Розовой дачи», «Корнет» рáспяхнул как можно шире дверь, ведущую в коридор дома, учтиво добавив:

— Прошу быть гостем, мистер...

Блондин поднял палец и улыбнулся.

— Мистер Уайли, — заметил он многозначительно.

В залитой светом голубой гостиной, выходящей широким венецианским окном на море, они опустились в мягкие кресла. Уайли предался размышлению, дымя сигарой. Спутник внимательно наблюдал за молчавшим собеседником. После продолжительной паузы блондин небрежно положил дымившую сигару на поле фарфоровой шляпы стоявшего на столе пастуха-пепельницы, с силой ухватился руками за подлокотники кресла и медленно перевел взгляд на собеседника.

— Значит, вы, господин... разведчик, абсолютно уверены в том, что похищенный вами русский есть тот самый инженер Споряну?..

— Абсолютно уверен, — произнес разведчик, — именно он. Внешние сходства с фотографией абсолютны. Таких совпадений в природе не бывает. Я неделю охотился за ним.

— Гм... А поговорить с ним можно? — спросил блондин.

— Я думаю, можно, — ответил «Корнет», — хотя он и не совсем оправился после падения.

— Давайте! — тоном приказа произнес блондин и пошел следом за «Корнетом» в заднюю комнату дачи, где связанный по рукам и ногам с кляпом во рту лежал на широкой тахте Споряну.

Придя в себя, Антон долго не мог понять, что произошло и где он находится. Три раза в день его кормили, вернее, вливали в рот немного вина и жидкой манной кашицы. Операция эта производилась под наведенным дулом пистолета. И вот снова скрипнула дверь. Споряну с ненавистью взглянул на вошедших. Одного он знал. Второй был кто-то новый, неизвестный ему.

— Развяжите ему ноги! — сказал неизвестный. И тот, которого Споряну мысленно окрестил «Серым плащом», бросился исполнять приказание.

Через пять минут Споряну подвели к столу, вынули кляп.

— Кричать бесполезно, — предупредил блондин, — вокруг ни души. А к тому же... — и он выразительно потряс пистолетом.

— Узнаете? — Блондин небрежным жестом кинул на стол два крупных фотоснимка. Споряну почувствовал, что бледнеет.

— Да-а. Редкостное сходство, — сказал он безразличным тоном.

На одном из снимков он сидит за столом, рассматривая почти уже законченный чертеж камеры двигателя. На втором снимке — увеличенный чертеж этой камеры.

«Кто мог сфотографировать? Кто же эти предатели?» — мелькнуло в сознании Споряну. Он перебирал в памяти всех, кто бывал с ним вместе: студентов Сергея Топоркова, Жорку Михайленко, Зину Кремлеву, но отгонял прочь подозрения по адресу этих товарищей: — Кто же этот предатель?

— Узнаете? — резко бросил разведчик.

— Похож, как две капли воды, — удивленно промолвил Споряну. — Но причем тут я и какой-то чертеж. Ничего не понимаю.

— Тогда вот это, может, лучше поймете? — сказал

прежним грубоватым тоном разведчик, кидая на стол еще два фотоснимка.

На одном заснят диплом Споряну, увеличенный в два раза. На втором — чертеж главной диафрагмы с заголовком дипломного раздела и фамилией автора. Споряну, скрывая волнение, решил продолжать игру до конца.

— Просто удивительно, — поднял недоуменный взгляд Споряну. — Никогда не мог предположить, что возможно такое поразительное сходство...

— Молчать! — визгливо крикнул разведчик и добавил раздраженно: — Не выйдет, господин инженер!

— Постойте, не шумите, — сказал блондин властно с расстановкой и повернулся к Споряну. — Ваши труды оплатят щедро. Двести тысяч аккордно и дача среди чудесной природы... — Он прошелся по гостиной и, оставившись напротив Споряну, улыбнулся. — А мне действительно нравится этот упрямец. В нем что-то подкупающее. — После небольшой паузы блондин заговорил тоном бизнесмена. — Ну как, согласны на мои условия?

Споряну не ответил.

— Мало?.. Могу добавить. Двести пятьдесят тысяч аккордно и три тысячи ежемесячно.

Встретившись с уничтожающим взглядом Споряну, блондин невольно попятился. Разведчик предусмотрительно достал из кармана пистолет.

— Сколько хотите? — спросил блондин.

— По два метра пеньковой веревки на каждого из вас! — вырвалось у Споряну.

— Молчать!!! — взвизгнул разведчик.

— Тихо! — повысил голос блондин. Посмотрев на часы, он заметил деловито: — «Зет дубль» ждет. Доставьте его катером на подлодку и предупредите капитан-лейтенанта. — Обернувшись к Споряну, блондин добавил: — В еубботу в это время вы будете сговорчивее...

Он помог заткнуть Споряну рот, обмотать подбородок и щеки марлей. Накинув на плечи Споряну пыльник, они взяли Антона под руки и повели к выходу.

— Адью! — весело кивнул блондин, вталкивая Споряну в машину. — До скорой встречи. А вы, — напутствовал он разведчика, — смотрите в оба. Что бы не произошло, инженер Споряну должен быть в 16.00 на «Зет дубле». Через час доложите.

...Поднявшись на палубу катера, напоминающего речное такси, Споряну осмотрелся. Попробовал, насколько удалось ослабить веревку, которой были связаны за спиной руки. На катере было, кроме него, двое: разведчик, сопровождавший его с «Розовой дачи» к морю, и моторист катера, Пал Саныч, хилый мужичонка лет сорока. Бежать по дороге от дачи к морю Споряну не удалось; привлечь чье-либо внимание — тоже: машина мчалась с зашторенными стеклами. Сейчас внимание к нему было явно ослаблено. Споряну заметил это и начал выбирать удобный момент, напряжением мускулов раздвигал узел веревки. Проследив, как Пал Саныч запускает двигатель, Споряну отметил про себя: «Обычное речное такси с бензиновым мотором — все в порядке».

Когда катер развернулся и пошел, развивая скорость вдоль берега, разведчик вскинул бинокль, стараясь определить местонахождение подводной лодки по перископу. Споряну судорожно напряг мускулы, как бы примеряясь: осилит или не осилит. Узел поддался. Споряну освободил руки и вдруг мгновенным ударом ноги в живот сбил шпиона за борт. Сорвав повязку и схватив выбитый у разведчика парабеллум, Споряну крикнул мотористу:

— Руки вверх, подлый предатель!..

Моторист испуганно вскочил, бросил руль и поднял руки.

— Я... я ничего не знаю, — растерянно бормотал Пал Саныч, — он приехал с курсовкой с Таймыра... снял у меня дачу.

— С Таймыра, — презрительно, сквозь зубы процедил Споряну, чувствуя, как от нервного напряжения дрожат руки и ноги.

Он кивком головы заставил вылезть моториста на палубу и связал его. «Корнет» в это время ухватился за борт кружащегося без управления катера и одним рывком оказался животом на палубе. Удар рукояткой пистолета по голове — и лазутчик адмирала Ландэ пошел ко дну.

Споряну поднял пистолет с намерением послать свинцовую очередь в моториста, если он что-либо вздумает предпринять, но видя, как это хилое создание хнычет, тараща испуганно глаза, махнул рукой, спрыгнул к рулю.

дал полный газ и направил катер курсом на Севастополь.

Споряну знал, что владелец серого плаща — шпион, это стало ясно еще после второй встречи с ним в горах. Но он и не подозревал, что отправил на дно морское крымского резидента адмирала Ландэ, действовавшего на полуострове почти пять лет под девизом «Корнет».

Оказавшись на свободе, Споряну вспомнил о своей поездке к Зине, о неудачной схватке на шоссе и, с сердцем нажав ногой газ, помчался на видневшийся вдали маяк.

Глава XVII

НА НОВОМ МЕСТЕ

Прилетев в Самгунь, Прозоров сразу с аэродрома поехал в горком партии. В кабинете секретаря горкома Прозоров неожиданно увидел Вахрушева и воскликнул обрадованно:

— Дмитрий Дмитриевич!.. Какими судьбами? Каким ветром занесло вас в такую даль?

— Попутным. Проводил ваш последний эшелон, поехал в Москву. Мне посоветовали ехать следом за вами, помогать обживать на новом месте. Назначен партгором ЦК КПСС на завод, который будет делать ваши новинки... Как профессор Кремлев?

— Едет поездом. Отказался от самолета. Все беспокоится о Споряну.

— Инженер Споряну скоро приедет. Нашли следы.

— Да?.. Это очень кстати... Ну и как вы устроились, Дмитрий Дмитриевич?

— Дела разворачиваются. Жду вас. Вместе начнем устраиваться. Ефим Алексеевич, познакомьтесь, — указал Вахрушев взглядом на секретаря горкома. — Авиамоторный завод уже настраиваем на определенный лад. Поджидаем ваш институт, лабораторию Кремлева.

Через три дня первый эшелон института ЦАВИ пошел к станции Самгунь. Профессор вышел на перрон, долго любовался кружевами снежных вершин Базальтового перевала, оживленно беседуя с Вахрушевым, с секретарем горкома. Ефим Алексеевич провел профессора по перрону, показал крытую площадку, на которую будут выгружать хозяйство института, вышел с ним на вокзальную площадь и открыл дверь «ЗИМа».

— Прошу, профессор. Поедем смотреть ваши новые посадки. Надеюсь, понравятся. Самгуныцы охотно примут вас в свою семью как самых дорогих гостей.

— Нет, позвольте, почему же гостей, — почти обиженно заметил профессор, усаживаясь на сиденье. — Мы намереваемся пустить глубокие корни в Самгуни, так что придется и потесниться.

Три недели Кремлев и полковник Прозоров были заняты хлопотами по устройству института ЦАВИ на новом месте. Торопили исполком, подгоняли ремонтников. Наконец было все готово: общежитие, столовая, библиотека, классные аудитории, детский сад. Наступила очередь размещения оборудования и монтажа приборов лаборатории Кремлева.

В субботу пошел сильный дождь, и Петр Кузьмич под этим предлогом решил отложить распаковку оборудования лаборатории.

— Сыро. Попортим приборы. Отложим лучше до понедельника, — сказал он сухо начальнику АХО.

Под вечер Прозорову позвонил Дмитрий Дмитриевич.

— Приезжайте сегодня вместе с профессором на дачу горкома. Ефим Алексеевич хочет познакомиться вас с активом Самгуни. Только не опаздывайте. Часикам к девяти.

Через час Петр Кузьмич, сидевший за чаем на квартире начальника ЦАВИ, заметил, как по окнам квартиры пробежал яркий сноп света, мелькнувший, как луч прожектора. Донеслось легкое шуршание шин подъехавшей автомашины. На лестнице послышались шаги. Прозоров угадал неожиданного гостя по походке и пошел навстречу. В открывшейся двери появился улыбающийся Дмитрий Дмитриевич. Его звонкий голос заполнял пустую комнату.

— Здравствуйте! Заехал взглянуть, как вы устроились... И Петр Кузьмич здесь, а я его ищу. Вот и хорошо. Вместе и поедем ужинать на дачу горкома.

Он посмотрел на часы и сказал:

— Собирайтесь. Опаздывать нехорошо. Нам еще нужно заехать за профессором Русановым.

— Русанов? — удивленно переспросил Петр Кузьмич. — Уж не тот ли, которого прозвали «великим агрономом Таймыра»?

— Не знаю. Возможно, и он. Я с ним почти не знаком.

— Я должен непременно с ним встретиться. Четверть века не виделись... Ну что же, пошли...

Он взял Дмитрия Дмитриевича под руку и потянул к выходу, но у самых дверей остановился, постукивая своей тростью о пол. Дмитрий Дмитриевич посмотрел на него внимательно.

— Вы намерены что-то сказать?

— Надо бы поделиться кое-чем.

— Один на один?

— Нет. От Прозорова мне скрывать нечего.

— Тогда я готов слушать...

— Меня беспокоит расположение помещения, отведенного под нашу лабораторию. Игрушки у нас, как вам известно, опасные. А тут — центр города. Рядом школа, позади детский сад. Да и вообще много лишних глаз вокруг.

— Вон почему вы уклоняетесь от развертывания своей лаборатории, — заметил подошедший Прозоров.

— Опасения резонны. От экспериментов в пробирках надо переходить к практическим опытам, а условия там совсем не подходящие. Одним словом, надо подыскивать другое место.

— Подумаем, Петр Кузьмич, — согласился Вахрушев, — поищем с Ефимом Алексеевичем.

Они спустились с парадного, разместились втроем на заднем сидении.

Глухо вздохнул мотор, и машина плавно покатила по асфальтированной аллее между высокими елями, как бы подпирающими своими острыми вершинами звездное небо.

* * *

Утром в выходной день, как условились на даче, Прозоров и Кремлев поехали с секретарем горкома осматривать окрестности Самгуни. День выдался ясный и теплый. Дул легкий ветерок с Базальтовых гор. Проезжая высоким правым берегом реки Самгуни, Кремлев поминутно восторгался то пейзажами, то многообразием растительности, то крутыми поворотами русла Самгуни, пробившей себе дорогу между гранитными скалами. Около

одной из таких каменных петель реки Петр Кузьмич не смог удержаться:

— Вот бы где плотину соорудить — запереть этот могучий поток! Можно осветить всю долину.

— Скоро увидите и плотину, профессор. Причем не одну, а три — целый каскад...

Шофер резко затормозил. Поперек дороги лежало большое дерево, вывернутое непогодой с корнем.

— Ну вот и приехали, — сказал с досадой профессор, поднимаясь с сиденья.

Шофер достал из багажника моток провода и какой-то замысловатый инструмент, похожий на ручную дрель. Поднял капот, присоединил один конец провода к аккумулятору и пошел, разматывая на ходу моток электропровода. Вставив штепсель провода в розетку своего инструмента, он присел на корточки около валежины. Зажужжала дисковая пила, полетели струей мягкие опилки, и через минуту-две вершина валежины отделилась, подняв желтый обрез торца. Вершину повернули вдоль кювета, и путь был открыт. Петр Кузьмич заинтересовался новым шоферским инструментом.

— Сами выдумали? — спросил он шофера, осматривая неуклюжий на вид механизм.

— Просидишь ночь под дождем за завалом один на один с волками, еще не то выдумаешь, — шутливо ответил шофер.

— Похоже машину для стрижки овец скопировал?

— Нет, — улыбнулся шофер. — С парикмахерской машинки конструировал. Принцип у них ведь один.

— Нужную штуку выдумали. Правда, грубовата на вид, но умная выдумка... Ничего, очень хорошо для начала. Важно подать идею. — А про себя подумал: «Вот так иногда и бывает: думающий человек в самоучках ходит, а в науку пустоцветы лезут... Надо взять на примету паренька... пригодится в нашем деле. Можно будет и подучить».

Проехав еще километра четыре, они вышли из машины.

Профессор подошел к Прозорову, осматривающему заречные пейзажи, и тронул за руку.

— Начальник областного управления госбезопасности Галаджи что-то знает об Антоне Споряну. И, как мне кажется, далеко невеселое. Но сказать не хочет. «Сде-

лаем запрос...», «наведем справки». Мне Споряну нужен, а не бумажные обещания...

— Петр Кузьмич! Вы совершенно не правы. Об этом нужно говорить с Галаджи в его кабинете, а не на даче за биллиардным столом, а вы начали разговор там...

— Постойте... Я... Я же один на один с ним. Только в присутствии Дмитрия Дмитриевича.

— Все равно, кругом были люди. А иногда и стены слышат.

— Очень сожалею, что у такой именитой дачи ненадежные стены, — сердито процедил сквозь зубы профессор и умолк, поглядывая на синие громады Базальтового перевала. Когда подошел Ефим Алексеевич, профессор поллюбопытствовал: — Что это за избушка на курьих ножках? Вон, на высоком холме среди лесов.

— Охотничий дом. Это бывший монастырь. Почти весь развалился от времени. Общество охотников возвело на развалинах, по существу, новое здание. Вокруг прекрасная охота. Осенью — на тетеревов и рябчиков, зимой — на зайцев, косачей, куропаток. А летом озеро рядом полным-полно кряковых на перелетах.

— Далеко это от города?

— Нет, километров тридцать.

— Прекрасно! Удобно будет...

Прозоров улыбнулся, угадав намерения профессора. Прочитал мысли ученого и секретарь горкома. Он переглянулся с Прозоровым, утвердительно кивнул головой и предложил:

— Ну что ж, Петр Кузьмич. Поедем, посмотрите? Может, и понравится. Препятствий особых не предвидится. Леня! Разворачивайся, — крикнул он шоферу.

Когда все заняли места, шофер спросил не оборачиваясь:

— Прямо в «Моссельпром», что ли?

— Почему «Моссельпром»? — обернулся профессор.

— Наверху охотники устроили балкон под стеклянным куполом, напоминающий купол московского ГУМа. За это и прозвали охотничий дом «Моссельпромом».

Профессор улыбнулся и потом молчал до самой дачи. Он думал о сыне, от которого утром получил лаконичную телеграмму: «Завтра вылетаю Самгунь новому месту работы». «Неплохо было бы, — думал профес-

сор, — если бы удалось взять Володю в штат лаборатории... При случае поговорю с Дмитрием Дмитриевичем — Володя незаменимый помощник и доверять можно все».

Глава XVIII

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

Лукерья Ивановна мыла после завтрака посуду, поминутно повторяя про себя:

— Милый мой мальчик, нашелся. Жив моим благословением...

А мысли обгоняли одна другую: «Какой он стал... Наверно, тоже соскучился о матери... Где он был, что с ним стряслось такое непонятное, здоров ли?»

Закончив с посудой, она вышла в столовую, достала с верхней полочки буфета телеграмму, прочитала ее, может, десятый раз и бережно прижала к своей груди, глубоко вздохнув:

— Сегодня, скоро увижу моего мальчика...

Ее дочери и внучка, по случаю выходного дня, сидели во дворике в беседке, наблюдая за неутомимой работой пчел, которые, словно притягиваемые магнитом, сновали от ульев к распустившим свои бутоны олеандрам, душистому табуку на клумбе, вьюнам, густо увившим беседку.

Лукерья Ивановна не знала, кому обязана их семья за то внимание, которое оказывалось ей в Самгунь. Лишь старшая дочь Елена Савельевна догадывалась, что переезд всей семьи в Самгунь продиктован не только ее переводом, а больше другими, какими-то скрытыми соображениями. На эту мысль ее наводили многие факты: перевод института, в котором учился Антон Споряну и где должен был работать, переезд профессора Кремлева и многое другое. Перебирая мысленно эти события, она вспомнила, как ее вызвали в Министерство здравоохранения СССР и сказали просто и кратко: «Переводим вас в Самгунь. Там нужен опытный врач с практикой фронтовой хирургии. Готовьтесь к переезду...»

Приехав в Самгунь, она в тот же день получила просторную квартиру, ключ от которой ей управдом принес в гостиницу. Вскоре приехала к ней в Самгунь и мать. «Пришли и сказали, — объяснила она Елене Савельев-

не, — вот вам, мамаша, билет на проезд. Собирайтесь — завтра придет машина и отвезет вас на вокзал. Поедете к дочери в Самгунь».

Елена Савельевна все чаще и чаще тревожилась и стала всерьез подумывать о том, что, видимо, брат Антон погиб, и прроявляют о них заботу для того, чтобы они хоть немного забылись. Склоняясь к этой тревожной мысли, она тут же отгоняла ее, стараясь уверить себя в другом: «Может, и обо мне заботятся, чтобы отдохнула от прежних скитаний и длительного перенапряжения нервов».

Младшая сестра Антона Споряну Ира только накануне приехала и теперь наслаждалась отдыхом в чудесном дворике особняка. Обе сестры радовались тому, что наконец-то снова увидятся с братом.

Сестры сидели в беседке, увитой вьюном, диким хмелем и китайскими розами, распутившими гирлянды алых, розовых, желтовато-белых бутонов. Мать время от времени останавливала взгляд на беседке. Она была исполнена редчайшего душевного покоя. Да и как ей было не радоваться, когда почти вся семья находилась при ней. Старшая дочь Иленуца — кандидат медицинских наук, главный хирург центральной больницы. Младшая Ира — отличница девятого класса. Любимый сын Антон и зять Юрий Капустин на пути к родному дому. Мать сейчас думала больше о том, как разместиться двум семьям в одной квартире. Сыну, дочери и зятю нужно по кабинету, комнату для нее с младшей дочерью, две спальни, столовую и детскую. А в доме всего пять комнат. Да к тому же и сыну пора подумать о подруге жизни.

Размышляя об устройстве ставшей вдруг снова большой семьи, Лукерья Ивановна прикидывала в уме разные проекты расселения. Она решила, что с Ирой и внучкой поместится в одной комнате, а в гостиной — Антон. Погруженная в свои размышления, она вдруг насторожилась и, прислушавшись, сказала вслух:

— Да, стучат...

И не торопясь пошла узнать, кто пришел.

Повернув рукоятку замка, Лукерья Ивановна приоткрыла дверь. На парадном никого не было. Вышла на ступеньки, посмотрела направо, налево — никого не видеть. Пожав недоуменно плечами, вернулась в комнату и услышала крик дочерей во дворе.

— Мама, мамочка! Тоня приехал!...

Лукерья Ивановна, растерявшись от неожиданности, вместо того, чтобы открыть дверь на террасу, начала усиленно крутить ключ в обратную сторону.

— Да помогите же, негодницы! — кричала она, стуча кулаком в неподдающуюся ее усилиям дверь.

Вспомнив про выход через кухню, торопливо кинулась туда, цепляясь ногами за края ковров. Очутившись на улице, она обвила руками шею сына, целуя его, приговаривала:

— Заждалась я тебя, мой хороший, ой, как соскучилась! Дай я на тебя погляжу, какой ты стал. Месяц волнений, переживаний, тревог показались целой вечностью... Здоров, цел-невредим?

— По всем статьям, мамочка, в норме. Здоров! Вот только устал от воздушной болтанки: пять тысяч километров, как в люльке или на качелях... Да, Ленуца, а как дела с Юрием? Где он?

— Юра тоже в пути, — опередила Ира сестру. Потом добавила иронически: — Ленуца как-то странно звучит это в приложении к старшей сестре и совсем уж не солидно для инженера.

— Полно тебе, Ира, — запротестовала Елена Савельевна. — Хотя он теперь стал инженером, но для меня все тот же проказливый братец Тоня.

— Ты, Ленуца, все еще не забыла мои детские шалости. Память у тебя хорошая.

Они искренне рассмеялись, взяв друг друга за руки. Он нежно привлек сестру к себе и поцеловал дважды в щеку, а потом запел на мотив известной песни:

Ампутировать ты мастерица
И найти быстро к сердцу слова.
Дорогая моя сестрица,
Золотая твоя голова.

— Откуда ты знаешь, Тоня, о моих хирургических делах? — подняла на него глаза Елена Савельевна. — В Кошнице ты не говорил мне об этом.

— Узнал позднее. Земля слухом, Ленуца, полнится. В крымском санатории, где меня ремонтировали после дорожных приключений, я встречался не с одним офицером, побывавшим под твоим скальпелем.

— Ну и как? — нетерпеливо подступила ближе Елена Савельевна. — Как чувствуют, что говорят?

— Что говорят? Много и часто говорят. Как только встретятся два бывших твоих пациента, так и вспоминают тебя добрым словом.

— Знаешь, Тоня, я непременно побываю в этом санатории восстановительной хирургии. Как бы хорошо было встретить своих пациентов и поговорить с ними лично.

— Ты права, Ленуца. Видеть результаты своего труда не только приятно, но и необходимо.

— Да, да! Непременно поеду. В самое ближайшее время буду просить научную командировку.

— Ну вот, уже и расчувствовалась, — заметила молчавшая все это время Ира. — Товарищ инженер! Вас родительница зовет, — с напускной официальностью сказала она и обвила брата руками за шею. — Какой же ты, Тонька, здоровый! Как сбитый весь. Занимаешься физкультурой?

— Конечно, каждое утро. А ты что, в маменькины дочки готовишься?

— Какой у тебя, Тоня, язык колючий...

— Нет, почему же колючий, Ира. Я просто взаимно любезен.

— А ты уж и обиделся...

— Нет, но вот представился случай, и я решил проверить твой характер и выдержку...

Ира обхватила вновь его за шею, стараясь пригнуть, но тут же оказалась в воздухе. Он долго кружил смеющуюся сестру, пока из окна не донесся голос матери.

— Тоня, ванна готова!

— Сейчас, мамочка, иду!.. Ира, а телефон в квартире есть?

— Есть в гостиной. Пойдем, я покажу, как с ним обращаться. Тут телефонная станция какой-то новой конструкции... Кому хочешь позвонить?

— Начальнику института Прозорову.

Споряну посмотрел в справочник, набрал нужный номер и нажал зеленую кнопку. Овал маленького телеэкрана, вмонтированного в покатую плоскость телефонного аппарата, обращенную почти под прямым углом к сидящему перед ней Споряну, становился все прозрачнее и прозрачнее. Сначала выступили контуры служебного кабинета, заполненного массивными книжными шкафами, потом отчетливо вырисовался большой стол, покрытый

сукном, а перед ним в кресле Прозоров с телефонной трубкой в руке.

— Говорит инженер Споряну. Мне нужен товарищ Прозоров, — сказал в микрофон Споряну, наблюдая в экран за начальником ЦАВИ.

Прозоров поднял голову и, как показалось Споряну, посмотрел прямо ему в глаза.

Споряну смотрел, широко улыбаясь грозившему с экрана пальцем Прозорову.

— Есть отдыхать, товарищ начальник, — почти крикнул он весело в микрофон, положил трубку на рычаг и, повернувшись к стоящей рядом сестренке, щелкнул ее легонько в нос. — Ты понимаешь, Ирка, Прозоров сказал, что он искренне рад моему приезду, и просил... знаешь, о чем он просил?

Ира непонимающе пожала плечами.

— Просил на свадьбе оставить ему место посаженного отца. Откуда он взял это? Я пока и не думаю о женитьбе.

— Ой!.. Это он меня видел около тебя на экране.

Брат и сестра громко рассмеялись, направляясь в столовую. Взяв брата за рукав, она вдруг остановилась, беспокойно взглянув ему в глаза:

— А что же ты о Зине не спросишь?

Он ответил не сразу, словно не хотел об этом говорить, задумчиво опустив голову. Потом поднял грустный взгляд на сестру:

— Я не знаю, где ее искать и что с ней.

— Вот те на, — воскликнула Ира, — да ведь здесь она. В Самгуни.

Глава XIX

СЕКРЕТ ИНЖЕНЕРА СПОРЯНУ

Наговорившись с матерью и сестрами, Антон прилег с книгой на кушетку. Но ему не лежалось. Хотелось скорее повидать Зину. «Пойду к Петру Кузьмичу», — подумал он и резко вскочил с кушетки.

Приоткрыв дверь в столовую, он сказал, стараясь не выдать своего волнения:

— Я пройдусь, мама. Погуляю на свежем воздухе. Зайду в институт...

— Иди, иди сынок, — ласково ответила Лукерья Ивановна. — Посмотри город, полюбуйся здешней природой.

Пройдя несколько кварталов, Споряну поймал себя на том, что не пропускает ни одной вывески и особенно тщательно перечитывает вывески учебных заведений. На одном из перекрестков Антон обратился к постовому милиционеру.

— Скажите, где Алтайский проспект?

— А вон угловое здание, — указал милиционер на стоявший за площадью массивный двухэтажный дом, непонимавший своей архитектурой музей. — От него начинается проспект.

В приемной начальника ЦАВИ сидела хмурая секретарша. Не дослушав и не поднимая от бумаг головы, она ответила безразличным тоном:

— Начальник занят. Сегодня не принимает...

В это мгновение скрипнула дверь, и на пороге приемной показался Кремлев.

Споряну порывисто бросился к нему.

— Петр Кузьмич!

Кремлев степенно остановился. Из рук ученого выскользнула папка. Споряну ловко подхватил ее и подал своему взволнованному учителю.

— Антон, — почти выкрикнул старик... — Антон Савельевич, дорогой мой! Как это кстати.

Растроганный профессор обнял Споряну, троекратно поцеловал в обе щеки и взял под руку.

— Сию же минуту к Прозорову...

— Вот видите, — поднялся улыбающийся Прозоров, — представители двух поколений встретились вновь.

Он по-отечески обнял Споряну. — Садитесь, Петр Кузьмич, садитесь, Антон Савельевич, рассказывайте свои похождения.

Прозоров положил руку на скрытую под сукном кнопку звонка, в двери показалась секретарша.

— Я вас слушаю, Алексей Никитич, — обратилась она к сидевшему рядом со Споряну начальнику ЦАВИ.

— Распорядитесь, Вера Михайловна, насчет завтрака на троих. Пусть будет, кстати, и бутылка сухого шампанского.

Когда секретарша вышла, профессор Кремлев подсел поближе к Споряну и начал укоризненно:

— Молодой человек, объясните, почему ваше сокровище не желает подчиняться.

— Какое сокровище? — краснея, переспросил Антон Споряну, подумав, что профессор говорит о своей дочери Зине Кремлевой.

— Вы что, уже забыли о своем первенце, — удивленно сказал профессор. — «СЭВАРД-1», сверхэкономичный высотный авиационный ракетный двигатель первой опытной серии.

— Чем же я провинился?

— А тем, что двигатель не хочет никому подчиняться. Подводит и крепко подводит. По вашим схемам мы изготовили малютки самолеты-снаряды, но они при испытаниях вместо строгого вертикального полета загибают такие виражи, что становится не по себе. Из-за этого запрещают испытания.

Споряну рассмеялся.

— Вы знаете, Петр Кузьмич, в чем тут секрет?

— В том-то и дело, что не можем ничего понять.

— Заводится легко, но неожиданно глохнет...

— Совершенно верно, — вырвалось у профессора.

— То готов унести в бесконечные дали вселенной, то, описав дугу или вираж...

— Откуда вам это известно? — перебил его Прозоров.

— Виноват во всем я. Дело в том, что из каких-то, может быть, неоправданных опасений, я сдал при дипломной работе чертежи некоторых деталей первого варианта.

— Почему же? — спросили в один голос Прозоров и профессор.

— Извините, но после разговора с Вами, Петр Кузьмич, я опасался, что чертежи могут попасть из канцелярии не к тем людям, а предупредить вас не успел. Я не предполагал, что отлучусь на долгое время.

Прозоров пристально посмотрел на Споряну. Трудно было понять по его взгляду, одобряет он поступок Споряну или осуждает.

— Ну ладно, ладно, не сердитесь... — добродушно сказал профессор. — Меня даже подкупает, что так хитро спутаны карты. Уж коль скоро мы не могли ничего сделать, то вполне понятно, что и другие, — он многозначительно поглядел на собеседников, — не смогли бы в случае чего воспользоваться двигателем Споряну.

— А может, пытались, да не вышло. Я видел снимки чертежей у этих других, — сказал Споряну.

— Помните, профессор, — заметил Прозоров, — что произошло перед войной с моделью самолета известного русского авиаконструктора?

— Интересно, что же? — полюбопытствовал Споряну.

— Во-первых, истребитель появился у немцев неожиданно и вскоре после того, как были готовы опытные образцы самолета конструктора «Н». Во-вторых, немецкий вариант оказался дубликатом, повторяющим во всем самолет «Н». И, в-третьих, у шпиона одной иностранной миссии, работавшего одновременно на немецкую и американскую разведки, нашли фотопленку, на которой были засняты скопированные чертежи некоторых деталей проекта инженера «Н». — Он помолчал и добавил: — Известно, что разведка давно пристально интересуется и двигателем Споряну.

— Кое-что и мне известно, — ответил Споряну. — Только не могу догадаться, как, когда и кто это сделал.

— Очень просто, — пояснил Прозоров. — Работники УГБ, говорил генерал Галаджи, нащупали следы. Кто-то скопировал детали камеры сгорания — это расшифровывается на снимке. Чертеж дипломного проекта Споряну выполнен на белом гладком ватмане, а копия, судя по снимку, — на кальке. Или, наоборот, возможно я и перепутал.

— Если даже скопирован весь чертеж двигателя, — заметил Кремлев, — то есть кроме путаницы в чертежах и еще одно «но» в нашу пользу — секрет химического состава нового топлива. А без этого горючего реактивный двигатель конструкции инженера Споряну теряет главное: потолок и скорость.

— Теперь мне понятно, — задумчиво сказал Споряну. Посмотрел на Прозорова, затем на Петра Кузьмича и начал рассказывать о предъявленных ему на «Розовой даче» фотоснимках.

Прозоров нервничал, часто затягиваясь папиросой. Профессор слушал, насупив брови. Улучив момент, профессор перебил Споряну:

— Это компетенция начальника УГБ генерала Галаджи. Расскажите лучше, Антон Савельевич, что вы нащупали в чертежах своего проекта?

Споряну поднялся и взял предложенную Прозоровым

папиросу, задумался, припоминая обстоятельства работы над проектом.

— Рассказывайте, Антон Савельевич, о своей злой шутке все подробно, — строгим тоном добавил Кремлев.

— Я изменил сердце двигателя — положение главной диафрагмы, управляющей подачей горючего. Это лишило двигатель главного — высоты. Уменьшил силу отдачи, чем лишил двигатель других важных преимуществ — скорости, дальности...

В кабинет вошла Вера Михайловна:

— Завтрак готов, Алексей Никитич.

— Отлично. Да, пригласите срочно сюда начальника отдела кадров.

Закрылась дверь. Наступило минутное молчание, прерванное профессором:

— Кто все-таки, по-вашему, — сказал он, глядя в упор на Споряну, — мог сфотографировать чертежи и где?

— По-моему, в библиотеке института, Петр Кузьмич, но кто именно... Не перестаю думать об этом, но никого не могу заподозрить.

— Сходите без промедления к генералу Галаджи. Расскажите все. Им это может пригодиться.

— Антон Савельевич, — спросил, поднимаясь с кресла, Прозоров, — а можете вы восстановить, ну возродить свой проект в его первоначальных расчетах?

— Это можно сделать очень быстро, если профессор сохранил экземпляр своей монографии о природе детонирующих газов.

— При чем же монография? — удивился профессор.

— При том, Петр Кузьмич, что все точные расчеты записаны там между строк печатного текста. Помните, я у вас брал монографию при окончании диплома. Ну вот тогда и записал бесцветными чернилами, на всякий случай, все, что составляет тайну мотора.

— Монография, — оживился профессор, — м-да, помнится мне, она хранится в сейфе лаборатории.

Дав нужные указания вошедшему начальнику отдела кадров, Прозоров отдернул широкую портьеру, скрывавшую ход в смежную комнату, и пригласил профессора и Споряну. Наполнив бокалы, он предложил тост:

— За возвращение блудного сына!

Пригубив бокал, профессор отставил его и придвинулся ближе к Споряну.

— Завтра же, Антон Савельевич, нужно исправить чертежи. Замена деталей, их подготовка займет неделю-другую, а там и испытаем ваш снаряд по всем правилам. Запустим его в матушку-стратосферу.

— Обязательно, Петр Кузьмич! Но с кем мне связаться?

— Связаться вам следует с младшим Кремлевым, — сказал Прозоров.

— Да, да, Антон Савельевич. Володя почти одной с вами профессии. Зайдите к нему, вы ведь хорошо знакомы, — добавил профессор.

Прозоров поднялся и подал руку:

— Пока, Антон Савельевич. Испытания начнутся как только будет готов двигатель. Накануне я позвоню. Может, вместе и поедem в зону. Прислушивайтесь к новым звукам необычной «небесной артиллерии». Пошлем в стратосферу 18 снарядов. Наблюдайте...

— А как семья, Петр Кузьмич? — спросил Споряну, задерживая руку профессора, рассчитывая услышать что-нибудь о Зине.

— Все на своих ногах, живы, здоровы, — неопределенно ответил Петр Кузьмич, занятый размышлениями о том, кто же мог сфотографировать чертежи.

— Если не секрет, можно узнать, где Зинаида Петровна? — преодолевая смущение, спросил Споряну.

— Здесь, в Самгуни. Заведует лабораторией на станции профессора Русанова. Сегодня должна выехать в командировку. — Петр Кузьмич, заметив, с каким волнением Споряну слушает его, посмотрел на него внимательно и добавил с еле уловимой улыбкой: — Ну, я спешу. Заходите... Кажется, дружили.

Споряну смущенно опустил глаза, собираясь что-то сказать, но Кремлев уже был в дверях. Антон Савельевич облегченно вздохнул, как будто большой груз сбросил с плеч, и решительно направился к выходной двери. «Должна выехать в командировку, — звучали в ушах слова профессора. — Надо немедленно повидаться. Эх, ротозей, не спросил, где она сейчас — на квартире, на работе или уже уехала?»

Оказавшись на улице, он вдруг заколебался: разыскать Зину, встретиться с ней во что бы то ни стало или сначала нанести визит генералу Галаджи? «Сейчас созвонюсь с Зиной, если не уехала, договоримся, — решил он, —

а потом уже к генералу». Он осмотрелся по сторонам, заметил вывеску почтамта и быстрым шагом пошел на переговорный пункт.

Несколько раз звонил он на лесоопытную станцию, но телефон лаборатории не отвечал. Он вызвал приемную профессора Русанова.

— Заведующей лабораторией нет, выехала в командировку, вернется завтра, — ответил нетерпеливый женский голос, не выслушав до конца вопроса.

Споряну вышел на улицу и направился к генералу Галаджи.

Глава XX

В ПОДЗЕМНОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Сердце двигателя было смонтировано заново. Лабораторные опыты закончены. Профессор Кремлев решил пригласить авторитетную комиссию для проведения заключительных стендовых испытаний. Комиссия собралась во второй половине дня. Профессор пригласил всех в свой подземный ангар.

Когда лифт остановился, Петр Кузьмич повернул выключатель. В открывшиеся дверные створки лифта потянуло прохладой. Ровный свет матовых бра освещал кафельную площадку, покрытую ворсистой ковровой дорожкой, у окончания которой словно нехотя пошевелилась массивная глыба гранита. Медленно разворачиваясь вокруг своей оси, она поползла в тело стены, открывая вход в сводчатый тоннель. Пройдя шагов сто в полумраке тоннеля, Дмитрий Дмитриевич проговорил нараспев:

— Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги...

— Слишком обыденно, Дмитрий Дмитриевич, — слышался густой бас одного из членов комиссии. — Шляхтич, надо полагать, выкрикнул это Ивану Сусанину на самой высокой ноте...

В полумраке сводчатого углубления профессор остановился, предупредительно поднял руку. Все затаили дыхание. Откуда-то из глубины горы доносилось ровное гудение, напоминающее «песню» телеграфных проводов тихой ночью.

— Слышите?.. — оживленно произнес профессор.

Поют, как басовая струна. Поют без умолку (он взглянул на циферблат ручных часов, осветив их фонариком) — вот уже непрерывно 125 часов...

Профессор незаметно нажал кнопку сигнализации. Прямо перед спутниками, словно поднятый волшебной силой, отделился и пошел вверх каменный квадрат стены. Открылся огромный сводчатый зал, похожий скорее на подземный ангар. На длинных стендах вдоль параллельных двухтавровых балок стояли странной конфигурации V-образные двигатели. В развилке каждого вместо обычного бака для горючего — цилиндрический стакан, напоминающий укороченный наполовину кислородный баллон.

Под высокими естественными каменными сводами, покоящимися для безопасности на чугунных колоннах, гудение двадцати различных моторов сливалось в один голос и было похоже на мощную октаву сирены океанского лайнера, доносящуюся с рейда.

Перед профессором откуда-то из полумрака появился плотный мужчина в синем, аккуратно облегающем фигуру комбинезоне и отралптовал:

— Дежурный инженер. Стендовые испытания проходят успешно. Подача горючего и его сгорание протекают нормально. Происшествий нет. Двигатели переключены на максимальный режим.

— Прошу ознакомить правительственную комиссию с характеристиками стендовых испытаний.

Дежурный инженер сложил руки рупором и крикнул в глубину подземного зала:

— Механика! Журнал стендовых испытаний — быстро...

Члены комиссии неторопливо переходили от одной группы моторов к другой, прислушиваясь к мерному гудению двигателей. Дмитрий Дмитриевич и начальник ЦАВИ, указывая взглядом на профессора, о чем-то переговаривались между собой вполголоса. Дмитрий Дмитриевич подошел к профессору и взял его под руку.

— А как же, профессор, выключить эту бушующую стихию, как немедленно остановить двигатели, если это потребуется?

Вместо ответа профессор подошел к контрольному щиту управления одного из двигателей, нажал красную

кнопку, и мотор, тяжело вздохнув, умолк. Повернувшись к членам комиссии, он пояснил:

— А теперь, чтобы запустить двигатель вновь, достаточно нажать белую кнопку.

Его указательный палец лег на эмаль кнопки. Понеслось еле уловимый металлический шелчок, а затем внутри трубы, отводящей газы, полилась знакомая «мелодия» вырывающихся с огромной силой газов, свидетельствующая о том, что двигатель работает вновь на прежних оборотах.

— Зеленая кнопка, — пояснил профессор, — это управление подачи газа в камеры сжатия. — И начал наглядную демонстрацию.

Мотор то утихал совершенно, то гудел, как авиационный мотор большой мощности. — Видите шкалу, — пояснил профессор. — На ней 10 делений. На первом делении горючего поступает столько, сколько нужно для нормальной работы малолитражного автомобильного двигателя или мотора небольшого катера. На втором — питание двигателя утаивается. Его достаточно для работы на предельных скоростях любого классного автомобиля. Горючего, подаваемого на третьем делении, достаточно для поршневой группы мощного плантажного трактора, семитонного грузовика или речного катера на 100—150 пассажиров.

Дежурный инженер протянул профессору папку. Ученый просмотрел несколько страниц и вернул папку обратно.

— Докладывайте комиссии обстоятельнее. Учтите, перед вами специалисты автотранспортной промышленности, морского флота, МПС и Министерства электростанций.

— Малолитражные двигатели, — уверенным тоном докладывал инженер, — за время работы на стенде проделали «путь», равный 10—11 тысячам километров. Расход горючего на 100 часов работы исчисляется несколькими килограммами. Из этого следует вывод, что одного баллона горючего (какие стоят сейчас на моторах) хватит на 120 тысяч километров.

— Позвольте, — перебил его изумленный услышанным один из членов комиссии, контр-адмирал, — это же чудо! Насколько я понимаю, этим решается грандиозная проблема народного хозяйства.

— Вы правы, Матвей Александрович,— заметил главный конструктор завода, изготовлявшего опытные двигатели для лаборатории.

— Если я правильно понял — при выпуске автомобиля цех сборки ставит на машину один такой баллон с новым горючим и — никаких хлопот ее владельцу о бензине. Одного баллона, если я не ошибаюсь, хватит на всю жизнь автомобиля?

— Вы абсолютно правы, — согласился профессор. — Только один баллон на весь срок эксплуатации. Мне кажется, это неплохо, а, Дмитрий Дмитриевич?

— Очень неплохо, профессор. Скажу больше, — великолепно!

— Не нужны будут бензоколонки, склады горючего, — сказал Прозоров. — Бензин и керосин выйдут из широкого употребления так же, как отжила свой век лучина.

— Продолжайте, инженер, продолжайте, — нетерпеливо сказал профессор, переходя к группе членов комиссии — ученых, беседовавших с инженером Споряну.

— Петр Кузьмич, — обратился Споряну к Кремлеву. — Профессор Хрусталеv и профессор Левашов заинтересовались устойчивостью налета на металле газоотводящей трубы двигателя. Я несколько отстал за время командировки. Не знаю о последних исследованиях...

— Явление чрезвычайно интересное, — живо подхватил Кремлев, — сгорая, газ создает слой как бы полированного налета, который не поддается воздействию не только атмосферных влияний, но и многих кислот. В полном смысле, антикоррозийное вещество. Очень высокая устойчивость этого налета и в процессе трения...

— Мы уже пробовали удалять налет трением песка и металлической стружки, но слой и даже его блеск остаются неизменными.

— Налет необычайно устойчив, — продолжал Кремлев. — Например, вода в любой концентрации, с различными компонентами солей не влияет совершенно. Он приобретает в этом эксперименте какой-то глубокий зеркальный блеск, точно канал трубы подвергся особому хромированию.

— А при воздействии кислотами? — спросил Левашов.

— Устойчив, подобно стеклу. Сейчас лаборатория работает над разгадкой этих секретов.

— Это очень важно, Петр Кузьмич, — убежденно сказал Хрусталеv, — это же новое противокоррозийное вещество! Представьте себе эффект, если оно найдет применение в покрытии металла, уничтожаемого коррозией тысячами тонн!

Ученые продолжали беседовать о возможностях покрытия налетом водопроводных труб, магистралей перекачки на большие расстояния нефти, газа.

А в противоположном конце стенда представители практики слушали инженера.

— На мощном моторе, — пояснял инженер, — расход горючего наиболее эффективен. Здесь действие газов возрастает пропорционально объему камер двигателя и на 10 часов требует горючего на 10 процентов меньше...

— Простите, не совсем понятно, — перебил инженера представитель Министерства морского флота.

— Чем больше объем камеры, — пояснил инженер, — тем эффективнее сгорание, тем больше давление газов и сила их отдачи.

— Так, так, — басил нетерпеливо представитель железнодорожников. — Тут десять делений. Какова же сила сжатия на десятом делении? Можно ли ее применить, скажем, на мощном паровозе, морском танкере?

— О последнем делении, — пояснил дежурный инженер, — можно составить представление по следующим данным. На пятом делении можно питать не только двигатель дизельпоезда, но и авиационные моторы любой мощности. Седьмое отвечает максимальной потребности океанского лайнера водоизмещением до 50 тысяч тонн... А десятого достаточно вполне для того, чтобы вращать турбины таких гидроэлектростанций, как «Днепрогэс».

— Т-а-а-к, — протянул тот же бас, — что-то колоссально великое. И где же заключена вся эта сила горючего? В чем состоит ее секрет?

— В химической природе самого горючего, — уклончиво ответил за инженера подошедший профессор Кремлев.

Дмитрий Дмитриевич заметил, что профессору не нравится это чрезмерное любопытство железнодорожника и перевел разговор в шутливом тоне на другую тему.

ТАЙНА КЕДРОВОЙ ГОРЫ

Петр Кузьмич почти не выходил из своей лаборатории. Он стал неразговорчив, и только близкие знали, что профессор готовится к большим испытаниям нового топлива в верхних слоях стратосферы.

Заканчивали последние доводки узлов ракетного двигателя и Споряну с Владимиром Петровичем Кремлевым. Сегодня они испытывали двигатель на стенде, чтобы еще раз убедиться в синхронности его работы перед запуском аппаратов на большие высоты. Прислушиваясь к тонам бушующих в глушителях выходных газов, Споряну взял под руку Владимира Петровича, указывая взглядом на двигатель:

— Душа радуется... Этот потянет далеко в стратосферу!

— А сколько нам пришлось доказывать, воевать с рутинерами, чтобы перейти на сжиженную газовую смесь...

— Теперь начнут препятствовать с других позиций, будут мешать профессору — доказывать, потрясать формами, что полеты на границу стратосферы преждевременны.

Посмотрев на часы, Споряну сказал:

— По-моему, можно двигатель остановить. Прошли все сроки... сорок часов. За это время можно несколько раз слетать на Луну.

— А что вы думаете — не так уж далеко до этих полетов...

Владимир Петрович сделал последние записи в журнале испытаний и выключил двигатель. Они вышли на улицу, закурили.

— Ну и пекло, — сказал Споряну, — дышать нечем...

Начало лета стояло на редкость знойным, без единого дождя. Уже к концу июня даже здесь, на границе тайги, пожелтела вся растительность. Поля и луга резко изменили свои окраски. По склонам и в долинах вместо волнующегося в прошлые годы зеленого моря травостоя, ярко расцвеченного маками, диким клевером и бисером ромашек, зверобоя, львиного зева сейчас всюду выступали пожелтевшие травы.

— Может завтра, Антон Савельевич, с ружьишками пройдемся?

— Не смогу, Владимир Петрович. Обещал Зине покататься на катере. Она и так неделями меня не видит.

Поговорив о семейных делах, они пошли докладывать профессору Кремлеву результаты испытаний двигателя.

* * *

Владимир Петрович встал рано утром. Переправился через Самгунь и пошел в тайгу к Архиерейскому озеру. На многие десятки километров в Самгуньской долине стояли душные марева, застилавшие дали, точно дым величайшего лесного пожара. В тайге поднимались едкие болотные испарения, наполнявшие воздух запахом прелой хвои и разомлевшего багульника. День ото дня становилось все жарче и жарче, как будто какая-то неведомая сила все ближе и ближе придвигала к земле раскаленный диск солнца.

Удалившись в глубь тайги, Владимир Петрович потерял направление. Пойдет в одну сторону — ельник становится все гуще и гуще, начинается мачтовый лес, потом бурелом, через который не пройти и не проехать. Стволы деревьев лежат вровень с грудью, местами свалены крест накрест и, кажется, попади в эти лабиринты — не выберешься. В каждой глубокой воронке, вывернутой огромными корнями свалившихся вековых деревьев, стояла вода, подернутая болотной порослью. В одной из таких ям Владимир Петрович уже побывал и теперь не рисковал больше преодолевать обросший мохом валежник. В другую сторону он тоже ходил три раза, но упирался в бескрайнее болото и возвращался обратно. Он долго припоминал, откуда, с какой стороны забрел в эти дебри; не имея компаса и не зная народных примет, он так и не мог найти нужного направления.

— Сбился, — огорченно подумал он и присел отдохнуть.

После некоторого раздумья осмотрелся еще раз и решил добираться к горе, синевшей, по его расчетам, на юго-западе. Часа полтора пробирался он сквозь заросли молодого пихтача и сосенок, прикрывая ладонью лицо от колющих иголок хвои. Наконец лес стал реже и крупнее. В первый раз с утра выглянуло солнце. Владимир Петрович только тут понял, что идет не на юго-запад, а на северо-запад.

Спустившись вниз, он пошел по берегу горной речушки, хотя и узкой, но довольно глубокой. Выбирая брод, он поднимался все выше и выше по руслу реки, пока не достиг подступавшего к самому берегу какого-то хребта. Здесь Владимир Петрович решил немного отдохнуть и подкрепиться. Он изрядно устал. Хотя солнце уже проглядывало в зените, но он до сих пор ничего не ел. Сняв рюкзак, патронташ и положив на них ружье, он направился с котелком к берегу, но тут же передумал, вернулся, надел патронташ и взял с собой ружье. Зачерпнув воды в котелок и умывшись освежающей горной водой, он набрал сухих сучьев, не хватало только бересты, чтобы развести огонь. Огибая осыпь хребта, он заметил углубление в горе. «А что если тут волчье гнездо», — мелькнула мысль. Он инстинктивно перезарядил ружье жеканом, осторожным шагом подошел к черной глубокой пустоте. Углубление оказалось просторным лазом в пещеру, но признаков каких-либо обитателей пещеры он не нашел. На давно устоявшемся песочке у входа не было заметно ничьих следов.

Владимир Петрович, недавно приехавший в Самгунь, не знал, что это была одна из многих в этих местах пещер, через пустоты которых выделяются природные газы, нередко ядовитые, и звери держатся вдаль от таких убежищ. Даже подранок, уходя от преследования, не прячется в ней. Чуткий нюх зверя улавливает запах газов еще издали. Владимир Петрович подошел уже вплотную, стараясь не дышать, чувствуя специфический сероводородный запах. Стены каменного тоннеля совсем не походили на естественную расселину пещеры. Они были как бы выложены и зачищены рукой искусного мастера. Базальт, гранит, малахит самой природой размещены в причудливые узоры по фону белого известняка.

Шагов через десять Владимир Петрович почувствовал шум в голове и сладковатый миндальный привкус на языке. Он круто повернул обратно и быстро вышел на свежий воздух. У входа остановился, обратил внимание на ярко-голубой налет на никеле замков ружья, точно их покрыло тончайшим слоем цветного лака. Попробовал оттереть рукавом, но налет не поддавался. Он вынул из мягких кожаных ножен охотничий нож. И нож был отполирован, хотя и меньше, тем же голубоватым блеском.

Недоумевая, чувствуя легкое кружение в голове и дремотную усталость, он решил закурить, чтобы отогнать сон, достал папиросу, покосился на створ пещеры и решил отойти подальше. Он не подумал о том, что в этих широтах могут быть горючие газы. Спустившись за огромный валун, как за угол, он щелкнул зажигалкой...

В то же мгновение его обдало пламенем и свалило с ног. В глубине пещеры загудело, завывало, как в трубе, и почти одновременно со страшным грохотом и свистом клестнул из пещеры смерч огня, пыли, камней, уносясь на большое расстояние, как из жерла гигантской пушки.

Больше ничего Владимир Петрович не помнил.

Он пришел в сознание только к вечеру. Солнце стояло уже над тайгой. С трудом поднялся, зябко ежась от промокшей до нитки одежды. «Что бы такое могло быть», — подумал он. Осмотревшись вокруг, понял, что недавно прошел сильный дождь. Вся осыпь у речки была плотно прибита дождем, изрезанная частыми расселинами-ручейками, свидетельствовавшими о большом, продолжительном дожде.

Он долго искал в сумерках свое ружье. И нашел его под слоем пещерных извержений по оставшемуся на виду прикладу. Осмотрев замок «тулки», выколотив мусор из стволов, он заглянул в них — ружье оказалось в исправности. Только ложе было немного поцарапано.

Подхватив рюкзак, он остановился в раздумье. Его озадачивала эта пещера. Он еще раз посмотрел на отполированные металлические части ружья и пошел домой.

Туча уже отошла далеко в сторону, туда, где находился город Самгунь. Закат покрылся багряным заревом, указывая направление дороги к дому. До лесоопытной станции Русанова, по расчетам Владимира Петровича, было километров пять. Из них около трех по знакомой охотничьей тропе. «Там, у Зины, переночую в лаборатории», — решил он и быстро, поминутно хватаясь за ступавшие, точно после угара, виски, зашагал прочь.

* * *

Часы городской башни пробили 11 раз. Дмитрий Дмитриевич почувствовал легкое движение воздуха, поднял голову. В приоткрытой двери, скрываемой полумраком тени портьер, послышался женский голос:

— Звонит профессор Русанов.

Дмитрий Дмитриевич взял трубку.

— Здравствуйте, профессор... Ну, как у вас в лесном царстве?.. Гремучие газы. Крупное месторождение. Это интересно... Хорошо, жду. Захватите с собой и первооткрывателя.

Дмитрий Дмитриевич взял трубку второго аппарата.

— Генерал Галаджи? Добрый вечер. Есть интересные новости... Поскорее ко мне и обязательно захвати старика из «Моссельпрома».

Дмитрий Дмитриевич позвонил. Вошел дежурный.

— В промышленном отделе есть кто-нибудь?

— Заведующий отделом Михалев здесь, готовится к пленуму, сейчас в машинном бюро диктует материал.

— Позовите его ко мне... Да... придет Галаджи, профессора Кремлев, Русанов и инженер Владимир Петрович по срочному делу. Больше никого не смогу принять.

Через полчаса в кабинет Дмитрия Дмитриевича вошел профессор Кремлев, перекидываясь шутками с генералом Галаджи. Профессор Русанов и Владимир Петрович уже сидели тут. Профессор Кремлев поздоровался, протянул руку Дмитрию Дмитриевичу Вахрушеву с улыбкой:

— Добрый вечер, опять что-нибудь экстраординарное? — спросил он.

— Найден выход гремучих газов. И не только гремучих, но и покрывающих металл блестящим налетом темно-синей эмали...

— Где, кто заметил? — скороговоркой перебил профессор Кремлев. — Такие газы нас весьма интересуют. Они... э, как бы вам сказать, имеют большое государственное значение...

— Сейчас Владимир Петрович нам все расскажет по порядку. Присаживайтесь, Петр Кузьмич.

Владимир Петрович подошел к столу и начал рассказывать о том, что случилось с ним у Кедровой горы. Петр Кузьмич внимательно слушал, наблюдая за каждым жестом, и обменивался взглядом то с Дмитрием Дмитриевичем, то с Галаджи. Затем он порывисто поднялся и, по привычке называть всех в обществе на вы, начал расспрашивать:

— Сильный взрыв, говорите? Возможно, вполне возможно. Хотя... Впрочем, продолжайте, продолжайте...

Владимир Петрович начал рассказывать об отсутствии следов у пещеры, о взрыве, о налете газовой эмали на стволах ружья и т. п. Петр Кузьмич медленно поднялся, подошел к нему и взял за металлическую пуговицу армейской гимнастерки.

— Вы там были в этой гимнастерке? — спросил он нетерпеливо.

— Да, в-этой.

Профессор властно потянул его ближе к настольной лампе.

— Идите, идите сюда, молодой человек. Какие пуговицы были: латунные или белые металлические?

— Не помню, — смущенно проговорил Владимир Петрович.

А Петр Кузьмич уже не слышал его, объясняя собеседникам свои выводы.

— Видите, Дмитрий Дмитриевич, вот на рукаве пуговицы с налетом небесной эмали. Это, несомненно, белый металл. А вот на карманах, должно быть, пуговицы латунные. Видите, сколь тонкая работа природы, будто искусное воронение — точно блеск густого ультрамарина. Весьма ценная находка...

Петр Кузьмич опустился в кресло и вытянул руки, положив их ладонями на колени. Потом наклонился к Дмитрию Дмитриевичу и сказал шепотом:

— Вы знаете, что это такое? — Тот самый краткогаз, который я добываю лабораторным путем. Хорошо, что он близок по весу к гелию, а не к углекислому газу, а то бы вытек из пещеры, распространился по окрестностям, и весь животный мир погрузился бы в длительную дрему.

Профессор Кремлев встал и заходил по комнате приговаривая:

— Нет, это куда сильнее хлороформа, а главное не смертелен для организма... А, впрочем, меня в этом газе интересуют совсем другие качества. Так сказать экстракт веществ, дающих в своем сочетании совсем иной продукт.

— Что же вы, Петр Кузьмич, предлагаете? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Как что, — спохватился профессор. — Нужно немедленно завтра же взять пробы газа. Зону пещеры, генерал, — взглянул он на Галаджи, — необходимо взять под особую охрану. Только людей надо снабдить противогазами нашей конструкции. Обычные не помогут.

В кабинете раздался глухой стук. Все обернулись. Владимир Петрович лежал на полу в состоянии обморока. Галаджи и Русанов подняли его и уложили на диван.

— Немедленно «скорую помощь», — почти крикнул Галаджи.

— Не нужно, — сказал Петр Кузьмич. Но профессор Русанов уже был за дверью. — Пожалуй, и пробы теперь брать излишне, — заключил Кремлев, — это тот самый краткогаз.

Он подошел к сыну и пощупал пульс, наблюдая за секундной стрелкой ручных часов. Потом пощупал виски, склонившись послушал сердце.

— Не беспокойте его. Это сон. Он должен продолжаться 10 часов. Правда, прервать его очень просто — достаточно ввести в вену несколько кубиков глюкозы или просто погрузить в теплую хвойную ванну, и через две минуты он проснется сам. Но через 5 часов уснет снова. И должен будет доспать положенный срок. А если не беспокоить его в течение 10 часов, затем впрыснуть один грамм кальция, он проснется сам и с новыми качествами: не будет переносить табачного дыма, будет страдать высотобоязнью и т. д. Однако все эти явления тоже легко устранимы простыми средствами.

Собеседники недоуменно переглянулись. Часы городской башни пробили 12 раз. Профессор вырвал из блокнота листок и написал:

«Дорогой коллега!

Особый случай — неосторожное обращение с краткогазом. Уснул в 23 часа 45 минут сегодня. Жму вашу руку.

Кремлев».

— Вот это, — протянул он записку Дмитрию Дмитриевичу, — прошу вас срочно переслать доктору Ефимову. В кабинете нужно оставить открытые окна. До приезда врача никому не входить.

Дмитрий Дмитриевич, пробежав взглядом записку, настороженно переглянулся с Галаджи.

— Простите, профессор, — не удержался Дмитрий Дмитриевич. — Разве доктор Ефимов в курсе ваших дел.

— Ефимов? — поднял непонимающий взгляд профессор и протянул руку к записке. — Каких дел? Я о своих делах с ним не дискусирую. Он ведет наблюдение в клинике над кроликами и обезьянами. Готовится к ис-

пытаниям действия газа на людях, страдающих разными болезнями. Ну, и делится со мной результатами...

— Не беспокойтесь, Дмитрий Дмитриевич, — вступил в разговор Галаджи. — Петр Кузьмич не переходит границ в разговорах с доктором Ефимовым. К тому же это его и мой домашний врач.

— А-а-а,—протянул улыбаясь Дмитрий Дмитриевич.— Ну... желаю спокойной ночи, — сказал он, поднявшись и пожимая руки Петру Кузьмичу и Галаджи.

— Ко мне, в городскую квартиру, — сказал Петр Кузьмич шоферу, усаживаясь рядом с Галаджи.

Профессор умолк, разбираясь в охвативших его мыслях. Генерал тоже молчал, с наслаждением попыхивая папиросой, наблюдая по временам за сидевшим рядом в раздумье профессором.

«Естественные выходы газов, — размышлял про себя профессор, — вот оно, решение проблемы. А все-таки необходимо завтра же послать за пробами. Если предположения окажутся верны, можно смело уже сейчас выдвигать идею искусственного дождевания в широких размерах». Он повернулся к Галаджи, положил ему руку на колено. Посмотрел с хитроватым прищуром в глаза и сказал:

— Как вы думаете, Селиверст Антонович, сколько можно получить прибавки в урожае, скажем, зерновых, если увеличить количество среднегодовых осадков в засушливой степи, допустим, вдвое?

— Смотря по тому, Петр Кузьмич, в какое время года увеличить осадки.

— А если научимся управлять погодой, будем вызывать осадки там, где они необходимы, тогда, когда они нужны, и в любых размерах...

— Ответ вытекает, Петр Кузьмич, из простого сопоставления урожаев, получаемых в засушливой зоне и районах, обильных осадками. Это соотношение постоянное: 3—6 центнеров в районах, подвергающихся засухе, и 20—30 центнеров в районах с достаточными среднегодовыми осадками.

— Я пока мечтаю о скромной прибавке, скажем, пять центнеров на гектар. И то одно Заволжье может дать стране прибавку в урожае, составляющую сотни миллионов тонн зерна. А если распространить свою власть над природой в районах Казахстана, юга Украины...

Он умолк, словно подсчитывал, сколько же миллионов тонн зерна получит государство, если увеличить урожайность во всех засушливых районах страны на пять центнеров. Генерал посмотрел на него искоса и сказал:

— Петр Кузьмич, чем объяснить такой пристальный и неожиданный интерес к проблемам земледелия?

— Э-э-э, брат, какой вы быстрый, — уклонился профессор от прямого ответа. — Пришла одна идея на ум, я и поделился. А подробности... не на кулаках, а на облаках намерен разъяснить. Вот и обдумываю, как туда добраться.

Галаджи понял, что профессор пока не хочет вдаваться в подробности, и заговорил о погоде, о последнем шахматном чемпионате.

Глава XXII

ПЕРЕД БУРЕЙ

После театра вся семья Споряну сидела за чаем на террасе, вспоминая и рассказывая поочередно о закончившихся переживаниях и приключениях. Мать попросила Антона Савельевича рассказать еще раз о своих приключениях в Крыму.

— От радости все смешалось в голове. Все перепуталось, что слышала в первый день приезда. Расскажи, Тоня, еще раз.

Антон Савельевич подсел поближе к матери и со всеми деталями рассказал о своих встречах и схватках с человеком в сером плаще. Рассказал о слежке за Зиной, о ложном телефонном вызове и своей неосмотрительности. Лукерья Ивановна внимательно слушала сына, потом, когда он закончил, покачала головой и сказала:

— Неужели есть на свете такие опасные люди. И как их только земля носит. — Она помолчала немного и добавила: — Теперь понятно, почему мы получали одни и те же ответы: «Розыски продолжаются...»

— А как же ты разыскал нас в Самгуни, — спросила Елена Савельевна, — кто тебе сообщил?

— Заботу об этом, Ленуца, проявили сведущие в жизненных переплетях люди. Такие под землей найдут, кого нужно...

— Однако тебя не отыскиали, не вызволили, — недовольно заметила мать. — Самому пришлось отбиваться.

— Не совсем так, мама...

Он поднялся, прошел с террасы в комнату и через минуту возвратился с телеграммой в руках.

— Вот прочитайте, — протянул он телеграмму матери.

Ира ловким движением перехватила телеграмму, взгромоздилась с ногами на плетеное кресло и начала читать вслух:

«Почтовый ящик номер 045.

Начальнику санатория Захарову.

Обеспечьте немедленный выезд Самгунь распоряжение начальника ЦАВИ Прозорова инженера Споряну Антона Савельевича зпт поступившего ваш санаторий тчк Случае необходимости тире врачебное также спецсопровождение тчк Адрес матери зпт сестер двтчк Самгунь Восточная 39 тчк Исполнение молнируйте Самгунь ЦАВИ Прозорову тчк»

Сестры и мать подняли вопросительные взгляды на улыбающегося Антона. Елена Савельевна взяла телеграмму и, прочитав про себя, спросила, не скрывая своего удивления:

— Так что же ты, Тоня, не расскажешь о всем подробнее, ведь все это необычно, интересно.

Споряну рассказал, как оказался на «Розовой даче», и признался, что до сих пор не уверен — утонул ли «Корнет» или спасся.

— А еще что было, какие приключения? Расскажи, Тоня, подробнее, ведь это так интересно, любопытно, просто дух захватывает, — тараторила Ира.

— Потом, как-нибудь в другой раз, Иринка, — ответил он, поднимаясь со стула. — Сегодня уже поздно. Мне и вам спать пора.

Он прищурил правый глаз, многозначительно взглянул на мерцающие звезды, потом на Зину и добавил:

— Косточки чувят, что завтра начнется небесная суматоха.

— Ты прав, Тоня. В воздухе пахнет грозой, — улыбаясь, согласилась Зинаида Петровна, с которой он говорил кое о чем, в общих чертах, о предстоящих испытаниях.

Споряну посмотрел на часы. «Скоро одиннадцать. Испытания завтра, а Прозоров не звонит. Неужели не допустят меня в зону?» Он хотел сам позвонить генералу Галаджи, но его мысли перебил телефонный звонок. Споряну взял трубку.

— Инженер Споряну у телефона.

— ...

— Понятно. В семь тридцать у ворот лаборатории.

Споряну положил трубку. Закурил, прохаживаясь по комнате. Заметив его взволнованное состояние, Зина спросила:

— Ты чем-то расстроен. Кто звонил? Галаджи?

— Нет, Прозоров. Приказал в семь тридцать быть у ворот лаборатории. Боюсь, что не разрешат выйти за ворота до конца испытаний.

— А ты не волнуйся. Видимо, есть важные соображения, если не разрешают присутствовать вблизи установок. Я в душе даже рада, что ты будешь подальше от опасных экспериментов.

— А все ж таки обидно, Зиночка.

Споряну долго не мог уснуть. Он старался представить, как поведут себя на больших высотах снаряды, насколько оправдаются теоретические расчеты силы повторных детонаций, каков будет радиус рассеивания осколков — сгорят или нет корпуса снарядов?

— Тоня, ты и думаешь вслух, — сказала Зинаида Петровна. — О чем ты разговариваешь сам с собой?

— Все о том же, Зина. Об испытаниях. Не проспать бы. — Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, стараясь уснуть.

Глава XXIII

НА УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Антон Савельевич, поднявшись по извилистой тропинке на холм, прислушался к лесным шорохам.

В дымке занимавшегося дня все явственнее выступали очертания перевалов, обступивших Самгуньскую долину с трех сторон, охватывавших ее почти замкнутым кругом с юга, запада и севера. В этот торжественный час разливающейся над горизонтом зари казалось, вся природа застыла в дремотном молчании. Лишь где-то дале-

ко-далеко слышался приглушенный расстоянием гул водосборов Самгуньского каскада.

Споряну распустил ворот кожаной куртки, обмахнул платком вспотевший лоб, прислушиваясь к лесным голосам.

Рядом, на самой вершине кедра, завозились белки, гоняясь друг за другом, осыпая на землю иглы отмершей хвои. Справа послышалось неприятное скрежетание жука-дровосека, заворочавшегося под корой пустого пня. Где-то рядом стремглав пробежала ящерица, шелестя сухой листвой и рыхлой ветошью прошлогодней травы. И снова стало так тихо, что жужжание кружащихся над головой комаров напоминало скорее пение нечаянно заде-той тугой струны. Прислушиваясь к комариному звону, Споряну подумал: «С какой, должно быть, скоростью работают их крылья, если эти микроскопические, прозрачные и почти невесомые несущие поверхности производят такой высокий звук...»

Из-под ног с шумом выпорхнула серая куропатка. Споряну вздрогнул от неожиданности и рассмеялся.

Он посмотрел на часы и пошел по направлению к опушке. Откуда-то издалека донесся голос выпи.

Наконец показался стеклянный купол лаборатории профессора Кремлева. Дом, стоявший над обрывом громоздившихся валунов, был романтичен, как «Ласточкино гнездо» в Крыму. Сегодня где-то в районе лаборатории должны происходить первые испытания. «Но в каком районе, откуда будет удобнее наблюдать?» — не переставал он думать. Он еще раз взглянул на часы. Было уже без четверти шесть.

Споряну прибавил шаг, не переставая присматриваться к окружающей природе, размышляя над тем, какие результаты дадут испытания «воздушных торпед»? Впереди над лесной полянкой он заметил маленькую птичку, очень расчетливо гонящуюся за стрекозами и невидимыми букашками. Споряну остановился, наблюдая за полетом пернатого охотника. Птичка сделала полную петлю, скользнула над самой травой и, часто-часто вибрируя крылышками, начала столбиком подниматься вверх, заполняя поляну веселым щебетом. «Веселится после удачной погони», — улыбнулся Споряну.

Миновав густой ельник, он вышел на опушку. Сквозь гряды мачтовых сосен, вытянувшихся редкими рядами

по гребню Каменного мыса, проглядывал огромный красный диск поднимающегося из-за горизонта солнца.

На широких окнах лаборатории, возвышавшейся на противоположном выступе горы, заиграли первые зайчики. А теневая сторона векового бора, огибающего полукругом усадьбу и склоны глубокой пади, куда еще не достигали утренние лучи, казалась неприветливо сумрачной, иссиня-темной, словно затянутой пеленой тумана.

Прозоров уже поджидал Споряну. Заметив его еще издали, он пошел ему навстречу. Пожимая руку, сказал, пряча улыбку:

— В нашем распоряжении не более полчасика. В зоне уже ждут.

Споряну сел в машину рядом с Прозоровым. Через минуту-две их машина развернулась и скрылась за поворотом дороги, ведущей к Кедровой горе. Когда они подъезжали к шоссе, впереди их точно вынырнули из-под земли несколько грузовых машин с укрытыми брезентом кузовами. Машины эти напоминали гвардейские «рояли» советской армии, так называемые «Катюши». Сзади, замыкая колонну, шел грузовик с вооруженными людьми.

«Повезли «воздушные торпеды» в зону, — решил Споряну. — Значит, скоро запуск. Интересно, как пройдут первые испытания?»

Подумав немного, Споряну спросил Прозорова:

— Алексей Никитич, а профессор тоже приедет в зону?

— Нет, Петр Кузьмич в зоне не будет. Они с Владимиром Петровичем будут наблюдать за испытаниями по приборам из застекленного купола лаборатории.

Глава XXIV

ПЕРВАЯ ИСКУССТВЕННАЯ ТУЧА

Часов около восьми утра со стороны Базальтового перевала донесся грохот, похожий на раскаты грома надвигающейся где-то поблизости грозы. И почти одновременно в голубой выси над Кедровой горой, на северо-запад от усадьбы лаборатории, показались причудливо завихряющиеся и быстро растущие кудрявые барашки облаков, постепенно меняющие свою огненно-желтую ок-

раску на серебристо-белую. Они разрастались вширь и ввысь с необъяснимой быстротой и минут через пять слились, образовав большую тучу.

С первыми раскатами грома этой непонятной в ясном, как лазурь, небе грозы все обитатели особняка-лаборатории высыпали на улицу, высказывая каждый свою догадку. Ефим Степанович Темляк, рыбовод прудового хозяйства научно-исследовательского института специального топлива, поглаживая реденькую белую бородку, подмигнув стоящему рядом начальнику охраны лаборатории, заметил с восхищением:

— Вот это маскировка! Под прикрытием такой завесы можно опрокинуть любую блицстратегию...

Начальник охраны не ответил, занятый своими мыслями.

— У вас, Ефим Степанович, оказывается, все еще не прошел фронтовой зуд, — добродушно улыбаясь, сказал стоящий рядом бригадир прудового хозяйства Кузьма Никитич.

— Не с той стороны вы судите, — ответил Ефим Степанович, сделав сердитое лицо. — Война — не моя профессия, но кулак надо и нам с вами держать всегда натренированным.

— Смотрите, смотрите! — закричали в один голос несколько человек. — Как она жмет к земле!..

— Похоже, что обратится в дождик, — нараспев протянул Кузьма Никитич, обращаясь к стоящему рядом кладовщику Зосиму Лукичу.

Почти в то же мгновение упали на землю крупные холодные капли. Ефим Степанович поймал несколько капель на ладонь, поднялся на крыльцо, чтобы укрыться от дождя, а, главное, посмотреть с высокой лестницы в зону испытаний.

— Васятка, живо тащи дождевики! — расплывшись в улыбке, повелительно крикнул Кузьма Никитич сыну.

Через десять минут люди стояли в плащах с капюшонами, подняв кверху головы, стараясь понять, что происходит в толще этой серой туманообразной мути. Потoki дождя хлестали кроны деревьев, срывая хвою и листву. Люди стояли, как зачарованные, всматриваясь в разбушевавшуюся стихию, как бы стараясь прочитать ее секрет. Зосим Лукич первым нарушил молчание.

— Д-а-а! Не иначе как наш старик посеял ветер, вот и получилась буря... Ой, уж эти эксперименты! Взлетим когда-нибудь со всем посадом на воздух. Приедут из города и черепков не соберут. «Была, скажут, лаборатория, да не нужна теперь и амбулатория».

— Вы, Зосим Лукич, на все смотрите с недоверием,— заметил Темляк. — И зачем только вы тут сидите, коли боитесь всего нового. Свои нервы портите и другим разум мутите.

— Зосим Лукич, а Зосим Лукич? — перебивая других, повторял Васятка.

— Ну чего тебе еще? И ты, молодо-зелено, туда же с ними. Разные громы да огненные ветры у вас в голове. Погляжу я на вас, молодежь, и ничегошеньки вы не разумеете. Вам бы жить да радоваться, а вы норовите чудеса чудес добыть.

— А вот вы, Зосим Лукич, — вступился за Васятку Ефим Темляк, — полвека прожили, а определиться в жизни все не можете. Себя напрасно мучаете. Не для риска вы рождены, а для покоя. За розами ухаживать бы вам да вкушать ароматы. Шли бы лучше садовником куда-нибудь. Там все по вам — тишь да гладь.

— Тьфу, скалозубы! — с сердцем сказал Зосим Лукич.

Кузьма Никитич посмотрел пристально на возвышающийся над зданием лаборатории купол «Моссельпрома» и, обращаясь к сыну, сказал:

— Васятка! Сбегай-ка на пруд, посмотри там у мостков мерку. Вода, никак, все прибывает. Может, позвонить на створы — аварийные водосбросы открыть. Беги, беги быстро, да смотри хорошенько...

Когда сын ушел, Кузьма Никитич постоял немного молча, достал кисет и стал набивать трубку, прикрывая ее полый плаща. Раскурив и зажав трубку в кулак, чтобы не попадал дождь, он со скрытым лукавством возобновил разговор:

— Мне думается, Зосим Лукич, что твой страх сродни одной болезни. У нас в Байкалове был такой мужичок. На него частенько находило какое-то наваждение. Говорят, сердце у него было устроено не по норме, ударит, скажем, гром, — он встрепенется, как рыба, и прячется в самое темное место. Раз как-то во время ледохода у нас против села получился большой затор. И вот

к ночи, когда назрело, затор лопнул с такой силой, что застонали стены домов, задребезжали стекла в окнах. Мужичонка этот сиганул с трубкой в зубах на сеновал, зарылся в солому и заронил искру... Так бы и сгорел, если бы соседи не вытащили.

— К чему ты это клонишь, Кузьма Никитич?

— Да так, к слову пришлось. Но оно и пользу иметь может. Ты же на складе приставлен к делу. А там мало ли каких гремучих ртутей. Когда разволнуешься, недолго и сплеховать. Стукнешь нечаянно одно, а оно жакнет по другому, ну и прощай, Зосим Лукич! Да что Зосим — вся усадьба то́маром в небо улетит...

— Пожалуй, ты и верно рассуждаешь, Кузьма Никитич, — проговорил с расстановкой Зосим Лукич.

— Смекай уж сам, Зосим. Каждый в своем деле сам себе хозяин.

— Э-эх-ма, — вздохнул Зосим глубоко. — В совхозе или в кооперативе, пожалуй, спокойнее будет. Туда, видимо, и переберусь...

Налетела еще более сильная полоса дождя и тут же рассеялась, словно чьей-то неведомой силой вдруг ее отвело в сторону. Потом еще несколько минут продолжала моросить мельчайшая водяная пыль, похожая на стелющийся по земле туман.

Заметив еще издали машину, Зосим Лукич машинально снял кепку и с нескрываемой тревогой проговорил про себя, ни к кому не обращаясь.

— Беда! Не зря так спешит...

Он провел рукой по намокшим редким, льняного цвета волосам, торопливо накинул на голову кепку и поднял только что опущенный капюшон дождевика. Он не скрывал своего беспокойства и говорил вслух все, что думал.

— Большое несчастье может быть. Посудите сами, чем пахнет, если сорвет плотину. Сорок миллионов кубометров воды... Унесет, все унесет! Смоет всю жизнь в долине!

Зосим как бы раздумывал над тем, какое принять решение, и вдруг, резко обернувшись, почти крикнул:

— Чего же мы, олухи, топчемся? Людей, селения, скот спасти надо, выводить из долины на перевал.

Этот обычно медлительный в свои 45 лет мужчина,

к удивлению всех, в несколько прыжков оказался на вер-ху высокой мраморной лестницы и скрылся за дверью. Через секунду фигура Зосима появилась в окне дежур-ной комнаты. По движению губ и широким нетерпели-вым жестам было понятно, что он говорит с кем-то по телефону, предупреждая, видимо, о надвигающемся, по его мнению, несчастье...

Машина мчалась с предельной скоростью, словно нес-лась по воздуху, почти не касаясь полотна шоссе. На ее пути поднимались каскады брызг и, когда они рассеива-лись, машина уже была далеко, взметая все новые и но-вые буруны всплесков. Кто-то не выдержал и нарушил молчание — повторил фразу Зосима:

— С хорошей вестью так не спешат...

Все больше и больше утверждалась мысль, навеванная подозрениями Зосима Лукича. Почти все невольно ду-мали об одном и том же — успеет ли машина достичь поселков, расположенных внизу долины, прежде чем рух-нет под тяжестью водной громады плотина.

На развилке шоссе бешено мчавшаяся машина накре-нилась набок, прижимаясь правым бортом к каменной мостовой, и повернула на проселок к экспериментальной лаборатории ЦНИИСТА. От неожиданности несколько голосов не выговорили, а выдохнули:

— К н-а-а-м!

Надсадно взвизгнули тормоза. Прокатившись юзом по инерции несколько метров и затем отпрянув назад, машина остановилась.

Из распахнувшейся двери быстро вышли Прозоров и Споряну.

— Где профессор? — спросил Прозоров сипловатым мягким баском. Ефим Темляк бросил короткий взгляд на стеклянный купол и отчеканил:

— В «Моссельпроме», товарищ начальник...

Г л а в а XXV

ПОД КУПОЛОМ „МОССЕЛЬПРОМА„

С «капитанского мостика», как называл в шутку про-фессор сооруженный на крыше двухэтажного лесного особняка просторный купол из плексигласа, открывался чудесный вид. По мере того как поднималось солнце, на

синем фоне тайги выступали причудливые очертания далеких увалов, лесных хребтов, разливы озер. Но вся эта красота: и ультрамарин горных хребтов, и глубокие долины со сверкающими в их низинах зеркалами лесных озер, и колеблющийся мираж лесных далей — сегодня не волновали ученого. Петр Кузьмич с озабоченным усталым лицом следил в бинокль только за одной точкой — Кедровой горой. Он то и дело обращался к сидящему рядом сыну с одним и тем же вопросом:

— Ничего не вижу... Как у тебя, Володя?

— Над обрывом справа поднят красный флаг — хороший ориентир на фоне густой зелени. Но людей я не вижу...

— Смотри, смотри, Володя, внимательнее. Мне важна каждая мелочь. Эх их застигает! — Он торопливо протер глаза и вновь прильнул к биноклю. — Ничего не могу различить, — ворчал он с досадой, вращая регулятор линз. — А у тебя, Володя, видно что-либо новое?

— Вижу дымок...

— Вижу, вижу. Так, так! Приготавливаются. Запиши, Володя, время. Это сигнал перед запуском...

— Смотри, смотри, папа, пошли!..

— Пошли, пошли, сынок! Наблюдай внимательнее, через сколько секунд произойдет разряд?

В голубой небосвод стремительно неслись ракетные снаряды, оставляя после себя следы желтовато-бурых огненных полос. Через несколько секунд на большой высоте вспыхнули ослепительно яркие огни и на месте их повисли огненные шары, постепенно разраставшиеся в кучевые облака.

Так иногда на горизонте появляются маленькие кудрявые облачка: сгущаясь, они собираются в сизые грозовые тучи. Эти явления хорошо знакомы морякам, когда из белых барашков, замеченных у горизонта, вырастает, расплываясь по небу, черная туча — предвестник шторма.

— Разряды продолжались 29 секунд, — прочитав вслух Владимир Петрович занесенную в журнал запись.

Профессор молчал, наблюдая за движением контрольных стрелок на приборах. Он порывисто встал со стула, присел на корточки у аппаратов, разглядывая вычерчиваемую кривую на рулончике меловой бумаги. Когда по прозрачному, как воздух, куполу ударили первые

крупные капли, он пожал плечами и поднял вопросительный взгляд на сына:

— Рано начался. Боюсь, не успеем зафиксировать, что нужно.

— Не огорчайся, папа. Диаметр огневого кольца и сила взрыва зафиксированы.

— А ну-ну, расшифруй-ка?

— Сила взрыва близка к 1000 атмосфер... Поперечник огненного кольца в момент взрыва 1350—1400 метров и после двух секунд приближается к 2700 метрам. Вот не ясны данные после пяти секунд.

— Отмечаются ли признаки второй детонации?

— Видимо, да. Тут кривая очень непостоянна. После первого скачка есть еще два, превышающие силу начального разряда.

— Вот-вот, это-то и важно!

Профессор повеселел, то и дело восторгаясь:

— Слышал какой басок, а? С ветерком да еще с огоньком — превеликая сила!

— Все это хорошо, если бы не такие обильные осадки. Это же противовес сухим реакциям газов.

— Мм-да-а, — согласился профессор. — Дождик хорош, но в этой проблеме вреден. Вода и огонь живут рядом, да не дружат...

Дождь становился ливневым. Профессор первым заметил приближающуюся к усадьбе машину.

Владимир Петрович вскинул бинокль:

— Прозоров спешит, видимо, что-нибудь случилось.

— Все может быть, — согласился профессор. — Пойдем вниз.

Спустившись в фойе-гостиную, услышав надрывающийся голос Зосима Лукича, профессор подошел к двери, тихонько приоткрыл ее. Поняв о чем идет речь, он сердито прикрикнул на Зосима Лукича и выхватил у него трубку.

— Кто это? А-а-а, товарищ Баканов. Что вы говорите? Да нет, нет. Взор! Не верьте вы этому паникеру. Ну что же мне с ним делать? Честен он до мозга костей и трус до кончиков волос... Как вы сказали? Ах да — перевести. Вот, вот, хорошо. Избавьте меня, пожалуйста!

Зосим Лукич, зная крутой нрав профессора, поспешил удалиться, как только выпустил из рук трубку те-

лефона. В дверях парадного он испуганно посторонился, уступая дорогу Прозорову и Споряну.

Прозоров шагнул навстречу Владимиру Петровичу.

— Здравствуйте. Ну, а где же профессор? Как у вас тут дела, настроение?

— Он там, — сказал вполголоса Владимир Петрович, кивнув головой в сторону двери, ведущей в дежурную комнату. — Не особенно доволен, но в хорошем расположении духа. Зосим Лукич досадил, но он его прогнал довольно миролюбиво. Ну, а у вас в зоне как?..

— Превосходно! — ответил Прозоров и подмигнул лукаво. — Идемте к старику, расскажу все по порядку... Вот только три снаряда... — он взял Владимира Петровича под руку. — Да, только три снаряда полыхнули ниже заданной высоты. Ой-ой-ой, что было!

Владимир Петрович остановился, вопросительно взглянул на Споряну. Тот ответил улыбкой.

— Ничего, ничего, Петрович. Досталось только елям и лиственницам. Помните, что стояли за глухариным током? Гектаров шесть — все плашмя положило. Вывернуло с корнем. А некоторые деревья, с гнилой сердцевиной или дуплистые, под самый пень оторвало и отбросило в сторону на пятьдесят-шестьдесят метров. Как вы думаете, если в такой воздуховорот попадет самолет?

На улице вдруг потемнело, новая полоса тумана заслонила густым покровом видимость. Споряну взглянул в окно и быстро вышел на балкон.

Из дежурной комнаты открылась дверь. На пороге показался профессор.

— Так это вы гнали сломя голову? Рискованно, рискованно! Заходите, выкладывайте все начистоту. Волнуюсь, братец, волнуюсь и не скрываю этого. Хочу знать все.

Усадив Прозорова и сына на диван, профессор опустился рядом в кресло и откинулся на спинку.

— Слушаю вас. Только все без утайки. Комиссия — комиссией, а вы рассказывайте то, что сами видели.

— О наших впечатлениях вы, профессор, видимо, уже догадываетесь, — начал полуофициальным тоном Прозоров. — Кое-что передалось и сюда, если я не ошибаюсь.

Профессор беззвучно рассмеялся. Потом, подавшись вперед, добродушно добавил:

— Подумайте только, какой трус, шельмец. Не имеет и понятия о запасах прочности плотин, аварийных водосбросах и поднимает панику. Слышу, говорит по телефону с городом, да еще что говорит: «Катастрофа, принимайте меры, спасайте скот, людей!» Ну, я пугнул его от телефона. Тотчас, как водой, унесло... Впрочем, что мы о пустяках говорим, — спохватился Кремлев. — О главном рассказывайте, как там в зоне прошло?

Прозоров начал обстоятельно излагать свои наблюдения. Профессор, слушавший молча с задумчиво опущенной головой, вдруг поднялся и заходил по комнате.

— Конструкторское бюро, — сердито проговорил он, — все детали и узлы двигателя привело в соответствие с чертежами и, значит, причины кроются в другом... А двигатель фальшивит, видимо, потому, что ошибка таится глубже — в рецептуре горючего. Хорошо, если обойдется без происшествий в городе... Нет, надо все пересмотреть, проверить с придиркой. Шутки с этим плохие... Рановато начали экспериментировать. — Он помолчал немного и заключил свою мысль: — Взрываются торпеды соответственно расчетам, а летят вопреки им. Вот и получается: «Поспесишь — людей насмешишь»... — Он вновь зашагал по комнате, насупив брови. Потом остановился и сказал с расстановкой: — Буду искать изъяны в горючем, а опыты прекратить!.. Конструктор сам пересмотрит свои расчеты — попробуем отыскать, что вносит фальшь...

— Споряну уже приступил к работе, — заметил Прозоров. — Он очень доволен, что ему удалось присутствовать в зоне.

Профессор прошелся молча по кабинету, посмотрел на стоявшего на балконе Споряну и сказал решительно:

— Нет, хватит рискованных экспериментов!.. Проверить. И еще раз все проверить!

Споряну, веселый, возбужденный, услышав восклицание Кремлева, вошел в комнату, сразу обратился к Прозорову:

— Вы понимаете, что означает свести количество топлива с десятка тонн до нескольких килограммов?.. Представьте на минутку, что поезда пойдут с одним баллоном топлива на расстояние в 20—25 тысяч километров, а самолеты полетят вокруг земного шара?

— Все великое так просто, Антон Савельевич, —

громко сказал стоявший на пороге рядом с Галаджи Дмитрий Дмитриевич Вахрушев. — Петр Кузьмич и не подозревает, — сказал он, пожимая руку профессору, — что он великий покоритель природы — повелитель дождей.

Профессор молча переглянулся с сыном, потом с Прозоровым и устало опустился в кресло. Затем вновь поднялся и подошел к окну. Стена ливня удалялась на юго-запад, закрывая весь доступный взору горизонт.

— Мы звонили, профессор, с генералом Галаджи в шесть пунктов; между крайними — 219 километров, и всюду дождь. И все удивлены и поражены: с утра на небе ни облачка, и вдруг дождь...

— Вы, пожалуй, Дмитрий Дмитриевич, отчасти правы. Если это не случайность, если это удастся повторить, то польза огромна и очевидна.

— Да вас, дорогой профессор, на руках будут носить жители степных и засушливых районов.

— Значит, повторить советуете?

— Непременно!

— Пожалуй, не лишне подумать и повторить еще раз. Как ты думаешь, Володя?

— Неожиданно все это получилось, но похоже, что Дмитрий Дмитриевич окажется прав. Искусственное дождевание — проблема огромной значимости. Вот только удастся ли вызвать повторение такого обилия осадков?

— А вы попытайтесь еще раз, десять, двадцать, раз, — убеждал Дмитрий Дмитриевич. — Коли раз удалось, значит, ключи уже в ваших руках. — И начал вновь восторгаться: — Зрелище просто фантастическое, захватывающее дух — стратосферная артиллерия, в прямом смысле этого слова.

— Явление обычное, Дмитрий Дмитриевич, для нашего времени, — заметил Прозоров. — Страна развивается, растут люди, совершенствуется наука, двигая вперед технику.

— Да-а, техническая мысль не знает застоя, — мечтательно сказал профессор Кремлев. — Что вчера считалось достижением, сегодня сдается в архив истории... — Он хитровато улыбнулся и положил на плечо Прозорова руку: — Помните, как в 1918 году вы изобрели березовую пушку?

— А как же не помнить, Петр Кузьмич, — улыбнулся Прозоров, — вместе мастерили.

Петр Кузьмич начал рассказывать Дмитрию Дмитриевичу занятную историю из биографии Прозорова. Это было в Сибири, в годы гражданской войны — борьба сибирских партизан с карательными отрядами адмирала Колчака и японскими оккупантами. Один из партизанских отрядов, которым командовал прославленный таежный охотник Павел Ваганов, перехватил у колчаковцев два вагона боеприпасов: 50 ящиков артиллерийского пороха, картечь, свинец и гранаты, которые частично нашли применение в отряде, вооруженном в большинстве своем охотничьими фузеями, штуцерами, берданами. Не находил применения только артиллерийский порох, ставший обременительным грузом в отряде.

Одни предлагали спрятать порох понадежнее в тайге до лучших времен. Другие советовали использовать для подрыва мостов. Третьи — оборудовать самоходную мину-вагон и пустить навстречу бронепоезду колчаковцев. Партизанскому вожаку Павлу Ваганову больше нравилась идея вагона-мины. «Ну, а ты как думаешь, Алеха?» — спросил однажды Ваганов своего молоденького адъютанта, Алексея Прозорова. «Я думаю, пушку надо сделать, Павел Никитич, из крученой березы и стрелять картечью по колчаковским поездкам...»

Партизаны встретили это предложение смехом и колкими остротами. Командир отряда Ваганов назвал это детской игрушкой, пустой затеей. Только один партизан, молодой преподаватель химии Томского института, Петр Кремлев заинтересовался «березовой пушкой». Вместе с Прозоровым они раздобыли нужные инструменты. Выбрали в лесу и спилили приземистую крученую березку. Сначала раскаленной пешней, потом длинным ломиком прожгли в центре березового бревна подобие ствола. Рассверлили его на самодельном станке и загнали внутрь разысканную в ближайшем депо четырехдюймовую трубу. Тильный конец ее был наглухо заварен стальной втулкой.

Пушка действовала безотказно, выбрасывая заряды картечи на 400—500 метров. С тех пор изобретателя деревянной партизанской пушки Алексея Прозорова все в отряде стали называть в шутку командиром «березовой

артиллерии». Образцы этих пушек можно и сегодня встретить в музеях Сибири...

У подъезда послышались голоса. Петр Кузьмич пошел было навстречу прибывшей правительственной комиссии, но неожиданно остановился и, обернувшись к Прозорову, сказал с расстановкой:

— Жду с нетерпением инженера Споряну не при галстук, а в комбинезоне. Теперь все от вас зависит. Нечего медлить, надо снова засучивать рукава.

Прозоров улыбнулся и в тон профессору отчеканил:

— Ваше приказание будет исполнено. Разрешите быть свободным?

— Нет, не разрешаю. Сегодня вы мои гости... Володя, распорядись насчет обеда. Как будет готов, позвонишь в лабораторию. А мы,— обратился он к присутствовавшим,— посмотрим сейчас подземное хозяйство. О применении нового топлива по запуску самолетов-снарядов вы уже имеете представление. Теперь посмотрим его, так сказать, наземное использование.

Спускаясь по ступенькам к лифту рядом с Кремлевым и Прозоровым, генерал Галаджи осторожно взял их под руки и остановил:

— А вы знаете последнюю новость?.. Со вчерашнего дня Дмитрий Дмитриевич Вахрушев первый секретарь Самгуньского обкома партии.

— Поздравляю! От всей души поздравляю, весьма рад,— повторял профессор, пожимая руку Вахрушева.— Это очень кстати. Теперь нам так нужна высокая поддержка, Дмитрий Дмитриевич.

— Можете быть уверены, дорогой профессор, партия найдет силы и средства для поддержания новаторов науки... Действуйте, дерзайте!

Закончив обход испытательных стендов лаборатории, члены комиссии начали расспрашивать о том, как идет подготовка базы для испытания «кратногаза-200» в производственных условиях.

— Намечена обширная программа испытаний,— пояснял Прозоров.— В одном из морских доков заканчивается оборудование океанского лайнера. Монтируются установки для перевода двигателей на новое топливо. Через месяц-два можно будет начинать ходовые испытания. В порядке эксперимента переводятся на новое топливо пять городских ТЭЦ, различных по мощности.

— А сколько нового топлива потребует современная ТЭЦ?..

— Для мощности в 300 тысяч киловатт, — пояснил Прозоров, — на квартал достаточно трех баллонов, даже с избытком.

— А как у речников? — спросил Споряну.

— Водники выделили 15 речных теплоходов и один землечерпательный снаряд. Испытания будут проходить в двух речных пароходствах.

— Хорошо, очень хорошо, — заметил Вахрушев, хлопав ладонью по баллону. — Поставил один такой стокилограммовый баллон на речной теплоход и гуляй всю навигацию. Ни дров тебе, ни угля, ни кочегаров...

— И даже того меньше, — поправил профессор, — емкость баллона всего 50 литров. Но тем не менее не за горами те времена, когда в трюмах судов исчезнут угольные ямы, дровяные и нефтяные отсеки, когда место бензиновых баков на самолетах займут пассажирские кресла.

— Непонятно?.. — слышался возглас удивления.

— Нет, теперь уже все понятно, — оживленно заговорил Споряну.

— Представьте такую картину: стоит океанский пароход у причала. К его борту подходит грузовой автомобиль. Опускается трос судовой лебедки. Шофер цепляет на крюк контейнер. Поднимается в этом контейнере вот таких 20 баллонов на палубу. А там механик ставит 18 из них в сейф, а два под стальной герметичский кожух на двигатели. Включает регулирующие механизмы и свободен на пять тысяч миль. Два баллона — пять тысяч миль. Один контейнер горючего на всю навигацию.

— Да это же фантазия!..

— Нет, это уже не фантазия, а ясная перспектива, уважаемые друзья, — пояснил Прозоров. — Вот она, смотрите. Хотя и не вечный, но бесспорно долговечный двигатель, ломающий все прежние представления о движении не только на земле и воде, но и под водой и в стратосфере.

— Петр Кузьмич, а как же все-таки с дождями? — улыбаясь, спросил Дмитрий Дмитриевич. — Я не моряк и не летчик. Моя стихия — грешная земля. Любопытные вещи происходят. Ракетная артиллерия против воздуш-

ных пиратов — очень хорошее дело, но дождик не менее ценен. Как вы думаете, профессор?... Тысячи, сотни тысяч хлеборобов степных районов мечтают об этой манне небесной. Дождей ждут пески пустынь. Вы запустили в небеса, кажется, всего 15 снарядов...

— И три из них взорвались над самой землей, — недовольно заметил Споряну.

— Да, да, три снаряда, — подтвердил Кремлев. — Риск, большой риск...

— Хорошо. Но 10 или даже пусть 5 поднялись в стратосферу. Значит, есть надежда — полетят все, сколько нужно и куда нужно. Эх, вот бы запустить туда не 15, а 150 или, если нужно, и 1500 снарядов. Представьте себе, профессор, — плывут кучевые облака, а на земле ни одной росинки. Все сохнет: хлеба, сады, травы. И вот вы, главнокомандующий небесной артиллерией, отдаете приказ: «Расстрелять облака, встряхнуть их так, чтобы ливнем упали на землю».

— Опыт, продемонстрированный сегодня, — вставил Прозоров, — говорит, что эта идея близка к реальности.

— Прекрасно, генерал, — заметил Дмитрий Дмитриевич, — значит, поведем наступление на природу развернутым фронтом во главе с наукой.

— Идея искусственного дождевания, ее значение для страны...

— Для всего мира, профессор...

— Допустим, и для всего мира, мне понятна. Но двигатель, — он взглянул на Споряну, — мы в нем еще не уверены. Рискованно... опасно, тем более в размерах, которые вы предлагаете. Ведь достаточно взорваться близко от земли всего 10—15 снарядам из 150 и катастрофа неминуема для всего живого на огромной площади...

— А я уже вижу, профессор, — мечтательно сказал Дмитрий Дмитриевич, — как цветут в пустынях сады, слышу, как колыхнется бескрайнее зеленое море высоких трав среди песков...

— Идея благородная, жизнеутверждающая.

— Значит, профессор, вы согласны повторить опыты.

— Попробуем, непременно попробуем, но...

— Нет уж, без вяких но. Дайте вашу руку, великий поливальщик — Илья-пророк, сошедший на бrenную землю.

— Хорошо. Опыты повторим. Буду торопить инженера Споряну. От него зависит конечный успех этой проблемы. Без разрешения инженера Споряну в зонах населенных пунктов я с этими «игрушками» экспериментировать не решаюсь. А здесь, над дебрями тайги, попробую...

Он повернулся к дежурному инженеру, сказал полупрошепотно несколько слов и заговорил веселым тоном:

— Ну, а теперь, друзья мои, навверх. Там обменяемся мнениями и по русскому обычаю — к столу.

— Профессор, я тороплюсь...

— Дмитрий Дмитриевич. Прошу не возражать. В моем «монастыре» придерживайтесь, стало быть, и моих уставов. Тем более есть повод поднять бокалы!

— Это по какому поводу? — спросил не без любопытства один из членов комиссии.

— Профессор, — шутливым тоном сказал Дмитрий Дмитриевич, — не разглашайте доверенную вам тайну.

Петр Кузьмич предложил всем войти в глубокую нишу. Когда люди разместились, раздался сдвоенный щелчок отключаемого рубильника. Площадка ниши начала медленно разворачиваться. Сделав пол-оборота, она чуть вздрогнула и бесшумно пошла вверх.

Глава XXVI

ТРЕВОЖНЫЙ РАЗГОВОР

После обеда, проводив правительственную комиссию, Кремлев, Прозоров, Галаджи и Споряну перешли в кабинет. В раскрытые окна вливался приятный, освежающий запах озона. Дождь перестал, и теперь пронзительно пахли травы.

— Чудесно! — произнес Прозоров, откинувшись на спинку плетеного кресла. Он закурил. Раскрыл портсигар, предложив папиросы Галаджи и Споряну.

Споряну сидел у окна рядом с Кремлевым, довольный и тем, что первый этап серьезных испытаний остался позади и что обед удался на славу, весело каламбурил. Но Галаджи был серьезен. Шутки профессора, казалось, не трогали его. Затянувшись несколько раз, он наклонился к Кремлеву и сказал с расстановкой:

— Должен вас предупредить, Петр Кузьмич, будьте осторожны. Вами, а особенно Споряну, заинтересовалась

еще одна разведка. Боюсь, как бы снова не получилось крымской истории...

Прозоров, видимо, что-то знавший, как только Галаджи заговорил с Кремлевым, придвинул кресло и сел между генералом Галаджи и Споряну.

Петр Кузьмич собирался с мыслями. Сообщение взволновало его, но он пытался не подавать виду. Достал блокнот и стал делать какие-то пометки, задавая короткие вопросы то Прозорову, то Галаджи. Затем он поднялся, заложил руки за спину и прошелся не спеша по кабинету. Минуту или две постоял около окна, наблюдая молча за удалившимися к горизонту облаками:

— Посмотрите. Грозовой фронт только сейчас утратил признаки вертикального «буйства», — произнес он. — Идет ровной горизонтальной стеной. Интересно знать, на какое расстояние хватит этих осадков. Да, кстати, сколько же на предельную высоту было запущено снарядов?

— Всего пятнадцать, — ответил Прозоров. — Тринадцать серий на высоту десять, двадцать и тридцать тысяч метров.

— Приборы показывают, — сообщил Владимир Петрович, — что снаряды достигли потолка в 35 километров. Есть и другие данные, имеющие непосредственное отношение к этому, о которых нам только что сообщили. Когда сгустились облака паров, вызванные разрядами газов, вдоль Самгуни пронеслась полоса града не крупнее горошины. Град захватил полосу километра три в ширину и прошел на протяжении 40—50 километров.

Профессор помолчал, наблюдая, какое впечатление производит это сообщение на собеседников. Затем заговорил вновь:

— Вы спросите: какие причины появления града? Полагаю, это вызвано следующим обстоятельством: снаряды, поднявшись в холодные слои атмосферы, взрывом горячих газов вызвали выделение паров. Но так как площадь высоких температур была невелика, то наступило быстрое охлаждение, и пары, соединившись в капли воды, устремились через толщу холодного воздуха к земле и превратились в град.

Петр Кузьмич обернулся к окну и движением руки пригласил собеседников.

— Смотрите. Остались одни туманности, — удивленно проговорил Галаджи.

— Естественное течение реакции, — пояснил Петр Кузьмич. — Воздушная буря, вызванная взрывами, пришла в равновесие с течением воздушных потоков. После выпадения дождей в этих искусственных облаках остались наиболее легкие частицы, которые, постепенно соединяясь одна с другой, будут еще накрапывать где-то в виде редких капель дождя, а затем и остатки этих туманностей рассеются.

Профессор взглянул на часы. То же самое сделали и собеседники.

— Видали! — восторженно сказал Петр Кузьмич. — Сейчас девятнадцать часов. Запуск производили в семь тридцать утра. Значит, реакция продолжается уже двенадцатый час. Великолепно!..

— А как ведут себя ракетные двигатели летающих снарядов, — спросил Галаджи, обращаясь к Споряну.

— Вполне удовлетворительно. Скажу больше — хорошо. Но по одному запуску нельзя торопиться с выводами. Дальнейшие опыты помогут вскрыть недоделки, изъяны. Однако уже и теперь ясно, что большинство взрывов происходит на заданной дистанции.

— А как сгорание корпусов снарядов?

— На этот вопрос пока трудно ответить. Сообщений о падении осколков на землю пока нет даже в зоне взрывов. Видимо, формула металла вполне правильна.

— Это очень существенно, — заметил Галаджи.

Петр Кузьмич будто не расслышал сказанного. Он медленно перемещал окуляры бинокля, направляя зрительное поле по горизонту, следя за поведением растворяющихся туманностей. Споряну тоже просмотрел горизонт с севера на юг, опустил бинокль, встретился взглядом с Петром Кузьмичом. В глазах профессора была тревога.

Этот обмен взглядами длился не более двух-трех секунд. Но Галаджи успел заметить его и подчеркнуто официальным тоном начал рассказывать профессору о происках адмирала Ландэ, о стремлении разведцентра «ОСТ» проникнуть в тайны исследовательских работ лаборатории профессора Кремлева и выведать секреты двигателя Споряну. Галаджи прошелся по кабинету, потом присел рядом с профессором, заговорил скупой, обдумывая каждое слово.

— Работа разведки для многих непонятна. Не обо всем мы можем откровенничать. Но ниточка теперь в на-

ших руках. Посмотрим. Время покажет, куда ведет эта новая ниточка. Видимо, к «Лесной Каравелле». Но не в этом сейчас дело.

— Так, так, — задумчиво произнес Кремлев.

— Цель нашей сегодняшней беседы, — продолжал Галаджи, — уточнить некоторые детали, интересующие и нас, и вас, а в целом касающиеся не практической деятельности коллектива лаборатории, а последующих широких производственных испытаний. Органы должны знать границы зоны испытаний, чтобы обезопасить район зоны во всех отношениях и от любых случайностей... Приглашаю Вас к себе. Там мы и окончим беседу.

Заключительная часть этой беседы происходила на загородной даче генерала Галаджи и носила несколько иной характер в сравнении с тем, что обсуждалось на даче профессора — в таежной лаборатории. Доставив Споряну к себе на дачу, Галаджи представил ему новое, неизвестное еще лицо:

— Знакомьтесь, Антон Савельевич. Майор Ярусов. Ему поручено на некоторое время заменять вас.

— Не понимаю, генерал?

— Все очень просто. Он должен научиться выдавать себя за вас. Так диктуют обстоятельства...

— А я что должен делать?

— Пока научить его своей походке, речи, манерам, познакомиться со своими привычками. И, главное, вам придется на некоторое время прекратить всякую связь с городом. Дома предупредите, что выехали в командировку, скажем, на месяц. Жить будете здесь, на даче.

У Споряну болезненно сжалось сердце. «Значит, не скоро увижусь с Зиной», — подумал он и спросил:

— На сколько эта история?

— Будет зависеть от Ярусова...

В течение двух недель Споряну не выезжал с дачи Галаджи. Прогулки совершал только рано утром или вечером в сопровождении охраны.

Наконец, когда однажды в сумерках сестра Ира, встретив Ярусова, приняла его по голосу и походке за брата, Споряну разрешили покинуть дачу генерала.

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ

Августовский закат позолотил вершины Базальтовых гор. Причудливые зубчатые уступы пылали неестественно ярким светом. Синие, почти фиолетовые тени лежали у их подножий. Но не игра света и теней интересовала сейчас стоявшего в раздумье на башне древнего храма высокого, костлявого, сильно полысевшего мужчину. Зажав в узловатых крупных руках стволы морского бинокля, он медленно просматривал горные кряжи, будто отыскивал уходивший к снежным вершинам караван.

Был ли это ученый-геолог, богатый турист — любитель альпийских пейзажей или очередной разведчик — никто из жителей окрестностей Кзыл-Кентабада не знал.

Профессор, как его называли местные жители, при был в сопровождении двух атлетов и облюбовал башню

буддийского храма, в двух километрах за отелем «Лесная Каравелла». Правда, он не фотографировал мостов и дорог, но настойчиво выводывал у старожилов направления и конечные пункты горных троп.

Пользуясь хорошей погодой, он со своими спутниками почти весь день проводил на башне. Так было и сегодня. Солнце уже спускалось за горизонт, но снежные пики все еще горели, словно далекие костры. Один из спутников туриста нарушил молчание:

— Чудесное зрелище, адмирал...

Адмирал Ландэ повернул голову.

— Не за-бы-вай-тесь! — раздраженно проговорил он по слогам и вновь прильнул к биноклю.

— Виноват, господин профессор...

«Профессор» не ответил. Когда сгустились сумерки, заслонившие темной пеленой надвигающейся ночи горные хребты, «профессор» молча передал бинокль второму спутнику и пошел к выходу. Спустившись по освещаемому ручным фонариком лабиринту лестниц башни, «профессор» сел в машину, резко захлопнул дверцу и сказал шоферу.

— В монастырь...

Визит в монастырь затянулся до поздней ночи. Вернулся «профессор» в хорошем расположении духа и не менее часа сидел за столом, что-то записывая в блокноте. Потом, потушив свет, он еще долго лежал с открытыми глазами, занятый своими мыслями.

Рано утром он почувствовал, что прямо в окно упал ослепительный свет. Ландэ открыл глаза, не понимая в чем дело. В комнате было во много раз светлее, чем днем. Выскочив на балкон, адмирал Ландэ застыл в изумлении. Над Базальтовыми горами стояло яркое зарево.

Не успел «профессор» собраться с мыслями, зарево потухло. Где-то далеко-далеко переливались дробные раскаты грома.

— Гроза надвигается, — процедил он сквозь зубы. «Но что это за сияние? Неужто начали испытания?» — думал он, вспоминая донесения разведки. «Проникнет ли в эти секреты «Брюнет-прима»? Он долго ходил по комнате, озадаченный: «Что же все-таки означает «СИД-1»: новое реактивное оружие или стратосферный самолет? Если самолет, то чем вызвано зарево? Если

сверхмощная реактивная пушка, то какая связь между ней и грозовым циклоном?»

— В чем же все-таки дело? — вслух подумал он, наблюдая через окно за усиливающимся ливнем, сопровождаемым сильными порывами ветра.

Прислушиваясь к раскатам грома, он долго думал, стараясь понять происхождение этих ослепительных лучей, напоминающих скорее хвосты комет, но никак не ломанные линии молний. «В чем же все-таки дело?» — в который раз спрашивал он себя и не находил ответа.

«А что если русские испытывают действие атомных снарядов, — подумал он и уверовал в это предположение больше, чем в донесения разведки о готовящихся испытаниях двигателя Споряну. — Неужели русские создали новое мощное оружие? Если это близко к истине, то нашим шефам останется очень мало шансов для осуществления своей политики «с позиции силы...»

Под этим впечатлением «профессор» находился почти весь день. Он был явно взволнован, заметно нервничал.

На другой день он связался по радио с шефом «Колледж Экономик».

— Профессор Ландэ, — спросил шеф, — читали сегодняшние сообщения газет о солнечной буре?..

— О солнечной? — переспросил «профессор».

— Именно о солнечной...

Шеф так подчеркнул сказанное, что для Ландэ, старого разведчика, стало все ясно. Через полчаса адмирал Ландэ в сопровождении своих спутников, сидел в самолете с газетой в руках, на первой странице которой выделялся жирный заголовок.

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ!..

САМГУНЬ. (По радио).
Ровно в шесть часов по местному времени над Базальтовым перевалом, а может и за ним, блеснули яркие вспышки, похожие на взрыв атомной бомбы. И в то же мгновение понеслись в высоту огненные полосы ослепительного света, напоминающие лучи мощных прожекторов. Прошло несколько мгновений, и на огромном пространстве небосвода, над

уносящимися в стратосферу полосами огненных лучей вспыхнуло огромное зарево.

Каждый, кому посчастливилось наблюдать это загадочное явление природы, реагировал по-своему. Одни падали на землю, закрывая глаза в суеверном страхе, ожидая конца мира, другие застывали в недоумении, стараясь найти объяснение этому чуду. Все население города высыпало на

улицы и смотрело на пылающий небосвод, затаив дыхание.

Что же произошло над Базальтовым перевалом?..

Космический пожар!.. Тогда чем объяснить огненные потоки, исходившие от земли?.. Северное сияние, переместившееся в южные широты!.. Нет, неправдоподобно и это предположение. Десятки людей, с которыми удалось побеседовать Вашему корреспонденту, высказывали самые различные догадки, но только некоторые из них близки к истине.

Солнечная буря!..

Эту мысль разделяют многие, и она, вероятно, ближе всех к истине.

Что же произошло в районе Базальтового перевала?.. Какие явления последовали за солнечной бурей?

Сияние продолжалось несколько минут, но никто не запомнил сколько. Не запомнил этого и Ваш корреспондент. Как голько разверзлись небеса, слышались далекие, глухие раскаты грома, от которых содрогалась почва под ногами.

Погасло сияние, весь небосвод заволокло тучами и на-

чал накрапывать дождь, перешедший в грозовой ливень. И снова странное явление. Дождь был необъяснимо обильный, поистине тропический ливень, загадочный для района Базальтовых гор. Но еще непонятнее показалось другое: после первых теплых и редких капель пошел без преувеличения ледяной дождь. Создалось впечатление, что эта обжигающая стужей вода захватывается одним концом гигантского смерча в районе Северного полюса, а из другого низвергается над Базальтовым перевалом.

Кое-кто допускает и такую мысль.

Сколько продлится этот загадочный, как и само сияние, ливень, — сказать трудно. Когда пишутся эти строки, за окном бушует стихия и, кажется, не будет ей конца. Налетающие порывы ветра, пожалуй, правильнее было бы назвать воздушным круговоротом. Порывы ветра настолько могучи, что не перестаешь думать — «вот сейчас весь дом сдвинется с места»... Наблюдения буду передавать каждый час по радиотелеграфу. Телефонная связь повреждена...»

Адмирал дважды прочитал это сообщение газеты. Ниже под сенсацией шла другая корреспонденция — редакционные комментарии о «Солнечной буре». В этом сообщении, за подписью «Обозреватель», говорилось:

«...По первым, поступившим в редакцию газеты сообщениям, произошел взрыв крупнейших в Европе подземных бензохранилищ. Затем эти утверждения были опровергнуты наблюдателями гидрометеорологических пунктов, расположенных вблизи Базальтового перевала, и рассказами очевидцев. В районах, прилегающих к Базальтовому перевалу, это загадочное сияние природы наблюдалось в направлении юго-западных отрогов. В районе «Лесной Каравеллы» и окрестных горных селениях

слышны были грозовые раскаты большой силы. Это служит свидетельством, по мнению ученых, что наблюдавшееся явление вызвано не какими-то наземными взрывами, а солнечными изменениями.

Вот что рассказал корреспонденту газеты один из очевидцев — пилот трансевропейской воздушной трассы.

«...Я был на высоте пяти тысяч метров перед областью Базальтовых гор. Шел с автопилотом. Приготовился закусить. Вдруг в кабине стало светло, как при вспышке магния. Не успел я сообразить, в чем дело, как грянул гром такой силы, что заложило уши. В то же мгновение самолёт подхватило воздушным течением и с огромной скоростью потянуло к земле. Опомнившись, я заметил, что нахожусь на высоте всего двух тысяч метров. Столкновение с высокими пиками Базальтового перевала было неизбежно. Пришлось резко изменить курс, чтобы набрать необходимую высоту. Самолет раскачивало, как в люльке. Приборы показывали, что самолет попал в зону грозы. Зарево стояло не более 15—20 секунд, но воздушная болтанка прекратилась лишь в районе Кентабада...»

Адмирал не торопясь посмотрел еще раз на заголовок «Солнечная буря», свернул газету вчетверо и положил в карман. Через полчаса самолет развернулся и пошел на посадку.

Адмирал молча вышел из самолета и направился к стоявшей на поле аэродрома машине. Когда машина вышла на городскую улицу, он взглянул на часы, закурил папиросу, глубоко затянулся и, выдохнув облако дыма, сказал шоферу:

— В служебную...

Майор Саккен встретил его еще одной новостью.

— Вернулся барон фон Бретт, господин адмирал.

— Это очень кстати. Беседовали?

— В общих чертах...

— Жду барона через полчаса, — сказал адмирал и скрылся в дверях своего кабинета.

Беседа с бароном продолжалась долго. Адмирал выслушал доклад барона — резидента в «Лесной Каравелле», подробно расспросил, кто из агентов находился в районе, над которым произошла солнечная буря.

— Это интересует нас в первую очередь, — заметил он, выслушав барона. — Нужно развернуть постоянное

наблюдение. Командировать туда агентов. Найти осведомителей на месте. Тайна должна быть открыта.

— Цитрусовод Таберидзе, — подсказал барон, — может оказаться очень полезным в этом деле. Он работает в институте субтропиков в Самгуни.

— Отлично. Дайте ему особое задание...

Под конец беседы адмирал вызвал майора Саккена.

— Барону фон Бретт нужен человек, знающий электротехнику и радио. Кого мы можем предложить, майор?

Майор Саккен задумался, вспоминая, кто из разведчиков знаком с этими специальностями. Адмирал пояснил.

— Не обязательно кадрового разведчика. Нужно просто грамотного человека для обслуживания метеопункта в «Лесной Каравелле».

— Есть такой, — ответил майор. — Электротехник городской ТЭЦ, внук Ирже Томмаха.

— Внук нашего ключника? — переспросил барон.

— Совершенно верно. А вас это не устраивает, барон?

— Нет, почему же, если вы рекомендуете.

— Вы нам рекомендовали деда — Ирже Томмаха, а мы вам — его внука, Энрике Томмаха...

Адмирал улыбнулся. Он понял, что майор Саккен решил разом «убить двух зайцев»: убрать лишнего человека, который мог бы через своего деда проникнуть в тайны замка, и получить, вернее завербовать, еще одного шпиона.

— В «Лесной Каравелле», — пояснил майор Саккен, — этот юноша будет незаменим. Тем более ваша супруга, баронесса фон Бретт, так расположена к этой семье. Ну, а в последующем, работа у вас на метеопункте разведки приведет его поневоле в наши ряды.

Адмирал и барон фон Бретт переглянулись. Барон встал из кресла и подал майору Саккену руку:

— Вы, майор, человек перспективы...

— Разведчик остается разведчиком, господин барон, — ответил со взаимной улыбкой майор. — Энрике Томмах молод, но опытный радиотехник. Все остальное будет зависеть от вашей щедрости при оплате его труда.

Барон фон Бретт попрощался и вышел из кабинета. Адмирал и майор встретились взглядами.

— Не рискованно ли ваше предложение, майор, —

задумчиво произнес адмирал, — вы уверены в том, что этот юнец будет работать на нас?

— Пока он поймет, господин адмирал, пути отступления будут уже отрезаны. Барон опытен в этих делах... К тому же Энрике Томмах близок с одной из наших красавиц. Значит, связь с разведкой налицо. Вряд ли удастся ему доказать, что он только влюбленный невинный агнец.

— Смотрите в оба, майор, — наставительно сказал адмирал и поднялся. — Готовьте ему командировку в «Лесную Каравеллу». Расписки в получении командировочных будут еще одним звеном цепи, связывающей его с нами.

— Это само собою разумеется, адмирал.

— До десяти вечера вы свободны, майор, — дружелюбно сказал адмирал, протягивая руку. — Распорядитесь, чтобы доставили мне личное дело «Туриста» из «Колледж Экономик».

— Слушаюсь!..

Майор вышел в коридор. Адмирал вызвал машину и поехал на загородную дачу. А барон фон Бретт в это время поджидал на своей квартире Энрике Томмаха. «Пожалуй, неплохо, что выбор майора Саккена остановился на этом пареньке, — размышлял барон. — Энрике был вхож в дом Дональды, к тому же он, кажется, в коротких отношениях с Агнессой Корф. Необходимо ее тоже перевести в «Лесную Каравеллу». Это неплохая приманка для Энрике. Сразу окажется в двойной паутине. Но согласится ли на это адмирал...» Зазвонил телефон. Барон взял трубку.

— Барон фон Бретт слушает.

— К вам Энрике Томмах, — пояснил швейцар.

— Пропустите.

Барон положил трубку. Еще раз обвел взглядом стол, нет ли на нем чего лишнего, и поднялся. В дверь постучали.

— Да, войдите!.. — ответил барон.

— Здравствуйте, господин барон, — робко сказал Энрике Томмах, остановившись в нерешительности у двери... — Вы меня приглашали?..

— Проходи, проходи, Энрике. Присаживайся. Я просил зайти, есть большая просьба от баронессы.

Барон умолк, наблюдая за юношей. Энрике прошел к

столу, сел на отставленный стул. Барон опустился на стул рядом и сказал с улыбкой:

— Знаешь, Энрике, баронесса просила меня разыскать тебя. Дело в том, что нам для обслуживания виллы в «Лесной Каравелле» нужен человек, знающий электротехнику и радио. Баронесса фон Бретт не желает ни о ком слышать, кроме вас. «Мы, говорит, знаем эту семью; Ирже Томмах у нас провел всю жизнь. Его внуку можно доверить виллу и только ему...» Вот я и решил пригласить тебя, поговорить. Как ты смотришь на предложение баронессы?..

— Неожиданно как-то, господин барон, — ответил Энрике. — Я никогда не мечтал о такой поездке.

— А ты не беспокойся. У нас тебе будет хорошо. Переезд оплатим прилично. Сколько ты зарабатываешь сейчас?

— На ТЭЦ получаю триста марок в неделю. Есть еще аккордные работы на заводе до 500 марок в месяц...

— Пустяки. Мы будем платить 500 марок в неделю. Работать четыре часа в день. Суббота и воскресенье — выходные. На переезд баронесса определила тебе тысячу марок... Как, согласен?

Энрике не знал, что ответить. Он даже и не мечтал о таком заработке. В голове все перепуталось от неожиданности. Ему казалось, что барон над ним шутит, а мысли работали в другом направлении. «Получу тысячу марок, — думал он, — как обрадуется мама... буду посылать ей каждый месяц двести марок...» И вдруг, будто кто толкнул его в спину: «Может, завербовать хотят меня. как вербовали многих из молодежи во Вьетнам, и послать на войну?..»

— Работа постоянная, господин барон? — спросил он срывающимся от волнения голосом.

Барон уловил это и сказал дружельбно:

— Ты не волнуйся, Энрике. Конечно, постоянная. Будешь жить у нас на вилле. Работа пустяковая. У нас машина, электроустановка, киноаппарат. Вот это и будет твоим хозяйством. Ну, там еще магнитофон, радиола. — Он склонился к нему и сказал, как самую сокровенную тайну: — Баронесса мне сказала по секрету, что Агнесса Корф скучает о тебе... Ради ее она...

— Агнесса Корф!.. — Не удержался Энрике. — Разве она с вами?..

— Да, она у нас работает. И баронесса очень довольна ею.

Энрике растерялся окончательно. Он не знал, как ему себя вести. Признаться — неудобно. Скрывать уже бесполезно, выдал себя: проговорился. Пока он собирался с мыслями, барон сказал, положив ему руку на колено:

— И не раздумывай. Спасибо скажешь баронессе... Ты даже не представляешь себе, как обрадуется твоя Агнесса.

Энрике пристально взглянул на барона, думая про себя: «Неужели это правда?» Барон поднялся. Прошелся по комнате и спросил:

— Посылать телеграмму?

— Нет, не надо... Я не знаю, посоветуюсь с мамой, завтра скажу.

— Ну, хорошо. Отложим до завтра. Баронессе я позвоню... Может, передать привет Агнессе?..

Энрике улыбнулся и поспешно вышел. Но барону было ясно, что привет надо передать.

Глава II

„КОЛЛЕДЖ ЭКОНОМИК“

Занятия в школе разведки, скрывавшейся под вывеской «Колледж Экономик», приближались к концу. Последний месяц молчаливые фигуры преподавателей появлялись все реже и реже. Лишь шеф колледжа с прежней педантичностью — в двенадцать ноль-ноль — приходил в славянскую группу, но и интересовался только одним: следят ли будущие разведчики за периодической печатью, как ориентируются в географии, твердо ли знают расположение административных пунктов, упоминаемых в печати, какое население преобладает в этих районах, каковы отличительные особенности языка, быта и культурного развития коренного населения.

Шеф приходил в одном и том же гладком коричневом костюме с еле заметной синей полоской. Менялись только посовые платочки в боковом кармане его костюма. Разведчики, неделями не выходившие из здания колледжа, по этим платочкам сверяли прожитое время. В среду у шефа выглядывал из кармана коричневый в клеточку платочек, а в субботу — белоснежный. Никто не знал его

фамилии, звания, служебного положения, хотя было бесспорно, что их шеф из узкого круга опытных офицеров разведки.

Конспирация шефа была привычной и никого не удивляла. Разведчики не знали и даже не видели друг друга, хотя учились в одной аудитории три года. Эта аудитория представляла собой овальный зал с кабинами-ложами, отделенными друг от друга портьерами. Кабины были размещены, как самолеты в строю, пеленгом. Преподаватель видел всех слушателей, а они каждый — только преподавателя. Никто не знал даже имени своего соседа, за исключением особо приближенных, которым поручалось шпионить за своими коллегами. В аудиториях можно было услышать только номера или клички. Но бесспорным для всех было одно — цели и географические районы их будущей работы.

За последние недели шеф стал часто оставаться наедине с чернобровым шатеном, в совершенстве владеющим польским, украинским, чешским, хорватским, болгарским, русским языками. Вот и на этот раз, поправив белоснежный платочек в кармане, шеф обвел многозначительным взглядом кабины аудитории и сказал с расстановкой:

— На сегодня все. Можете быть свободны... Прошу остаться только «Туриста».

Эта кличка была присвоена Паулю Митчеллу не случайно. Еще при отборе разведчиков в школу шеф колледжа, представляя его кандидатуру начальству, обратил внимание адмирала Ландэ на знание будущим разведчиком нужных языков и обычаев славянских народов, особенно интересовавших в то время руководителей разведки, на его большой опыт туристских поездок по славянским странам, прежде всего по Советским республикам, на широкие связи со студентами, ставшими теперь научными работниками, инженерами, изобретателями и т. д.

— Это очень нужная кандидатура, — заметил одобрительно адмирал и в графе анкеты «девиз разведчика» написал вечными чернилами — «Турист».

Удостоиться чести — получить кличку лично от адмирала удавалось немногим. Он жаловал своим вниманием только избранных. Бывали пополнения в школе, среди которых не оказывалось ни одного «крестника» адмирала. Но уж если он давал кличку, она становилась вторым именем разведчика.

Понятие—подающий надежды, с точки зрения руководителей разведцентра «ОСТ», заключало не только уровень и ширину знаний «Туриста», но и степень морального падения, целую цепочку уголовных преступлений, говоривших о том, что этот субъект не остановится ни перед чем. Он был прежде всего шантажистом-профессионалом. Состоя в фашистской организации «Соколы», он жил тем, что выведывал, кто побогаче, устраивал через подставных лиц знакомства этих людей с политически неблагонадежными лицами, а потом выслеживал их встречи, документировал свидетельскими подтверждениями и начинал шантажировать, стращать пытками, вымогать крупные суммы отступного.

Обобрав одну жертву, он начинал провоцировать другую. Если оказывалась на примете красивая дочь солидного, по его выражению, «денежного мешка», он знакомился с ней, заманивал в надежное место, закрывал под замок и предлагал услуги освободителя за приличное вознаграждение или просто подряжался на роль провокатора к какому-нибудь субъекту из разведки.

Его методы были не новы, но они приносили солидный доход. А позднее, когда в разведке накопилось достаточно улик о его профессии, он и сам оказался среди разведчиков, «подающих большие надежды».

Несколько раньше, незадолго до встречи с «Туристом», адмирал, знакомясь с личным делом одного начинающего разведчика, окрестил его за типично кавказские черты «Брюнет-прима» и добавил не без брезгливости:

— Мелкий тип, но законченный негодяй!..

«Брюнет-прима» пришел на стезю шпионажа с задворок уголовного мира. Его девизом с юности были деньги, не важно какими путями приобретенные: полученные ли от спекуляции антикварными вещами или за устроенное знакомство какого-нибудь богатого ловеласа с понравившейся ему девушкой.

Когда шеф и «Турист» остались в аудитории одни, шеф пригласил его жестом руки следовать за собой. — Вас ждет большая карьера, дорогой мой, — пояснил шеф. — Адмирал заинтересовался вами. — Поднявшись на возвышение за кафедрой, он потянул за шнур. За тяжелыми портьерами вставил ключ в замочную скважину, и они оказались на толстой ковровой дорожке длинного коридора, отделанного панелями красного дерева. В кон-

це коридора шеф небрежно распахнул расходящиеся в стены легкие двери.

— Знакомьтесь пока с новой обстановкой, — сказал шеф, указывая на кресло у круглого столика под тяжелой бархатной скатертью, а сам скрылся за портьерой в боковой двери.

Рассматривая многолетние кактусы в гостиной, висевшие в строгих рамах пейзажи, «Турист» обратил внимание на лежавшую газету, на первой странице которой выделялся кричащий заголовок: «Солнечная буря!» Увлечшись чтением газетного сообщения, он не заметил, как вошел в комнату адмирал в сопровождении шефа. Несколько мгновений они стояли молча, обмениваясь взглядами. Адмирал кашлянул и сказал дружелюбным тоном:

— Интересное сообщение, правда?..

Разведчик порывисто встал и в тон адмиралу отчеканил:

— Прошу прощения, увлекся. Необычайно интересное явление. Но мне кажется...

— За этим я вас и пригласил, — перебил адмирал, — и, видимо, не ошибся. Садитесь. Поговорим о деталях «Солнечной бури».

Адмирал внимательно слушал «Туриста», то и дело одобрительно кивая головой. Видно было, что рассуждения будущего разведчика о причинах солнечной бури ему нравятся. Да это было и вполне естественно. «Турист» не только прошел школу разведчика у крупных знатоков своего дела, но и блестяще закончил перед этим физический факультет университета. Именно поэтому и пал на него выбор для проведения глубокой разведки — установления истинных причин солнечной бури и проникновения в ее тайны. Выслушав мнение «Туриста», адмирал посидел несколько мгновений, как бы решая: поручать или нет эту большую операцию молодому, еще не бывавшему в переделках разведчику. Потом поднялся, зашагал по комнате, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Ваши гипотезы совпадают с моими. Именно это не естественное явление природы, а дело ума человека. Но кто этот человек, вот в чем главное? К сожалению, мы располагаем только наводящими фактами.

— Умение раскрыть эту большую тайну, — пояснил шеф «Колледж Экономик», — будет вашим экзаменом. Некоторое время вам придется побыть в этом здании,

точнее, в одной из квартир. Вот вам ключ от нее. Но запомните, прежде чем пользоваться квартирой, вы должны ознакомиться с ней обстоятельно. В квартире три комнаты: левая — рабочий кабинет, справа — спальня со всеми службами, в середине — столовая. Учтите, ключ должен быть всегда при вас. Другой ключ у нас. Все это необходимо для того, чтобы предостеречь жильца от случайностей.

— Помните! — заметил адмирал. — Если дверь в спальню или кабинет из столовой открыта, ни в одну из комнат квартиры никто не сможет проникнуть из коридора даже с моим ключом...

— На сегодня пока все, — сказал адмирал, пожал руку и скрылся за портьерой.

Шеф задержался и сказал наставительно:

— Все архивные материалы в вашем кабинете. Постарайтесь изучить внимательнее, отыскать ключ к этой тайне. Когда будете готовы к беседе, заходите после часа в кабинет. Адмирал будет предупрежден об этом. Кабинет открывается вашим ключом. Ну, вот и все. Квартира справа по коридору номер пятый. Желаю успеха...

Проводив шефа до двери, «Турист» остановился, задумался, стараясь припомнить детали встречи с адмиралом. Так он простоял несколько минут, затем решительно шагнул к двери, ведущей в коридор.

Глава III

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

«Турист» неуверенно открыл дверь в свою новую квартиру и остановился. Небольшая, почти квадратная передняя с внутренними шкафами по сторонам для верхнего платья. Из прихожей в столовую стеклянная дверь. Он медленно открыл ее и вошел в столовую. Окна комнаты выходили в сад. У окна справа на столике радиола. В левом углу у окна пианино. Посредине комнаты небольшой овальный стол и четыре полумягких стула. Искусно вделанный в стене сервант. Напротив мягкий диван под таким же чехлом, как и стулья.

«Неплохо», — сказал про себя «Турист» и вернулся в прихожую, чтобы повесить макинтош, шляпу и заняться осмотром всей квартиры.

Распахнув одежный шкаф в прихожей, он невольно улыбнулся предупредительности — все его вещи из комнаты «Колледж Экономик» уже перемещены сюда. «Да, — подумал «Турист», — и тут каждый шаг под контролем». Вернувшись в столовую и осмотревшись внимательнее, он заметил на столе в голубой обложке книжечку, напоминающую ресторанное меню. Он присел к столу и раскрыл обложку. На первом листе было написано синим цветным карандашом: «В верхнем отделении серванта напитки. В нижнем — холодильнике — закуски. Завтрак, обед и ужин можно заказать, подчеркнув на листке меню необходимые блюда, написать номер квартиры, свернуть меню трубочкой, вложить в патрон, патрон вставить в никелевую трубку, выступающую из стены серванта, и повернуть зеленый выключатель». Так он и сделал. Щелкнули контакты, и патрон исчез. Он постоял минуту, затем решил осмотреть кабинет. Это была небольшая продолговатая комната. Из обстановки: письменный стол, кресло, книжный шкаф с литературой, этажерка с какими-то разноцветными палками, кушетка. На столе пепельница, электрическая зажигалка, чернильный прибор, карандаши и под пресс-папье еще записка: «Все материалы для работы — в папках на этажерке. При необходимости иметь другие материалы, звоните по телефону номер 0-20-0. Телефонный аппарат в правом ящике письменного стола».

«Турист» взял с этажерки верхнюю палку и начал пересчитывать документы. Это были донесения агентов разведки за последние 15 лет, подобранные по одной и той же теме — «Реактивные двигатели новых систем». «Турист» еще раз прочитал оглавление, недоуменно пожал плечами, думая: какое в действительности имеют отношение к солнечной буре двигатели? Он открыл ящик стола, снял с рычага миниатюрного аппарата трубку и поднес руку к диску, чтобы набрать номер. В это время послышалось движение открываемой двери в столовую. «Турист» поспешно встал и направился к двери. Но дверь из кабинета в столовую оказалась закрытой. «Видимо, нечаянно захлопнул», — подумал он и вставил ключ, чтобы открыть дверь и встретить вошедшего. Но дверь не поддавалась. Ключ свободно поворачивался, слышно было, как отодвигается задвижка замка, но дверь даже на миллиметр не сдвигалась в притворе. Он вспомнил предупреждение шефа и рассмеялся.

В столовой слышался звон посуды, шаги человека, стук дверец серванта. «Турист» нервно ходил около двери, прислушиваясь к звукам в столовой. Он знал, что проникнуть в столовую невозможно, но любопытство брало верх, и он думал только об одном: кто принес обед, мужчина или женщина? Прошло некоторое время, донесся стук закрываемой двери. Он нетерпеливо повернул ключ — дверь в столовую открылась. Он бросился в прихожую, вставил ключ, чтобы открыть дверь в коридор и посмотреть, кто же к нему заходил. Но произошло то же самое: ключ легко поворачивался, свободно отходил за tvor замка, но дверь не открывалась. Вспомнив, что им не закрыта дверь в кабинет, он с досадой вынул ключ и торопливо направился к двери кабинета. Дверь была полуоткрыта. В плоскости бокового притвора он заметил на расстоянии полуметра один от другого три металлических стержня, напоминающие стержни сейфов. «Турист» с досадой захлопнул дверь и снова направился в прихожую. Дверь в коридор свободно открылась. В ее притворе выглядывали из металлических гнезд точно такие же стержни, как и в притворе двери кабинета. В коридоре, естественно, уже никого не было.

Повесив пиджак на спинку стула, он сел за накрытый обеденный стол. Аппетитно покушал, накрыл пустые тарелки салфеткой, прошел в кабинет и погрузился в чтение донесений. На первый взгляд эти короткие до лаконичности сообщения могли показаться утомительно скучными и неинтересными. Но «Турист» улавливал немало любопытного, интригующего в таких, например, депешах:

«...Конструктор Н. произведен досрочно в генералы. Сейчас находится в длительной командировке в городе К., на одном из заводов которого производятся реактивные двигатели прежней системы этого конструктора. — «Брюнет-прима».

«... В пещерах Базальтовых гор открыты гремучие газы. Месторождение обнаружено инженером Владимиром Кремлевым. Доступ к пещерам закрыт. — «Адьютант».

«... В авиационном институте ЦАВИ строгойше засекречена дипломная работа студента моторостроительного отделения Антона Споряну. Подробности через консула. — «Брюнет-прима».

Перечитывая эти лаконичные сообщения агентов разведки, «Турист» неожиданно обратил внимание на одни и те же подписи под донесениями, относящимися к институту ЦАВИ и тайнам Базальтовых гор. Он раскрыл блокнот и стал заносить кратко существо сообщений отдельно на страницах, помеченных сверху «Брюнет-прима» и «Адъютант». За этой выборкой начавших его интересовать донесений он просидел почти пять часов, не заметив, как прошел день. Расправив уставшие плечи, он закурил и стал прохаживаться по кабинету. «Хорошо бы, — подумал он, — поехать сейчас за город — отдохнуть на свежем воздухе, искупаться в прохладной воде. Но адмирал и шеф не предупреждали о том, дозволены ли мне эти удовольствия». Размышляя над этой ситуацией, он убедил себя в том, что если такие прогулки не дозволены, то адмирал предупредил бы об этом. Он подошел к столу, открыл ящик, снял с рычага трубку аппарата и набрал 0-20-0.

— У аппарата дежурный.

— Говорит пятый.

— Я вас слушаю.

— Могу ли я рассчитывать на машину для поездки за город?

— Когда прикажете?

Подчиненный тон дежурного не только успокоил «Туриста», но и придавал смелости. И он добавил повелительным тоном:

— Мне нужно сейчас. Немедленно!

— Через две минуты машина будет у подъезда. Запомните номер. ДР-00-05. Она в вашем распоряжении круглосуточно. Звонить в парк по номеру 0-33-99.

Дежурный положил трубку. «Турист» взял блокнот, закрыл двери кабинета и спальни и накинул макинтош, взял шляпу и вышел в коридор. Минут через пять он полужелал на заднем сиденье роскошного «Татра», мчавшегося по гладкой ленте асфальта. Огромные кроны каштанов почти смыкались над шоссе, образуя прямой, как стрела, зеленый тоннель.

Покачиваясь на мягком сидении, «Турист» мысленно представлял себе темно-синие вершины Кедрового перевала, «Дачу охотников» у подножья гор. «Но какое отношение, — думал он, — имеет открытие гремучих газов к этой даче; какая логическая связь между дипломным

проектом студента Антона Споряну и солнечной бурей. Мысль работала лихорадочно. «Туристу» хотелось во что бы то ни стало раскрыть тайну солнечной бури. Иногда ему казалось, что он нашел разгадку, но не проходило и минуты, как сам же опровергал себя, начиная искать новые подступы к тайне. Занятый своими мыслями, он не заметил, как проехал загородный парк и оказался на берегу реки.

— Ну, вот и приехали, — сказал шофер, притормаживая машину.

«Турист» молча вышел из машины, разделся и с разбегу бросился в прохладную воду. Он переплыл неширокую, но быструю речку, зашел выше против течения почти на километр, выплыл на середину, лег на спину и отдался во власть течения. Поравнявшись с машиной, вышел на берег и лег на траву. Так он пролежал почти час. Вспомнив что-то, очнулся от размышлений, торопливо оделся, сел рядом с шофером, сказав лишь два слова:

— В город, побыстрее!..

Вернувшись после прогулки, «Турист» поспешно прошел в кабинет и погрузился в чтение документов архива разведки. Он просидел почти до утра, но записал в свой блокнот лишь две заинтересовавшие его детали: о «Варианте М» и «Пал Саныче». Поспав несколько часов, совершив короткую прогулку на машине по загородному лесу, «Турист» снова занялся изучением архива и снова засиделся до рассвета. Перелистывая очередную папку документов, он почувствовал, что больше работать не сможет: веки слипались, мучительно клонило ко сну. Он с трудом сделал несколько пометок на листке бумаги, выпил стакан холодного молока.

— Теперь отдых! Полный покой!..

С этими словами он выключил свет, лег в кровать, сладко зевнул и закрыл глаза.

Утром «Турист» покинул постель раньше обычного. Принял ванну, позавтракал и закрылся в кабинете.

Перечитав агентурные донесения, он взял лист бумаги и начал обобщать прочитанное — вернее, составлять план большого разведывательного задания.

Изложив на двух листах свои предположения о солнечной буре и сопутствующих ей обстоятельствах, «Турист» дважды перечитал написанное и закрыл в стол.

«Отдохну, проветрюсь и со свежей головой еще раз проверю себя», — решил он.

Всю вторую половину дня «Турист» провел за городом. Ходил по лесу, отдыхал на берегу речки. Вернувшись, он еще раз перечитал свой план, внес поправки, переписал начисто и пошел на доклад к адмиралу.

Адмирал был в хорошем расположении духа. Он встретил «Туриста» посреди комнаты, предложил кресло и заговорил сразу о деле.

— План ваш не лишен логики. Беспокойство профессора-химика о судьбе инженера-моторостроителя... Параллельные работы над новым топливом и новым реактивным двигателем—все это имеет какую-то взаимосвязь. Но какую? Вот что необходимо выяснить.

«Турист» достал блокнот. Адмирал внимательно наблюдал, как он перекидывает листки, потом не спеша взял его из рук «Туриста», посмотрел некоторые записи, положил на стол и сказал наставительно:

— Разведчик не должен привыкать к работе по шпаргалкам. Никаких дневников и блокнотов. Память и только память... Да, я перебил вас. Говорите все до мелочей: догадки и предположения.

«Турист» повторил свои предположения о взаимосвязи целого ряда фактов и высказал смелую, неожиданную даже для адмирала гипотезу:

— Возможно,—говорил он убежденно,— что им удалось поднять в определенный участок атмосферы значительное количество гремучих газов, затем взорвать их. Не этим ли объясняется явление, получившее название солнечной бури? Почему оно произошло на одном очень ограниченном, по сравнению с планетой, участке. Почему именно в районе Базальтовых гор, в том географическом районе, где открыты гремучие газы? В естественный выпад большого количества газов в атмосферу и их стихийный взрыв я не верю. Это могло произойти близко над землей, но не на такой высоте.

Адмирал задумался.

— Пожалуй, вы близки и истине, — сказал он. — Ну, что ж — в добрый час. Вам и карты в руки. Поручаю лично убедиться в этом. Через неделю-две вас переправят через границу. Мои помощники разработают детали, проинструктируют.

Он снял трубку телефона и позвонит в картотеку.

Через минуту-две вошел подвижной молодой человек в черных очках, молча положил перед адмиралом на стол красную папку и также молча удалился. «Турист» заметил, что черные очки даже не взглянули в его сторону. Адмирал раскрыл папку и продолжал:

— Запомните адреса явок. Именно запомните. Слушайте внимательно: «Брюнет-прима» — это старший научный сотрудник Метеорологического института — Эмиль Яковлевич Фирсун. Всю корреспонденцию направлять через него, шифром. Шифры вам дадут. На всякий случай там есть еще запасной человек. Давно мы его не беспокоили. Это «Адъютант» — преподаватель рисования Шпангель Сергей Станиславович. Но это на крайний случай.

— А кто такой «Корнет»? — не удержался «Турист».

— Его нет. Провалился. Кто он был — не важно, — неохотно ответил адмирал и поднялся. — Вот и все пока. Тренируйте память. Через неделю к вам зайдет зубной врач: поставит коронку на один из зубов, в ней будут шифры. — Он протянул «Туристу» руку. — Желаю удачи. Перед выездом встретимся.

«Турист» уже направился к выходу. Адмирал остановил его у порога:

— Послушайте. Не лишне было бы познакомиться вам с заметками архива замка фрау фон Бретт. Вы не читали их?

— Нет. Не читал.

— Обязательно познакомьтесь. Там есть немало любопытных деталей не только об изобретении инженера Споряну, но и о его приключениях. Правда, факты давнего времени, но заслуживают внимания и сейчас.

— Есть изучить архив замка фон Бретт.

— Не весь. Весь вам просто ни к чему. Только что относится к инженеру Споряну. Понятно?

— Так точно.

— Ну, вот пока все.

— Разрешите идти?

— Да, вы свободны.

Вечером, вернувшись с прогулки, «Турист» нашел на столе конверт. В конверте паспорт на имя Пауля Митчелла и записка:

«Здесь шифры, явки. Выучите наизусть. Когда овладеете — позвоните 0-3-0».

Глава IV

СИНЯЯ ПАПКА

Начиналось активное соперничество двух разведок.

Когда разведчик под девизом «Турист» познакомился с архивными документами замка фрау фон Бретт, а его вдохновитель — руководитель разведцентра «ОСТ», адмирал Ландэ подготавливал переброску этого шпиона на территорию СССР, Самгуньскому управлению ГБ стали известны некоторые обстоятельства и важные подробности о замыслах врагов.

Генерал Галаджи уже располагал рядом фактов о том, что матерый разведчик Ландэ протягивает свои щупальцы не только к открытию профессора Кремлева, но и к изобретению инженера Споряну, и что шпионы Ландэ уже действуют в Самгуни. Началась разработка контрмер. Галаджи решил поручить это щепетильное дело самому опытному чекисту УГБ — полковнику Вересаеву. Пригласив его к себе, Галаджи достал пухлую синюю папку и положил на стол перед Вересаевым, думая про себя: «Именно ему по плечу состязание с Ландэ... Пожалуй, только ему...»

— Это дело особой важности, — медленно произнес он, — скажу больше — вам лично поручаю разматывать этот шпионский клубок. Познакомьтесь подробнее. Но кроме вас и меня об этом никому, — Галаджи поднял палец, — никому не известно.

— Понятно! Разрешите приступить?

— Занимайтесь только этим делом. Завтра вечером доложите.

— Слушаюсь. Есть, доложить завтра вечером.

— Тогда и обменяемся мнениями.

Вересаев вернулся в свой кабинет и раскрыл синюю папку. На первом листе было обозначено: «Разведывательный центр «ОСТ». Руководитель разведцентра адмирал Ландэ».

Знакомясь с описью документов, находящихся в папке, Вересаев выписал в свой блокнот клички шпионов, работающих по заданиям разведцентра «ОСТ». Затем начал внимательно перечитывать документы. Их было в синей папке больше сотни. Каждый представлял краткую информацию о деятельности или замыслах разведцентра «ОСТ» или его шпионов. Наиболее пристально

заялся Вересаев изучением донесений о подготовке переброски на территорию СССР «Туриста», как видно было из документов, пробиравшегося со специальным заданием. Перечитав относящиеся к миссии «Туриста» ориентировки, Вересаев развернул карту, начал наносить на нее условные знаки. «Значит, — говорил он про себя, — разведцентр «ОСТ» имеет резидентуру в Самгуньской долине. Вторую создает барон фон Бретт в «Лесной Каравелле». Куда же направит адмирал Ландэ «Туриста»?.. А если в Самгунь, то через какой кордон?»

Зазвонил телефон. Вересаев взял трубку.

— Вересаев...

— ...

— Слушаю, товарищ генерал.

—

— Есть. Сейчас приеду.

Генерал Галаджи встретил Вересаева совсем необычно. Строгий в официальной обстановке, он сейчас, на своей даче, был прямой противоположностью. Не успел Вересаев закрыть за собой дверь, Галаджи шагнул к нему навстречу и заговорил дружеским тоном, пересыпая свою речь острыми шутками.

— Понимаешь, полковник, теперь ясно, где черти зимуют. Поступила еще одна преинтересная оказия. Барон фон Бретт действует в открытую. В своем новом владении около «Лесной Каравеллы», помимо наблюдающих за сквозняками, подыскивает надежного электрика-ради-ста. Как ты думаешь, наверно, приставит его к домашней радиоле?!..

— И шпионской рации, — добавил Вересаев.

— Вот именно. Молодец «НР-6», что не пропустил такую «мелкую деталь». А мы этот прыщик запеленгуем...

Галаджи взял со стола сообщение «НР-6» и протянул Вересаеву.

— Садись, читай... До чего же разгорелся аппетит у адмирала Ландэ на эту солнечную бурю! Он решил, видимо, окружить шпионами и радиоушами всю Самгуньскую долину... Читай, читай, что пишет «деду внучек» на коротких...

Вересаев присел на край кресла, начал читать.

«Барон фон Бретт переехал с баронессой в свою виллу около «Лесной Каравеллы». Установлено точно — увозит к себе техника-ради-ста-электрика Энрике Томмаха, внука

ключника в замке фон Бретт — Ирже Томмаха. Сам старик вчера умер.

Смерть старика и выезд Энрике Томмаха лишают постоянной связи с замком фон Бретт. Принимаю меры по замене связного. — НР-6».

— Ну, как тебе нравится? — спросил Галаджи, когда Вересаев закончил читать. — Догадываешься, в чем дело?

— Все ясно. Решили убрать лишний, к тому же ненадежный глаз из окрестностей замка. А в районе «Лесной Каравеллы» оборудуется рация — это совершенно бесспорно.

— Проверим, увидим. — Галаджи склонился над столом и сказал вполголоса: — Надо усилить охрану профессора и Споряну, причем самыми проверенными людьми. Подготовьте список, посоветуемся.

Вересаев вышел, а Галаджи накиннул на плечи легкий плащ и, насвистывая любимую мелодию, спустился к подъезду, сел в машину и поехал ко второму каскаду подышать свежим воздухом, полюбоваться водопадом, низвергающимся с двенадцатиметровой высоты.

Генерал особенно часто навевался в район пляжей горного озера, где все располагало к отдыху.

Зрелище водной станции — пловцы, ватерполисты, гонки на парусниках доставляли Галаджи большое удовольствие. Но самым активным болельщиком он был на состязаниях скутеров. Шофер хорошо знал эти слабости своего начальника и, когда машина вышла на загороднее шоссе, сказал:

— Сегодня, товарищ начальник, тренировки скутеров. Может, на озеро «Горного солнца» махнем?

— Тренировки?.. Конечно, на озеро!

Галаджи снова погрузился в размышления. Он строил всевозможные гипотезы, стараясь отыскать взаимосвязь между перечитанными за день донесениями агентурной разведки, но тут же отвергал их, убеждаясь в несостоятельности своих предположений. Последний поворот, и машина вышла на широкий бульвар, огибающий озеро «Горного солнца».

Галаджи широко улыбался, наблюдая за скользившими по спокойной глади озера белоснежными яликами, бросал короткие взгляды на бронзовые тела, рассыпавшиеся вдоль пляжа под полотняными зонтиками-тентами.

Поравнявшись с группой молодежи, играющей в водное поло, Галаджи положил руку на плечо шофера:

— Остановись, Володя.

Машина плавно сбавила скорость и бесшумно остановилась. «Какая красота!» — подумал, может, уже сотый раз шофер, любуясь вечерней панорамой. Несколько мощных прожекторов, направленных с высокого уступа горы на небольшое горное озеро, создавали впечатление упавших на водную гладь ярких лучей утреннего солнца.

Пляжи освещались еще более оригинально. Невысокий берег над ними представлял собой искусно выведенный карниз, пологой дугой огибающий кромку берега. Под овальным карнизом, как Млечный путь, шли невидимые с бульвара сотни ламп дневного света. Эта инженерная находка, удивлявшая туристов, и создавала на пляже иллюзию ясного дня. Пляжи «Горного солнца» были знамениты еще и тем, что здесь можно было купаться и тогда, когда на бульваре и вдоль пляжа лежал снег. Секрет этого был тоже прост. Вдоль всего пляжа, метрах в десяти от берега, выходили помпы специального водопровода. Через них подавалась горячая вода, резко изменявшая водный режим купален.

«Горное солнце» привлекало тысячи людей и стало известно всей Европе. Экзотика искусственных пляжей привлекала туристов.

Галаджи долго любовался сказочным освещением пляжей, скутерами, скользящими по изумрудной глади озера. Ему тоже вдруг захотелось прокатиться, подышать свежестью наступающей ночи. Вместе с Володией он спустился по каменным ступеням к лодочной станции.

Больше часа Галаджи просидел за рулем моторки, маневрируя вдоль мысов и бухточек противоположного скалистого берега, поглом сделал лихой разворот на полных оборотах и лег курсом на дрожавшее зарево. Отсюда зарево над пляжами напоминало далекий, невидимый еще из-за морских просторов большой портовый город. Набежала полоска легкого ветерка, тронула рябью зеркальную поверхность.

Генерал передал руль шоферу, перешел на заднее сиденье, закурил, перебирая в памяти последние донесения «НР-6» об активизации деятельности разведцентра «ОСТ».

Соперничество двух разведок вступало в новую фазу.

ВНУЧКА ПРОФЕССОРА

Профессор Кремлев сидел в своей лаборатории в тревожном раздумье. Анализы естественного газа, взятого в пещерах, дали двоякие показатели: большое содержание детонирующих компонентов открывало возможность использования их для ракетной техники, а наличие мельчайшей кристаллической пыли, даже в таких микроскопических дозах, которые были обнаружены при анализах, — одна сотая грамма в литре газа, — вызывало серьезные опасения. Проникновение в легкие человека одной пятидесятитысячной грамма кристаллической пыли может привести к потере зрения, вкусовых ощущений, обоняния. Возможны и более серьезные последствия: образование язвенных явлений на дыхательных путях и в легких, а у людей с повышенным кровяным давлением — активное развитие тромбозов. И, наоборот, эта пыль в микроскопических дозах, скажем, до одной сотой миллиграмма, введенная в организм, становится целебным средством при ряде заболеваний.

Профессор обеспокоен был тем, в какой пещере был его сын, сколько попало в его легкие этой пыли.

«Неужели Володя попал именно в эту пещеру? — думал профессор. — Может, позвонить еще раз доктору Ефимову, узнать результаты его анализов».

Стукнула дверь. Профессор обернулся. Вошла невестка.

— А, Наталья Михайловна. Ну, как там доктор, что говорит...

— Не волнуйтесь, все хорошо. Доктор Ефимов трижды брал пробы из этой пещеры. Заверяет, что опасения напрасны, процент пыли ничтожен, совершенно безвреден. Даже, говорит, полезен при некоторых недугах.

— Какой все же процент, сколько миллиграммов?..

— Вот он просил передать копию анализов.

— Нут-ка я посмотрю. — Петр Кузьмич взял бумажку, включил настольную лампу — Так, так. Первый анализ: содержание пыли — 000000,1 м/г, второй анализ: содержание пыли — 000000,5 м/г, третий анализ: содержание пыли — 000000,2 м/г. М-да, а что еще говорит доктор Ефимов?..

— Послал снова за пробами. Просил передать, чтобы не волновались. Володе он сделал вливание, взял на повторный анализ кровь. Говорит, что для беспокойства нет оснований.

Зазвонил телефон. Профессор взял трубку.

— Я слушаю вас... Доктор Ефимов, благодарю вас за хлопоты... Так, так. Значит, анализ крови благоприятный?.. Это, безусловно, хорошо... Хвойную ванну три раза в сутки... будет сделано... Парное молоко?.. Хорошо, утром приедет к вам на процедуры... До свиданья. — Петр Кузьмич положил трубку и улыбнулся. — Идите успокойте Володю. Он скрывает, а волнуется не меньше нас... Да, хвойную ванну ему через каждые восемь часов. Пить только парное молоко.

Наталья Михайловна вышла. Петр Кузьмич придвинулся к приборам, думая о том, какое влияние оказывает эта коварная для человека пыль на процесс детонации при взрыве газов. Все надо перепроверить, установить ее происхождение, химический состав.

Он не слышал, как внучка открыла дверь кабинета-лаборатории и, прокравшись на цыпочках во внутрь комнаты, остановилась за спиной сидевшего у стола Петра Кузьмича, занятого своими приборами. Осмотревшись кругом, Светлана потянула его за полу халата.

— Вот и я, дедуся, пришла.

— Не мешай, кудесница.

— Дедушка, а, дедушка! Правда, что у вас здесь страшно?

Профессор обернулся с тревожным любопытством. «Может, что-нибудь случилось, — подумал он. — Уж не с Володей ли плохо». Но, взглянув на веселое, беззаботное выражение лица внучки, успокоился, вспомнив о другом. В его сознании пронеслись отрывки из недавней беседы с генералом Галаджи. Вспомнилось его дружеское напутствие: «Будьте осторожны, профессор, за вами и за вашими трудами охотятся». «Может, в школе, — подумал ученый, — Светка что-нибудь слышала». Выключив приборы, он встал с кресла и, подняв внучку на руки, опустился с ней на диван.

— Страшно, говоришь. А что тут страшного?

— Так вот и не страшно, — лукаво поглядывая в глаза дедушке, затараторила Светлана.

— А что тут может быть страшного. Лес, этот пре-

красный пихтовый лес, поляны с брусникой, болото с морошкой...

— Нет, нет! Не о том я, дедуся, говорю...

— Тогда о чем же?

— А если не страшно, тогда зачем поверх ограды и вокруг дачи натягивают колючую проволоку?

— Ну вот, ты и это уж заметила?

— Да, и заметила. Значит, все же страшно...

— Нет, Светка, это так, как бы тебе сказать, на всякий случай.

— Знаю, знаю! Чтобы волки и медведи не смогли попасть во двор дачи. Угадала?

Профессор ухватился за эту мысль.

— Да, да! пожалуй, и права ты отчасти, Света. Тут, среди дремучих лесов, возможны разные хищные звери.

— Ночь, кругом темно, — затараторила девочка. — Лес шумит высокий... и вдруг нападают на дачу волки. Много, много волков и медведей. Лезут на забор, рычат, лязгают зубами... Ух, и страшно, наверное, этим дядям ночью?

— Каким дядям?

— А тем, что стоят на мосту у речки, поднимают шлагбаум в лесу и здесь, на даче, открывают ворота.

— Эти товарищи привыкли, Света, и к непогоде и к случайностям.

— Я тоже привыкну и не буду бояться. Буду гулять в лесу, рисовать пейзажи...

— Какие пейзажи? — насторожился профессор.

— А вот какие. Посмотри-ка, дедушка, вон на поляну у синего бора или вот там — озеро и над ним три огромных кедра-великана.

— Кто же тебе сказал, что это пейзажи?

— Учитель по рисованию, Сергей Stanisлавович. Он еще сказал, что у меня чувствуется дарование.

— Постой, постой. Дарование, говоришь... Так он тебе и сказал — дарование?..

— Да. И несколько раз так говорил. Все в школе, и девочки и мальчики, теперь мне завидуют.

— Ну, а что этот учитель советовал тебе рисовать? — с пристрастием спросил ученый.

— Все, что мне понравится. Например, закат солнца из своей спальни, виды окрестностей с балкона...

— Откуда же он знает, что моя дача с балконом?

— Он, дедушка, все знает. Я ему рассказала, сколько дверей у нас в доме, какой хитрый замок ты придумал к калитке, все, все! Он такой добрый. Он даже мои картины обещает отправить на большую выставку.

— Какие картины?

— А те, которые нарисую здесь за лето.

Внучка продолжала рассказывать с присущим ее возрасту детским пылом. Ученый слушал, согласно кивал головой, а сам думал — зачем учителю рисования понадобилось расспрашивать ребенка о замках, о расположении комнат, количестве дверей. Он не раз порывался встать, чтобы немедленно позвонить, сообщить свои подозрения, но каждый раз останавливал себя: «Нельзя этого делать. Не нужно подавать никакого вида»...

Погрузившись в эти тревожные размышления, он не заметил, как в кабинет вошел Владимир Петрович. Большую часть рассказа своей дочери Владимир Петрович прослушал, стоя за портьерой. А когда она умолкла, стукнул нарочито дверью и вышел из-за портьеры.

— Они здесь. А я их ищу. Думал, что ушли свежим воздухом дышать.

— Проходи, проходи, Володя, присаживайся к нам. Мы тут неожиданно расфантазировались. Ты иди, внучка, на свежий воздух, к маме. Вон она на пруду.

Владимир Петрович, убедившись, что дочурка ушла, закрыл плотнее дверь и вопросительно посмотрел на отца. Потом, опустившись в кресло, заговорил:

— Я слышал все. Разговор дочки не лишен кое-какого интереса...

— Да, да. Ты прав, Володя. Надо сейчас же позвонить Галаджи... Как ты думаешь?

— Непременно... и пригласить на обед. Он сейчас на заводе нитрокрасок. Мы с ним ехали катером на рудник. А тут расстояние небольшое. Через полчаса будет здесь.

Он помолчал и добавил:

— А что скажем нашему капитану-дачнику?

Профессор изумленно хлопнул себя ладонями по бедрам и легко, по-молодецки поднялся.

— А я совсем и забыл, что «скорая помощь» в этих делах тут рядом, можно сказать, за стеной. Идем к нему. Расскажем о всех наших подозрениях. Ведь он здесь — глаза и уши генерала. От него и позвоним Сильвестру Антоновичу.

Профессор уже откинул портьеру, чтобы выйти из лаборатории, но, спохватившись, что забыл снять рабочий халат, вернулся. Скинув его, Петр Кузьмич направился вслед за сыном к выходу. Неожиданно в коридоре они встретились с генералом Галаджи. Он сам приехал к профессору, чтобы предупредить его кое о чем.

Выслушав Галаджи, Кремлев развеселился:

— Хитро, осмелюсь заметить, хитро! Мы занимаем в Капках дачу. Там ведь тоже хвойные леса. Внучка с домочадцами там проводит лето. Все заняты работой в городе, но дачу в Капках навещаем, иногда собираемся на выходной все. Держу пари: внучка не заметит этой подтасовки и наделает им хлопот со своими пейзажами. Идея, генерал, прекрасная идея!.. Да, генерал, нас ждет обед.

— Я сыт, Петр Кузьмич...

— Идемте, идемте, генерал, не хитрите. Подкрепиться никогда не вредно.

— Ну, хорошо — уговорили, — согласился Галаджи, зная настойчивый нрав профессора, — только минут через десять. Мне необходимо поговорить с вашим дачником-капитаном.

— Вот и отлично. Ждем через десять минут.

Глава VI

ГОВОРЯТ „КАСКАД“

Начальник охраны объекта «ЛАК-2», как условно называлась лаборатория профессора Кремлева, капитан Трусов сидел у телевизора. В саду щелкнул замок калитки. Капитан обернулся и проводил взглядом Наталью Михайловну. Когда она скрылась за густым ельником, он включил позывной механизм телевизионных экранов. За матовым стеклом щитка вспыхнул зеленый глазок и на большом экране отчетливо выступила лесная дорога. Из-за поворота выскочила на дорогу рыжая лисица. Торопливо посмотрела по сторонам и крадущейся походкой, припадая пониже к земле, пошла обочиной выслеживать добычу.

«Верный признак, что поблизости нет человека», — подумал капитан и переключил прием экрана. Через две-три секунды на экране обозначилась аллея с теле-

графными столбами и тремя линиями электропроводов на них. На песочной дорожке, идущей вдоль телеграфных столбов, важно ходили тетерева, склевывая свисающие низко над землей ягоды шиповника.

Капитан включил следующий объект. На экране выступили перила деревянного моста, покоившегося на высоких сваях над узкой, но быстрой горной рекой. Рядом у моста, в тени развесистой ели, стоял неподвижно постовой со вскинутым на изготовку автоматом. Пройдя всевидящими глазами телевизионных экранов по каждой тропинке, капитан включил пленочные телеаппараты на запись. И кто бы ни появлялся на лесных дорогах, ведущих к охраняемой даче, он будет отмечен на пленке. Появится в поле телеобъектива новый предмет: выйдет волк из леса, сядет поблизости на ветке сорока, пролетит тяжелый глухарь, аппарат автоматически отсчитает кадр, фиксируя каждый новый предмет в поле зрения на пленку. Если новый предмет находится в поле зрения объектива больше минуты, аппарат делает три кадра и посылает автоматический сигнал. В этих случаях в аппаратурной у капитана Трусова загорается общий экран, раздается сигнал: «Тревога!».

Переговорив с третьим постом зоны, капитан Трусов заметил позывные на щитке общего микрофона и перевел рычаг в положение двусторонней связи. Включив малый настольный телемикрофон, он сказал вполголоса:

— На центральном у аппарата...

— Говорит «Второй каскад», — раздалось в комнате. — Через пять минут должен быть у вас «Скорый». Выехал на моторной лодке.

В коридоре слышались шаги. Капитан нажал в полу педаль. Он был верен своему правилу: кто бы ни шел с визитом, осторожность прежде всего.

Бесшумно опустился маскировочный щит матового стекла, и комната приняла обычный жилой вид. Справа у кушетки овальный стол. На нем ваза с полевыми цветами, коробка папирос, пепельница, спички. Прямо у окна письменный стол, кресло, этажерка. В открытую дверь в соседней комнате из-под откинутой тяжелой портьеры виднелось изголовье кровати, тумбочка.

Только когда поднимался щит и были видны настольный автоматический коммутатор внутренних телефонов и

телеэкран постов секретной охраны, можно было угадать, что здесь не столько квартира, сколько служебный кабинет.

Капитан закурил папиросу и, приняв непринужденную позу, стал ждать, когда позвонят или постучат. На лестнице смолкли шаги, щелкнул замок, и в открытой двери показался генерал Галаджи. Капитан порывисто встал. Генерал дружелюбно протянул руку, снял фуражку и устало опустился в кресло.

— А ну, Алеша, покажи свои владения?

Капитан повернул металлический стержень одного из выключателей и, когда стена поднялась, включил телеэкран. На матовом стекле снова побежали кадры лесных дорог, просек, тропинки, переправы. На деревянный мост выбежал старый заяц-русак, привстал на задних лапах, обнюхал воздух, поводя большими ушами. Стоявший подлею автоматчик, искусно подражая лаю охотничьей собаки, крикнул:

— Гав, ав, ав!

Заяц метнулся в сторону и, не рассчитав прыжка, свалился с моста в речку. Генерал и капитан рассмеялись

— Довольно, капитан, — сказал Галаджи.

— Вызывай главную квартиру!

Чуть слышно щелкнул аппарат. Затем вспыхнул красный глазок, означавший, что автомат-искатель встал на заданное деление.

— «Зимовка?» «Зимовка?»

— Я «Зимовка»...

— Говорит «Центральный каскад»...

— «Зимовка» слушает...

Генерал придвинулся к переговорному пульта и нажал кнопку двусторонней связи.

— У аппарата «Скорый».

— Жду приказаний.

— Подключите Кузьму Егоровича.

Аппарат щелкнул. Послышались два новых голоса и вспышка чиркнутой о коробку спички.

— Я вас слушаю...

— Полковник Вересаев?

— Я у аппарата.

— Кузьма Егорыч, передайте правому соседу: внучка Кузьмича по заданию одного художника готовится под-

ражать Шишкину в районе объекта «ЛАК-2». Вы не баловались в молодости за мольбертом?

— Так, любительски...

— А помните, какому мастеру кисти принадлежат инициалы С. С. Ш.?

— Помню...

— Вот и прекрасно. Сейчас можно было бы запечатлеть интересные этюды на фоне северных сияний и белой ночи. Впрочем, советую обдумать. Приеду — доложите. Все запомнили?..

— Так точно!

— Повторите инициалы...

— Селивану, Сидору, Шуре.

— Правильно!

Выключив аппарат, капитан встал.

— Извините, товарищ генерал, за любопытство, о ком идет речь?

— Это... один интересующий нас «художник»...

После обеда у Кремлева Галаджи уехал в УГБ. Полковник Вересаев доложил ему о «любителе пейзажей» и его связях. Галаджи выслушал молча. Закончив доклад, Вересаев закрыл папку и спросил:

— Ваше мнение, генерал?

— Согласен, полковник. Торопиться не будем.

— Нам важнее раскрыть и обезвредить резидентуру. А «любитель пейзажей» — это лишь один из подручных.

— Правильно, полковник... Держите его в поле зрения и разматывайте, к кому ведут нити. Если Шпангель действительно шпион, то кто направляет его? Резидент действует где-то поблизости, может, даже в Самгуни. Вы обратили внимание, насколько быстро переориентируются разведчики?..

— Именно. Убежден, что резидент действует здесь.

— Безусловно, в Самгуни. Сообщения «местной почты» достаточно прозрачно указывают на это... Да, а какие виды подает на дальнейшее аспирант Лесного института?

— Аспирант Руссо под видом Споряну на днях выезжает в «научную» командировку в район «Лесной Каравеллы». У него, кстати, задание разведцентра «ОСТ» Поставлена задача организовать слежку за бароном фон Бретт.

— Видимо, барон начал раздваиваться?.. Что предлагаете вы?

— Намерены использовать эту поездку Руссо и в наших интересах. Готовлю задание.

— Правильно. Как он ведет себя?.. Будьте осмотрительнее...

Мигнула сигнальная лампочка. Галаджи взял трубку.

— Хорошо, сейчас приеду, — ответил он по телефону, поднялся, закрыл стол, сейф и направился к дверям. Взявшись за ручку двери, он посмотрел на часы и сказал Вересаеву: — Внеочередное бюро обкома... Вечером в 19 часов приезжайте на дачу. Поговорим подробнее о поручениях и поездке Руссо.

— Слушаюсь, в девятнадцать часов!..

Глава VII

„ТУРИСТ“ В САМГУНИ

В тот день, когда Споряну и Ярусов начали тренировку на даче генерала Галаджи, к станции Самгунь подходил «Голубой экспресс». В одном из купе спального вагона ехали иностранные журналисты. Среди них был и очередной шпион адмирала Ландэ, известный читателю «Турист». Журналисты любовались пробегающими за окном пейзажами, делились впечатлениями. Особенно откровенно восхищался каскадом гидростанций обозреватель одной австрийской газеты.

— Представляете ли вы себе, коллеги, — говорил он, — что означает обуздание Иртыша, Оби, Ангара и Енисея?.. Лет через десяток-полтора произойдет грандиознейший скачок в энергетике СССР, до одной тысячи миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год!..

— Из вас получается неплохой пропагандист коммунизма, — раздраженно заметил «Турист»...

— Надо быть просто объективным, смотреть правде в глаза. Весь капиталистический мир производит в год около 1200 миллиардов киловатт-часов. Вот и сравните и поразмыслите кое над чем!..

«Любопытно, — с завистью думал «Турист», — что за подоплека «научной» командировки Никандра Руссо в «Лесную Каравеллу». Чего здесь больше: проблематики аспирантуры Лесного института или особых поручений

адмирала Ландэ?.. Немец остается немцем. Черт дьявола в девятом плесе видит... Видимо, Руссо пользуется особым доверием, если едет в вотчину барона фон Бретт... Надо ходить по пятам. Не мешало бы провалить Руссо, а потом сообщить «вот, мол, вам и немецкая кровь...»

Установив связи с «Консулом» — главным цитрусоводом Таберидзе, резидентом разведцентра «ОСТ» в Самгуни и Эмилем Фирсун — связным шпионом по кличке «Брюнет-прима», «Турист» начал действовать, чтобы отличиться, обратить на себя внимание адмирала Ландэ.

Приблизиться к самому профессору или инженеру Споряну шпионы не решались. Это означало провал. Им было достаточно известно, насколько зорка охрана. Нужно было искать посредника, который бы имел свободный доступ в лабораторию. Но такой «фигуры» не мог назвать ни один из шпионов. И тогда решили использовать запасника — художника Сергея Станиславовича Шпангель, преподававшего рисование в школе, где училась внучка профессора. Но это был слишком далекий обходный маневр, явно не устраивавший адмирала Ландэ. К тому же запасной шпион Шпангель, отсиживающийся в СССР больше двадцати лет, оказался на редкость малоизобретательным.

Разведцентр продолжал торопить своих подручных, и «Турист» решил пойти на авантюру — похитить дочь профессора Зинаиду Кремлеву. А через нее проникнуть в существо работ и профессора Кремлева. Такую операцию облегчало то обстоятельство, что Зинаида Кремлева работала в лаборатории, подчиненной главному цитрусоводу Таберидзе.

Однажды «Турист» навестил Таберидзе в его служебном кабинете. Таберидзе не знал настоящего имени «Туриста», не знал и его клички-псевдонима. «Турист» выдавал себя за журналиста одной из зарубежных газет, не отрицая своей принадлежности к разведцентру «ОСТ». Под конец беседы Таберидзе выразил удивление:

— Не понимаю, что может привлекать вас в этих метеорологических изменениях? Ну, необычная для здешних мест гроза. Ну и что из этого? Что может заинтересовать разведку в прошедших дождях?

— Очень многое, господин Таберидзе.

— Поясните, если не секрет.

— Настанет время — узнаете. А пока нужна ваша услуга по отбору метеонаблюдений. Тем более, что для вас это ничего не составляет. Вполне достаточно данных с метеопунктов вашего института.

«Турист» уже направился к дверям, но вдруг обернулся, пристально посмотрел в глаза цитрусоводу и начал развязным тоном:

— Чуть-чуть не забыл о поручении друга... Сюда приехал мой коллега по колледжу. Ему нужно составить хорошую партию. Обязательно нужно! — Он указал большим пальцем левой руки через плечо, будто его коллега стоял у него за спиной. — От его мнения зависит моя и ваша карьера.

— Что предлагает коллега?

— Как звать эту красивую женщину, которая заведует химической лабораторией вашей опытной станции?

— Зинаида Петровна...

— А фамилия?

— Кремлева...

— Хорошо с ней знакомы?..

Цитрусовод неопределенно развел руками, стараясь улыбнуться.

— Есть ли у нее рыцарь сердца?

— Она замужем за инженером Споряну...

— Вот этого я не знал... Тем лучше... Значит, вы с ней хорошо знакомы по работе и вообще?

«Турист» оценивающе обвел собеседника взглядом.

— Привлекательный кабальеро. Может, ее сердце уже принадлежит также и вам?

— Нет! Нет! Что вы, помилуйте. Это не та героиня. Она не дает никакого повода даже для легкого флирта. Мне кажется, что если у кого сорвется с языка какой-нибудь намек, то он немедленно будет «одарен» звонкой пощечиной.

— Ну, хорошо! — перебил «Турист» цитрусовода. — Раз вы не ее рыцарь, то тем более вы не будете огорчаться, если за ней поухаживает другой.

— Кто другой?.. Вы?

— Нет, мой друг и... шеф!

«Так, так», — повторял про себя цитрусовод, шагая от окна к столу. Потом поднял глаза на наблюдавшего за ним собеседника. — Что же предлагаете? Какова в этом должна быть моя роль?

— Роль дипломата...

— А именно?

— Через несколько дней, я сообщу когда, вы должны пригласить ее в театр. После первого акта все столики в верхнем буфете будут заняты. Направляйтесь к правой нише, где будут два свободных места. Там и познакомимся. Из театра поедем в ресторан. Понятно?

— Да, но она может отказаться от поездки в театр.

— Ваше дело уговорить. А остальное мы возьмем на себя.

«Турист» подал руку, небрежно накрыл голову шляпой и удалился.

Глава VIII

ДВОЙНИК АНТОНА СПОРЯНУ

Однажды вечером Галаджи пригласил инженера Споряну, как он выразился, принимать экзамен. Генерал усадил его в одну из ниш своего кабинета, прикрывшую бархатной занавесью.

— Только ни слова. Молчите и наблюдайте...

Минут через десять приехали Кремлев и Прозоров. Галаджи предложил им кресла и посмотрел на часы.

— Что-то задерживается Споряну? — сказал он нетерпеливо и вызвал дежурного. — Выясните, почему опаздывает инженер Споряну.

— Он уже в подъезде, товарищ генерал. Сейчас войдет.

Через минуту открылась дверь и на пороге появился «Споряну». Он широким, раскидистым шагом подошел к профессору Кремлеву, на ходу извиняясь за опоздание, подал руку Петру Кузьмичу, Прозорову и затем Галаджи.

Антон Савельевич, наблюдая из ниши, был изумлен перевоплощением Руссо. Он настолько вошел в роль, так искусно загримировался, что ни профессор, ни Прозоров ничего не заметили.

Генерал Галаджи достал из сейфа коробку, вынул из нее и вручил двойнику Споряну специальный фотоаппарат для съемок днем и ночью. Потом вкратце ознакомил его, как обращаться с миниатюрным фотоаппаратом, и повторил еще раз, в чем состоят главные задачи предстоящей миссии с командировкой Лесного института.

Профессор вдруг резко поднялся, оперся ладонями о край стола, посмотрел пристально в глаза Галаджи и заговорил раздраженно:

— Я вас спрашиваю, генерал, кто Споряну — инженер или разведчик?... Куда вы его посылаете — головой в петлю!.. Нет, увольте, я протестовать буду. Сейчас же поеду в обком партии к Дмитрию Дмитриевичу...

— Подождите, профессор, не волнуйтесь, — успокаивал Галаджи Кремлева. — Узнаете оборотную сторону медали — смеяться будете.

Профессор посмотрел на Прозорова, пожал плечами и, повернувшись к двойнику Споряну, сказал наставительно:

— Во всяком случае учтите, инженер, — наблюдения за атмосферными изменениями и распространением осадков должны помочь нам расшифровать выдвинутую самой жизнью загадку. От этого будет зависеть успех пробуждения пустынь, покорения природы...

— Ну, а попутно с этой задачей, — вставил Галаджи, — не забывайте и нашу. Главное, кто они? Нет ли среди них «старых знакомых»? Чем заняты Энрике Томмах, барон фон Бретт? Важно раздобыть связи или хотя бы намеки на связи Юлиана Таманиса со шпионами и разведчиками, работающими где-то здесь вокруг Самгуньской долины.

— Постараюсь, товарищ генерал!..

— Юлиан Таманис — редактор газеты «Вестник арабского Востока», — пояснил Галаджи. — Ну и все, что происходит в Самгуньской долине — в промышленности или культуре, сельском хозяйстве, — он узнает из каких-то неведомых нам каналов... Чувствуется в этом «почерк» барона фон Бретт.

— А разве знают они о работах профессора? — понизив голос, спросил двойник Споряну.

— Не думаю. Данными об этом не располагаем... Но... — генерал развел руками, — трудно дать гарантию... ваша задача отыскать нити, которые ведут к Таманису и барону. А там и весь клубок разматываем. Есть подозрения на одно посольство, но улики пока недостаточно. Тонко работают.

— Постойте, генерал, — при этих словах двойник предупредительно поднял руку («точь-в-точь, как я», — подумал Споряну), — припоминаю. Юлиан Таманис, кажет-

ся, бывший профсоюзный деятель, работающий в табачной промышленности, вернее, около нее.

— Он самый...

— Помню. Худой, высокий, сутулый с толстой отвислой нижней губой и прочими характерными чертами, свойственными личностям, злоупотребляющим благами жизни.

— Короче говоря, Юлиан Таманис скоро должен приехать на длительное время в «Лесную Каравеллу». Важно выяснить его ближайшее окружение и попытаться приоткрыть занавес над тем, что у него за связи в Самгуньской долине.

— Постараюсь, товарищ генерал!..

— Ну, дайте руку, желаю успехов. Помните: в этой «прогулке» вы не одиноки... явки, шифры, адреса и прочие детали уточнит вам Вересаев... «Где же Наталья Ивановна, — подумал он, — как бы она была сейчас кстати...» — И добавил полушепотом: — Установлено точно — Зинаида Кремлева похищена из театра агрономом Таберидзе. Поезд подходит к станции «Дальняя». Летите самолетом дальше. Надо перехватить до границы.

Поднялись со своих мест профессор Кремлев и Прозоров. Когда подставной Споряну вышел в приемную, генерал жестом руки остановил их и отдернул занавес, скрывавший настоящего Споряну.

— Ну, как? — спросил он.

— Редкое перевоплощение, генерал. Я просто изумлен, — сказал Споряну, выходя на середину кабинета.

— Этот паренек, если нужно, в самого черта превратится, — похвалился Галаджи.

Профессор и Прозоров застыли в недоумении. Петр Кузьмич пошел осматривать ниши, чтобы убедиться, нет ли там двери.

Пока профессор Кремлев осматривал нишу, Прозоров полголоса высказал Галаджи свои сомнения:

— Признаюсь, генерал, в начале беседы с этим, как теперь оказалось, двойником Споряну я был решительно против такой рискованной прогулки. Намеревался проводить профессора до машины и поговорить с вами с глазу на глаз.

— А теперь, значит, одобряете?

— Не совсем. Возникают новые опасения.

— Именно? — улыбнулся Галаджи, думая про себя:

«Если бы вы знали, кто такой Ярусов... Что бы вы тогда сказали?»

— Посылаете своего работника в явную ловушку. Вам достаточно известно, что за инженером Споряну давно охотятся разведчики. Послать в «Лесную Каравеллу» человека да еще с таким поразительным внешним сходством—значит, толкнуть его на явный провал.

— Не беспокойтесь, Алексей Никитич. Он едет в научную командировку по заданию ученого совета лесного института. Продумано все до мелочей...

— Поистине, генерал, до мелочей,—вставил изумленный перевоплощением человека профессор Кремлев, опускаясь в кресло.

— Именно до мельчайших деталей, — сказал Галаджи. — Скажу кое-что по секрету,—продолжал он, понизив голос, — строго между нами. Споряну нужно на время скрыть от посторонних глаз. Путешествующий турист при таком удачном сходстве со Споряну — неплохая приманка. И она нам нужна для уточнения кое-каких более щепетильных подробностей. А за нашего майора не беспокойтесь. Его будут сопровождать достаточно зоркие глаза. Уверен, что это нам позволит не только ликвидировать шпионское гнездо в Самгуни, но и обрубить немало других щупальцев, если не ликвидировать вообще опору разведцентра «ОСТ».

— Чудеса, вещи чудеса! — развел руками профессор, вспоминая о двойнике Споряну. — Просто кудесник какой-то...

— Нас ждут, Петр Кузьмич, — спохватился Прозоров, протягивая руку Галаджи, Споряну, и торопливо пошел к выходу.

— Иду, иду, — ответил профессор.

Генерал Галаджи, проводив их, закурил, дважды глубоко затянулся, пристально посмотрел в глаза Споряну:

— Ну вот и кончилось ваше вынужденное пребывание вне дома. Сегодня, думаю, вы можете повидать родных. Кстати сказать, с Зинаидой Петровной вам не удастся повидаться. Она позавчера выехала на несколько дней в командировку...

— Не знаете куда?

— Кажется, в Первомайск. Ну, желаю успехов! — Галаджи крепко стиснул ладонь Споряну, потряс. — Глав-

ное осторожность, и еще раз—осторожность. Помните, за вами охотятся матерые волки...

Ира выбежала встречать брата в прихожую. Оглянувшись на дверь столовой, она почему-то шепотом сообщила ему:

— Ты знаешь, Тоня, Зина звонила из Первомайска Тебя спрашивала...

— Когда? — спросил он нетерпеливо.

— Вчера днем. Ах, как она расстроилась, что не застала тебя. Ждала до последней минуты, пока не перебили. Обещала в воскресенье вернуться. Но почему-то нет. Ты, Тоня, должен сам позвонить ей, — тараторила Ира.

Споряну уже не слушал ее. Он ходил по комнате, повторяя вполголоса: «Как же это так! Какая досада...» Он подошел к телефону и долго набирал номера телефонов квартиры профессора Кремлева, лесоопытной станции с намерением узнать, как разыскать Зину по телефону в Первомайске, и, не получив ответа, посмотрел разочарованно на часы.

Сторож опытной станции слышал, как звонил телефон в кабинете заведующей лабораторией Зинаиды Петровны, но подойти к телефону не мог — лаборатория была опечатана: «Позвонят завтра, кому нужно», — подумал сторож.

Споряну уснул только под утро тяжелым, беспокойным сном.

Глава IX

ДАМА ПОД ВЗЛЮЮ

Когда в купе постучали, двойник Споряну — майор Ярусов скинул одеяло и, сунув ноги в ночные туфли, открыл внутреннюю задвижку. Впустив нового пассажира, он закрыл дверь и лег с книжкой. Минуты через две лежащий молча пассажир резко повернулся, свесил ноги и сказал вкрадчивым голосом:

— Далеко ли путь держите, Никандр Руссо?..

Ярусов схватился за пистолет. До колкой боли сжалось сердце. Кровь хлынула к вискам, свинцом наливая голову.

— Бросьте эту игрушку. Лучше поговорим, — спокойно

но сказал пассажир, в котором мы без труда могли бы узнать «Туриста».

— Кто вы такой? — отрывисто спросил Ярусов, сжимая пистолет.

— Из того же гнездышка птенец, что и вы. Принял вас за инженера Споряну и погнался, шляпа, за своим коллегой. Только сегодня на перроне разглядел, что это за Споряну... Нет, вы чертовски похожи на него... А опознал я вас знаете по чему?.. По очень характерному завитку — вихорку волос на верхушке, и сразу вспомнил с приметам, которые называл мне шеф «Колледж Экономик». Припоминаете такого?

Ярусов не верил ни одному слову собеседника, полагая, что это прием полковника Вересаева. Колебался он и тогда, когда новый пассажир назвал пароль явки к резиденту. Он положил пистолет, начал разговаривать, но настороженно наблюдал за собеседником.

— Значит, в научную командировку, в «Лесную Каравеллу». Прекрасные места. Когда «Консул» показал мне ориентировку адмирала Ландэ о вашей «научной поездке», я даже позавидовал в душе... Но кой черт дернул вас гримироваться под Споряну. Не пойму...

Он посмотрел пристально на Ярусова и сказал решительно:

— Сбрейте к черту волосы, отпустите усы, наденьте иной костюм, а то в этом осином гнезде, называемом «Лесной Каравеллой», вас тоже примут за Споряну и могут шлепнуть.

На одной из следующих станций пассажир решил остаться, выходя из купе, он сказал Ярусову:

— В поезде есть интересная парочка. Мы заарканили дочь профессора, а эту игрушку, по имени Наташа, послали в турне с нашим человеком для отвода глаз Галаджи. Может, теперь поверите?.. Запомните Пауля Митчелла, — закончил он и скрылся в коридоре. Но выйдя на перрон, прошел вдоль состава, оглянулся и сел в плацкартный вагон.

Оставшись наедине, Ярусов начал обдумывать возможные последствия этой неожиданной, быстро оборвавшейся встречи. Пригласил проводника.

— Как попал ко мне в купе этот хлюст, что сейчас сошел на станции?

— Сказал, что ему мешали всю ночь спать. Место свободное, билет соответствует, вот я и пустил...

Отпустив проводника, Ярусов никак не мог отделаться от впечатлений встречи с Паулем Митчеллом. Вспомнились месяцы шпионской подготовки в «Колледж Экономик». Почему-то вспомнилась Агнесса Корф, фотокарточку которой он выдрал из рекламного альбома в пансионе «Колледж Экономик» и хранит до сих пор.

«Если бы не коварство разведки, вербующей красавиц, Агнесса никогда бы не пошла по такому пути...» — подумал он убежденно и пошел в вагон-ресторан.

Заняв в углу салона столик, Ярусов просматривал центральные газеты, неторопливо попивал черный кофе, время от времени наблюдая через газетный лист за пестрой, часто менявшейся за столиками публикой. Часов около одиннадцати в ресторане появился очень похожий на «Брюнета-прима», только сильно полысевший, тучный, шеголеватый кавказец в обществе молодой, изящно одетой дамы. Заметив пустые стулья у стола, за которым сидел в одиночестве Ярусов, он подошел к столику и в любезной форме попросил разрешения занять места.

— Пожалуйста, пожалуйста! — торопливо проговорил Ярусов, не отрываясь от газеты.

Кавказец легонько постучал о стоявший на столе стеклянный сифон с крюшоном. Через минуту Ярусов услышал голос официанта, обращавшегося к сидевшей напротив его паре.

— Что прикажете?

Женщина не ответила. Ее спутник, нарочито долго раскуривавший папиросу, казалось, тоже не спешил заказывать. Лишь после того, как официант повторил свой вопрос, обращаясь к нему, кавказец процедил сквозь зубы:

— Шампанского полусухого, пару бутылок, две порции фазана, фрукты.

— Прошу извинить, фазанов нет. Разрешите заменить куропаткой, кекликом.

— Пару кекликов в сметане.

— Сей момент, — привычно ответил официант и, бесшумно повернувшись, исчез в коридоре.

Ярусов, наблюдавший за жеманно кривлявшимся перед красивой женщиной кавказцем, невольно подумал

про себя не совсем лестно об этой дорожной парочке. На щеках женщины пылал естественный широкий румянец, отчетливо видимый даже сквозь низко опущенную вуалетку и выдававший ее смущение. Темно-русые, густые волосы были уложены в замысловатой прическе. Ее голубые глаза поминутно останавливались на газете, скрывавшей от нее Ярусова. Женщина, видимо, чувствовала себя неловко в ресторанной обстановке. На обращаемые к ней вопросы дорожного поклонника она отвечала легкими кивками головы или только прикрывала глаза. Когда официант подал шампанское, Ярусов услышал ее голос.

— Гога, я не могу пить такое холодное...

Кавказец попросил официанта заменить одну из бутылок. Когда были налиты бокалы, хозяин стола в шутовском тоне обратился к Ярусову:

— Молодой человек! Дайте отдых газете. Составьте с нами компанию...

Ярусов опустил газету и уже приготовился ответить что-то далеко не любезное, но его опередила женщина.

— Я вижу, Вам неприятна эта непосредственность. Нет, нет не возражайте! Скучно в дороге. Надо же как-то убить время.

— Но вы же меня совсем не знаете, — ответил Ярусов в тон даме, думая про себя: «Нужно дать понять, что они меня совершенно не интересуют».

— Тем лучше, молодой человек, — весело блеснув глазами, сказал кавказец, поднимая бокал. — Прошу — за наше знакомство.

Встретившись с приветливым взглядом женщины, Ярусов улыбнулся и тоже поднял бокал. Под звон хрустала каждый назвал себя.

— Таберидзе, агроном-цитрусовод...

— Зинаида Петровна...

— Инженер Ярусов, — произнес Руссо с расстановкой, наблюдая, какое впечатление произведет на Таберидзе его имя и внешнее сходство с инженером Споряну. — «Знает ли он его внешне, — подумал Ярусов. — Но где же настоящая Зинаида Петровна, куда они ее спрятали?.. Что задумала разведка?..»

У Таберидзе, когда Ярусов назвал себя, не дрогнул ни один мускул. Он так же шутил, пытаясь казаться беззаботно веселым. И только на какой-то один миг Ярусов

уловил брошенный Таберидзе взгляд, хорошо понятный разведчику.

Возвратившись в купе, Ярусов лег, заложил руки за голову и закрыл глаза. Он старался проверить свои подозрения, вспоминая скользнувший по нему взгляд цитрусовода. «А может это плоды моего воображения, — мысленно разубеждал себя Ярусов. — Может и не было ничего настороженного в этом взгляде, в том смысле, как истолковал это я».

И Ярусов был прав. Таберидзе мог бросить этот взгляд скорее из чувства ревности, хотя бы потому, что его спутница уделяла слишком много внимания Ярусову, не лишенному внешней обаятельности.

«Допустим, что так, — думал Ярусов, — но почему Таберидзе старался скрыть этот взгляд не столько от него, сколько от женщины, тогда как, наоборот, он должен был именно таким коротким взглядом в упор дать понять женщине, что ему не нравится ее поведение».

«Нет, тут что-то не то», — решил Ярусов и поднялся, обдумывая, как решить эту задачу со многими неизвестными.

Логика вещей подсказывала, что нужно вызвать оперуполномоченного на первой же станции и арестовать шпиона Таберидзе. Но с ним не Зина Кремлева, значит, можно испортить все дело: раскрыть себя и вспугнуть вражескую разведку, насторожить, а нитей к дочери профессора, упряманной разведкой, не получить. Допрос Таберидзе может оказаться преждевременным. Тем более цитрусовод едет в город «Красного Камня» на конференцию специалистов субтропических культур. Посмотрю, с кем он там связан?

Продолжая обдумывать сложившуюся обстановку, Ярусов пришел к твердому убеждению, что изолировать Таберидзе пока нет ни смысла, ни необходимости. Пробраться за кордон он мог только с Зиной Кремлевой. Пожалуй, решил Ярусов, проверить их билеты следует. Будет ясно, до какой станции они едут. Он вышел в коридор, разговорился с проводником и под предлогом дорожных ухаживаний выведал у проводницы соседнего вагона, откуда и куда едет дама под вуалью. Ответ проводницы еще больше укрепил его мнение.

Вернувшись в свое купе, Ярусов начал размышлять над тем, что может скрываться за этой ситуацией — из

театра Таберидзе увез Зину Кремлеву, а едет на юг с другой женщиной, похоже, родственницей Зины Кремлевой?.. Ярусов занимал теперь главный вопрос — кто эта женщина? Какие намерения разведцентра могут быть прикрыты внешним сходством этой незнакомки с дочерью профессора Кремлева?

Он припоминал одну за другой черты Зинаиды Кремлевой, все более внушая себе, что это не простое повторение человеческих черт, а несомненные признаки родства между двумя женщинами... «Неужели это родство,— думал Ярусов, — ускользнуло из поля зрения полковника Вересаева и его работников?.. Может, забыли посвятить меня?»

Ярусов снова вернулся в вагон-ресторан, в прежнюю компанию. Заказав бутылку шампанского, выпив бокала два, он стал изображать опьянение и запел вполголоса любимую песенку Зинаиды Кремлевой: «Я вернусь к тебе, черемуха, весной...» Но мнимая Зинаида Петровна не обратила, необходимого Ярусову, внимания на эту песню. «Нет, это не сестра и не родственница Зинаиды Кремлевой», — решил он убежденно. Ярусов начал шутить, казаться веселым. Вскоре под боковыми бра вместо обычного матового вспыхнул зеленый свет — сигнал на отдых. Ярусов поблагодарил собеседников за компанию и вышел.

Через полчаса в головном вагоне поезда, по соседству с купе, в котором играла радиола, застучал ключ радиотелеграфа, отбивая обыденные фразы «деловой» телеграммы Ярусова. В шифровке было всего несколько слов:

«... С Таберидзе едет не Зинаида Кремлева, но очень похожая на нее женщина. — Ярусов».

Отправив шифровку, Ярусов снова погрузился в размышления о том, кто эта дама под вуалью. Он ничего о ней не знал, и это мешало его ориентировке. Несмотря на свой опыт разведчика, он не мог предположить, кто бы мог воспользоваться услугами этой дамы, интересуется ли вообще она какую-нибудь разведку. Да об этом, пожалуй, не знал никто, кроме Вересаева и Галаджи.

Ярусов лежал, запрокинув руки за голову, припоминая мельчайшие детали разговора с дамой под вуалью. А та вела в это время рискованную игру с Таберидзе в купе соседнего вагона.

Цитрусовод досадовал, что не может найти пути к сердцу женщины и становился до назойливости любезен. Но женщина очень искусно уклонялась от прямолинейных объяснений, стараясь удержать Таберидзе на почтительном расстоянии, но вместе с тем не оттолкнуть. Когда Таберидзе начал переходить рамки приличия, мнимая Зинаида Петровна решительно оборвала разговор и попросила освободить купе. Таберидзе неохотно поднялся, протянул руку и вопросительно посмотрел в ее вспыхнувшие далеко не приветливым огоньком глаза:

— Надеюсь...

— Надежда и самоуверенность — понятия разные.

— Надеюсь, завтра встретимся, — повторил. Таберидзе, стараясь как можно быть любезнее.

— Утро вечера мудренее... и если будете поскромнее. Таберидзе раскланялся, поцеловал ручку и удалился.

Проводив его, дама под вуалью прилегла на диван, задумалась. Ей вспомнился первый разговор с Вересаевым. Вспомнилось, как она сама взялась за опасное поручение и как с тех пор служила этому делу до самопожертвования.

Начинающая балерина Наташа пришла на этот тернистый путь по велению сердца. Еще в городе Н., задолго до перевода ЦАВИ в Самгунь, вращаясь среди поклонников балета, она заметила однажды молодого человека, упорно искавшего знакомства с семьей профессора Кремлева. Наташа была подругой Зины Кремлевой, часто бывала у них дома. И когда заметила, вернее, начала догадываться о целях знакомства — испугалась своих подозрений. Это и привело ее тогда к подполковнику Вересаеву — отцу ее другой подруги по школе, работавшему начальником отдела УГБ в городе Н. Он выслушал со вниманием, но, к ее великому огорчению, не поверил в ее предположения.

— Должен огорчить Вас, Наташа, — сказал он. — Ваши подозрения неосновательны. Шерлока из вас пока не получилось. — А про себя подумал: «Непременно взять под наблюдение... проверить!»

Балерина ушла тогда от подполковника удрученная. «Не может быть, чтобы я ошиблась, — думала она. — Возможно, я не сумела объяснить всего того, что приходилось наблюдать».

Несмотря на эти огорчения, Наташа не переставала пристально наблюдать за поведением молодого человека.

Прошло некоторое время. Девушка уже стала приходить к мысли, что она действительно ошиблась в своих предположениях. Но однажды, после неудачного замужества переехав в Самгунь к отцу, она оказалась невольной свидетельницей разговора, происходившего за кулисами Самгуньского театра между знакомым художником и тем же молодым человеком. И она, вспомнив, что Вересаев переведен в Самгунь, не дожидаясь конца спектакля, в котором не была занята, сослалась на болезнь и уехала из театра.

Вересаев встретил ее любезно, как старую знакомую. Внимательно выслушал. Извинившись за свою рассеянность, попросил повторить детали разговора еще раз. Когда она начала рассказывать вторично и более уверенней, ее тонкий музыкальный слух уловил какие-то звуки, напоминающие резонанс дыхания в микрофон при разговоре по телефону. Она не придала этому значения, но позднее догадалась, что где-то среди настоящих фигурок или деталей массивного чернильного прибора был микрофон магнитофона, записывавшего ее второй рассказ.

Когда она повторила все сначала, Вересаев поднялся, обошел вокруг стола и сказал, не оборачиваясь к ней, будто спрашивал сам себя:

— Значит, их интересует дача... внучка профессора...

Помолчав несколько мгновений, словно припоминая что-то, он подошел вплотную к балерине, взглянул пристально ей в глаза и спросил строгим тоном:

— Значит, «Турист», вы не ослышались?

— Помню точно. Он так и сказал: «Турист» ждет зарисовки дачи профессора. А передать просил через какого-то Галкина.

— Как звать художника, знаете?

— Сергей Станиславович.

— Фамилия?

— Фамилии я не знаю.

— Та-а-к, Наташа. Ну, благодарю. Факты любопытны. Но об этом ни с кем ни единого слова. Если будет удобно, не покажется щепетильной моя просьба, наблюдайте, запоминайте, с кем встречаются художник и этот

молодой человек. Не помешало бы делу быть поближе знакомой с этим молодым человеком...

— Мы немного знакомы.

— Очень хорошо. Но будьте осторожны. Не слишком настойчивы в наблюдениях. И в меру любопытны. Нам не звоните, не заходите. Мы найдем возможность видеть вас...

Вспоминая об этом первом знакомстве с Вересаевым, Наталья Ивановна мысленно перескакивала от одного эпизода своей жизни к другому и думала о полковнике Вересаеве, который, как ей казалось, заменил ей отца.

— Только он один знает, — произнесла она с глубоким вздохом, — что все эти искусственные увлечения — долг службы и не больше. Вернусь, приду и скажу откровенно — не могу больше, не выдерживают нервы...

Она глубоко вздохнула, отвернулась к стене. Чуть заметно задрожали стройные плечи — она плакала, приглушая рыдания подушкой.

Глава X

В ТЕНИ КИПАРИСОВ

Инженер Ярусов, как было условлено, остановился на пару дней в городе Н. Получив удобный номер в гостинице, он решил прогуляться — ознакомиться с городом, посмотреть Восточный музей, зайти на почтамт. Однако побывать в тенистых парках, экзотическом музее ему не удалось. Сменив дорожный костюм, он остановился перед зеркалом, чтобы поправить галстук, переложить излишне выступающий из бокового кармана костюма декоративный платочек. Прихорашиваясь перед зеркалом, невольно стал прислушиваться к монотонному голосу диктора, повторявшего объявления на английском языке. Закончив передачу рекламных объявлений, диктор повысил голос:

— Внимание. Внимание! На местном почтамте поступили до востребования «молнии» писателю Хусейн Задэ, туристам Энрике Томмаху, Антони Браун, инженеру Ярусову, агроному Таберидзе...

Ярусов не дослушал передачи объявлений. Минут через 10 он уже стоял у окна «До востребования» на поч...

тамте. Дождавшись своей очереди, подал паспорт. Пухлая армянка с густыми и черными, будто покрашенными волосами, долго рассматривала документ.

— Вы русски, из советской стороны! — радостно улыбаясь, заговорила она на ломаном русском языке.

Ярусов утвердительно кивнул головой, тоже улыбнулся.

Она торопливо стала перебирать лачку телеграмм, уложенных в конверты. Наконец пристально взглянула на Ярусова, широко улыбнулась, положила на барьер его паспорт, вынутую из конверта «молнию» и протянула конверт, указывая пальцем:

— Распишите, пожалуйста, получение, вот тут. Месяц, число, часы.

Ярусов расписался, развернул телеграмму, беглым взглядом окинул текст. Он гласил: «Самолет изменил курс. Вынужденная посадка в «Лесной Каравелле». Переводчица ждет, волнуется. Ускорьте выезд — управляющий «Сампроекта» Трусов». Ярусов, отлично владевший искусством дешифровки, без труда прочел скрытый смысл «молнии», не торопясь положил телеграмму с паспортом в карман, вышел на улицу, обдумывая содержание шифровки.

«Значит, Энрике Томмах в городе «Красного Камня», видимо, и барон там, — думал он, шагая по аллее сквера. — ... Хорошо. Поищем случая поговорить...»

Возвратившись в номер гостиницы, Ярусов вызвал такси. Через три часа он уже был на освещенном луной, асфальтированном проспекте города «Красного Камня». Остаток ночи он провел над разгадкой того, где остановился барон: в гостинице или на частной конспиративной квартире? Спал он не более трех часов, вернее, дремал. А утром в 8 часов уже сидел в холле первого этажа гостиницы с журналом, наблюдая за выходящей и входящей публикой. Наконец ему послышался очень знакомый тембр мужского голоса. Ярусов осторожно посмотрел через журнал и вздрогнул. У окошка дежурного стоял тот самый загадочный пассажир поезда, назвавшийся Паулем Митчеллом.

Ярусов почувствовал, как начинают холодеть пальцы рук. Сердце затрепетало. В сознании проносились одна за другой догадки: «Неужели слежка за мной... Наверно, адмирал Ландэ узнал что-нибудь о встречах с Вересак-

вым... А может, это вересаевский хвост, приставленный ко мне?...» Глаза начал застилать туман, Ярусов стиснул застучавшие мелкой дробью зубы. Пока Пауль Митчелл оформлял номер, Ярусов пережил не менее тревожные минуты, чем при встрече в поезде. Собственно говоря, вся жизнь Никандра Руссо — Ярусова за последние несколько лет была испытанием нервов. Он стал замечать, что после таких треволнений начинаются сильные головные боли, наступает бессонница, нервные толчки во сне.

Наконец Митчелл вошел в лифт. Немного погодя Ярусов вышел на улицу, прошел тенистой аллеей парка, укрываясь от лишних глаз и зашел в магазин, чтобы сменить шляпу, галстук, купить темные очки. Приближаясь к галантерейному отделу, он остановился и отступил за колонку: Энрике Томмах стоял у прилавка, выбирая носки. Ярусов дождался, пока он сделает покупки, купил сам, что нужно, и догнал его на улице. Поравнявшись, незаметно задел его локтем и сказал тихо:

— Продаются апельсины...

Ярусов заметил, как юноша вздрогнул, но продолжал идти рядом, ожидая ответа. Энрике не спеша достал портсигар, взял сигарету и, повернувшись к Ярусову, сказал:

— Разрешите прикурить... — Пока Ярусов зажигал спичку, Энрике Томмах добавил полушепотом: — Завтра в одиннадцать, в кафе «Гранатовые соки», — прикурил и свернул на другую сторону улицы.

Ярусов пошел в свой номер, чтобы загримироваться — изменить внешне черты и прическу.

Пауль Митчелл в это время зашел на междугородную телефонную станцию, чтобы позвонить в «Лесную Каравеллу», заказать номер. «Никандр Руссо, видимо, уже там, — думал Пауль, — надо не спускать с него глаз... Черт с ним, что он оказался не Споряну. На нем можно прилично заработать. Не зря же я бросил Самгунь и погнался за ним. Однако, какого дурака я свалил... Когда открылось окошко, Митчелл не поверил глазам своим. Поразительного сходства черты лица, черные пронзительные глаза — все не оставляло сомнения в том, что это именно она, Агнесса Корф. «Но как она сюда попала, видимо, перетянул с собой барон... непонятно, для чего этот факт адмирал утаил от меня». Сидевшая у ок-

на девушка заметила его замешательство, улыбнулась и повторила вопрос:

— Я вас слушаю, молодой человек.

— Простите, пожалуйста, — подчеркнуто любезно ответил Митчелл, — растерялся от неожиданности. Вы напомнили мне одного близкого человека. Мне нужно было связаться с «Лесной Каравеллой», заказать номер в гостинице. Но теперь не могу выезжать, не поговорив с вами. Можно ли на это рассчитывать?

Девушка окинула его неприветливым взглядом. Она не узнала Пауля Митчелла не только потому, что он внешне был совершенно не похож на того Пауля, которого она знала мимолетно в пансионе «Колледж Экономик», но и голос, золотые зубы, картавая речь и бабочка усов, сильно подбритые брови настолько преобразили Митчелла, что он действительно даже отдаленно не походил на себя. Заметив неловкость девушки, Митчелл продолжал убеждать ее:

— Нет, нет. Вы не волнуйтесь, не подумайте что-либо плохого. Мне необходимо с вами только поговорить. Пять минут поговорить без свидетелей. А завтра я уеду по своим делам...

— Молодой человек, не задерживайте, — услышал Митчелл за спиной женский голос.

— Видите, я занята, — чуть слышно ответила девушка.

— Я зайду к концу работы. Можно, когда? — также тихо сказал Митчелл, заметив, что щеки девушки вспыхнули румянцем.

Девушка не подняла головы, перебирая на столе бумаги. Но Митчелл ясно слышал, что именно она прошептала: «В пять часов», и отошел от окна, уступив место нетерпеливой даме.

Оказавшись на улице, он остановился, широко улыбаясь созревшей в его голове провокации, на волнах которой можно будет прыгнуть высоко по служебной лестнице, не говоря уже о крупном бизнесе. Он прошел по бульвару, занял столик в открытом кафе, чтобы можно было наблюдать за движением на аллеях, заказал коктейль и начал обдумывать детали созревшего плана.

«На этом деле, — с восхищением думал он, — можно ударить в набат по самым потаенным струнам разведцентра «ОСТ», переполошить адмирала и солидно

выслужиться... А сделать это можно довольно просто. Похитить Агнессу Корф, перебросить ее на территорию СССР и, опираясь на историю ее давней, известной Ландэ связи с Никандром Руссо, уличить в хищении документа из архива — дальше пойдет все своим ходом. — Он отпил полбокала, закусил апельсином, закурил, продолжая обдумывать последствия родившейся в его голове сенсационной для разведки провокации. — А что если одним махом убить несколько зайцев, как храбрый портняжка «единым махом семерых побивахом»?.. Сюжет готов: барон фон Бретт связан через Агнессу Корф с русским шпионом Никандром Руссо. Этим путем обзорный доклад о работе шпионов переправлен русской разведке... А сейчас Агнесса Корф при помощи специально приезжавшего сюда Руссо переправлена бароном на территорию СССР со всеми шифрами и кодами разведцентра «ОСТ»... Нужно в эту чертовски занятную историю вплести и Энрике Томмаха... А там полетят резиденты в Самгуни и еще кое-где... Может, адмирал даже поручит мне убрать их...» — Он самодовольно потер руки, допил бокал и пошел готовиться к задуманному им «блестящему делу».

В пять часов, как было условлено, «Турист» пришел на междугородную, постучал в знакомое окно. Та же черноглазая девушка встретила его улыбкой и, придвинувшись ближе к окну, торопливо проговорила:

— Не могу сегодня, оставили на вторую смену. Завтра в 12 часов в кипарисовой аллее.

Она уже хотела закрыть окно, но Пауль положил руку в притвор.

— Скажите хотя бы, как вас зовут?..

— Агнесса...

Пауль Митчелл не спеша убрал руку из притвора, не спуская глаз с девушки. Он хотел сказать что-то еще, но не успел — перед ним уже было матовое стекло, шелкнула задвижка. «Неужели не узнает... или хочет заманить в ловушку барона?.. Не потому ли откладывает встречу?.. Ну, что ж, пусть «познакомит» с бароном, посмеемся...» И все же сколько ни успокаивал он себя, мучительно долгим ему казалось время ожидания. Еще мучительнее неизвестность того, согласится ли она добровольно ехать в СССР или придется применять силу... Как сложатся дела дальше, удастся ли задуманная операция?

Он пошел в ресторан, обдумывая дальнейшую линию своего поведения... Утром Пауль Митчелл с десяти часов стал посматривать на часы. Ему казалось — слишком медленно перемещаются стрелки часов. А Ярусов в это время сидел в кафе «Гранатовые соки» и тоже поминутно посматривал на часы. Ровно в одиннадцать в кафе пришел Энрике Томмах, заказал какао, пирожное и незаметно передал Ярусову конверт, сказав полупрошептом:

— Адреса, явки резидента и связного в Самгуни... копии трех радиошифровок, барон работает на два фронта... Мне больше оставаться здесь нельзя. Пауль Митчелл появился, следит... Все остальное послезавтра за «Лесной Каравеллой», у водопада.

Ярусов молча кивнул головой и подумал: «Митчелл, видимо, с особым заданием адмирала. Неужели заподозрили и меня в двойной игре?..» Он повернулся, чтобы позвать официанта. Взгляд упал на аллею, по которой торопливой походкой шел Митчелл в сторону летнего кино.

«Турист» вышел на кипарисовую аллею ровно в полдень, пристально присматриваясь к ее завсегдатаям, отдыхавшим в тенистых беседках. В конце парка, где кроны старых кипарисов стояли высокой непрерывной стеной, создавая своей тенью полумрак и прохладу, он заметил ее в скрываемой диким плющом беседке. Пауль смело подошел и протянул руку.

— Здравствуйте, Агнесса!

— Здравствуйте, — приветливо ответила девушка. — Садитесь, рассказывайте, чей, откуда, как вас звать?

— Антон, можно и проще — Тоня. Из Советского Союза. В командировке.

Девушка вдруг изменилась в лице, сдвинула брови, потом, глубоко вздохнув, заговорила:

— Зачем же я вам нужна? Я совсем вас не знаю.

— А я хорошо вас знаю. Вы работали у... профессора Ландэ!

Девушка отшатнулась, изменилась в лице, часто-часто замигала глазами.

— Вы не бойтесь, мы вас не выдадим. Но помочь вы мне должны... Ведь вы работаете для барона фон Бретт?

Девушка растерялась от неожиданности, утвердительно кивнула головой.

— Теперь слушайте меня. Я знаю вас. Знаю, что вам удалось, не вызвав к себе подозрений, изъять из архивов

разведцентра «ОСТ» важный документ и передать его нам. Моя просьба — мелочь по сравнению с той операцией... Вы согласны?

— Что вы хотите?

— Очень немногого. Достаньте у барона шифры или перепишите, затем адреса и девизы шпионов, работающих по его заданию в СССР. Вот и все... Агнесса Корф, если память не изменяет.

— Этого невозможно сделать за короткое время.

— А я не тороплюсь. Подожду. Только не вздумай наводить на меня барона. Я не одинок, — а пуля-дура не разбирает, какая перед ней голова: мужская или женская.

— Адреса, девизы шпионов и явки?

— Само собой разумеется, и шифры.

— Не подумайте только, что я сделаю и это ради денег. Не понять вам. Я вас тоже теперь хорошо вспомнила... Пауль, вернее хамелеон: ни родины, ни чести, ни морали. То одной разведке продаетесь, то другой...

— Думайте, что хотите, Агнесса. Вам меня тоже не понять...

— Пойму, если вы выполните мою просьбу.

— В чем же состоит твоя просьба?

Девушка пристально посмотрела на Пауля, поправила упавшие на глаза волосы, глубоко вздохнула и сказала:

— Переправьте в СССР, а там ни слова о том, что моя фотокарточка была в альбоме... Согласны?

Пауль с трудом проглотил слюну, не веря своим ушам.

— Это, пожалуй, стоящее дело, — отозвался он, — если не шутите?..

— Нет, далеко не шутки. Там я расскажу куда более интересные вещи.

— Согласен, Агнесса. Но такую операцию надо проделать тонко.

Они договорились о следующей встрече и разошлись. Митчелл занялся изучением наиболее верных путей перехода границы. Через несколько дней они встретились в той же аллее. Агнесса передала ему список шпионов с адресами и явками и шепнула: «Шифры еще не успела переписать. Постараюсь закончить до...»

Она умолкла, заметив приближение посторонних. Пауль хотел что-то сказать. Агнесса сжала ему руку:

— Т-с-с! Нас могут подслушать. Нам лучше разойтись. — Она быстро поднялась со скамейки. — Идите, нам нельзя быть вместе.

— Хорошо. Только будьте осторожны.

— Не беспокойтесь, — шепнула она и скрылась в боковой аллее.

В десять часов вечера Пауль подошел к знакомому окну. Дождавшись своей очереди, он сказал нарочито громко:

— Примите срочный заказ: «Лесная Каравелла», директора отеля.

— Сколько минут? — также обычным голосом спросила Агнесса.

— Минут пять, не больше.

Она оторвала квитанцию и, написав что-то на обороте, подала Паулю. Обменявшись понимающими улыбками, они расстались молча. На улице Пауль взглянул на надпись и улыбнулся. С трудом скоротав ночь, в семь утра он поехал к условленному месту около старой мечети. Машина остановилась возле трансформаторного киоска и з ту же минуту навстречу ей вышла из переулка женщина в парандже. Пауль узнал ее по туфелькам, распахнул дверцу машины и, когда она скрылась за ней, осмотрелся по сторонам, сел рядом с шофером, оглянулся. Агнесса протянула руку, чуть заметно помахала, как бы убеждая — «это я, я — езжайте скорее». Пауль улыбнулся и сделал рукой жест, означавший: «приподнимите паранджу, я взгляну». Она угадала его мысль и приподняла уголок волосяного покрывала. Встретившись взглядом с Агнессой, он кивнул ей. Она ответила тем же. Когда машина вышла на загородное шоссе, Митчелл закурил. Он все же волновался, хотя план перехода границы был продуман им тщательно.

— Какой сегодня день по местному календарю? — спросил он спутницу, проверяя себя.

— Десятый день после «Рамазана», — ответила она.

«Правильно, «Горный ветер»!» — повторил он про себя пароль. Он устроился поудобнее на сидении и сказал шоферу тоном, не допускающим возражений:

— Газу больше! С хода к шлагбауму подъехать красиво.

Он то и дело торопил шофера, думая об одном и том же: «Спохватятся, барон догадается, позвонит на заста-

зу — перехватят... лишь бы успеть». Через несколько минут вдали ущелья стал заметен полосатый шлагбаум и часовой. Завидев машину, часовой просигналил. На дорогу вышел офицер. Шофер подъехал лихо, офицер даже посторонился от неожиданности. Пауль, не открывая дверцы машины, отчеканил нетерпеливо на местном языке:

— Шамал тау!..

Офицер суетливо козырнул, крикнул что-то часовому. Поднялся шлагбаум, машина рванулась вперед. Пауль оглянулся. Офицер все еще стоял у дороги с поднятой для приветствия рукой. «Пронесло», — подумал Пауль и улыбнулся.

Через час Митчелл и его спутница мчались на катере вниз по Самгуни. Когда катер прошел опасную зону, где река подходит одной из своих петель к границе, Пауль взял девушку за руку, посмотрел ей в глаза и рассмеялся:

— Ну вот, Агнесса, теперь и вы на свободе!..

— Пауль, родной мой! — крикнула девушка и обняла Митчелла. — Как это я не узнала тебя вначале...

Митчелл погладил ее по голове, а про себя подумал: «Попалась мышка в когти льва... Кое-что я подработаю на тебе... потом провалю или тихо уберу со своей дороги»... Он привлек ее к себе и шепнул: — В Самгуни встретимся. Я сейчас выйду на берег, а тебя катер доставит в город... Понятно? Вот ключ от моей квартиры: Студенческая, 5, квартира 12, второй этаж.

Агнесса кивнула в знак согласия и посмотрела на него с благодарной улыбкой, ничего не подозревая о его замыслах.

— Жди меня. Завтра вечером, — сказал Пауль, выпрыгнув на берег, и помахал рукой.

Глава XI

ГРОЗА НАД САМГУНЬЮ

Дождь лил с самого утра. Непрерывные потоки воды отшлифовали асфальт улиц до блеска. С кроны огромной ели, заслонившей венецианское окно гостиной, сыпался на землю причудливый каскад тонких ручейков, создавая иллюзию вращающегося фонтана.

Нависшая над городом темно-серая, непроглядная туча угнетающе действовала даже на птиц. Чижи забрались на самую верхнюю перекладину клетки и, спрятав голову под крыло, с раннего утра не подавали голоса. Нарядные в солнечные дни канарейки как-то неестественно нахохлились и жались друг к другу у противоположной от окна стенки клетки. Бодрствовали одни синицы: они прыгали по переплетам куполообразной крыши своего проволочного домика, ловко подкарауливали кружащихся вблизи мух и, поймав зазевавшуюся жертву, звонко перекликались.

Споряну стоял у окна задумавшись:

— Что же все-таки могло случиться с Зиной? Почему она до сих пор не возвратилась из командировки? И, главное, не дает о себе знать.

Он вышел в гостиную, позвонить на опытную станцию. «Может, там, — думал он, — известно что-нибудь?» Но телефоны станции не отвечали. Споряну закурил папиросу, подошел снова к окну, задумался. Подошла Елена Савельевна, постояла рядом, подбирая слова, чтобы утешить брата.

— Тоня, ты не расстраивайся, — сказала она тихо, дотронувшись рукой до его локтя. — Ну мало ли что случается в командировке. Задержалась больше, чем нужно. А погода видишь какая, может, провода повреждены — позвонить совершенно невозможно и телеграмму не пошлешь.

Они замолчали. Елена Савельевна сама понимала, что длительное отсутствие Зины трудно объяснить. «Может, попала в аварию с машиной или катастрофа поезда?» Эта мысль, как ни старалась отогнать ее Елена Савельевна, становилась все навязчивее.

— Может, попросить Дмитрия Дмитриевича связаться с Первомайском по его телефону.

— Конечно, Тоня. Как же ты раньше об этом не подумал?

Антон Савельевич позвонил Вахрушеву. Но его на месте не оказалось. Ответила секретарша.

— Сейчас проверю, работает ли линия. А обычной связи нет с Первомайском. — Минуты через две Споряну снова услышал голос секретарши: — Работает, Антон Савельевич. Но без Дмитрия Дмитриевича не смогу вас соединить. Товарищ Вахрушев скоро приедет. Приезжай-

те и вы к нам. От нас и поговорите, а на ваш телефон переключить отсюда нельзя.

Через полчаса позвонил Вахрушев.

— Вы спрашивали меня, Антон Савельевич?

— Да, Дмитрий Дмитриевич. Понимаете, Зина уехала в Первомайск в командировку. Должна была вернуться еще в воскресенье, но до сих пор нет. Волнуюсь, хотел попросить вас связаться с Первомайском по вашему телефону.

Дмитрию Дмитриевичу было известно об исчезновении Зинаиды Споряну. Об этой неприятной истории ему доложил Галаджи. Пока Споряну излагал причины своего беспокойства, Вахрушев напрягал мысль: «Что ему ответить? Ответить так, чтобы прозвучало правдоподобно...» Он выслушал Споряну и неожиданно для себя нашел выход.

— Антон Савельевич, одну минуточку—мне звонят.— Он зажал в ладони трубку телефона, чтоб не слышал Споряну, и снял трубку «вертушки». — Начальник УГБ... Генерал Галаджи? Привет. Ну, как поиски Зинаиды Петровны?.. Да-а-а. Споряну волнуется, видимо, сердце подсказывает неладное. Просит связаться с Первомайском... Неприятная история... Отвечать придется не только вам, генерал, но и мне. А спрашивать будут круто за такой промах... Действуйте энергичнее... Хорошо, до свиданья. — Он положил трубку «вертушки» и стал продолжать разговор с Антоном Споряну: — Антон Савельевич, подождите минутку, я позвоню в Первомайск... Соедините с Первомайском, — сказал он, не поднимая трубки. — Почему не работает?.. Я только что говорил с Москвой... Москва на другой линии. Когда устраните повреждение — позвоните. — Он поднял и положил обратно трубку одного из телефонов, чтобы создать впечатление состоявшегося якобы разговора с телефонисткой. И Антон Савельевич поверил. Стукнув погромче трубкой, Вахрушев сказал: — Антон Савельевич, повреждение на линии.

— Я слышал, Дмитрий Дмитриевич.

— Вы не волнуйтесь. Устранят повреждение, я выясню, где Зинаида Петровна, и позвоню вам.

Вахрушев положил трубку и задумался... Споряну вернулся в свою комнату, открыл книжный шкаф, взял одну из книг, механически перелистывая ее. «Что-то не-

ладное, — думал он. — Что могло случиться? Неужели Зина попала в ловушку разведки?.. Вполне возможно. Я и профессор под охраной, а ее могли заманить в сети... попытаться через нее проникнуть в тайны лаборатории... Но это же авантюра — Зина ничего не знает...»

Город казался вымершим. Жители отсиживались дома, переживая непогоду. Да и рискованно было во время бури появляться на улице: порывами ветра человека сбивало с ног. Время от времени по асфальту улицы проплывет одинокая машина на малой скорости и вновь та же унылая картина. Споряну посмотрел в окно. Косая пелена дождя, отклоняемая стремительным порывом ветра, и снопы брызг, бросаемых в окна. В комнате стоял полумрак. Шум дождя заглушал удары маятника стенных часов и щебет синиц, возившихся в клетке.

Он лег на тахту в своем кабинете, углубился в чтение, стараясь занять, отвлечь себя.

Закрыв книгу, Споряну задумался.

— Нет, это не просто фантазия, не голая выдумка, — размышлял он о прочитанном. — Смешивание перенасыщенных кислородом газов с воздухом ионосферы, конечно, вызовет сильную реакцию... При этой реакции, видимо, возникает такая разрядка, которая и вызывает взрывную реакцию кислорода...

Он встал, подошел к окну, наблюдая за непогодой, но думая о том, сочетание каких газов может вызвать ответную взрывную реакцию при соединении с кислородом воздуха в высоких, разреженных слоях атмосферы?..

Младшая сестра Ира, воспользовавшись дурной погодой, писала подругам письма. Елена Савельевна лежала на кушетке в гостиной, наблюдая через открытую дверь за спящей дочуркой. Лукерья Ивановна стояла у серванта в столовой, переставляя с места на место, точно шашки, разные фарфоровые статуэтки, фигурки слонов, пастишков, попугаев.

Часы пробили без четверти двенадцать. Никто не заметил остановившейся у подъезда машины. Не заметила ее в пелене тумана и шуме дождя и Ира, сидевшая в гостиной. Неожиданный звонок в парадном заставил всех вздрогнуть. Ира вскочила.

— У подъезда машина!

Открыв дверь, она смерила незнакомца пристальным

взглядом с головы до ног и нарочито серьезным тоном спросила:

— Кого вам, гражданин?

— Инженера Споряну можно видеть? Ему личный пакет.

— Инженера Споряну просят, — громко сказала Ира, и, услышав утвердительный ответ брата, вежливо предложила: — Войдите. Он у себя в кабинете, вторая дверь направо.

Разорвав конверт, инженер нашел в нем сложенную вчетверо записку, написанную хорошо знакомым ему довольно крупным почерком. Текст гласил: «Ждем на даче профессора с часу до двух. Машина в вашем распоряжении. — Пр.».

Споряну заходил по комнате. «Что бы это могло быть?» Он старался отогнать дурные мысли, не хотел верить в набегающие одно на другое предположения о сегодняшнем дожде и возможных последствиях с опытами. «Нет, нет, — этого не должно быть!» — убеждал он себя.

— Разрешите обождать? — негромко сказал незнакомец.

Инженер резко обернулся и только тут заметил выгнувшиеся из-под плаща канты офицерской формы. Посмотрев на незнакомца в упор, инженер шагнул к нему.

— Ваши документы?

Майор медленно расстегнул плащ и, улыбаясь, протянул удостоверение личности.

— Надеюсь, вам подпись на документе знакома так же, как и шофер, который приехал со мной.

— Вполне возможно, — согласился Споряну и, протянув обратно удостоверение, направился быстрыми шагами к парадной двери, сказав на ходу: «Подождите меня здесь!»

Он вышел к шоферу и, убедившись в том, что за рулем сидит Володя, вернулся в кабинет и еще раз внимательно перечитал записку.

— Вам предстоит встреча с известным вам генералом, — сказал наблюдавший за ним майор, — советую не медлить.

Инженер растерянно остановился. Слова «известный генерал» перепутали все догадки и напомнили о Галаджи. Теперь он уже не сомневался в том, что будет гово-

рить генерал. Мелькнула догадка: «Неужели разыскали Зиночку?.. Ехать немедленно!..»

— Дорогу знаете?— спросил Споряну майор.

— Меня предупредили, что инженер знает, куда ему нужно. Мне поручено только доставить пакет и сопроводить вас.

Инженер, взвесив про себя сказанное, молча вышел в столовую. Мать и сестры встретили его испытующим взглядом.

— Мама, мне нужно ехать, вызывает генерал Галаджи.

Заметив тревогу на лице матери, он подошел к ней и с непринужденным видом стал успокаивать: — Мамочка, успокойся! Ничего особенного. Обычная деловая беседа. Я скоро вернусь.

— Как скоро?

— Ну, во всяком случае, сегодня. Видите, как разыгралась непогода, может, дороги... Впрочем, пообедайте без меня. Если задержусь до завтра, извещу до 10 часов вечера.

Он накинул на плечи плащ и поднял капюшон. Послав проснувшейся племяннице воздушный поцелуй, он показал майору глазами на дверь. Через две минуты машина развернулась и растаяла в пелене дождя.

Женщины глубоко вздохнули и молча разошлись, стараясь заняться каким-нибудь делом. Мать прошла из комнаты в комнату и, вернувшись в гостиную, устало опустилась на диван.

Часы пробили двенадцать...

Шофер вел машину на второй скорости, то и дело нажимая на тормоза. Майор и инженер сидели молча, думая каждый о своем.

За городом, когда машина вышла на гравийное полотно, шофер прибавил скорость. Порывы ветра стали ощущаться меньше, а километров через 10 почти прекратились совсем. Скоро миновала и пелена дождя. А еще через пять-десять минут пошло сухое шоссе, где пыль прибита лишь редкими каплями дождя. Споряну, заметив это, заинтересовался.

— Любопытно, граница грозового циклона. Остановите-ка машину, посмотрим...

— Не бойтесь, что опоздаем? — не спросил, а скорее предупредил сопровождающий его майор.

— Одну-две минуты. Очень любопытно. И к тому же шоферу не мешает расправить мускулы — устал, наверное, от напряжения.

— Мы люди привычные, но проветрить легкие, пожалуйста, можно, — вставил Володя, закрепляя ручной тормоз.

Оставшаяся позади полоса дождя тянулась непрерывной завесой с северо-востока на юго-запад. Края ее скрывались где-то вдаль за горизонтом, а отвесная стена дождя, освещаемая солнцем, казалась гигантской разноцветной, как радуга, портьерой, кончающейся у земли пышными кружевами испарений.

— Странно, — громко сказал Споряну. — Обычно грозовые тучи идут фронтом высоких кучевых облаков. А тут вместо кучевых шапок, пелена туманностей, будто поднявшиеся с земли испарения.

— Какие там туманы, — возразил шофер. — На заре так полыхнула молния и так проехал на своей колеснице Илья-пророк, что у меня в голове зашумело.

— Где же вы это слышали? — спросил Споряну, хотя кому-кому, а ему-то было известно, что утром была проведена новая серия испытаний его установок. — Я не припомню что-то никакого грома. Когда я проснулся, дождя не было, только налетевшим вихрем ветра подняло пыль, от которой стало темно и душно.

— А у нас было светло, как перед прожектором, — сказал шофер. — Мы были на рыбалке у верхнего каскада. Такая вспыхнула молния, что утки вокруг замолчали. Так до земли и пробороздила огненными полосами.

— И гром был?

— Да еще какой. Я никогда не слыхивал, чтобы в машине так дрожали стекла, а тут даже жуть взяла.

Споряну сделал несколько снимков полосы циклона.

— Ну, теперь торопитесь, — сказал он шоферу, усаживаясь в машину.

Споряну еще у ворот лаборатории догадался, что произошло что-то серьезное. Вместо одного постового стояли два автоматчика. На шоссе от Кедровой горы показались две машины «скорой помощи». Генерал Галаджи, нервно переступая с ноги на ногу, говорил с кем-то по телефону. «Видимо, катастрофа при испытаниях, — подумал Споряну. — Неужели кто-нибудь погиб?..» Он выскочил, не дожидаясь полной остановки машины, и побежал к подъезду.

Профессор был очень взволнован. Заложив руки за спину, он молча ходил по кабинету, не замечая входивших людей. Споряну переглянулся с Прозоровым и опустился на диван рядом с Владимиром Петровичем.

— Что-нибудь серьезное? — спросил он тихо Владимира Петровича.

Владимир Петрович утвердительно кивнул головой и пояснил полупшепотом:

— Два человека погибли...

Вошел Галаджи. Закрыв плотнее за собой дверь, профессор обернулся, подняв на Галаджи вопросительный взгляд.

— Два человека погибли... сгорели, — пояснил Галаджи. — Двое без сознания, ожоги третьей степени... Надежды тоже мало.

— Какая уж тут надежда, — развел руками профессор... — Мгновенная смерть... Как же это могло произойти, — повторял озабоченно профессор, продолжая шагать по кабинету. — В чем же, однако, секрет такой неожиданной радиации... неужели просмотр в лаборатории?

— Расследуем самым строгим образом, — сказал сухо Галаджи.

— Не знаю, генерал, с какого конца искать причины. Может, не расследовать, а исследовать нужно... боюсь, не моя ли вина... воспыал проблемой, а мог проглядеть мелочи... Как ваше мнение, инженеры? — остановился он перед сыном и Антоном Споряну.

— Я еще не в курсе дела, Петр Кузьмич, — сказал Споряну, — не знаю обстоятельств, подробностей.

— Обстоятельства очень скоротечны, — заметил Прозоров.

— Молниеносны в прямом и переносном смысле, — вставил профессор, — мгновенны, как удар молнии...

— Произошло все в мгновение ока, — продолжал Прозоров. — Три установки должны были послать на определенные высоты, со строгими интервалами 30 воздушных торпед. После залпа первой установки, точнее, в самый момент вспышки произошло совершенно непонятное: заряды во всех воздушных торпедах, находившихся на направляющих механизмах, самовоспламенились, скользнули в высоту, как кометы, вызвав большим отделением газов и высоких температур детонировавший

взрыв, уничтоживший все, что было на поверхности в радиусе трех километров. Спаслись только три человека, оказавшиеся в это мгновение в укрытии — в блиндаже.

— Да-а, теперь понятно, — вставил Споряну, — чем была вызвана такая буря в городе.

Зазвонил телефон. Галаджи взял трубку.

— Генерал Галаджи слушает... Можно в зону?.. — он положил трубку и подошел к профессору: — Петр Кузьмич! Теперь можно в зону... Посмотрим.

— Очень хорошо, что можно. Поехали все. Надо видеть самим все до мелочей..

Профессор сел в машину с Прозоровым и Галаджи, а Споряну с Владимиром Петровичем и начальником охраны. Когда Споряну подъехал к черте зоны, Петр Кузьмич уже стоял около сгоревших установок. От них остались лишь одни металлические основания, деформированные не только воздействием высокой температуры, но и взрывным ударом. Ни у одной из машин не было капотов: или сгорели, или их сорвало ударом взрывной волны и унесло так же, как разметало пни и валежник. На машинах не осталось не только деревянных или резиновых, но и пластмассовых деталей. Сгорели радиаторы, обшивки, электропроводка.

Петр Кузьмич подошел, пощупал изуродованный направляющий механизм одной из машин и покачал головой. Потом прошелся по поляне, покрытой сгоревшими рассыпавшимися камнями, воткнутыми в землю вершинами обгоревших деревьев.

— Здесь был лес? — спросил он начальника охраны зоны.

— Нет, товарищ профессор, на поляне был только кустарник. Он сгорел. А эти деревья появились после взрыва...

— Да-а, — произнес задумчиво профессор, обводя взглядом поляну. — Все вокруг изуродовано, предано сожжению... А как же установки устояли на месте?

— Они были закреплены тросами, для безопасности. Тросы стальные — выдержали.

— Володя! Тросы непременно исследуйте. И металлы направляющих механизмов... Это очень важно.

Они обошли поляну, проверили, насколько глубоко разрушила температура взрыва верхний слой почвы, из-

меряли, на какое расстояние отброшены капоты, поделились впечатлениями и вернулись к машинам. Усаживаясь в машину, профессор сказал:

— Завтра, Антон Савельевич, к десяти жду в лаборатории... — Он кивнул в сторону пепелища и добавил: — Будем искать, сколько неизвестных у этого уравнения...

Глава XII

ОШИБКА ИЛИ ПРОСЧЕТ

Помешивая ложечкой в стакане, профессор Кремлев отпивал небольшими глотками горячий чай, прислушивался к разговору начальника ЦАВИ и инженера Споряну. Они обменивались мнением по содержанию доклада, с которым Прозоров должен был выступить на заседании бюро обкома.

— Заслуг у нас ещё слишком мало, — заметил профессор, — хвалиться пока нечем. А вот за ошибку, за гибель людей спросят... Надо выкладывать все начистоту.

— Петр Кузьмич, я понимаю. Ни на какие издержки производства это не спишешь. Слишком дорогая дань научному эксперименту...

— Хороший научный эксперимент — отправлять людей на тот свет!.. Знаете как называются такие эксперименты на языке уголовного кодекса?..

— Понимаю, Петр Кузьмич. Желание инженера Споряну и ваше — уменьшить возможность, даже исключить вероятность поражения населения, животных падающими осколками — благое намерение. Но ведь главная причина кроется в другом.

— В другом... А к чему привело в финале это благое намерение — к катастрофе с человеческими жертвами. Хорошо, инженер Споряну преследовал гуманные цели. Свел на нет возможность поражения осколками... Но он никого не поставил об этом в известность. А я усугубил его эксперимент. Дал повышенную реакцию процесса сгорания корпусов, воздушных торпед. Тоже преследовал гуманные цели. А в сумме получилось уголовное дело.

— Я понимаю ваше самоосуждение, профессор. Подобной несогласованности даже в мелочах мы не

можем поощрять... Но заключение группы ученых говорит несколько о другом... Чего вы не могли предвидеть...

— Не могли, но должны были...

— Установлено, что в лабораторных условиях естественный газ не дает реакции на детонацию. Она наступает только при достижении определенного критического объема и притом при известной силе давления и внешней температуре.

Профессор отодвинул стакан, поднялся и сказал:

— Может, и не во всем мы виноваты, но оправдываться не к лицу, тем более нам.

— А вы слышали, Петр Кузьмич, — спросил Споряну, — какой вывод сделала комиссия обкома партии?

— Слышал, что профессор Хрусталев оправдывает нас с вами...

Он замолчал, думая о том, в чем же дело, какие неизвестные процессы привносит естественному газу сжигание после определенной концентрации?.. Не появляется ли радиоактивного распада?.. Надо будет еще и еще раз посмотреть составные части газа, смеси каких пропорций вызывают катастрофическую детонацию?.. — Он постоял в раздумье и стал продолжать мысль о докладе:

— Меньше, как можно меньше специальных терминов и оправданий. Лучше без формул и скидок на издержки производства... Запомните, не диссертация, где принято почему-то применять не только клей и ножницы, но туманные — научные в кавычках — термины. Доклад должен быть прост и понятен и, самое главное, краток.

— Понятно, Петр Кузьмич. А как вы смотрите, следует или нет выступать инженеру Споряну?

— Я не возражаю, — подумав, произнес Кремлев. — Пусть выступит.

— Машина у подъезда, — доложил, входя, начальник отдела кадров.

— Пора, — сказал, поднимаясь, профессор. — Вы, инженер, не робейте. Дмитрий Дмитриевич любит смелость мысли, дерзания...

Дмитрий Дмитриевич встретил Петра Кузьмича в приемной:

— Здравствуйте, — сказал он сухо. — Заходите. — Повернувшись к секретарше, он добавил: — Первый вопрос будем обсуждать на закрытом заседании в моем кабинете.

те. Кроме членов бюро, приглашаются Хрусталев и руководители лаборатории.

Войдя в уютно обставленный мягкой мебелью овальный зал, Петр Кузьмич прищурил глаза от яркого света, залившего комнату. Поклонившись, он прошел к креслу около стола и усадил рядом с собой инженера Споряну. Дмитрий Дмитриевич занял председательское место, встряхнул по привычке колокольчик.

— Члены бюро в сборе, и руководители лаборатории прибыли. Разрешите открыть заседание. Возражений нет... Слово для доклада о причинах катастрофы предоставляется директору ЦНИИСТА профессору Хрусталеву. Прошу, профессор!

Закрытое заседание продолжалось около часа. Бюро наложило строгие партийные взыскания на профессора Кремлева, инженера Споряну и начальника ЦАВИ Прозорова. Начальника охраны зоны испытаний бюро исключило из партии и предложило генералу Галаджи снять его с работы и передать дело прокурору.

На открытом заседании бюро выступил с докладом Прозоров.

— Переход от лабораторных опытов, — сказал он, — к созданию экспериментальных станций искусственного дождевания — это практический вклад нашей науки в дело реализации величайших идей преобразования природы и управления ею...

Прозоров говорил почти час. И никто не нарушил тишины. Затем он не менее полчаса отвечал на вопросы.

После небольшого перерыва выступил Петр Кузьмич.

— Народнохозяйственное значение искусственного дождевания бесспорно и очевидно. Наличие сырья для производства нового вида горючего неограничено. При некоторых, правда, значительных затратах, можно его производство довести до двух-трех тонн в день. Все затраты по созданию такого завода окупятся в течение очень короткого времени — меньше чем за год.

— Можно ли рассчитывать на развертывание искусственного дождевания на больших площадях? — спросил один из членов бюро.

— Данные первых опытов на этот вопрос дают положительный ответ. Один кубический сантиметр «кратно-газа-200» при взрыве и вторичной детонации дает объем раскаленных паров до пятисот кубических метров.

Если учесть, что один снаряд вмещает до 1000 кубических сантиметров вещества (а можно этот объем и увеличить), то не трудно представить размер встряхиваемой площади. А если принять во внимание возможность посылки в стратосферу этих снарядов сериями, скажем, до 100—200 единиц, то результаты становятся еще более внушительными. У нас возникла мысль использовать для этих целей установки реактивных минометов — «Катюш». Пять-десять таких машин могут обслуживать территорию не только района, но и любой засушливой южной области. Удобство состоит в том, что эта машина через 5—6 часов может достигнуть любого пункта области, чтобы подвергать бомбардировке проходящие облака. Устройство этой машины позволяет, во-первых, придать запускаемым снарядам нужный угол рассеивания, во-вторых, с одной точки запускать снаряды в любом направлении по всему замкнутому кругу. Потолок и скорость полета снарядов в стратосферу открывает широкие возможности для маневрирования. Но самое главное заключается в том, что при желании можно вызвать обильное выпадение осадков тогда, когда это нужно, и там, где они необходимы. Если дождь нужен завтра, он будет завтра, даже если над нами будет ясное небо.

Члены бюро внимательно прослушали речь профессора и проводили Петра Кузьмича с трибуны аплодисментами.

— Ну, а теперь, — сказал сидевший рядом с Дмитрием Дмитриевичем министр, — есть предложение послушать конструктора, инженера Споряну.

Споряну вышел к трибуне, стараясь преодолеть волнение.

— Из докладов, — сказал он, — вам известен целый ряд экономических данных. Я разделяю их на две категории: народнохозяйственные и оборонные. Значение данных первой категории заключается в том, что, вооружив наши земельные органы на местах мобильными станциями искусственного дождевания, мы совершаем новый скачок в поднятии урожайности — превращении бесплодных пустынь в долины плодородия. А может, достигнем и того, что будем прогонять тучи с горизонта заранее, не допускать их в районы, где они совсем не нужны.

Неожиданно зазвонил телефон «вертушки». Вахру-

шев взял трубку, кивнул генералу Галаджи на дверь комнаты отдыха и сказал:

— Продолжайте, Антон Савельевич.

Споряну начал говорить о путях и возможностях вмешательства науки в управление погодой. А в комнате отдыха Галаджи слушал доклад Вересаева об очень важной ориентировке.

— У телефона Галаджи, — тихо сказал начальник Управления ГБ, взяв трубку. — Я слушаю, полковник... Так, так от Энрике Томмаха... Прочтите полностью, по «вертушке» можно, переведите рычаг на наши частоты... — Вересаев начал читать донесение, а генерал Галаджи мысленно повторял его. Когда Вересаев закончил, Галаджи сказал: — Хорошо, скоро буду, — а сам подумал: «Пауль Митчелл — «Турист»... Похищена сотрудница барона фон Бретт, Агнесса Корф... Молодец Томмах!.. Нехорошо, что заболел Ярусов. Сумеет ли Энрике Томмах укрыть его от посторонних глаз, чтобы не проговорился в бреду... Жаль, тоже решительный парень, несмотря на его зигзаги в прошлом... А с Агнессой надо поговорить».

Галаджи вошел в зал. Занятый своими мыслями, он настолько сильно прикрыл дверь, что привлек общее внимание. Умолк и докладчик, догадавшись, что Галаджи говорил об очень важных делах. Когда генерал Галаджи опустился на стул около стола, Споряну откашлялся и начал подытоживать свое выступление:

— Изобретение нашего уважаемого ученого, профессора Кремлева, имеет особое оборонное значение. Это самая дешевая, самая мобильная и самая дальнобойная, я бы назвал, стратосферная артиллерия. Мне кажется, она позволит создавать мгновенно непреодолимые стены даже для ракетной авиации. Человек в зоне взрывов этих снарядов — пигмей.

Глава XIII

ГЛАВНЫЙ ЦИГРУСОВОД

У массивного, трехэтажного с колоннами здания развернулся комфортабельный голубого цвета лимузин. Плавной обходя по асфальту полукруглый газон, обнесенный ажурной чугунной оградой, машина остановилась

перед главным подъездом, над дубовыми дверями которого висела огромная, написанная бронзой по стеклу, вывеска: НИИ Главцитруса. Научно-исследовательский институт садоводства и субтропических культур.

Здесь, в этом тихом, полном зелени квартале научных учреждений, все выглядело скромно и в то же время величаво. Здания не теснились друг к другу, как в старых беспорядочно застроенных городах, а шли через ровные интервалы, заполненные фруктовыми садами или купами пихтовых и кедровых деревьев, пушистыми сосенками и елками в глубине дворов. По обеим сторонам тротуаров стояли шеренги новых декоративных деревьев, выведенных лесоводами-селекционерами.

Первое, что бросалось в глаза каждому новому человеку, попавшему на улицы Самгуни, в научный городок, это соседство в одних и тех же парках самых различных деревьев и декоративных кустарников. Словно две зоны, два противоположных пояса растительности переплелись, подчинившись воле человека.

Гога Таберидзе, главный цитрусовод НИИ Главцитрус, опустил плотные шторы на окнах, выходящих на улицу, и дернул за шелковый шнур, висевший сбоку простенка. За откинувшимся декоративным полотнищем висела карта Самгуньской долины. Все названия на карте были даны на латинском языке, а под ними надписи старых и новых названий по-русски. Таберидзе сначала отыскал на карте нужные пункты, сличая их с записями в блокноте, отметил их крестиками, потом соединил жирным пунктиром все отмеченные пункты. В итоге получился эллипсовидный замкнутый круг, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Центр области — город Самгунь — оказался выше поперечника, пересекающего эллипс значительно северо-западнее центра.

Из приемной донесся голос:

— Главный цитрусовод товарищ Таберидзе у себя?

— Да, у себя, — послышался ответ секретаря. — Присаживайтесь. Они закончат разговор с Москвой, я доложу. Как вас представить?..

— Из главка, инженер Второв.

Посетитель снял макинтош и шляпу, небрежно кинул их на вешалку и занялся приведением в порядок прически. Секретарь внимательно рассматривал представителя главка, стоявшего к нему спиной.

Стройная, выше среднего роста фигура, широкие плечи, чисто выбритая шея и полубокс прически, обнажавший правильные линии головы, — все черты говорили о привлекательной внешности этого человека. Но когда он обернулся лицом, прежнее приятное впечатление сменилось другим. В анфас его личность вызывала чувство брезгливости. Большие бесцветные навывкате глаза непрерывно бегали по сторонам. Нижняя губа плохо подчинялась и поминутно отвисала, обнажая дожелта прокуренную нижнюю челюсть. Низкий и покатым назад лоб, точно придавленный в малолетстве чем-то тяжелым, и мясистый горбатый нос придавали лицу неприятное выражение.

Таберидзе задернул портьерой географическую карту, вернулся к столу и опустилсЯ в кресло.

— Инженер Второв из главка, — доложил секретарь.

— Просите! — ответил Таберидзе, не оборачиваясь, и направился навстречу гостю, уже заполнившему кабинет своим металлическим голосом.

— О-о-о, агроном Таберидзе!.. Как вы замечательно выглядите! Рад вас приветствовать.

— Взаимно. Прошу присаживаться...

Инженер многозначительно посмотрел на входную дверь и опустилсЯ в кресло. Не торопясь достал коробку сигарет с золотой этикеткой, предложил собеседнику и, раскурив, пустил несколько колец дыма под потолок. Таберидзе, внимательно следивший за каждым движением гостя, спросил:

— Чем могу быть полезен?

Инженер молча достал из жилетного кармана розоватый прямоугольник, похожий на визитную карточку, и так же молча протянул хозяину. Таберидзе поднялся:

— Жду приказаний, полковник...

Гость бесцеремонно начальственным тоном сказал, указывая на дверь:

— Позаботьтесь, чтобы нам не мешали.

Хозяин положил руку на звонок и сделал знак рукой показавшемуся в дверях секретарю.

— Вы, насколько нам известно, — начал полковник, — консультируете разведение цитрусовых и потому, естественно, близко интересуетесь режимом климата, его изменениями и колебаниями осадков?

— Да, это моя специальность.

— Вторая и притом... побочная...

Они встретились взглядами, и оба понимающе улыбнулись.

— Не кажется ли вам, господин, если не ошибаюсь, Камарони, странным появление тропических ливней в этих широтах?

Таберидзе приложил палец к губам.

— Больше чем странным — загадочным!

Он поднялся, подошел к простенку и дернул за шнур.

— Вот посмотрите, господин Кинг, какой район охватывал последний циклон. Здесь начался и, почти не перемещаясь, утих. Странно, очень странно!

— О-о-о! Я вижу, вы уже кое-что сделали, — сказал полковник Кинг, заметив пунктир эллипса.

— Понимаете, — продолжал пояснять цитрусовод, — во всех случаях при приближении циклона, тем более в зоне его действий, обычно барометры реагируют и с большой чувствительностью. Но при двух последних циклонах, за которыми мы наблюдали, все протекало вопреки установившимся законам. Тропический ливень, сопровождаемый шквалистым ветром со скоростью 18—25 метров в секунду, длился 15—17 часов, а стрелки барометров упали на «бурю» только тогда, когда хлынул дождь. А затем возвратились в свое прежнее положение.

— Так, так! Это уже представляет интерес, — нетерпеливо сказал Кинг, записывая что-то в блокнот.

— И в то же время другая странность.

При этих словах цитрусовод стал обводить красным карандашом отдельные населенные пункты.

— Посмотрите, в Самгуни, на Кедровой горе, на Самгуньском каскаде, то есть в треугольнике, примыкающем к Базальтовому перевалу, почти одинаково резкое падение барометров, повторяю, очень резкое, свойственное только тихоокеанским тайфунам. А рядом, на расстоянии каких-нибудь 100 километров, барометры показывали неизменно «сухо».

— А чем вы это объясняете?

Цитрусовод пожал плечами.

— Затрудняюсь, мистер Кинг, комментировать. Явления, противоречащие всем законам природы.

— Так ли это, господин агроном? — иронически заметил Кинг. — А не думали ли вы об участии в этом человека?..

— Уверен, что нет... В моем сознании не укладывается иное представление. А если это дело рук человека, то кто же этот настоящий повелитель природы. Посудите сами. Если бы мы могли вдохнуть такую силу дождя на необозримые пространства Сахары, Гоби — во всех пустынях, на всех континентах! Это же величайшая революция в природе, начало переделки экономики всего мира!.. Такому уму я бы поклонился...

— Вас, я вижу, больше интересуют проблемы апельсинов и лимонов, — с явным неудовольствием заметил Кинг.

Цитрусовод замолчал, остановив недоумевающий взгляд на полковнике.

— Да, да! Вся ваша политика — это делать бизнес на цитрусовых. Вам непонятно?

— Не понимаю вас, господин полковник...

— Будет время, поймете...

— Нет, еще раз повторяю, что мне непонятно. Если это во власти человека, то зачем растрачивать силы и средства на управление стихией здесь, где среднегодовые осадки достигают 600—750 миллиметров. Нет, мне это непонятно!

— Вы правы. Удовольствие это из трудоемких. И, надо полагать, дорогое. Но почему же это повторилось в одном и том же географическом районе. Опыты? Эксперименты?—последнее слово Кинг проговорил тихо, вкрадчивым голосом.

— Может быть, тайна этого явления заключена в глубине скал Базальтового перевала? — заметил цитрусовод.

— Что вы хотите этим сказать?

— Припомните извержения Везувия. Исторические документы подтверждают, что лава, извергаясь, вызвала тогда огромные испарения, которые перешли в дождь. Люди, напуганные катастрофой, видели только извержение лавы, гейзеры, вулканический пепел, но не заметили и не оценили дождя. Дождь над районом извержения Везувия был мал, непродолжителен, но он был. Есть какая-то общность между этими явлениями. В песенке об извержении Везувия говорится: «Лазорево-ясное небо роняет на землю голубую, скупую слезу». И здесь тоже ярко выраженный голубой дождь. Почему же гигантские горы Базальтового перевала не могут повторить во сто-

крат то, что в порядке эксперимента, — подчеркнул он с улыбкой, — продемонстрировал Везувий?

— Да, но такой силы и продолжительности дождь. И притом, здесь горы не относятся к вулканическому поясу.

— Природа действует по своим законам, — развел многозначительно руками цитрусовод.

Полковник подошел поближе к карте, рассматривая районы, охватываемые пунктиром эллипса. Базальтовый перевал был очерчен юго-западным закруглением эллипса и выдвигался в зону прошедших дождей почти на 80—100 километров.

— К вашим пунктирным наброскам необходимо добавить не теоретические доводы, а практическую деятельность, — сказал Кинг. — Вот если бы приблизиться к этому перевалу, посмотреть кое-что, ну, скажем, остатки «Ноева ковчега»...

— Это почти невозможно. Отсюда, по прямой 400 километров непроходимой тайги. Охотничьи тропы углубляются всего на 130—140 километров, а за гранитной грядой никто не бывал.

— А с противоположной стороны?

— Там территория принадлежит двум соседним странам. Самый крайний пункт пути от столицы одной из них к этому перевалу кончается у горного отеля «Лесная Каравелла».

Это высокогорный санаторий, расположенный на самой границе с Советским Союзом. Однако, хотя это место и называют Базальтовыми горами, но до Базальтового перевала и с той стороны километров 100 неизвестного и непроходимого пути.

Они вновь опустили в кресла, дымя сигаретами. Полковник стал подробно расспрашивать о том, какие сорта цитрусовых легче приживаются, какие не поддаются акклиматизации, и поинтересовался, думает ли цитрусовод поехать на родину в Италию.

— Нет! А зачем? Я тут уже свыкся со своим положением.

— Не подозревают ваши «хозяева», что вы кому-то еще служите?

— Мое настоящее имя известно только вам. С тех пор, как я оказался здесь, я его никогда не повторяю, стараюсь забыть.

— Чтоб не напоминало службу у Муссолини? — иронически заметил Кинг.

— Может, и так, — ответил цитрусовод.

Полковник поднялся, протянул руку и наставительно сказал:

— Пока одна просьба. В случае повторения аналогичных причуд... «природы» обеспечьте, кроме наблюдений, на всех опорных пунктах такой порядок, чтобы было зафиксировано направление, сила ветра, продолжительность с точностью до 30 минут и обязательно, подчеркиваю это, обязательно взять пробы дождя в начале и в конце урагана... Ну, а теперь до следующей встречи... после бури.

Глава XIV

ТАЙНА ПРОЯСНЯЕТСЯ

Подходила к концу поездка в горах. Были определены границы зоны испытаний. Осмотрев площадку, Споряну сел на камень рядом с сопровождавшим его сотрудником, любуясь природой. Кругом стояли вековые леса, напомнившие ему легенды о сказочных дебрях молдавских кодр¹ времени фет Фрумоса². Задумавшись, он сидел несколько минут и поднялся.

— Поехали, — сказал он нетерпеливо и пошел к машине.

Следом в газике-вездеходе тронулась охрана. Дороги, петлявшие среди исполинских елей и кедров, уходящих вершинами под самые облака, напоминали разбойничьи тропы. Сигналы машин разносятся по лесным далям, как зычный посвист Соловья Разбойника.

Но все эти красоты дикой природы, как бы они восхитительны ни были, не в состоянии были заслонить, сгладить тоску и тревогу о Зине. О чем бы он ни думал, мысль уносилась туда, где, по его предположению, была Зина.

После долгого молчания Споряну спросил шофера:

— Дорогу на лесоопытную станцию «Главцитруса» знаете?

— Бывал, знаю...

¹ Горная, лесистая часть центральной Молдавии.

² Былинный герой Молдавского эпоса.

— Заедем на минутку.

— Вовремя сказали, Антон Савельевич. А то бы проехали.

Через пять-шесть километров машина Споряну и сопровождающий газик круто развернулись вправо и, преодолев два небольших спуска-подъема, въехали под арку «Главцитрус».

* * *

...В парадном раздался нетерпеливый стук в дверь. Лаборантки молча переглянулись, как бы спрашивая друг друга, что это значит. Никто никогда не стучал в эту дверь последние дни. После того, как заведующая лабораторией Зинаида Петровна не вернулась из города, девушки чувствовали себя неловко. Непонятное исчезновение Зинаиды Петровны, визиты работников УГБ породили в них постоянное беспокойство, и они из предосторожности закрыли парадный ход, пользуясь запасным выходом через склад. Все работники станции знали это.

В дверь постучали еще настойчивее. Старшая лаборантка, поборов робость, на цыпочках подошла к окну.

— Няся, — сказала она полупшепотом. — Должно быть, опять по делу Зинаиды Петровны. Иди открой.

Споряну вошел, внимательно осмотрелся и спросил:

— Зинаида Петровна Кремлева здесь работает?

Девушки тревожно переглянулись. Старшая лаборантка ответила дрожащим от волнения голосом:

— Ее сейчас нет...

Споряну устало опустился на табуретку, снял фуражку, вытирая вспотевший от волнения лоб.

— А где она, девушки? Как мне ее разыскать?

Лаборантки участливо рассказали историю исчезновения своей заведующей, то есть то, что хорошо знал и он сам. Да и что они могли сообщить ему нового?..

— Вечером уехала в театр, а утром не вернулась. И сами не знаем, что такое. Из госбезопасности тут всех на ноги подняли. Утром сегодня опять был майор с капитаном, выспрашивали то, другое...

— Вы вместе ездили в театр?

— Да, я была вместе с Зинаидой Петровной, — пояснила старшая лаборантка. — Я ее и уговорила поехать в

театр. Сидели вместе. После спектакля она уехала домой, сказала, что Таберидзе обещал подвезти. А я живу недалеко от театра и не поехала.

— Больше вы ничего не знаете, девушки?— спросил Споряну.

— Нет, больше ничего неизвестно...

— Может, профессор Русанов знает, — добавила старшая лаборантка.

— А кто он такой?

— Наш начальник — директор станции.

— Ну извините, девушки, спасибо вам большое и за это. Контора далеко?

— Нет, вон в том сером доме.

* * *

Профессор Русанов недоуменно поднял голову, не понимая причины, взволновавшей секретаршу.

— Что случилось?— спросил профессор.

— Там муж Зинаиды Петровны. Злой ужасно.

— Пусть войдет.

Девушка успокоенно вышла в приемную. В ту же минуту открылась дверь и в кабинет вошел Споряну.

— Здравствуйте, прошу извинить, — хмуро начал он.

— Здравствуйте, — мягко сказал Русанов, протягивая руку.

После того как они сели на диван, Споряну сказал:

— Прошу прощения, профессор. Я по личному делу. Нет ли у вас каких-нибудь сведений о Зинаиде Петровне? Я понимаю, что вряд ли они есть, но я, как утопающий, хватаюсь за любую соломинку.

Профессор участливо положил руку на плечо Споряну.

— Н-да, непонятная и неприятная история. Уехала с нашей лаборанткой в театр и не вернулась.

— А из театра уехала с Таберидзе, — вырвалось у Споряну. — Не с ним ездила в театр?

— Нет!.. Он был здесь днем, приглашал, говорят, ее, но она отказалась. А к вечеру попросили у меня машину и уехали со старшей лаборанткой. Сказали, что решили посмотреть спектакль.

— Зинаида Петровна хорошо знакома с Таберидзе?

— Нет, не замечал этого. Он наш работник, часто бывал здесь. Большой балагур. Думаю, что у них знаком-

ство носило больше деловой характер. В театре она встретилась с ним, по-моему, в первый раз.

Споряну поднялся и нервно заходил по комнате, закусив нижнюю губу.

— Где сейчас этот самый Таберидзе?—спросил он после короткого раздумья.

— Ночью он уехал сразу после театра в отпуск или в командировку и, как установлено, совершенно с другой дамой.

— С другой дамой!

— Да, да. Именно с другой дамой. Подробности, вероятно, знают работники генерала Галаджи. Они заинтересовались этой историей.

— Галаджи, говорите, — повторил Споряну, надевая фуражку. — Спасибо! Извините за беспокойство...

Он поспешно вышел и сел в машину. Лимузин круто развернулся по направлению к городу и скрылся за холмом, оставив далеко позади сопровождающий газик.

Глава XV

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТУЧ

— С новостями? — сухо спросил Галаджи вошедшего полковника Вересаева.

— Да, генерал, с очень любопытными...

— Докладывайте!..

— Днем в пионерском саду дети заметили щегла, запутавшегося в ветвях акации. К ноге была привязана записка. Вот она.

Генерал повторил вслух последние слова: «Из окна вижу сквозь световую рекламу половину креста собора. — Зинаида Кремлева».

— К вам инженер Споряну, — доложил адъютант.

— Пусть войдет. А вы, Вересаев, торопитесь, но учтите всю щепетильность проведения операции. Надо проделать тонко.

— Слушаюсь. Есть продумать детали.

— Идите... Заходите, заходите, — обратился он к Споряну. — Мы уже закончили. Ну, здравствуйте, путешественник. Как дела?

— Вам должно быть понятно, генерал, мое состояние.

— Да, знаю. Рассказывайте, что вам известно.

Генерал Галаджи внимательно выслушал Споряну и сказал:

— Не расстраивайтесь, Антон Савельевич. Возьмите себя в руки, ведь вы бывали и не в таких переплетах. Идемте в комнату отдыха. Поговорим кое о чем в спокойной обстановке.

Усаживаясь в глубокое кресло, Галаджи начал посвящать Споряну в последние новости, имевшие непосредственное отношение к Зинаиде Петровне.

— Очень топорно задумали наши противники. Организовали поездку Таберидзе с женщиной, как две капли похожей на Зинаиду Кремлеву. Рассчитывали провести нас, увлечь по ложному следу, но майор Ярусов разоблачил их прием и пролил кое-какой свет на дела цитрусовода Таберидзе.

Генерал был в хорошем расположении духа, пересыпал разговор шутками, явно стараясь развлечь Споряну, ободрить его.

— Завтра-послезавтра получите Зинаиду Петровну целой и невредимой. А Таберидзе... Что же, Таберидзе будет арестован, когда этого потребует обстановка.

— А почему не сейчас?

— Нам нужно, чтобы он побыл на свободе и обнаружил свои хвосты. Мы знаем, что пригласить в театр химика лесоопытной станции ему предложили сотрудники разведки одной державы. Однако многое еще требуется установить. Таберидзе отрицает свою причастность к разведке. Клянется всеми богами Средиземного моря, что его заставили это сделать под давлением, угрожая в противном случае сообщить о его пребывании в испанском легионе...

— Значит, стежки ко гнезду шпионов известны? — оживился Споряну.

— С тех пор как майор Ярусов проследил их где-то в девственных лесах Базальтовых гор. — Генерал придвинул стоявший на столе сифон и наполнил бокалы шипучим напитком, напоминавшим шампанское. — Больше не нужна конспирация. Можете снова стать тем, кто вы есть — инженером Споряну. Ярусов скоро будет здесь. Можете ходить свободно в город, об охране Вересаев позаботится.

Споряну улыбнулся.

Генерал закрыл поплотнее дверь, ведущую из комна-

ты отдыха в служебный кабинет, отпил пару глотков клюшона и спросил:

— Вы не помните ее любимые песенки?

— Хорошо помню. Знаю наизусть слова: «Я вернусь к тебе, черемуха, весной».

— «Когда снова ты распустишь свой наряд», — продекламировал генерал нараспев вторую строчку.

— Совершенно верно и мотив примерно похож.

— Отлично, — вдруг басом проговорил генерал, — значит, ясно, что это она.

Споряну вышел от генерала Галаджи несколько успокоенный. «Надо заехать к Петру Кузьмичу, — решил он, — успокоить его». Профессор против ожидания встретил его в гостиной в приподнятом настроении.

— Не падайте духом, дорогой. Только что звонил Галаджи. Все проясняется... Вы поистине достойная пара. Она, видите ли, вместо того, чтобы позвонить отцу, попросить машину или вызвать такси, решила прокатиться в «ЗИМе» главного цитрусоведа. Как и вы! Не лучше! Помните, как ездили на свидание в Ялту? — Заметив довольный взгляд Споряну, профессор взял его под руку. — Сердиться на мои слова, Антон Савельевич, не нужно. Вы думаете, я не переволновался... Были бы поменьше, березовой кашей бы вас обоих... Ну, ладно. Потом разберемся. Идемте в лабораторию, продолжим наш «полет» поближе к озону... Я кое-что уже нащупал, преинтереснейшие загадки.

Закрыв за собой дверь лаборатории, профессор включил вакуумные установки, указал Споряну рядом с собой на стул и начал объяснять свой замысел:

— Профессор Хрусталеv сделал правильную поправку... Озоновый слой, рождаемый и питаемый солнечной энергией, не всегда постоянен...

Профессор умолк, думая о том, до чего же легко дышится, когда воздух насыщен озоном. А Споряну, наблюдая за экраном главного вакуума, думал: «Нельзя ли найти пути для постоянного пополнения воздуха озоном хотя бы над ограниченными районами, скажем, над Донбассом, промышленным районом Урала, над зоной Москвы?»

— Озон, Антон Савельевич, — объяснял Кремлев, — это броня всего живого на нашей планете от губительного воздействия ультрафиолетовых лучей. Наукой уже до-

казано: уничтожь озоновый слой — в течение нескольких минут Земля превратится в выжженную пустыню.— Он помолчал немного, обдумывая что-то, затем повернулся к Споряну, пристально посмотрел ему в глаза и сказал: — Вот если бы забраться на Луну, создать вокруг нее тоже озоновую оболочку?.. Не потому ли там мертвокаменный хаос — мертвое царство?..

Споряну, слушая профессора, невольно задумался над тем, что произойдет, если постигнут секрет разрушения озоновой оболочки не ученые гуманисты, а воинствующие человеконенавистники?.. Ведь достаточно разорвать, разрушить эту оболочку над каким-нибудь районом или многомиллионным городом всего на несколько минут, — и все живое будет предано праху... Это куда страшнее атомных и водородных бомб... Солнечное излучение, видимо, не что иное, как высшее начало ядерных реакций. Солнце — источник жизни, но оно же и источник смерти.

— Как вы думаете, Антон Савельевич, — перебил размышления Споряну профессор, — можно получать искусственным путем озон?.. Причем запомните — озона в атмосфере жалкие крохи. Если собрать его весь из земной атмосферы и разместить в один слой по поверхности нашей планеты, его толщина не превысит трех миллиметров...

— Я не химик, Петр Кузьмич. Но мне известно, что озон — это тот же кислород, вырабатываемый растительным миром нашей планеты.

— Это давно известно. В молекуле озона не два кислородных атома, а три. Ультрафиолетовые лучи солнца дробят молекулы кислорода на атомы, которые затем снова соединяются, но уже не парно, а по три. Так рождается озон. Часть его распадается, образуя молекулы кислорода. А солнце вновь производит из кислорода озон. Этим и объясняется сохранение неизменного озонового слоя — бронированной оболочки земли.

— Значит, его можно создавать искусственно, — заметил Споряну.

— М-да, можно, но осторожно, — ответил профессор. — Мы еще не знаем, какое воздействие окажет на живые существа больший или меньший озоновый панцирь по сравнению с существующим. Мы с вами пока и то недостаточно знаем о причинах детонации, но это мало... очень мало...

Споряну придвинулся к приборам, навел линзу микроскопа на нужный квадрат.

— Наблюдайте по диагонали, — сказал профессор, — соединяющей верхний правый угол седьмого квадрата с нижним левым третьего... Настроились?

— Да, можно включать.

Профессор включил ток и начал увеличивать напряжение. Доведя напряжение до нужной силы, профессор открыл автоматический регулятор газа.

— Еще раз, Петр Кузьмич.

Профессор послал еще дозу газа. Споряну повернулся к профессору.

— Камень превратился в песок...

— В этом и секрет, погубивший людей при испытаниях.

— В прямом смысле, ядерная реакция в миниатюре.

— Все дело, Антон Савельевич, в том, что естественный газ содержит мельчайшие частицы кристаллической пыли. И чем выше процент этой пыли, тем активнее газ. Я имею в виду активнее — опаснее при взрывах. Но что представляют из себя частицы этой кристаллической пыли, каков их химический состав, физическое строение, как они влияют на ускорение реакции взрыва — надо еще выяснить... Но теперь уже выясним. Следствия обнаружены, причины раскроют приборы.

Профессор выключил приборы.

— Но самое важное, пожалуй, в том, — сказал после паузы Кремлев, — что эта кристаллическая пыль при воспламенении и соединении с кислородом воздуха вызывает повторную детонацию значительно большей силы и радиуса, чем искусственный «кратногаз».

— Это очень хорошо, Петр Кузьмич.

— Вдвойне хорошо. Новый стимул для полетов на новые высоты. И, кроме того, гроза против гроз, повелитель и покоритель туч...

— Петр Кузьмич, каким газом заполнены баллоны для испытания двигателей на экспериментальном тепловозе?.. Меня очень беспокоит, если в баллонах окажется кристаллическая пыль.

— А именно? — Профессор пристально посмотрел на Споряну.

— Вы понимаете, поезд — наземный вид транспорта. И, естественно, такая новинка привлечет и будет привле-

кать к железнодорожному полотну и на станции много любопытных. А если газ с кристаллической пылью...

— Да, да, Антон Савельевич. Я отвлекся. До меня сначала не дошел ваш вопрос... Я все поручу перепроверить. Могли по ошибке наполнить баллоны не из того резервуара или дать в смеси... Поезд, кажется, отправляют послезавтра?..

— В понедельник.

Профессор позвонил Прозорову.

— Алексей Никитич... Говорит Кремлев. Прикажете проверить самым строжайшим образом, какой газ заправлен в баллоны для опытного локомотива... Только искусственный из белого резервуара... Из синего — ни в коем случае, под строжайшую уголовную ответственность... Да, да. Лабораторные исследования дали совершенно новую картину... Если сомневаются, лучше заполнить новые баллоны и заменить... Еще лучше — заменить без всяких разговоров. — Он положил трубку, резко поднялся, заходил по комнате.

— Хорошо, что я заговорил об этом с вами, Антон Савельевич.

— Я, Петр Кузьмич, вчера думал спросить у вас. Знакомился с работой двигателей на тепловозе. Внутренняя картина. Не всякие нервы выдержат, если ворвется неожиданно на людную станцию... Правильно сделали, что пропускать поезд будут на условиях военного карантина.

— А как двигатели?.. Не шалят?

— Работают ритмично. Но испытания покажут. Измерительная аппаратура регистрирует все отклонения...

Профессор проводил Споряну до двери, сказал еще несколько напутственных слов для передачи начальнику поезда и вернулся вновь к своим приборам.

Глава XVI

В КАБИНЕТЕ РЕЗИДЕНТА

Набежавшее облачко бросило тень на фасад темно-серого здания. Колонны черного мрамора, выступавшие вогнутым вглубь полукругом, стали еще более сумрачны. Это придавало таинственность всему, что скрывалось за парадными дверями дымчатого, с бельэтажем, стильного особняка с кричащей вывеской НИИ «Главцитруса».

Мужчина, в бежевом макинтоше и такой же шляпе, дымил трубкой, шел вдоль чугунной ограды. Он ни разу не взглянул на фасад дома и, казалось, не слышал лившейся из открытого окна мелодии вальса. Дойдя до угла, он так же не спеша, с важностью повернул в переулок. На какое-то мгновение показалось, что незнакомец посмотрел украдкой в ту сторону, откуда шел.

Когда он зашел за угол здания, одна из дверей запасного хода бесшумно отворилась, пропустив его внутрь, и так же тихо, словно волей механизма, а не силой человеческих рук, закрылась. Все это произошло так неожиданно и быстро, что невольно у следовавшего за ним человека мелькнула мысль: куда же исчез незнакомец, так невозмутимо выступавший по тротуару? Но увы, бежевого макинтоша в переулке уже не было.

Поднявшись по покрытым толстой дорожкой ступенькам каменной лестницы, Кинг — это был он — привычным движением открыл дверь и оказался в небольшой квадратной комнате с одним широким окном, выходившим во двор.

Справа от двери в углу стояла круглая металлическая вешалка. Посредине комнаты — овальный стол, на котором лежала открытая коробка сигарет, пепельница и электрический прибор — зажигалка. Около стола симметрично друг другу стояли три массивных кресла под белоснежными полотняными чехлами. Перед диваном — круглый столик под цвет черного мрамора с синими и белыми квадратами шахматной доски.

Поспешно кинув на шахматный столик шляпу, пригладив щеточкой волосы, Кинг вошел в приемный зал и направился к кабинету.

Секретарь порывисто встал, загородив собой массивную, обитую черным хромом, дверь.

— Таберидзе приказали без доклада не...

— Вы не остроумны, секретарь, — отстранил его Кинг и решительно распахнул дверь.

Из глубины кабинета донеслись звон бокалов и силоватый голос.

— А-а-а, господин Кинг, — стараясь улыбнуться, сказал Таберидзе, — узнаю по вашему нетерпению. Вы все такой же, не признающий условностей. Ну, садитесь, садитесь...

Когда дверь закрылась, Кинг небрежно опустился в

кресло, вставил монокль и сказал резким, не допускающим возражений тоном:

— Как можно короче, агроном. Я чрезвычайно занят. Сопровождаю делегацию в роли специального корреспондента.

— Добыт любопытный документ, — торопливо проговорил Таберидзе. — Вот его копия...

Принимая протянутый листок бумаги, Кинг привычным движением брови выпустил монокль и надел роговые очки. Он дважды прочел текст и вопросительно взглянул на Таберидзе.

— Где вы достали этот документ?

— Профессия, господин Кинг...

— Профессия, — с ноткой иронии повторил Кинг и повысил голос, — нас интересует достоверность документа, а не способ его получения.

— Факты бесспорны. Достоверность абсолютная — подтверждают очевидцы.

Кинг молчал, размышляя сам с собой. «Если действительно соединят Обь с Иртышом...»

— Почти не верю в это, — сказал он громко и поднялся из кресла. — Для этой русской «Панамы» потребуются полвека... Информация тем не менее ценна. Благодарю... Могу я в вашем кабинете побыть наедине?

Он протянул руку. Таберидзе понял, что надо освободить кабинет. Он откланялся и пошел к выходу. Проводив пристальным взглядом удаляющуюся фигуру Таберидзе, Кинг опустился в кресло, придвинул один из телефонов и, не снимая трубки, набрал ноль-три. Вспыхнули зеленые глаза настольной лампы-совы. Послышалось в стене гудение поднимающегося лифта. Массивный шкаф, расположенный в углублении внутренней стены, медленно повернулся. Его задняя стенка открылась на две створки, и из лифта вышел стройный молодой человек в сером костюме «спорт». Это был уже не безызвестный читателю шпион «Турист».

— Садитесь, Пауль...

Пауль неторопливо опустился в одно из стоявших перед столом кресел, Кинг не спеша раскурил сигарету, затянулся, выпустив тоненькую струйку дыма.

— Вы что-то важное хотели сказать, Пауль? — спросил Кинг после небольшой паузы. — Сказать или передать адмиралу Ландэ?..

— Я хотел спросить, господин Кинг, как быть с той северной красавицей. Ничего не хочет говорить. Причем очень похоже, что она ничего не знает, над чем работает ее отец.

— А я полагаю другое, Пауль...

— Если не секрет от меня...

— Нет, какой же может быть секрет или новость в том, что офицер разведки, имея такие же человеческие пороки, как и все люди, вдруг влюбился...

Пауль непонимающе поднял широко открытые глаза.

— Простите, господин Кинг, я не понимаю...

— Не понимаете, как влюбились в северную красавицу? — с расстановкой проговорил Кинг. — Что же в этом сложного? Женщина больше чем обаятельной внешности, стройна, как дикая лань, умна, как сто чертей, и глаза... ох, эти глаза! — Кинг сочувственно покачал головой. — Именно эти глаза, как море голубые, и расплавили ваше восковое сердце прикосновением своего огня.

Пауль встал, не зная, что сказать. С его щек исчез румянец. Он с трудом понимал, что говорил ему Кинг, думая больше о том, что его ожидает. Он знал, что судьба многих, чересчур осведомленных и ставших неугодными адмиралу разведчиков кончалась без крика и выстрела.

— Что же вы молчите, Пауль?

— Я, господин Кинг, далек от любовных идиллий, когда исполняю службу. Вы знаете это хорошо...

— Отлично знаю, потому и откровенен с тобой дальше обусловленных рамок. Успокойся, Пауль. Садись и рассказывай подробно, как эта Зинаида, если я не ошибаюсь...

— Зинаида Петровна...

— Как Зинаида Петровна ведет себя, как ее самочувствие, настроение?

Пауль присел и, попросив разрешения, закурил. Собравшись с мыслями, он начал рассказывать о допросах Зинаиды Петровны Споряну.

— И телеграмма о флирте Споряну ее не взволновала?

— Читая телеграмму, она изменилась в лице, кинула на меня ненавидящий взгляд, скомкала телеграмму и бросила прямо в лицо со словами: «Негодяи!» Долго сидела молча, потом спросила, не поднимая головы: «Значит, Таберидзе выполнял задание вашего шпионского гнезда?» Я

утвердительно кивнул головой. Она повторила первые слова телеграммы: «Едет одним вагоном со мной инженер Споряну»... и с тревогой в голосе добавила: «Где сейчас инженер Споряну? Тоже похитили?»

— А что вы ответили?

— Я сказал, что нас больше интересует не инженер Споряну, а профессор Кремлев и пояснил, что инженер Споряну отдыхает сейчас в отеле города «Красного Камня», развлекаясь с прелестной гречанкой.

— Как она реагировала на последнее?

— Назвала еще раз негодяем. Я написал несколько слов и пообещал отправить Споряну от ее имени вот эту телеграмму. — Пауль достал из жилетного кармана вчетверо сложенный листок бумаги и передал Кингу, пояснив: — Споряну ничего не знает и окажется в ловушке.

— Не дурно, — согласился Кинг и возвратил телеграмму Паулю, добавив, — отправьте молнией... Хорошо, что вы догадались устроить поездку Натальи Ивановны с Таберидзе. Это уведет в сторону зоркое око Галаджи...

— Да-а, но мы тоже промахнулись — своего человека приняли за инженера Споряну...

— Этот оригинал всю жизнь перелицовывается. Сегодня он русский, через день немец... может обернуться иранцем, турком. А вот по чьему заданию он поехал в «Лесную Каравеллу», вопрос не праздный? Только для того, чтобы по заданию адмирала раскрыть карты тех, кто еще интересуется этим конструктором.

— Только ли для этого?..

— Думаю, что нет. Но на немца Галаджи не будет делать такой ставки... Слишком много в такой ситуации темных пятен, еще больше риска. А Галаджи человек верного расчета...

Кинг прошелся по кабинету и остановился перед Паулем, пронизывая его немигающим взглядом. После минутного молчания сказал с похвалой:

— За оригинальную находку, эту Наталью Ивановну, вас, Пауль, ждет поощрение. Адмирал Ландэ просил поздравить с успешным началом. Он в восторге от твоей выдумки. — Кинг прошелся по кабинету, остановился около окна, выходящего на улицу, и, не оборачиваясь, спросил:

— Где вы ее нашли? Не родственница ваша Наташа Кремлевым?

— Нет никаких намеков даже на дальнейшее родство. Я встретил ее впервые на палубе парохода, когда еще разрабатывался план похищения дочери профессора. Я, признаюсь, сам принял это прелестное создание за Зинаиду Кремлеву.

— Будет ли она, Пауль, работать на нас? Не Галаджи ли подставил нам этот дубликат дочери профессора Кремлева?

— Я склонен не верить в это. Она слишком, на мой взгляд, ветрена для того, чтобы принять ее услуги Галаджи. Ее идеал — деньги, наряды и путешествия с курорта на курорт.

— Смотри, Пауль. Помимо Галаджи есть еще Вересаев — человек большой изобретательности...

— Посмотрим, как она поведет себя... дальше. Табериitze умеет наблюдать.

— Да, «Консул» на своем месте... Но кто же она все-таки?

— Блестящая истеричка, то есть я хотел сказать актриса. Отец крупный специалист по пушнине. Баловал с детства. Она бросила школу, не окончив седьмого класса. Поступила в балетную группу. Потом стала женой кинорежиссера и претенденткой на роль кинозвезды. Но не ужилаясь, через год порвала брачные узы.

Кинг возвратился к разговору о Зинаиде Петровне.

— Как кушает, Пауль, наша прелестная пленница?

— Вполне обычно для женщины. И даже требует по своему вкусу то или иное блюдо.

— Как она реагирует на свое похищение?

— Совершенно спокойна. «Напрасная трата времени, — говорит. — Плохие вы разведчики. Ну зачем я вам нужна, если я не знаю абсолютно ничего о том, над чем работает отец».

— Да, но у нас есть новые доказательства, что она помогала отцу в домашней лаборатории, была по существу его ассистенткой. И наивно для опытной химички делать вид, что она не знает, над чем работает отец. Плохо допрашиваете, Пауль, неумело... Она жила вместе с отцом?

— Нет, она работала заведующей лабораторией опытной станции, в 40 километрах от города. а жила последнее время в квартире мужа инженера Споряну. Но и он

дома почти не бывает. А если появляется иногда в городе или в театре, то в окружении зоркой охраны.

— А среди сотрудников ученого нет еще нашего человека?

— Нет. Все труды пока бесполезны. Был в коллективе у него один подающий надежды человек, зовут Зосим Лукич Щербня, но и его убрали оттуда. Видимо, сочли ненадежным.

— Так, так. А где теперь этот Зосим Лукич?

— Заведует базой коопторга в Самгуни.

— Вы встречались с ним?

— Да. Три раза и все безрезультатно. Однажды я заговорил осторожно о его работе в лаборатории ЦНИИСТА, но он вытаращил глаза, схватил свою кепку со стола и, пугливо оглядываясь, ушел. Но сейчас начинает подавать надежды.

— Занимались его биографией?

— Да, подробно...

— Деньги любит?

— Неравнодушен. Однако трус, каких мало, и долго не шел даже на крупную приманку.

— Надо организовать ему партию — подставить соблазнительную женщину и запутать в подлогах и растратах, а затем «выручить»...

— Можно попробовать и это. Но теперь он уже в наших руках. Согласился за приличное вознаграждение проследить, зачем инженер Споряну ездит в долину Архаров.

— Отлично.... Кстати, Таберидзе вернулся из поездки... Так, значит, вы верите в то, что Зинаида Споряну не знает о работах своего отца?

— Пока нет оснований верить ей, но и нет аргументов, уличающих ее в том, что она знает что-либо.

— Как обращение с ней, обслуживание?

— Строгое, но внимательное. Сказала, что обожает комнатных птиц. Купили клетку щеглов.

— Что? Птиц! Да вы с ума сошли. Провал... Эх, болваны...

Кинг нажал кнопку. В двери появился Таберидзе. Кинг сказал с расстановкой, подчеркивая каждое слово:

— Вернусь не раньше 10 часов вечера. Ждите!

Дверь закрылась. Щелкнул внутренний замок. Кинг поднялся, подошел к столу и повернул выключатель на-

стойной лампы. Послышалось приглушенное гудение, и за портьерой входной двери плавно опустились стальные гофрированные жалюзи.

— А ну, пойдем, Пауль, побеседуем по душам с этой ясноглазой красавицей.

Кинг первым вошел в открытую дверь лифта. За ним почти вплотную втиснулся Пауль. Щелкнул нажатый рычаг лифта, и они стали бесшумно опускаться вниз.

Глава XVII ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

Споряну сидел, задумавшись у стола, положив голову на руки. Лукерья Ивановна, посмотрев на сына, сокрушенно покачала головой. Заметив под окнами почтальона, она сказала дочери:

— Ира! Там газеты принесли.

— Я возьму, мама, — отозвалась сидевшая в гостиной Елена Савельевна.

— Нет, я, — запротестовала Ира. — Может, мне письмо, ты еще перехватишь...

Ира быстро выбежала на парадное и через минуту вернулась с газетами, бегло просматривая страницы центральных газет. Она присела на диван рядом с сестрой, потом порывисто вскочила, держа перед собой газету.

— Ленуца, мамочка, Тоня, слушайте, что здесь пишут.

Она посмотрела ласковым взглядом на брата, улыбнулась насторожившейся сестре, перевела взгляд на мать и начала читать с расстановкой:

«За создание высокоэкономичного универсального двигателя наградить конструктора ЦАВИ Споряну Антона Сав...»

Споряну выхватил газету из рук сестры и добавил к сказанному:

— Орденом Трудового Красного Знамени...

Старшая сестра и мать вместе прочитали вслух еще раз Указ и стали радостно поздравлять Антона Савельевича. Больше всех тараторила Ира.

— Ну что же ты стоишь, как вкопанный. Надо радоваться, а он стоит, как замороженный.

— Ира, перестань, — строго сказала Лукерья Ивановна.

— Пусть ее шумит, мама, вестник хорошей новости. А потом мы с ней пойдем в город. Придется за такое сообщение сделать подарок.

— Не потом, а сейчас же. Одевайся, пойдем, пока не передумал...

— Ну, что бы ты хотела, Ира?

— Мужчина должен угадывать желание девушки, а не спрашивать! — пошутила Ира.

— Ну и злоязычная же ты, — с сердцем сказала мать. — И откуда в тебе это берется?

— Сами же говорите, что вся в матушку.

— Идем, идем, ёрш. Одевайся скорее, — сказал Антон Савельевич, накидывая на ее плечи легкий плащ. — Вы, мама, приготовьте с Ленуцей хороший ужин, может, приедут поздравить.

— Я уже готова, — крикнула Ира из коридора.

— И я готов. Ну мы пошли, мама.

Почти три квартала брат и сестра шли молча. За ними следом шел незнакомый Ире человек. Когда поравнялись с универмагом, брат спросил:

— Сюда?

Сестра молча кивнула головой в знак согласия и улынулась. Они шли с этажа на этаж, от отдела к отделу. Антон Савельевич внимательно следил за тем, как сестра рассматривает платья, горжеты, пальто, но никак не мог решить, что же хочет она в подарок. Он дважды спросил ее об этом, но она отвечала одно и то же:

— Нет, ты сам угадай. Если любишь сестру, угадаешь...

Они долго стояли около прилавка, перебирая сумки разных фасонов. Ире нравились небольшие портативные сумочки, стального цвета с никелированными замками, лайковые перчатки, вышитые блузки, но она хотела, чтобы брат купил ей подарок по своему выбору. Угадав, наконец, ее мысли, Антон сказал:

— Ира, посиди на диване. А что куплю, узнаешь дома.

Ира охотно согласилась. Через несколько минут Антон подошел к ней с большой коробкой, перевязанной яркой лентой.

— Интересуюсь, что ты для меня выбрал, — сказала

Ира, стараясь угадать по весу коробки, что в ней упаковано.

— Нет, нет, Ира. Откроешь дома, тогда и скажешь угадал твоё желание или нет.

Весело разговаривая, они вышли из магазина и направились к дому. У переулка, над которым висела огромная афиша: «Сегодня опера «Демон», он остановился. «Где она, что с ней?» — подумал он, вспомнив о Зине. Пройдя несколько шагов молча, он глубоко вздохнул и сказал рассеянно:

— Может, в театр сегодня сходим?

— С удовольствием, Тоня, — ответила ему сестра и невольно посмотрела на таинственную коробку.

— Маму возьмем с собой.

— Да ну их. Не театр будет, а панихида. Начнет опять морали читать. Туда не ходи, здесь не стой, неприлично оглядываться и разные разности, как по монастырскому уставу. Пойдем лучше, Тоня, вдвоем.

Споряну остановился, посмотрел вверх на крону развесистого каштана, потом на прошедшую легковую машину с зашторенными боковыми стеклами. И вдруг ему показалось, что в машине Зина, что она крикнула, позвала его.

Антон пошатнулся... «Зина!» — почти вскрикнул он.

— Тоня, что с тобой? — спросила испуганно сестра. — Ты весь побледнел.

— Иди домой, — вместо ответа произнес он. — Я скоро вернусь. Иди по главной улице, — добавил он тоном приказания и выскочил на мостовую, наперерез шедшей легковой машине, подняв руку. Машина с визгом затормозила. Из открывшейся дверцы высунулась голова в шляпе и, с досадой выругавшись, сказала:

— Жизнь, видимо, вам надоела. Кто вы такой, я спешу на совещание!

Не обращая внимания на ворчание пассажира, сопровождавший Споряну человек раскрыл перед глазами шофера красную книжечку. Антон распахнул дверцы машины. Владелец машины не успел опомниться, как они уже заняли заднее сиденье. Споряну тронул шофера за плечо и сказал тоном, не допускающим возражений: — Немедленно в центр! А вы, гражданин, прошу прощения, не обижайтесь. Долг службы обязывает. Подбросьте

меня на бульвар до угла Нового проспекта, и вы свободны.

...Споряну не вошел, а ворвался в кабинет генерала. Галаджи и два майора, сидевшие у его стола, резко обернулись, прервав разговор.

— Можно доложить, товарищ генерал! — не своим голосом сказал Споряну.

Галаджи кивнул головой на выходную дверь. Когда они вышли, Споряну кратко изложил существо дела и высказал предположение, что узницу куда-то увезли.

Генерал спокойно снял трубку внутреннего телефона:

— Седьмой!.. Вересаев? Ко мне! — и, повернувшись, добавил вошедшему адъютанту: — Оперативные машины немедленно к подъезду. Вересаева и Березина ко мне и больше никого.

Грузный, сидящий генерал стал необычайно подвижен. Распахнув дверь большого сейфа, он достал объемистую папку.

— Березина нет, — доложил адъютант.

— Майора Мухина и где там Вересаев. Быстро!

Зазвонил внутренний телефон. Генерал взял трубку.

— Березин, немедленно ко мне и оперативную группу к коменданту. Машины к подъезду. Быстро!

— Я вас слушаю, товарищ генерал, — отрапортовал вошедший чекист.

— А, Вересаев. Нашли еще один след дочери старика. Идите сюда. Споряну, объясните.

Через две минуты Березин и Мухин, ознакомившись с заданием, изложили свой план. Генерал решительно запротестовал.

— Не годится! Вы, Вересаев, своих людей, обязательно в штатском, немедленно пошлите на аэродром. Возможно, в квартале устроили демонстрацию со щеглами, а ее пытаются переправить за кордон. Тщательно проверять и, может, сопровождать самолеты до границы. Березин будет проводить операцию в здании. Мухин возглавит группу наружного прикрытия. Машины держать наготове, вблизи. Зашторить окна, чтобы людей не было видно снаружи. Обращаться с пистолетом она умеет? — обернулся генерал к Споряну.

— Умеет! Разрешите и мне, товарищ генерал, поехать на операцию.

— Нет. Мы будем здесь. Задание всем ясно?

— Так точно.

Галаджи задумался. Не торопясь закурил. Потом взглянул на Вересаева, Березина и сказал:

— Операцию в здании отставить... Повременим. А вы, Вересаев, немедленно на аэродром. Сами разберитесь в обстановке и примите меры...

Когда все вышли, генерал спросил Споряну:

— Старiku докладывал о подготовке зоны к испытаниям?

— Нет, я еще нигде не был. Да и когда. Пятнадцать дней провел на вашей даче. Потом неделю ездил по горам...

— Я понимаю ваше душевное волнение, Антон Савельевич, но надо взять себя в руки. Не волнуйтесь особенно. Чувствую, верю, что все кончится хорошо.

— Я теперь тоже верю в это.

— Вот и отлично. Поедем, успокоим старика. Он отдыхает у себя на даче. Попутно поговорим о новостях, которые прислал Ярусов. Да-а, пленка с вашими снимками зоны испытаний уже проявлена. Снимки изумительно отчетливы. Вот в этой папке, заберите ее.

Генерал поднял трубку оперативного телефона.

— Вересаев. Я буду у старика... Вот, вот о всем держите меня в курсе дела.

Он положил трубку и взял Споряну под руку.

— Ну, идем, проедем по свежему воздуху. Старик ждет. Я ему уже звонил.

— Домой нужно позвонить. А то я сестренку так поспешно покинул, беспокоиться будут.

— Не звони. Заедем лучше. Ведь нам по пути.

* * *

Споряну вернулся от Петра Кузьмича около двух часов ночи и долго не мог уснуть. Он был очень удручен тем обстоятельством, что отложена операция в квартале и доме, на который указывалось в записке. Весь вечер и добрую половину ночи Антон Савельевич думал только об одном: «Где Зина?». В сознании громоздились разные предположения. Ему чудилось, что она где-то тут в городе, протягивает к нему руки и беззвучно зовет о помощи.

Так, отгоняя кошмары, ворочался Споряну с боку на бок, пока не забрезжил рассвет. Кошмары не покидали его и во сне. Когда косые лучи восходящего солнца осветили окна, Лукерья Ивановна неслышно вошла в спальню сына и потихоньку опустила плотные шторы. В коридоре ее встретила Ира вопросом:

— Не встал еще Тоня?

— Нет, спит. Плохие сны, видно, снятся. Весь лоб потный.

Ира потихоньку приоткрыла дверь, но, боясь разбудить брата, вернулась обратно, решив про себя: «Пусть выспится». Семья по случаю воскресенья была вся в сборе. В девять часов утра майор Юрий Капустин и Елена Савельевна уехали на рынок за покупками, а Ира снимала во дворе свежие вишни к чаю. В комнате зазвонил телефон. Ира, опередив мать, взяла трубку.

— Кто звонит? — громко спросил из своей комнаты прснувшийся Споряну.

Ира, занятая разговором по телефону, не расслышала голос брата.

— Он еще спит, — отвечала она кому-то. — Хорошо, как проснется — скажу.

— Я не сплю, — над самым ухом раздалось у Иры. Она отшатнулась от неожиданности, передав трубку брату.

— Я слушаю!.. Алло!.. Я слушаю!..

Он дул, кричал в микрофон, но ему никто не ответил. Видимо, абонент положил трубку.

— Кто звонил, Ира? — спросил он сестру.

— Не знаю, Тоня. Не сказали. Знакомый мужской голос, просили позвонить.

— По какому номеру?

— А номер забыла. Ты так меня напугал, что из головы все выскочило.

— Ну, а на экране-то видела, кто с тобой говорил?

— Нет. Я с непривычки часто забываю посмотреть на экран.

Он набрал номер кабинета генерала Галаджи. Телефон оказался занят. Поворчав про себя, Антон Савельевич пошел под душ. Когда он умывался после бритья, телефон зазвонил вновь. Споряну обмахнув на ходу полотенцем лицо, взял трубку.

— Споряну слушает... Здравствуйте, товарищ генерал... Вторично звоните... извините, сестренка не поняла, кто. Я позвонил предположительно, но у вас было занято.

...

— Новости есть! Если не секрет, какие?

...

— Ах, бумажные, — разочарованно протянул Споряну...

...

— Очень интересные для меня? Бегу сию минуту. Ваша машина выходит? Благодарю, я готов.

Он положил трубку и крикнул нетерпеливо:

— Ира! Приготовь поскорее стакан молока и пару пирожков. Я сейчас еду.

— Куда, Тоня? Опять на весь день!

— Не знаю, генерал с новостями ждет

Глава XVIII

СНОВА ВМЕСТЕ

Генерал Галаджи встретил Споряну в каком-то особенно веселом расположении духа. Не говоря ни слова, он достал из папки заполненный печатным текстом лист бумаги и протянул Споряну.

— Садись и читай.

Споряну, медленно опускаясь в кресло, быстро пробежал по бумаге взглядом.

— Нет, нет! Ты вслух читай, — возразил Галаджи.

Споряну поднял улыбающееся лицо, посмотрел радостными глазами на генерала и начал читать вслух сначала: «Во время полета крышка одного из больших чемоданов «дипломатического багажа» начала шевелиться. Потребовалась вынужденная посадка на одном из пограничных аэродромов для вскрытия подозрительного чемодана. В нем оказалась женщина, назвавшая себя Зинаидой Петровной Кремлевой».

Споряну замолчал, перебегая взглядом на конец сообщения.

— Читай подряд. Радоваться будешь потом, — вновь заметил генерал.

«Багаж задержан, — продолжал читать Споряну. —

сопровождающий и женщина интернированы. Женщина утверждает, что ее погрузили в чемодан силой. Для сведения сообщаю краткое содержание предварительного допроса:

— Вечером в субботу я с подругой поехала в театр. Там встретила цитрусовода Таберидзе, который в антракте представил двум иностранцам...

Генерал заметил, как Споряну изменился в лице. Исчезла улыбка, потух радостный огонек глаз. Чуть дрогнули густые брови, а удивленно раскрытые глаза впились в текст задрожавшей в руках бумаги.

— Ну, а остальное неинтересно, — сказал безразличным тоном генерал и потянул из рук Споряну бумагу. Чувствуя, что Споряну не особенно охотно отпускает из рук документ, генерал понял, что некоторые детали документа пробудили в сердце Споряну острое чувство ревности. Споряну, в свою очередь, угадал мысли генерала и усилием воли взял себя в руки. Когда их взгляды встретились, генерал отметил про себя: «Молод... не умеет еще держать себя в руках». Однако Споряну стоял перед ним уже светившийся такой же радостной улыбкой, как и вначале. Но Галаджи умел читать мысли людей и часто, глянув в глаза, угадывал настроение своих работников. Но сам мог преобразаться с таким искусством, так умел скрывать свои настоящие мысли, настроение, что приводил в восхищение даже таких разведчиков, как Вересаев.

— А где она? Вы дали приказание доставить ее сюда? — нетерпеливо спросил Споряну.

— Все сделано. Самолет уже на подходе. Пройдите в комнату отдыха, перекусите что-нибудь, а я тут распоряжусь насчет кое-каких неотложных дел и поедem в аэропорт.

Споряну медлил уходить, думая о чем-то. На его правой щеке дрогнул мускул.

— Идите, идите, — поторопил генерал. — Время не ждет. А то опоздаем к самолету.

Споряну мог подумать в эти минуты все, что угодно, но никак не мог ожидать сюрприза, который ему приготовил Галаджи. Генерал, преодолевая внутреннее волнение, следил за тем, как Споряну неохотно обходит во круг стола, с полным безразличием направляясь в комнату отдыха.

Споряну медленно открыл знакомую дверь и шагнул в комнату отдыха. В тот же миг раздались крики:

— Тоня, милый!

— Зина! Зинушка дорогая!..

Генерал, широко улыбаясь, отошел к окну, удовлетворенно покачал головой и подумал: «Д-а-а! Как приятно доставить радость людям...» Посмотрев на часы, он подошел к радиоприемнику и повернул включатель сети. Комнату заполнила мелодия праздничного вальса...

Галаджи накинул поспешно плащ, вышел в приемную и приказал адъютанту.

— Моя машина в распоряжении инженера Споряну. Подайте к подъезду дежурную. Буду в обкоме у товарища Вахрушева...

— Есть к подъезду дежурную...

* * *

На второй день Зина вернулась с работы из лаборатории веселая, жизнерадостная. Ее первым вопросом, обращенным к Лукерье Ивановне, был: «Тоня еще не приехал?» Лукерья Ивановна ласково посмотрела ей в глаза и сказала полупшепотом:

— Приехал, приехал. И сразу за чертежи. Опять какую-то машину изобретает... Все ждет не дожидается тебя.

Зина легким движением скинула шляпу, положила ее с портфелем на столик в гостиной и пошла к мужу. Антон сидел за столом с логарифмической линейкой. Услышав шаги, он отложил линейку, отодвинул чертежи и встал.

— А я думала, что тебя еще нет дома, — сказала Зина, пристально вглядываясь в выражение лица и глаза мужа, словно стараясь прочесть его настроение.

— Что ты, Зинушка. Я приехал давно. Одна идея не дает покоя. Решил посидеть наедине... Жду тебя, скучаю, как будто не видал год. Ну, а как у тебя дела? Закончили анализы газа?

— Видимо, еще нет. Папа взял под сомнение результаты. Говорит, у нас методика не совершенна. Хочет сам провести все анализы. Просил меня приехать к нему в лабораторию на два-три дня ассистентом...

— Я с нетерпением жду этих анализов. Ты понима-

ешь, если только оправдаются теоретические выкладки Петра Кузьмича, мы заберемся на такие высоты, что у самого доктора Эйре — создателя спутника Земли, закружится голова.

— Уж не на Луну ли собираетесь? — спросила Зина, не пряча лукавой улыбки.

— А почему бы не помечтать и об этом...

— Погляжу я на вас, и фантазеры же вы с папой, один другого лучше. И Володю совратили с пути истинного. Был инженер как инженер. Отлично знал свое дело. Теперь он туда же в изобретатели потянулся.

— Очень хорошо... «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет». А насчет того, кто совратил, повременим делать вывод... Я бы не возражал одолжить у Владимира Петровича и теоретической подготовки и особенно практического опыта.

Они сели рядом и начали тот задушевный, никогда не надоедающий влюбленным разговор, в котором имеют значение не столько слова, сколько то, что за ними скрывается. Вот и сейчас, вспоминая прежние встречи, ставшие теперь памятными, приключения, они то громко смеялись, то снова понижали голос до шепота.

— В чем же состоит моя вина, Зиночка, в этой закончившейся, к счастью, благополучно истории твоего похищения? Неужели ты винишь в этом меня?

— Да, потому что тебя не было, и я не находила себе места. Я позвонила тебе днем. Молчание. Позвонила отцу. Он сказал что-то туманное о твоём отсутствии. Это еще больше расстроило меня. Начала беспокоиться, уж не случилось ли чего. Решила поехать к себе на станцию, думаю, скорее пройдет время за работой. А тут наши девчата начали расхваливать постановку, сказали, что на спектакль собираются всей лабораторией.

— Зинушка, дорогая. Как только Ира сказала, что ты звонила, где только я не искал тебя, пытался позвонить, но все напрасно...

Они вышли на террасу. Зина продолжала:

— Настроение скверное было. Я не находила себе места. Решила пойти с лаборанткой в театр. В театре встретила этого негодяя Таберидзе.

— А разве ты не с ним поехала в театр?

— Нет. Он приехал на станцию. Разговорились. Я проговорила, что еду в театр, надеясь тебя встретить там, но встретила его. Предложил подвезти. С ним поехал его «друг», и я оказалась в подвале.

— Зина!..

Он привлек ее к себе, намереваясь поцеловать, но заметив в открытом окне сестру Иру, прислонил щеку Зины к своей и отодвинулся в глубь беседки...

Выслушав историю о том, как от имени Зины послали на его имя телеграмму в «Лесную Каравеллу», Антон Савельевич заметил:

— В «Лесную Каравеллу», Зиночка, совсем другой человек уехал. Я и не собирался предпринимать такое путешествие.

— Ты знаешь, Тоня, как это произошло. Эти негодяи мне сказали, что ты развлекаешься с прелестной гречанкой в отеле города «Красного Камня». На второй день сообщили новый адрес, будто ты переехал в «Лесную Каравеллу». Не знаю почему, я согласилась послать через них телеграмму. Как это неприятно!

— Что же ты написала?

— Я уже не помню точного содержания, но что-то теплое, самое искреннее. Мне очень хотелось тогда чем-нибудь напомнить о себе.

— Не беспокойся, Зиночка. Майор Ярусов — хороший парень.

— Ярусов? Ой, Тоня, что-то знакомая фамилия. Что же я наделала? Ведь я, кажется, знаю этого человека. Ну, да! И он меня знает. Как-то я была с Володией в театре. Он сидел с нами в одной ложе. Володя мне объяснил, что это за человек. Там мы с ним и познакомились.

— Так-так, интересно?

— Тоня. Я встречалась с ним два раза и стала подозревать, что он ко мне далеко равнодушен. А тут эта глупая телеграмма: «По-прежнему жду и люблю...» Боже мой, что он подумает!

— Ха, ха, ха! — громко рассмеялся Споряну, привлекая к себе Зину. — Ну и пусть думает, что ему угодно. Встречусь, поговорю с ним сам.

— Что же ты ему скажешь?

— Как что? Пусть не обольщается телеграммами, адресованными другим.

— И все же неприятно, Тоня. Как я посмотрю ему в глаза, если придется где-нибудь встретиться?

— Ничего, Зинушка, не волнуйся. Забудь обо всем. Теперь мы вместе, и никто не помешает нашему счастью

Глава XIX

ГОСПОДИН КИНГ В УДАРЕ

Кинг нервно ходил по кабинету Таберидзе, размышляя над тем, что провалилась операция: не удалось ни выкрасть дочь профессора, ни разведать подробности испытаний — сорвался крупный бизнес, обещанный адмиралом.

— Ну-с! Очередной провал... Дочь профессора потеряли вместе с чемоданом.

Пауль Митчелл, зная нрав своего старшего коллеги, промолчал, продолжая курить сигару.

Кинг откинулся на спинку кресла. Несколько минут он сидел неподвижно, не открывая глаз. Наконец тряхнул головой, как бы отгоняя нехорошие мысли, повернулся в сторону сидевшего напротив, наиболее приближенного, шпиона, иронически улыбнулся и сказал с прежним спокойствием:

— Пауль! Где эта неповторимая копия дочери профессора?

— Устроена на работу кассиром к Зосиму Лукичу.

— Да-а. Нам помешал этот болван. Расскажи-ка ее интимные подробности.

Пауль с профессиональной расторопностью изложил своему шефу темные пятна из жизни беспутной, по его мнению, красавицы и заключил кратко:

— Из наших рук ей не уйти. Слишком тяжела ее жизненная ноша и до предела грязна. Она не остановится ни перед чем ради того, чтобы не всплыло на поверхность жизни ни одно из ее родимых пятен.

— Значит, она годна, по-твоему, для этой роли?

— Я уверен, господин Кинг. Она будет знать, что находится в наших руках и не посмеет ничему противиться. А если начнет проявлять строптивость, то будет уже поздно. В Штатах ее быстро уберут с глаз.

— Я полагаю, Пауль, что нужно ее срочно укрыть от всевидящих глаз этого Галаджи. И не откладывая.

заняться подготовкой к переброске за границу. Нам от нее будет нужно только одно — ее подтверждения, как самого близкого человека профессора Кремлева — родной дочери, рискнувшей пойти с отцом на разрыв потому, что он готовит страшное орудие для уничтожения Америки.

— Понятно, господин Кинг...

— Это еще не все. Зинаиду Кремлеву нужно убрать, чтобы некому было опровергать все то, что будет говорить ее двойник, эта...

— Наталья Ивановна, — подсказал Пауль.

— Наталья... Подумайте и о том, чтобы выправить ей паспорт на имя Зинаиды Кремлевой. Но вручим его только в Штатах. Поедешь ты. Инструкции получишь позже.

— Понятно, господин Кинг...

— Да, у нас еще есть время, — оживился Кинг, — и мы сможем сейчас побеседовать с этой Натальей... Не лучше ли, пока не передумала, заманить сюда, спрятать, а потом переправить. Нам спешить, Пауль, надо. У меня считанные дни остались, а над нами сгущаются тучи... Адмирал настойчиво торопит... Сумеете ее сейчас вызвать?..

— Машину Таберидзе, и через десять минут будет здесь. — Пауль подошел к телефону, набрал номер... — Наталья Ивановна?.. Узнаете по голосу. Польщен... Ну, что вы поддаетесь плохому настроению!.. Может, вас развеселить?.. Как — очень просто, прокатиться на машине к «Горному солнцу», пообедать на поплавке, послушать музыку... Не возражаете — прекрасно. Сколько времени на сборы?.. Пять минут — замечательно. Через пять минут на углу остановится машина номер ЗК-10-01. Буду ждать с нетерпением... — Он положил трубку, нажал кнопку. Вошел секретарь: — Немедленно машину товарища Таберидзе послать на угол Крылатской и Красного проспекта. Доставить одну особу. Приедет, проведите в этот кабинет.

Секретарь скрылся за дверью. Кинг и Пауль Митчелл опустились на диван, разговаривая о том, как лучше переправить Наталью Ивановну за кордон. Минут через десять секретарь распахнул дверь и в кабинет вошла Наталья Ивановна.

— Пожалуйста, проходите, — вскочил Пауль, — при-

саживайтесь. — Он поцеловал руку, усадил на диван, познакомил с Кингом.

— Ну, что ж мы будем сидеть, поехали на прогулку... — сказала она с ноткой каприза в голосе. — Мне надоело сидеть то в купе вагона, то в своей комнате. Хочу на воздух!..

— Скоро все время будете наслаждаться природой, — заметил Кинг.

— Как все время, — обернулась она, — не понимаю?

— Мой шеф имеет в виду ваше путешествие за океан, — пояснил Пауль, — о котором мы с вами договорились.

— Одна я не поеду, — категорическим тоном возразила Наталья Ивановна, а про себя прикинула в уме: «Вот вы где окопались, негодяи, если бы знала — предупредила полковника, чтобы схватили на месте».

— Над чем вы задумались? — спросил Кинг, заметив ее прищуренный взгляд. — Вы поедете вместе с Паулем...

— Как-то страшно становится, когда представляю себя на пароходе в океане, — призналась она. — Да еще в чужие края...

— Вас ждет громкий успех, мировая известность и американский сервис, — с пафосом произнес Кинг, наблюдая, как она безотчетно передвигает молнию сумочки и ее внутреннее волнение передает возбужденный взгляд.

У нее мелькнула мысль: «Если догадаются, могут не выпустить отсюда. Надо соглашаться... Но как предупредить Вересаева?» И она решилась.

— Поедьте к «Горному солнцу». Там и поговорим. Разрешите, я позвоню прислуге, предупрежу, а то будет волноваться. — Она встала и пошла к двери.

— Звоните отсюда, — сказал Пауль, резко поднявшись.

— Ну, что вы, отсюда. У меня есть интимные поручения Паше, разве я могу при мужчинах.

— А мы удалимся на минутку, — улыбнулся Кинг, подошел к столу, перевел какие-то рычажки. — Пожалуйста, вот этот аппарат. От секретаря еще более неудобно. Там посторонние люди могут быть.

Кинг и Пауль пошли к выходу. Наталья Ивановна подумала: «Отсюда еще удобнее» и подошла к столу, сняла трубку и набрала номер. А Кинг в этот момент уже держал трубку внутреннего телефона в приемной, думая:

«Не спутала бы аппарат». Щелкнули контакты, и он услышал ее взволнованный голос: «Товарищ Вересаев?..» «Н-а-да!» — отрывисто ответил Кинг. Наталья Ивановна заторопилась, проглатывая слова: «Скорее в кабинет главного цитрусовода... Здесь со мной два главных шпиона... хотят увезти за границу... Сейчас едем в ресторан «Горного солнца»... «Кто говорит?» — сухо перебил Кинг, заметив, что она не назвала своего имени... «Наталья Ивановна... Наташа — помните!.. Задержитесь минут десять — едем».

Она положила трубку, чувствуя дрожь во всем теле. «Только бы успели. Что будет, если опоздают?» — проносилось в ее сознании. Вошел Кинг, за ним Пауль.

— Ну, как предупредили Пашу, — спросил Кинг, одевая шляпу. — Теперь можем ехать?..

— Да, предупредила... Но так разволновалась, не могу успокоиться. Сожгла, беззаботная, уютюгом самое лучшее платье... Дайте мне напиток!

Кинг улыбнулся, поняв ее наивное стремление оттянуть отъезд на несколько минут. Подошел к столу, открыл графин и пожал плечами.

— Вода испорчена... Спустимся лучше в буфет, выпьем сидро, может, скушаем по пирожному на дорогу.

Пауль Митчелл понял замысел Кинга, расторопно открыл дверцы лифта, широко улыбнулся.

— Пожалуйста, Наташа. Спустимся в нижний буфет.

— Может, правда, зайти в буфет, — согласилась она, думая задержаться, чего бы это ни стоило. — Легкий завтрак недурно на дорогу.

Ничего не подозревая, она шагнула вслед за ними за дверь лифта. И в то же мгновение металлические створки захлопнулись. Пауль и Кинг расхохотались.

— Ну, — сказал Кинг побледневшей Наташе, — теперь можно подождать Вересаева.

Истерический крик Наташи сорвался на визг. Пауль и Кинг скрутили ей руки, забили носовым платком рот.

— Можете быть свободны, — сказал Кинг, и «Турист» молча удалился. Через пару минут он был на улице.

Кинг подошел к окну, отодвинул рассеянно штору и застыл неподвижно, взвешивая в уме сложившуюся ситуацию. Он больше всего был огорчен тем, что не удалось переправить через границу дочь профессора Зинаиду Кремлеву. Его все навязчивее преследовала мысль о том,

что назрела необходимость поскорее свертывать любыми путями свои шпионские дела и возвращаться домой, пока не поздно. «Еще один провал, — думал он с тревогой, — и я могу оказаться в руках Галаджи». Он не услышал, а скорее почувствовал, как распахнулась дверь. Увидев на пороге изменившегося в лице Таберидзе, Кинг внутренне содрогнулся, предчувствуя неладное.

Преодолевая икоту, Таберидзе с трудом произнес всего одно слово:

— Провал!..

Кинг одним прыжком перелетел от окна к двери. Но было поздно. Его сбили с ног, связали. В дверях с пистолетом в руке стоял полковник Вересаев.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

НОВЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Испытание двигателей локомотива «Гремучий поезд» не удовлетворили Споряну. Он категорически возражал против передачи их в серийное производство. Точку зрения Споряну разделяли Кремлев и Прозоров. Они поддерживали его. Правительственная комиссия была вынуждена согласиться с доводами конструктора.

Антон Савельевич неделями не выходил из экспериментальной лаборатории. Предстояли испытания не только двигателей «СЭВАРД-3», названных инженером Споряну суперреактивными, но и производственные испытания первой передвижной станции искусственного дождевания. Споряну был в состоянии неугасающего творческого подъема и, казалось, забыл все, что не имело отношения к предстоящим генеральным испытаниям. Он почти не спал, появлялся дома раз в двое-трое суток и то

лишь для того, чтобы принять ванну, покушать. Отдохнув часа два, он снова возвращался в лабораторию.

Споряну несколько раз изменял сечение конусов выхлопных сопл, добиваясь максимальной силы отдачи. Он часами простаивал у испытательных стендов, проверял температуру, влияние вибрации на сигарообразные корпуса самолетов или брал пробы выходных газов, изучая степень сгорания смесей при разных режимах работы двигателя. Он был не только правой рукой профессора Кремлева — его учеником, автором изобретения, но и самым придирчивым приемщиком.

Прозоров понимал, что этот бурный прилив неутомимой энергии объясняется не только глубоким сознанием ответственности за предстоящие испытания, но и стремлением выжать все возможное из установок, продемонстрировать их во всем блеске.

Это было правильное предположение, но у Споряну были и другие причины, приковывающие его к стендам лаборатории. Ему не терпелось узнать секреты озоносферы — как самолеты-снаряды будут вести себя в среде этой бронированной оболочки земной атмосферы, какой будет реакция взрывов в поясе тропической жары на высоте 125 километров? Это его интересовало, пожалуй, больше, чем проблема искусственного дождевания. Ее он считал уже решенной. Однажды после многократных стендовых испытаний он пришел в кабинет Кремлева довольный, улыбающийся.

— Теперь, Петр Кузьмич, можно передавать двигатели производственникам. Работают безукоризненно на любых режимах.

— Постойте. Как это передавать — без испытаний?

— Стендовые испытания можно считать законченными.

— Значит, предлагаете передавать в серийное производство?

— Нет, пока для широких производственных испытаний. Не один самолет-сигару, а несколько. Скажем, пять, десять. Начать испытания локомотивов в различных климатических условиях — на сибирских равнинах и на больших подъемах в горах. С тяжеловесными товарными составами и пассажирскими экспрессами.

— На морских и речных судах...

— На всех видах транспорта, Петр Кузьмич. Я только

хочу выговорить для себя одно непереносимое условие — испытания высотных опытных образцов самолетов с улучшенными двигателями и стратосферных установок провести под моим наблюдением и в обстановке, максимально приближенной к реальной.

— Новую идею вынашиваете?..

— Меня занимают, Петр Кузьмич, разности температур атмосферы, нельзя ли, думаю, извлечь из этого кое-какие выгоды.

— А именно. Расскажите-ка поподробнее.

— Нам известно, что каждый километр подъема в стратосферу отмечается понижением температуры на шесть градусов. На высоте десяти-двенадцати километров, у нижней границы стратосферы, холод достигает шестидесяти градусов... Еще недавно полагали, что дальнейшее нарастание низких температур продолжается там, где исчезают последние следы воздуха, а дальше наступает холод мирового пространства — безмолвие космоса.

— А как ваше мнение? — вставил профессор, заинтересовавшийся стратосферными увлечениями Споряну.

— Так думали раньше, Петр Кузьмич. А действительность показала другое. В пределах четвертого десятка километров начинается теплый пояс — озоновая оболочка Земли. А на высоте пятидесяти километров или около этого — тропическая жара порядка 65—70 градусов. А еще через два десятка километров, примерно на высоте около ста километров от Земли — снова мороз до пятидесяти градусов.

— Все это давно известные астрономам и метеорологам истины, — заметил профессор. — На этих высотах странствуют серебристые облака, содержащие ледяную кристаллическую пыль... Но выше, на высоте 120—125 километров, температура поднимается до 100 градусов жары...

— А что же дальше, — сказал Споряну, — понижение или повышение температуры?.. Не настало ли время заняться с приборами, с лабораторией, в полном смысле этого слова, на высоту пятисот и более километров?.. Естественный краткогаз с его огромной силой отдачи сам толкает нас во Вселенную. И нельзя ли кое-что получить от разности температур?..

Профессор задумался. Он знал об этом атмосферном «казусе». Разговор со Споряну пробудил у него живейший интерес.

— Сейчас, — задумчиво произнес Споряну, — пытаю силы разума, занят теоретическими поисками. Хочу окончательно убедиться, насколько реальны мои расчеты. Меня интересуют перспективы использования в мирных целях стратосферной артиллерии. Но в то же время я не устаю думать, насколько эффективной будет эта огненная преграда, если придется отражать налеты стратосферных бомбардировщиков на больших высотах, порядка 120—150 километров.

— Ба, да вы никак о воздушных маневрах в стратосфере помышляете?

— Почти что так.

— Мысль, прямо скажу, дерзкая.

— Создание заградительной зоны на разных высотах и будет в то же время служить продолжением опытов по искусственному дождеванию. А широкие производственные опыты по искусственному дождеванию можно провести над каким-нибудь степным засушливым районом в размерах, необходимых для полива больших площадей... Не помешало бы только этому состояние здоровья Владимира Петровича!

— Ему значительно лучше. Но доктор Ефимов говорит, что возможны рецидивы. Будем надеяться на лучшее. Посмотрим, как подействуют радиоактивные ванны Цхалтубо.

Споряну говорил с таким увлечением о предстоящих испытаниях, как будто уже получил разрешение на это. Профессор, хорошо знавший своего ученика, понимал, однако, что он все же что-то недоговаривает, но решил пока не проявлять любопытства. А Споряну действительно не хотел пока говорить о своих дерзких замыслах — послать одну реактивную сигару на предельные высоты.

«Если поручат мне же, — думал Споряну, — руководить испытаниями реактивных сигар, то одну из них направлю в стратосферу — попробую узнать ее предельный потолок».

Споряну ушел от профессора в приподнятом настроении. К вечеру вместе с Прозоровым отвез на экспериментальный завод заявку и чертежи улучшенного двигателя. Началась подготовка к большим испытаниям.

НАКАНУНЕ БОЛЬШИХ ИСПЫТАНИЙ

Дмитрий Дмитриевич развернул карту зоны испытаний и обратился к Прозорову.

— Ну, докладывайте, как у вас идут дела. Когда предполагаете проводить испытания?

— Все зависит от того, Дмитрий Дмитриевич, когда будут изготовлены двигатели.

— Тогда послушаем директора завода.

Мещерин поднялся, посмотрел на Прозорова, на Вахрушева, откашлялся и начал с претензий.

— Нас выбили из графика поставщики. Сейчас лимитирует гидростанция. Прошу помочь. Нам нужна энергия для третьей, ночной смены.

Дмитрий Дмитриевич снял трубку телефона.

— Начальник энергосбыта... Анатолий Андреевич?.. Как у вас нагрузка?.. Надо увеличить подачу энергии Мещерину... Очень хорошо. — Положив трубку, Вахрушев взглянул на Мещерина. — Энергию будут подавать круглосуточно.

— Двигатели находятся в производстве. Завод даст последнюю партию через месяц. После заводских стендовых испытаний начнется монтаж электрического оборудования, установок. Раньше срока будут готовы двигатели для лайнера.

— Какие еще претензии?

— Больше нет.

Вахрушев встал, подал руку:

— Звоните почаще... Прислушивайтесь к мнению главного инженера. Усиьте технический контроль.

— С Владимиром Петровичем у нас полный контакт. Вот только эта история с кристаллической пылью... К счастью, все обошлось благополучно. Вчера говорил с ним по телефону. На днях приедет с курорта.

— Ну, желаю успеха.

Когда Мещерин вышел, Вахрушев обратился к Споряну:

— Антон Савельевич. Я слышал, что вы собираетесь военную игру устроить? Выкладывайте свои планы.

Споряну встал, посмотрел на Прозорова, Кремлева.

— Они тут не причем, — усмехнулся Вахрушев. —

Мне об этом Галаджи рассказал. Ну как же вы представляете себе это практически?

— Выкладывайте, выкладывайте свои думки, — заметил Кремлев.

— Дмитрий Дмитриевич, — начал Споряну, — раньше мы проводили опыты, направляя полет ракет по заранее намеченному маршруту, находящемуся под точным прицелом. Известны были скорость полета, высота. А я предлагаю проводить испытания при свободном полете. Предположим, что по такому-то курсу летят высотные бомбардировщики противника. Нам сообщают об этом заранее радарные посты, но противник невидим, неизвестна скорость. Мне кажется, очень важно знать, как мы отразим этот налет.

— Правильно, Антон Савельевич. Воевать мы не хотим, но к встрече врага должны быть всегда готовы. Рассказывайте подробнее.

Споряну с увлечением начал излагать свой план. Все слушали внимательно. Вахрушев и Прозоров что-то записывали в блокнотах. Когда Споряну закончил, Вахрушев спросил Прозорова:

— Как ваше мнение?

Предложение Споряну представляет несомненный интерес, особенно по проверке полета ракет на предельную высоту, и его необходимо поддержать.

— А ваше мнение, Петр Кузьмич?

— Откровенно сказать побаиваюсь, Дмитрий Дмитриевич. Ведь это же воздушный бой, сражение, а не опыты. Риск, большой риск...

— Значит, вы против такого эксперимента?

— Нет, почему против. Идея интересная, но с такими экспериментами нужно быть предусмотрительным. Где-нибудь над пустыней — другое дело. А здесь кругом население. Рисковать можно, но с точным расчетом.

— Что вы, Антон Савельевич, скажете в ответ на доводы Петра Кузьмича?

— Профессор безусловно прав. Конечно на время испытаний должно быть прекращено всякое движение в определенном радиусе. Испытания следует вынести как можно ближе к безлюдному району Базальтового перевала. Запуск безопасен. Его можно производить на том же авиаполигоне. Реактивные аппараты стратосферной

артиллерии, как их называет товарищ Прозоров, можно доставить в верховья долины Архаров, значительно дальше, чем я был с автопоездом при прошлых испытаниях.

— Но тогда вы запускали единицы самолетов-снарядов, — заметил Кремлев. — А теперь, как я понимаю, речь идет об отражении вражеского налета, значит, о посылке нескольких серий таких снарядов.

— Над Базальтовым перевалом, Петр Кузьмич, можно производить громы любой силы.

— Можно-то можно, — возразил Кремлев, — но не надо забывать, Антон Савельевич, что перед горами и за горами есть населенные пункты. А вы собираетесь направить один из аппаратов до ионосферы.

— Что же вы предлагаете, Петр Кузьмич? — спросил Вахрушев.

— Продумать, предусмотреть все до мелочей, особенно ограничить размер зоны поражения, чтобы обезопасить население от возможных последствий.

— С этим и я согласен, Петр Кузьмич.

— И я не отрицаю этого, — улыбнулся Споряну.

— Тогда поручим товарищам Прозорову и Споряну составить план проведения испытаний, а мы, Петр Кузьмич, посмотрим его с вами, посоветуемся.

— Посмотрим, обязательно посмотрим до представления правительству.

— На этом сегодня и закончим нашу беседу.

Когда все поднялись, Вахрушев спросил Прозорова:

— Подумали о подборе руководителя испытаниями?..

— Дмитрий Дмитриевич, профессор предлагает поручить прежнему составу.

— Это значит Владимиру Петровичу, майору, или теперь уже подполковнику Капустину, и Антону Савельевичу. Что ж, у обкома, пожалуй, не будет возражений. Вносите, обсудим предложение.

После совещания в обкоме партии Прозоров инструктировал руководителей обоих испытательных отрядов лично. Первым он пригласил летчика Капустина — командира звена самолетов, управляемых по радио. Они должны были проходить в зоне заградительных взрывов, создаваемой стратосферной батареей инженера Быстрова, как для конспирации предложил Галаджи называть Спо-

ряну. Прозоров неторопливо пожал руку летчику и указал на глубокое кресло.

— Вас рекомендует командование ВВС, как опытного инженера-радииста и штурмана...

Капустин порывисто встал.

— Прошу садиться, — сказал Прозоров. — От вас требуется только одно: в совершенстве управлять по радио звеном реактивных самолетов-сигар, идущих по определенному курсу этажеркой на разных высотах.

— Это моя специальность.

— Задача такова. Специальный эшелон отходит в зону испытаний в следующий понедельник. Радиоаппаратура, стратосферные сигары будут погружены в ночь на понедельник на площадке учебного аэродрома института. Приемка, охрана эшелона до места назначения возлагается на вас. В вашем распоряжении отряд курсантов пехотного училища. Координаты зоны испытаний и маршруты полета вам вручат на месте. Дальнейшие инструкции получите от руководителя испытаний, инженера Споряну.

Прозоров встал, прошелся по кабинету и заговорил вновь:

— Вы понимаете всю серьезность этого задания. Учтите, испытание проходимости реактивных самолетов в зоне взрывов огромной силы — одна из важнейших задач обороны страны.

— Понятно.

— Еще раз предупреждаю. Строжайшая тайна и безукоризненная точность. Уцелевшие самолеты должны быть посажены там, где нужно. Их приборы позволят проникнуть в тайны, еще неизвестные науке.

— А если и признаков не останется?

— Ну, тогда уж, — Прозоров развел руками, опускаясь в кресло, — разговор другой.

— Сила детонации газов и сопротивления воздуха, — помолчав продолжал Прозоров, — по расчетам ученых должна разрушить, раскрошить оказавшийся в зоне взрыва самолет. О человеке в самолете и речи не может идти. При температуре в тысячи градусов он там — воск, исчезающий при соприкосновении с огнем.

Капустин слушал с большим интересом. Опытный летчик высотной авиации, он со всей ясностью представлял

себе единоборство техники и стихии сотворенных умом человека.

— Это же рушит все прежние представления, — возбужденно заговорил он. — Для этой стратосферной ракетной артиллерии нет потолка и, вероятно, нет неуязвимых целей. Это же величайшее оружие обороны, которым можно создать заградительный огонь от любых воздушных сюрпризов.

— Не просто огонь, а непроницаемую, непреодолимую огненную стену. И проверка ее в действии поручается вам.

Они еще долго беседовали о деталях предстоящих испытаний. А в лаборатории профессора Кремлева в эти минуты заканчивались последние приготовления к отправке в другую зону испытаний первой экспериментальной станции искусственного дождевания, способной вызвать обильное орошение не на десятках, а на сотнях и тысячах квадратных километров степей и пустынь.

Профессор был доволен. Неоднократные испытания подтвердили лучшие ожидания. Теперь профессор Кремлев уже сам предложил запустить на три высоты одновременно по 100 снарядов. 300 взрывов — это 300 квадратных километров потрясенной стратосферы.

— На какую площадь распространятся осадки — вот в чем теперь секрет, — говорил он, напутствуя Владимира Петровича перед выездом в зону испытаний первой станции искусственного дождевания.

В тот же вечер Прозоров беседовал с железнодорожником, инженером Жезловым. Определив маршрут, остановки, условившись о связи и информации во время рейса, Прозоров встал, вышел из-за стола.

— Значит, все понятно? — спросил он.

— Инструкция исчерпывающая. Вопросов нет.

— Учтите, инженер. Это необычные в истории железнодорожного транспорта локомотивы. Они с мощным двигателем тяги и толкающими воздушными турбинами. Вам предстоит провести их по зеленой улице на расстоянии 25 тысяч километров без захода в депо и без набора воды и топлива.

Прозоров подал руку и сказал в заключение:

— Отправление экспериментального поезда назначено на 12 часов, в среду. Будет присутствовать правительственная комиссия.

НА ПЛЕЧЕ „ЖАНДАРМА“

Адмирал Ландэ нервничал. Он то и дело посматривал на часы, прислушивался к движениям в коридоре. Несколько раз принимался читать шифровку, словно старался проникнуть в другую, скрытую между строк суть донесения. В дверь постучали.

— Да, да! — поспешно ответил адмирал.

Из-за портьеры вышел молодой стройный мужчина с черной повязкой на глазу. Не отвечая на его приветствие, адмирал Ландэ заговорил недовольным тоном:

— До сих пор я считал вас более поворотливым. Заставляете ждать, когда решают минуты. — Он мельком взглянул на часы. — Сейчас половина третьего. К шести быть на аэродроме. Сколько геологов в отряде?

— Пять, господин адмирал.

— Специальности?

— Два кинооператора, фотограф, радист и я.

— Все альпинисты?

— Так точно. Тренировались на Монблане, Эвересте.

— Да. Именно такие и нужны. Придется взбираться, пожалуй, на большую высоту. А как снаряжение?

— Ледорубы, альпенштоки, ботинки... все необходимое для восхождения отобрано, упаковывается.

Адмирал поднялся, молча прошелся по комнате. Потом резко обернулся:

— А к ночным съемкам люди подготовлены?

— Как было приказано. Операторы и фотограф владеют всей аппаратурой.

— Задача, учтите, не из легких. Времени мало. Нужно завтра быть на месте. Маршрут мимо монастыря по левой тропе. За перевалом в пяти часах ходьбы гора «Три монаха». На северо-восточной стороне горы каменные столбы-гребни. Здесь и должен быть пункт наблюдения. Лучше, если удастся добраться до плеча второго уступа. Самый лучший обзор.

Он снова замолчал, прохаживаясь по комнате. Зазвонил телефон. Адмирал взял трубку. В мембране слышался мужской голос, докладывавший о чем-то. Но Ландэ молчал, не перебивая говорившего, затем сказал: «Хорошо!», положил трубку и опять стал ходить по комнате, насвистывая какой-то мотив.

— А вы не думали насчет другого варианта, — спросил он неожиданно.

— Советовались. Рискованно, но... может оказаться более эффективным именно второй вариант.

Адмирал помолчал, собираясь с мыслями. Наконец принял решение.

— Хорошо! Попробуем рискнуть. Но не терять присутствия духа. Навстречу вам в горы пойдут опытные проводники из местного населения.

— Можно быть свободным — приступить к выполнению задания?

— Да, желаю успеха.

Адмирал подал руку, проводил взглядом геолога. Когда тот взялся уже за скобу двери, Ландэ остановил его и сказал категорическим тоном:

— Парашюты непременно сжечь!..

Когда человек с повязанным глазом удалился, Ландэ снова заходил по комнате, думая о том, какие испытания намечаются вблизи Базальтового перевала и что означает сокращенное название «СИД-1»? Однако, сколько он ни пытался расшифровать сокращенное название, так и не мог его понять. «Может, это новая атомная пушка или та самая машина, — рассуждал он сам с собой, — которая и расстреливает тучи. Может, это ее свет удивил тогда меня в буддийском храме? Но почему же большевики вызывают дождь над горами?»

— Нет, нет! Не случайно закрыт доступ в зону долины Архаров, — сказал он решительно. — И я должен быть там, во что бы то ни стало должен сам видеть все!.. Впрочем, следует принять предложение и «Карла Януша»...

На следующий день утром обитатели «Лесной Каравеллы» заметили самолет, кружащийся над горой «Трех монахов». Сначала до слуха донесся рокот мощных моторов. Затем самолет скрылся в ущелье, а через несколько минут появился с другой стороны горы и начал кружиться на одном месте над небольшой площадкой у границы вечных снегов. От самолета отделились одна за другой несколько точек и скрылись за чертой леса. Самолет развернулся еще раз, зарокотали моторы и вскоре все снова стихло.

Но там, за лесом, на склоне «Трех монахов», пятеро мужчин распаковывали в это время тюки с аппаратурой,

продовольствием и альпийским снаряжением. Через час они уже уходили вверх по склону, связанные между собой веревкой охранения. Вскоре их ледорубы стали прощупывать наст, ледяные «опухоли». Начинался ледник.

Только к вечеру парашютисты добрались до нужного места, преодолев в пути немало трудных подъемов, щелей в ледниках, каменных карнизов. Они расположились на площадке под укрытием каменного выступа. Один из парашютистов поправил пристывшую к брови черную повязку, присел на камень и достал блокнот.

— Сверьте часы, — сказал он, записывая что-то в блокнот. — На моих семнадцать сорок.

В блокноте он записал: «В семнадцать сорок поднялись на плечо второго «жандарма». Подъем длился восемь часов сорок пять минут с тремя привалами. Операторы устанавливают аппараты. Фотограф «выслушивает» свою рентгенокамеру... Если усилится облачность, одна надежда — на камеру фотографа...»

Глава IV

АВТОПОЕЗД ИНЖЕНЕРА БЫСТРОВА

Рано утром через Сагмуньский мост прошла на больших скоростях странная процессия. Впереди открытый газик-вездеход с автоматчиками в касках. Откинувшись назад, они держали свои ПП (пулеметы-пистолеты) между колен, опершись ладонями на срез кожухов. Следом, строго соблюдая дистанцию, с такой же скоростью летел легковой лимузин кофейного цвета. Рядом с шофером сидел военный в легком плаще с погонями подполковника авиации. На заднем сиденье — человек в штатском. Следом, в том же направлении, на той же скорости прошли с зашторенными дверцами еще две легковые машины в сопровождении трех машин с охраной. В первой ехали профессор Кремлев, Вахрушев и Споряну. Во второй Прозоров с представителями Министерства.

Немного погодя из-за угла вывернулся на такой же скорости второй газик с автоматчиками. А следом, соблюдая дистанцию, прошли три грузовых автомашины. Вместо кузовов у них были какие-то высокие плоские ящики, вытянутые несколько наклонно над кабинами и

наглухо закрытые брезентом. В кабинах рядом с шоферами сидели курсанты в касках. Следом за этими машинами пошли грузовики — один, второй, третий, четвертый. По тому, как ревели моторы, преодолевая подъем, нетрудно было угадать о тяжелом грузе, лежавшем в кузовах, хотя и эти машины были укрыты брезентом. Рядом с шоферами сидели офицеры в фуражках с голубыми околышами. Процессию замыкали две полуторки с вооруженными бойцами.

Проводив взглядом последнюю машину, бородатый дворник многозначительно кивнул товарищу.

— Видал?... Молчком, тайком и пораньше, чтобы меньше любопытных глаз было.

— Что же это за поезд, по-твоему, Гаврило?

— Знамо дело, секретный. Может, снова гору крушить. А может, испытание силы какой...

Дворники умолкли, опершись на свои метлы, наблюдая за удаляющимися машинами. Потом бородач заговорил вновь, продолжая свою мысль:

— Недавно сын справлял день рождения. Его начальник по коопторгу, Зосим Лукич звать, когда подвыпил, рассказал нам по секрету, что где-то под землей у кедрового кряжа варят разные гремучие смеси.

— К-ш-ш!.. Ты, Гаврило, не очень-то громко. Пообрезать язык малость надо этому Зосиму, чтобы не болтал лишнего.

— Он же только моему сыну — своему сотруднику говорил это.

— Он сыну спьяна, а ты всей улице по глупости, — проворчал собеседник и зашагал прочь.

Долго еще видели дворники автопоезд на уходящем в гору шоссе.

Перевалив через первую гряду, поезд повернул влево по лесной дороге, ведущей к горным озерам. Миновав последний поселок скипидарного завода за туристской базой, передние машины остановились у быющих из скалы ключей, чтобы пополнить водой радиаторы.

Инженер Споряну вышел из машины и движением руки подозвал начальника охраны.

— Видите, майор, — указал он вверх по ущелью, — естественный тоннель?

— Да, вижу...

— Других дорог и даже пешеходных троп в долину

Архаров нет. Перед тоннелем поставьте пост. Дорогу закройте для всех. Повторяю — для всех!.. Проезд разрешен только двум машинам по специальным пропускам.

— Есть закрыть проезд!..

— Отдайте приказание и садитесь со мной.

— Слушаюсь, — козырнул майор.

Антон Савельевич легко сбегал под горку к журчащему источнику ключевой воды, поплескал в лицо, напился, зачерпнул холодную воду рукой. Обтерев лицо носовым платком и поднявшись на насыпь горной дороги, он стал поджидать майора.

На вершины далеких гор легли первые лучи восходящего солнца. Инженер Споряну окинул взглядом автопоезд, растянувшийся по ущелью.

Майор отдал приказание лейтенанту остаться с двумя автоматчиками для охраны дороги у тоннеля и пошел к голове поезда. У полуторки к нему обратился лейтенант.

— Товарищ майор! Этот гражданин, что умывался в ручье, подозрительный.

— Почему? — спросил майор настороженно.

— Я его знаю. В лаборатории ЦАВИ все называют его Антон Савельевич Споряну. А если он Споряну, то почему выдает себя за подполковника Быстрова.

Майор посмотрел на неподвижно стоявшего в голове поезда подполковника и сказал лейтенанту строго:

— Это приказ генерала Галаджи. Кто еще знает из офицеров об этом, с кем делились своими подозрениями?

— Ни с кем. Думаю, что больше никому неизвестно.

— Идите в ведущий газик, — сказал майор громко. — Поручаю личную охрану инженера Споряну.

Через 10 минут автопоезд прошел над обрывом пропасти и скрылся в темной пустоте тоннеля. Когда рассеялась пелена пыли, на фоне серой каменной стены перед входом в тоннель выступила неподвижная фигура часового в каске с автоматом на груди.

* * *

Владимир Петрович в это время уже был далеко от Самгуни. Его эшелон шел на юг в наиболее засушливые районы. На платформах стояли мощные аппараты станции искусственного дождевания, которые он должен был испытывать и рекомендовать для народного хозяйства.

Поезд подходил к зоне испытаний. Владимир Петрович сидел в своем купе над метеокартами, изучая направление воздушных потоков, чтобы определить нужную точку бомбардировки стратосферы.

— Подходим к станции назначения, — доложил начальник охраны поезда.

— Очень хорошо. Как только подойдем, распорядитесь приступить немедленно к разгрузке.

Поезд начал замедлять ход. Под колесами застучали стрелки. Состав подходил к перрону степного разъезда. Желтая равнина лежала вокруг. Ветер завывал вихорками пыли. «Завтра утром, — думал Владимир Петрович, — в горах загремит первый всеограшающий залп стратосферной артиллерии Споряну по высотной авиации «противника. А на следующую ночь мы здесь, в полупустыне, начнем создавать искусственный грозовой циклон. Интересно, в какой мере оправдаются расчеты инженера Споряну?»

Еще дальше был в это время от Самгуни первый опытный газотурбовоз инженера Жезлова. Экспериментальный поезд летел во Владивосток — шли производственные испытания двигателей инженера Споряну.

Глава V

НА АВИАПОЛИГОНЕ

Рано утром на следующий день на авиаполигоне ЦАВИ авиатехники сняли чехлы с трех серебристых ракет, стоявших на рельсах веером расходящихся катапульт. Летчик подполковник Капустин поднялся по ажурной дюралевой лесенке на мостик средней катапульты и вошел в кабину серебристой, напоминающей сигару ракеты. Он тщательно проверил приборы, которые до того, как сигара взорвется, должны были передать на землю сообщения о высоте, скорости, напряжении в батареях. Потрогав рули поворота высоты, осмотрев барографы и выйдя на мостик, он приказал:

— Опечатать кабину!..

С такой же придирчивостью он осмотрел и другие сигары, стоявшие на основании катапульт. Потом в люльке передвигного автокрана проехал вдоль вздымающихся в небо катапульт, внимательно осматривая места

сварки рельс, измерил прибором угол подъема. Закончив осмотр катапульта, он подозвал дежурного инженера.

— Товарищ капитан! Прикажите увеличить угол подъема катапульта и дать смазку рельсов.

Капитан козырнул и подошел к основанию мачты, напминавшей семафор, перевел рычаги и повернул включатель. В матовом треугольнике, венчающем острие мачты, загорелась, как на экране, цифра «30». Через минуту две послышалось глухое гудение скрытых под землей моторов,двигающих пневматику катапульта. Рельсы медленно стали подниматься, задирая выше носы серебряных сигар. Когда угол подъема достиг 30 градусов, на матовом экране погасла «тридцатка» и стихло подземное гудение. Только по рельсам катапульта, как челноки, летали металлические паровозики-масленки, оставляя лакированный след касторового масла. Наконец масленки умчались в верхнюю часть катапульта и не вернулись, а в матовом треугольнике вспыхнула ломаная молния, означавшая, что катапульты готовы к старту.

Капустин посмотрел на часы и приказал:

— Очистить полигон!

Вместе с инженером они направились к зданию управления полигоном. Он зашел в аппаратную, включил рацию и надел наушники. Настенные часы пробили без четверти семь. Вскоре соединился зеленый глазок, и майор услышал знакомый голос Споряну. Сидевший рядом начальник авиаполигона включил настольный репродуктор, приглушил громкость.

— Докладывайте, — сказал Споряну.

— Звено самолетов на старте. Прикажете запускать?

— Запуск ровно в семь ноль-ноль. Полеты в квадрате восемь по замкнутому эллипсу. Строй — десятикилометровая этажерка. Потолок — 100 тысяч. Повторите задание!..

Капустин повторил приказание и посмотрел на начальника полигона, нервно прикуривавшего папиросу. Из репродуктора послышалось:

— Прошу сверить часы. На моих без 10 минут семь.

Капустин взглянул на стрелки своих часов, потом на стенные и придвинулся к щиту приборов управления самолетами. Эти последние несколько минут длились томительно долго. Он то примерялся к рубильникам включения катапульта, поудобнее устраиваясь в кресле, то

снова и снова сверял указатели приборов управления самолетами. Наконец в тишине кабинета раздался гулкий удар часов и в то же мгновение послышался голос Споряну:

— Внимание!..

Рука Капустина легла на рубильник катапульт. Он отсчитывал мысленно удары часов: «четыре, пять, шесть, се...»

— Запуск!!! — раздался властный голос Споряну.

— Есть, даю запуск, — громко ответил Капустин и уверенно дал до отказа рубильник.

С полигона донесся рев ракетных двигателей. Серебристые сигары, оставляя огненные хвосты, скользнули, как метеоры, по рельсам катапульт и исчезли в синеве. Капустин включил телеэкран. Начальник полигона придвинулся поближе. Вот сигары сделали разворот, пошли почти отвесно вверх. Дежурный инженер, следивший за измерением высоты полета, повторял через ровные паузы.

— Пять тысяч... шесть... семь... восемь...

Когда он сказал 100, Капустин взялся за переключатель приборов. Серебристые сигары, отчетливо видные на экране, приняли горизонтальное положение и понеслись по прямой, оставляя позади себя длинные белые хвосты.

— Высота? — послышался строгий голос Споряну.

— Сто, — лаконично бросил в ответ Капустин.

— Наблюдайте — даю залп...

Начальник полигона и дежурный инженер впились взглядами в экран. Вот впереди по курсу самолетов пронеслись в высоту огненные линии, как от трассирующих пуль. На высоте среднего в этажерке самолета, немного впереди по курсу, над огненными нитями вспыхнули шапочки взрывов. И в то же мгновение образованные взрывами белые барашки выкинули во все стороны пучки молний. На том месте, где были раньше белые барашки, появилось кучевое, быстро растущее облако. Майор взглянул на указатель высоты самолетов — стрелка остановилась на ноле. На указателе скорости тоже ноль.

Первая часть программы испытаний в стратосфере была закончена. Ни одна из сигар не уцелела. Теперь в долине Архаров и на авиаполигоне началась подготовка ко второй части испытаний — к отражению большого налёта стратосферной авиации «противника».

Споряну был молчалив в эти минуты. Он старался представить, на какой маневр пойдет Капустин. С кото-

рой стороны появятся бомбардировщики «противника», на каких высотах? На площадке у ракетных установок заканчивались приготовления. Споряну курил около выхода из пещеры. Профессор Кремлев, Вахрушев и генералы стояли под базальтовым куполом, выточенным временем и ветрами в уступе горы. Профессор объяснял что-то, энергично жестикулируя. Споряну подошел поближе.

— Геологи, — слышался говор Петра Кузьмича, — научились читать по этим отложениям возраст земли, как мы читаем книги... А современные методы разведки позволяют видеть и то, что скрыто...

Блеснул ослепительный свет.

— Взрыв — ложись!.. — крикнул Споряну и отскочил за выступ пещеры. Под ногами качнулась почва.

Со стороны площадки донесся лязг металла. Мимо пещеры отводимая мысом горы катилась, точно девятый океанский вал, волна расталкиваемой и поднимаемой взрывом пыли, песка, мусора, камней. Подброшенный взрывной волной галечник посыпался каменным дождем, высекая искры при ударах о лежавшие валуны.

Наконец стена пыли и мусора скатилась в долину. Стало тихо, как будто ничего и не случилось.

— Начальника охраны, немедленно! — приказал Споряну выглянувшему из пещеры автоматчику, повернулся, чтобы сплюнуть заскрипевший на зубах песок, и встретился взглядом с Галаджи.

Они обменялись молчаливым взглядом, понятным обоим. Прибежал начальник охраны.

— Короче, о главном!... — отрывисто бросил Галаджи.

— Взорвалась торпеда... Трое легко ранены.... Раненым оказывается медпомощь.

— Причины?..

— Неосторожное обращение, уронили торпеду.

— Состояние аппаратуры, установок?..

— Взрывом уничтожен грузовик и поврежден взрывной волной один из аппаратов... Испытания можно продолжать.

Галаджи глубоко вздохнул, покачал головой, не сводя пристального взгляда с начальника охраны. Споряну спросил:

— Сколько взорвалось торпед?..

— Одна, которую уронили... Остальные перевернуло с машиной при взрыве, но они целы...

— Интересно, — с расстановкой сказал Галаджи. — Одна упала из кузова... из кузова ее уронили?..

— Так точно, из кузова...

— Значит, упала из кузова и взорвалась. А 24, подброшенные взрывом вместе с машиной...

— Только пять, товарищ генерал. Остальные уже были во рву...

— Допустим, пять были подброшены на высоту двухэтажного дома...

— Даже выше, — вставил начальник охраны.

— Вот видите, даже выше — а не взорвались!.. Любопытно?.. — Он помолчал, потом приказал: — Установите точно, кто руководил погрузкой этой машины, кто шофер?..

— Тот шофер заболел, заменен...

— Кто заменил?.. — спокойно спросил Галаджи.

— Подполковник Белкин.

— Антон Савельевич! Как вы думаете?..

— Тщательно проверить пломбировку всех воздушных торпед.

— Вы слышали приказание?

— Так точно.

— Это я должен сделать сам, — решительно сказал Споряну и пошел на площадку.

Галаджи повелительно кивнул головой начальнику охраны, потряс предупреждающе кулаком, мол, смотри, чтоб ни один волос не упал, и пошел следом за Споряну, наблюдая за сопровождающим Споряну автоматчиком.

Продолжение испытаний было перенесено на следующее утро.

Глава VI НА ЭКРАНЕ РАДАРА

В долине Архаров еще стоял полумрак. Поднявшаяся полоса утренних туманов прижималась к лесным склонам, словно не хотела покидать пробуждающуюся долину. Горы дымились, как терриконы. Споряну долго рассматривал в бинокль меняющуюся расцветку горных кражей, следил за направлением медленно перемещающихся по долине туманов, думая про себя: «Видимо, будет об-

лачность, порывистый ветер — непредвиденные противники. Ничего. Ближе к практической обстановке «воздушного налета».

Из-за поворота долины быстро шли легковые машины, оставляя позади вьющуюся ленту пыли. Споряну навел бинокль.

— Вот и члены комиссии едут, дядя Миша, — сказал он шоферу, — а вы думали, не успеют. Разве Дмитрий Дмитриевич опоздает?

С холма, на котором веером стояли приготовленные аппараты стратосферной артиллерии, подали условный сигнал флажком, Споряну быстрым шагом пошел к посту управления радарной установки, размещенной поблизости в пещере. Дежурный техник доложил:

— Связь с полигоном установлена. Прием и передача проходят отлично.

Споряну расстегнул плащ и сел на ящик около рации. Окинув взглядом приборы, вопросительно посмотрел на техника.

— Только на коротких, товарищ начальник, — ответил техник, не дожидаясь вопроса. — На других сильные помехи. Видимо, помимо высоких гор есть еще и другие препятствия.

— А именно?

— Магнитные или скорее радиовые излучения. В таких нагромождениях природы, — указал он рукой в сторону Базальтового перевала, — не исключены любые сюрпризы. Давно известно, что над Базальтовым перевалом магнитный компас — не советчик.

Споряну включился на двустороннюю связь. Глазки настройки соединились. В репродукторе слышалось движение стула и голос:

— «Горная»?

— «Горная» у аппарата, — ответил Споряну.

— Как меня слышите?

— Великолепно. Узнаю по голосу.

— Докладываю обстановку: вторая эскадрилья на старте. С северо-востока надвигается облачность — ноль один в нашу пользу.

— Не хвалитесь прежде времени, — заметил Споряну. — Лучше скажите данные «Единички».

— Данные приемной рации «Единички»: волна—семь три четвертых первой шкалы. Механизмы управления:

курс — запад, высота двадцать ноль-ноль, заход эллипсом с левым разворотом.

— Понятно. Следите за экраном.

Споряну перевел приборы направляющей рации на полученные данные пункта наблюдения и наклонился к микрофону:

— «Ласточка»?

— Я «Ласточка».

— «Единичку» пеленговать на третьем режиме.

— Понятно, на третьем режиме.

Споряну поднялся и пошел навстречу членам комиссии. Поравнявшись с представителем Министерства, генерал-лейтенантом авиации, взял под козырек:

— Докладывает начальник испытательного отряда подполковник Споряну. Реактивные аппараты готовы к отражению атаки «противника». Радарные установки ведут наблюдение за горизонтом.

Генерал-лейтенант откозырнул и подал руку.

— Здравствуйте, товарищ Споряну. Командование ВВС надеется на успешное решение поставленной задачи.

— Ну, а теперь, Антон Савельевич, — вступил в разговор Дмитрий Дмитриевич, — знакомьте с расположением.

Споряну указал на стоявшие за каменным выступом радарные установки. Объяснил вкратце поставленную перед обслуживающим персоналом задачу и жестом руки предложил занять расставленные за огромным валуном автомобильные сиденья.

— В гроте размещено управление, — пояснил Споряну. — Прошу членов комиссии осмотреть штаб управления огнем.

Миновав узкий проход в грот, члены комиссии оказались под высокими сводами просторной пещеры, в глубине которой слышался монотонный плеск падающих с высоты капель воды. На выровненной, утрамбованной площадке стоял стол с телеэкранами радара. У пультов управления сидели в наушниках связисты. Споряну посмотрел на часы и взял журнал наблюдения. «Ласточка» предупреждала о надвигающейся из-за перевала облачности. «Жаль, что видимости не будет», — подумал Споряну. К пульту подошли генерал Прозоров и представитель ВВС.

Связист, не заметивший их за спиной, продолжал вызывать посты наблюдения:

— «Северный», «Северный»!.. Сообщите направление ветра.

Он придвинул журнал и сделал очередную запись: «6. 50 — ветер северо-восточной четверти, 20 м/с. Видимость падает — усиливается облачность».

Споряну занял место у пульта. Посмотрел на часы. Радист, сидевший справа, включил репродуктор. Споряну придвинул микрофон и сказал с расстановкой:

— «Ласточка»?

— «Ласточка» слушает.

— Сверьте время. Сейчас 6. 55.

Споряну встал. Подошел к членам комиссии.

— Через пять минут запуск. Пора на наблюдательный пункт. Из-за укрытия не выходить.

Члены комиссии направились к выходу. Галад-жи взял профессора Кремлева под руку, наклонился к уху:

— Заметили, Петр Кузьмич, как Споряну волнуется?

— Вполне естественно, генерал, после вчерашнего происшествия, — так же тихо ответил профессор. — Я сегодня наблюдатель, но тоже волнуясь. Обратите внимание, Вахрушев и Прозоров стали молчаливы, да и вы, генерал, волнуетесь не меньше других.

Провожая взглядом членов комиссии, Споряну торопливо попыхивал папиросой. Не докурив, бросил ее на землю, затушил ногой.

Часы показывали 6. 58. Споряну вернулся в пещеру и занял место у пульта ракетных аппаратов. Включил главный экран радарной установки. В репродукторе раздался отчетливый голос:

— «Горная», внимание!!!

— «Горная» у аппарата, — спокойно ответил Споряну.

— Даю запуск...

Споряну впился в экран, прислушиваясь к шумам в наушниках. Прошла минута, вторая. Наконец пост наблюдения передал первые данные о налете реактивных бомбардировщиков «противника».

— В квадрате 15 курсом на северо-запад идут три самолета. Высота 50 тысяч...

— Повторяю: принято 15, 3, 50...

— Правильно. Курс северо-запад. Переходят в квадрат 22.

Споряну повернул один из рычагов пульта. Вспыхнул красный глазок настройки.

— У аппаратов — внимание!

— Есть внимание...

— Квадрат тридцать шесть. Высота 50—75. Прицел по диагонали юго-восток — северо-запад.

Споряну медленно поворачивал рычаги настройки, направляя чуткие «уши» и дальноточные «глаза» радара в поле квадрата 29. На экране показались три точки. Споряну переключил радар на автоматический ход, думая про себя: «Который из них «Единичка». Почему высота пятьдесят?» Он придвинул микрофон к самым губам и спросил строго:

— Полигон?.. Почему высота 50, а не 35?

— Тактический маневр, товарищ начальник. Приказ Прозорова.

— Хо-ро-шо! — сердито, по слогам ответил Споряну и переключил на пост наблюдения. — «Ласточка»?.. Проверьте высоту!

— Высота 55. Идут с резким подъемом, отклоняются вправо на точку пересечения квадратов 20—28.

Споряну взглянул на экран. Точки с той же скоростью перемещались в квадрате 21. Стрелка прибора, показывающего высоту, приближалась к цифре 65.

— У аппаратов! — громко сказал Споряну.

— Есть у аппаратов...

— Прицел — граница квадратов 21—28. Высота 65—70, скорость 1200. Стрельба — восходящей этажеркой.

Споряну положил руку на переключатель радиопилота рации управления, наблюдая за точками, передвигающимися по экрану. Медленно перевел стрелку высоты на цифру 65, и одна из точек начала уходить вверх.

...Члены комиссии не могли различать невооруженным глазом контуры высоко мчавшихся реактивных сигар. Были видны только тянувшиеся за еле различимыми точками белые вееры газов. Только вооружившись оптическими дальномерами, они рассмотрели стремительно несущиеся, вытянутые серебристые капли. Когда одна из сигар начала круто уходить вверх, Прозоров сказал вполголоса:

— Маневрируют.

— Любопытно, — заметил представитель ВВС, — достигнут ли ракетные снаряды такой высоты?

— Скоро увидим, — отозвался, не отрываясь от окуляров дальномера, Прозоров.

На площадке у ракетных аппаратов завывала сирена. Персонал спрятался в укрытие. Прозоров мысленно отсчитывал секунды: «Раз, два, три, четыре, пять...»

Над площадкой вспыхнуло ослепительное зарево. С рокотом и свистом понеслись в поднебесье ракетные снаряды-самолеты, оставляя за собой огненные полосы. Между площадкой и наблюдательным пунктом поднялась стена пыли. На площадке сверкнули огни второго залпа. Туча пыли заслонила весь горизонт. Из поднебесья донеслись глухие раскаты, от которых задрожала земля. Видя, что дальнейшие наблюдения бесполезны, члены комиссии пошли в грот — в штаб управления стратосферной артиллерии.

Раздался третий залп, заставивший всех пригнуться к земле. Стало вдруг душно и вокруг начало темнеть, как перед грозой.

Споряну сидел у пульта управления, не отрывая глаз от экрана радара. Стрелка прибора высоты радиопульта управления уже стояла на делении 145. Споряну методически передвигал ее все дальше и дальше, заставляя «Единичку» забираться все выше и выше в стратосферу. Члены комиссии стояли молча за его спиной, наблюдая за ползущей по экрану точкой.

Представитель ВВС, опытный авиатор, сразу понял, в чем дело. Подойдя ближе и наклонившись к Споряну, он спросил:

— Антон Савельевич, насколько я понимаю, один бомбардировщик «противника» все же прорвался?

Они встретились взглядами. Споряну указал глазами на радиопульт управления «Единичкой».

— Маневрируйте, товарищ генерал-лейтенант.

Представитель ставки придвинул ящик и привычно положил руку на переключатели радиопилота. Осмотревшись, он сказал тихо, но так, чтобы слышал Споряну:

— Шкала высоты уже исчерпана? Иду на фигуры. Попробуйте достать!

Споряну понимающе кивнул головой, взглянул на приборы радиопульта управления и начал плавно переводить рычаги реле звукосветовых прицелов стратосферной установ-

ки. Точка, быстро перемещаясь по квадрату «36 экрана, то камнем мчалась к земле, то свечой уходила вверх. Споряну заметил, что «Единичка» ходит по небольшой сравнительно площади юго-западного угла квадрата. Стрелки прибора высоты показывали снижение и подъем «Единички» между делениями 245—300. Выждав момент, когда «Единичка» снова пошла в отвесное пики, Споряну нажал гашетку стратосферной установки, послав на высоту 245—270—300 по пять ракетных самолетов-снарядов.

Споряну казалось, что секунды длятся слишком долго. Он, не мигая, следил за движением точки по экрану. И вдруг на экране вспыхнули желтые искорки и потухли. Там, где была точка «Единички», появилось темное пятнышко, начало разрастаться, становилось все темнее и темнее. Споряну выключил стратосферную установку и обернулся к представителю ВВС, широко улыбаясь:

— Все, товарищ генерал-лейтенант. «Единички» больше не существует.

Он придвинулся к микрофону, чтобы вызвать Капустина, но рация полигона не ответила. Капустин в это время отдавал приказание поднять в воздух самолет-разведчик. Капустин кричал в микрофон:

— Обойдите зону на небольшой высоте. Поищите, нет ли где дыма, лесных пожаров, и возвращайтесь на аэродром.

Капустин переключился на передатчик Споряну.

— «Горная», «Горная»?..

— Я «Горная»... Где вы пропадали?

— Говорил с пилотом патрульного самолета.

Споряну промолчал. После некоторого раздумья он проговорил удовлетворенно:

— Да-а, игрушка хороша... Комиссия должна остаться довольна. Вот что, товарищ Капустин, — закончил он оживленно. — Доставлять обратно вам нечего. Возвращайтесь в Самгунь налегке и пишите объяснение, как вы потеряли все свое вооружение... Ха, ха, ха! Я шучу, конечно...

— Понимаю, Антон Савельевич, простите, подполковник Быстров.

— Я тоже даю команду своему поезду брать курс на Самгунь. Пока, до встречи в Самгуни!

— Есть, до встречи в Самгуни...

С БАШНИ БУДДИЙСКОГО ХРАМА

Монахи первыми заметили появление знакомого иностранца на башне буддийского храма. Но на этот раз его поведение им не нравилось, настораживало. Монахи некоторое время наблюдали молча, стараясь понять, что происходит. Затем начали обмениваться молчаливыми, вопросительными взглядами, пожимать плечами. Эти «черные тени», привыкшие вне стен монастыря месяцами не произносить ни единого слова, наконец, не выдержали. Первым заговорил монах с реденькой, будто выщипанной бородкой:

— Недаром смотрит в горы, — сказал он, кивнув головой в сторону башни.

— Не простым глазом смотрит, — добавил второй монах, не оборачиваясь к собеседнику.

Монахи снова умолкли. К ним подошел еще один черноризник. Его маленькие, черные, как ягодки вереска, глаза, казалось, способны были пробуравить человека насквозь.

— Третий раз приезжает, — сказал он. — И все на башне торчит с биноклем. Какие-то машины с длинными трубами туда затащил. Вон смотрит в такую трубу... Профессор!..

Монах с такой выразительностью произнес последнее слово, будто сплюнул. Но адмирал Ландэ не слышал этого. Он сосредоточенно смотрел в бинокль, интересовали его сейчас отнюдь не пейзажи. Об этом можно было догадаться по отрывистым распоряжениям, которые он время от времени отдавал своим спутникам, устанавливавшим оптические приборы.

— Гора «Трех монахов», — говорил он, — должна быть основанием оси, поддерживающей точку пересечения диагоналей квадрата съемки. Резкость — на предельную дистанцию...

В тот момент, когда на башне буддийского храма устанавливались приборы, а профессор просматривал в телескоп горы по линии горизонта, там, за Базальтовым перевалом, происходили события, куда более важные тех, которые привели этого разведчика, адмирала Ландэ, на башню буддийского храма. Кое-что пришлось наблюдать

и ему, но он не знал самого существа дела. Просматривая вершины дальнего перевала Базальтовых гор, адмирал Ландэ заметил убегающие в высоту белые полосы.

«Реактивные самолеты, — сказал он про себя. — Видимо, учебные полеты...»

Но так как реактивные самолеты для того времени уже не представляли новинки, адмирал остановил на них короткий взгляд и отклонил трубу телескопа в сторону интересовавшего его объекта — северной точки перевала. В это время радиотехник, сидевший перед экраном телевизионной камеры, совмещающей в себе радар и приемо-передаточную рацию, вдруг закричал:

— Смотрите, смотрите!..

Адмирал припал к телескопу. Радиотехник, не отрываясь от экрана, начал комментировать удивившие его изменения:

— Это же настоящий воздушный бой. А скорости какие! Метеоры, а не самолеты.

Адмирал оттолкнул радиотехника локтем и впился немигающим взглядом в экран. Еле различаемые в голубой выси реактивные сигары удалялись на север. А навстречу им от земли мчались огненные смерчи, оставляя позади белые полосы газов. Полосы огня и сигары встретились почти под прямым углом и вдруг исчезли с экрана.

— Настройку, настройку! — нетерпеливо крикнул адмирал.

Но дело было не в точности настройки. Сколько ни крутил радиотехник рычаги, ничего больше увидеть адмирал не мог. Экран начал темнеть. На месте исчезнувших сигар начало разрастаться облако, превратившееся через некоторое время в тучу, закрывшую весь горизонт. Адмирал уже не видел появившееся севернее тучи второе звено реактивных сигар, не видел, как одна из них отделилась и начала круто набирать высоту, как и ее настигли огненные полосы, блеснули пучки взрывов и высоко над небосводом начала расти новая туча.

Адмирал насупил брови, отошел к высокому зубчатому каменному барьеру, ограждающему площадку башни, заложил руку за борт пиджака. Он стоял, не отрывая взгляда от разрастающейся на горизонте облачности. Потом, не оборачиваясь, сказал:

— Вызовите рацию «Трех монахов»!

И снова погрузился в раздумье. «Что же означает «СИД-1», — мысленно вопрошал он, — реактивная пушка большой мощности или новый самолет?»

— «Три монаха» у аппарата, — сказал радиотехник.

Ландэ молча подошел к микрофону, надел наушники:

— Какие новости?

— ...

— Я сам наблюдал это. Подробности... Да-а... Облачность. Не вовремя — досадно, — повторял он, поглядывая на сгущающиеся тучи. Положив наушники, посмотрел на часы, легко поднялся и, встретившись взглядом с радиотехником, сказал: — Наблюдать непрерывно за всем сектором. Записывать изменения. Вернусь к вечеру. — Он кивнул одному из следивших за каждым его движением спутников и скрылся с ним в нише башни. Через три-четыре минуты внизу раздался сигнал, раскрылись ворота, и машина скрылась за поворотом горной дороги, ведущей вверх по ущелью.

Вернулся он после ужина. Просмотрел записи наблюдений и распорядился:

— Ночью каждую минуту быть готовым к съемке, наблюдению. А после 24.00 не отходить от аппаратов.

На башне буддийского храма в эту ночь никто не спал. Но ничего, ровно ничего не произошло ночью. Просто шел дождь.

Альпинисты вернулись с горы «Трех монахов» лишь на четвертый день после ливня, усталые, голодные, без инструментов и фотографа, похороненных под снежным обвалом. Альпинист с черной повязкой на глазу рассказал:

— Сначала налетел сильный ветер, поднявший снежную метель. Палатку сорвало и унесло в пропасть. Человека сбивало с ног. Каждую минуту любой из нас мог оказаться на дне пропасти. Но и пережить бурю было рискованно. Без палатки и без движения можно было замерзнуть в течение нескольких часов. Несмотря на свистевший ветер, срывающий камни, мы начали спуск ползком по страховому линю от костыля до костыля, вбиваемых в откос горы. Когда мы миновали третьего «жандарма», начался снежный обвал.

Альпинист умолк, припоминая детали. Потом кивнул на одного из операторов.

— Только он остался на месте. От снежного груза, навалившегося на нас, лопнул линь, и мы покатались вниз вместе с лавиной снега.

Дальнейшие события альпинист не помнил. Когда снежная лавина миновала выступ и стих шум обвала, оператор поднял голову. Никого из спутников не было. На полметра от костыля линь был оборван. Но оператор избежал участи своих товарищей не потому, что держался за костыль и был выше всех (спускался последним), а потому, что падение основной лавины снежного обвала его не захватило. Спас каменный выступ третьего «жандарма».

— Больше двух часов, — вспоминал оператор, — я спускался по следу снежной лавины. Наше счастье, что на пути не оказалось пропасти. Сначала заметил второго оператора, вылезшего из-под снега. Потом остальных. Но фотографа и аппаратуру обнаружить не удалось.

— А дальше? — спросил адмирал альпиниста с повязкой.

— А дальше налетела гроза, ударил неописуемый ливень. Через десять минут начало все вокруг обледеневать, превращаться в каток. Хорошо, что мы уже были у подножья горы. Сутки пережидали ливень, укрывшись под каменным карнизом. Потом сутки шли, преодолевая горные потоки...

— Что же вы наблюдали перед грозой? — спросил адмирал.

Альпинист с повязкой обменялся взглядом с одним оператором, потом вопросительно посмотрел на адмирала, пожал плечами:

— Ничего особенного, кроме того, о чем сообщали по радию. Снежный буран помешал. Видимость была ноль. Потом гроза...

— А что означают эти бураны, грозы? — перебил адмирал раздраженно.

— Грозы, бураны, — недоуменно повторил альпинист, — буран, затем гроза... мы уже о них рассказывали... в общих чертах.

— Болван!.. в абсолютных чертах, — резко бросил адмирал и поднялся. Он круто повернулся и вышел.

ЗНАТОК РУССКОЙ ДУШИ

Когда Капустин в последний раз взглянул на часы и включил экран радиопередатчика, со станции Самгуни отправился поезд.

В одном из купе спального вагона прямого сообщения сидел в одиночестве словно выцветший на солнце блондин. Невидимые брови, зеленовато-мутные глаза, заостренная кверху, стриженная под полубокс, почти лишенная шеи голова и широко расходящиеся к ушам крупные скулы придавали его физиономии такой вид, как будто она была собрана из случайных, не подходивших одна к другой деталей.

Десять лет Фрэнк жил в Китае. Он хорошо овладел китайским и японским языками. Несколько лет Фрэнк обитал в Маньчжурии, изучая быт и нравы потомков русских белогвардейцев. Теперь, как знаток русской души и русского быта, он приехал в Самгунь в качестве специального корреспондента «Воскресного журнала» для описания с натуры русской свадьбы. Однако Фрэнк интересовался больше не свадебными церемониями. Его тянуло к отрогам Базальтового перевала, поближе к тем местам, где пахло добычей урановых руд.

Сейчас он ехал с билетом до станции Горячие ключи, но можно было с уверенностью сказать, что он сойдет на одной из промежуточных станций. На этом отделении железной дороги его уже знали почти все проводники классных вагонов. Он выходил на каждой станции, спрашивал цены на картофель, муку, масло, сметану, приценивался к курам, но покупал лишь стакан кедровых орехов или малины.

Поезд все больше и больше набирал скорость, чтобы легче преодолеть десятикилометровый подъем. Фрэнк Майкл Фостер, как звали корреспондента, позвонил в буфет вагон-ресторана и опустил раму окна. Через несколько минут послышался стук в дверь. Фрэнк приосанился, одернул борты костюма и сказал громко, с ударением на первом слоге:

— Вхóдите!..

В дверях показалась молодая черноглазая девушка в украинской блузке, белом переднике и белой косынке,

сбхватывающей сзади прическу темных волос. Не входя в купе, девушка спросила:

— Что угодно, гражданин?

Фрэнк расплылся в улыбке, обнажив ряд золотых зубов. Официантка повторила вопрос. Иностранец улыбнулся еще многозначительнее и сказал с расстановкой и свойственной таким людям развязностью:

— Мне нужен сам директор ресторан и... бутылка руски коньяк. На закуска добри зернисты икры, холожены осветровины и один ваза фрукт... с ваша выбора...

Девушка вышла, думая про себя: «Ну и фрукт»...

Директор вагон-ресторана, приземистый армянин, с непомерно крупным мясистым носом и бычьей лоснящейся шеей, ждать себя не заставил. Фрэнк пригласил его присесть к столику, достал из бокового кармана пачку дорогих папирос и протянул собеседнику, выговаривая с явно выраженным японским акцентом:

— Русски табака хороша, густо ароматично...

Закурив папиросу, пристально рассматривая сидящего напротив с гладкой, как яйцо, головой директора ресторана, Фрэнк заговорил неожиданно вкрадчивым голосом, стараясь придать дружелюбный тон беседе:

— Мы заграница, спечиаль корреспондент один афторитетна журнала. Приехал русски страна посмотреть колькозное богато...

Послышался легкий предупреждающий стук. В открывшейся двери показалась рука с подносом, уставленным яствами, затем и сама официантка. Молча поставив поднос, официантка привычными движениями разместила все на небольшом столике купе и так же, как вошла, не сказав ни слова, вышла. Фрэнк налил по рюмке коньяку и, пригласив кивком собеседника, сказал громко:

— За русски народа! Очэн карошо, оченно спокойно русски народа.

Чокнувшись, он не выпил, а выплеснул рюмку коньяку себе в рот. Положив на язык миниатюрный кусочек холодной осетрины, он бросил косой будто случайный взгляд на виднеющиеся вдали исполинские пики Базальтового перевала и начал, как он думал, «проникать в русскую душу».

— Богато страна. Горы высоко, прерий широко, моря много страшно глубоко... Эти гора, — указал он взглядом

на Базальтовый перевал, — кроме базаль, верно, много разных скопаемы богатство есть, дики горна народа?

— Ах, душа любезный, — начал директор с присущей его народу находчивостью, — какой там кеклик с архаром живет.

— О, это оченно интересна разговора. Мой спечиаал интереса посмотреть здешни места народна свадьба. Говорим, говорим, уважаемы, — я вас-а внимательна слушала... Хочет знайт я, какой сама лучиа свадьба?

— Где вина больше, душа любезный, там и лучше свадьба...

В это мгновение в открытом окне вагона раздался всепотрясающий рев промчавшихся над поездом реактивных самолетов. Фрэнк почти до половины высунулся в окно с фотоаппаратом в руке, бросал по сторонам нетерпеливые взгляды. Небо было чистым как бирюза. Тройка реактивных сигар была уже далеко. Фрэнк окинул взглядом небосвод, но ничего не заметил, откинулся на сиденье и потянулся к бутылке.

— Такой громко песней надо коньяки прибавлять.

Они выпили еще по рюмке, закусили икрой. Фрэнк умолк, досадуя на то, что не видел очертаний промчавшихся метеором самолетов. А директор сидел, наблюдая за иностранцем. Наконец Фрэнк сказал рассеянно:

— Велико досада, не видался. Наверно, крупны самолета. Далеко летайт может. Ведь ваша страна есть девиз: «Летайт высоко всех, далеко всех, быстро всех...»

— Они так и летают. Вы сами это видели.

— Хорошо, оченно хорошо слышала, но глубок огорчаю — не видался, поздно смотрела.

Пока Фрэнк пытался наладить течение разговора на тему о пролетевших самолетах, произошли новые события, захватившие внимание не только Фрэнка, его собеседника и всех, кто ехал в этом поезде, но и жителей десятков сел, расположенных в радиусе 80—100 километров.

Сначала донесся резкий треск, как будто одновременно открыли огонь тысячи автоматов. Потом раздался глухой гул, напоминавший раскаты далекого грома. Директор не успел глазом моргнуть, как Фрэнк снова был в окне, на этот раз высунувшись еще дальше. Его фотоаппарат, отсчитывавший кадры, оказался портативным «кинапом». Директор взглянул по направлению, куда

Фрэнк нацелил свой «кинап», и замер от удивления. Чуть левее по ходу поезда в ясной синеве неба курчавились белые барашки взрывов, напоминавшие своей формой не то белые грибы, не то глубокие перевернутые вверх дном тарелки. Барашки продержались два-три мгновения в виде тарелок, потом округлились в шары и выкинули из своего центра снопы огня во все стороны. Донесся далекий гул.

Фрэнк, растерянно тараща глаза, оглянулся на съездившегося директора и снова бросился к окну. Там, где курчавились вначале белые барашки, выросли синевато-серые яруса быстро расплывавшейся во все стороны тучи. Из коридора донесся голос начальника поезда:

— Спокойно, товарищи-пассажиры. Ничего особенного. Это производятся взрывы скал для строительства плотин нового каскада.

Директор, не открывая глаз, на ощупь вышел в коридор вагона, протер глаза и почти бегом бросился в вагон-ресторан. Фрэнк открыл пишущую машинку, торопливо застучал по клавишам, предвкушая крупный гонорар за эту необыкновенную сенсацию.

Глава IX

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Редактор «Воскресного журнала» Генри каждую субботу появлялся в кафе «Нью сервис», служившем редакционным буфетом коллектива.

Кафе помещалось в том же мрачном доме, нависшем над улицей, что и редакция.

Генри знал все. Он был важной фигурой, редактором влиятельного журнала. Свои обязанности редактора Генри исполнял своеобразно, на американский лад, за столиком кафе в окружении друзей или поклонников его «таланта». Занимался он этим только по субботам.

Сегодня Генри пришел в кафе раньше обычного. Пройдя в кабину-ложу около оркестра, зашторенную зелеными бархатными портьерами, редактор вставил ключ в замочную скважину высокого шкафа, маскировавшего дверь в его кабинет, который напоминал скорее сталактитовый грот, обставленный дорогой мягкой мебелью, чем рабочее помещение. Опустившись в кресло, Генри позвонил

секретарю, дав знать о своем приходе, и раскрыл ожидавшую его папку.

Он никогда не писал длинных резолюций и не правил материалы в оригиналах или гранках. Если ему нравилась статья, бойко написанный фельетон или репортаж, он ставил на углу гранок свой вензель переплетающихся инициалов или крупный крест. Этого было достаточно, чтобы материал или шел в очередной номер журнала или... в редакционную корзину.

Все материалы, кроме касающихся высокой политики, поступали в отделы, там готовились к набору и попадали в папку редактора. Три раза в месяц секретарь представлял ему баланс поступивших, набранных и напечатанных материалов по каждому отделу. Если Генри была завизирована половина подготовленных отделом материалов, то работа этого отдела считалась хорошей. Если с вензелем редактора оказывалось больше 60 процентов статей, то зарплата редактора отдела увеличивалась на столько же процентов. Но если таких материалов было меньше половины — соответственно снижалась и зарплата. Это была не столько бухгалтерия гонорарного бизнеса, сколько определение политических взглядов сотрудников редакции.

Сегодня был особый день. Первой в папке лежала отсиснутая на цветном бланке с грифом «Сенсация» телеграмма от специального заграничного корреспондента. Генри отложил сигару и начал читать:

«Сенсация, сенсация!!! Над нами — летающие тарелки!

Голубой экспресс проходил вблизи высокого горного кряжа скалистых гор, напоминающих хребты Кордильер. В семь часов по среднеевропейскому времени мы услышали нарастающий, способный лишить слуха, рокот реактивных двигателей.

Не успев осмыслить в чем дело, мы услышали новые звуки, напоминающие грохот встряхиваемых листов железа или стрельбу бесчисленного количества зенитных пулеметов. И сразу же раздался далекий гул, похожий на грозовые раскаты страшной силы.

Устроившись к окну, чтобы взглянуть на происходящее чудо, я был отброшен воздушной волной в глубину купе. Собрав все силы, цепляясь за разные предметы, я добрался снова до окна и, придерживаясь за оконную раму, нажал спуск своего «кинапа».

Вот что запечатлел мой аппарат на пленку.

Справа от поезда, за высоким горным перевалом, от земли на большую высоту прочертили воздух огненные хвосты. Над их окончанием в синеве безоблачного неба вспыхнули ярко-желтые шапки огня и остановились, неподвижно завихряясь курчавыми барашками белых облаков, напоминающих перевернутые глубокие тарелки.

Через несколько мгновений тарелки вспыхнули огнем, разбрасывая его, подобно взрыву большой мины во все стороны. Донесся гром, превосходящий гул больших землетрясений. Воздушной волной нас с соседом по купе свалило на пол. Застучали двери, закачался вагон, и под силой давления ветра поезд встал.

Причины и подробности читайте в следующем номере.

Фрэнк Фостер.

Дочитав сенсационную телеграмму, Генри поспешно снял трубку и набрал номер.

— Хэлло! Джон, сенсация — летающие тарелки!!! Немедленно ко мне!

Положив трубку, он открыл вечное перо и первый раз за этот год начал правку текста. Испещрив всю телеграмму редакторскими коррективами, он взял свой неизменный вишневый карандаш и надписал крупно поперек заголовка: «Срочно набрать и в десяти оттисках вернуть мне. — Генри».

Вложив гранку в патрон пневматической почты, он нажал кнопку. Раскурил потухшую сигару. Минуту посидев неподвижно, он вновь вооружился карандашом и все, что находилось в папке, не читая, пометил вензелем своих инициалов. Затем на листке блокнота набросал краткую записку: «Номер журнала должен выйти из печати не завтра, а сегодня к 9 часам вечера и двойным тиражом. — Генри».

Минут через десять на пороге появился Джон Гросс, компаньон Генри по издательским делам, и один из директоров фирмы «Пенициллин».

— Я готов слушать, Генри, — сказал Джон вместо приветствия. Они опустились на упругую подушку оббитого бархатом дивана. Генри посмотрел на «дядю Джона», как он его называл, наслаждаясь в душе сенсацией, ожидая повторения вопроса. Джон не любил медлить. Откинувшись на спинку дивана и положив ноги на бар-

хатное сиденье ближайшего кресла, он сказал нетерпеливо:

— Я слушаю, Генри, — и обернулся на стук прилетевшего из типографии патрона пневматической почты.

Редактор достал из патрона оттиски и один из них протянул Джону, наблюдая, какое произведет впечатление отредактированное им сообщение.

— Прекрасно, Генри! Это настоящий бизнес! Дать двойной тираж.

— Все учтено, Джон. И номер выйдет еще сегодня, — важно пояснил редактор.

— Где сейчас Фрэнк Фостер?

— В Самгуни, набирается впечатлений с натуры о сельских свадьбах.

— Хе, хе, хе!

— Ха, ха, ха!

— Постой, — спохватился Джон и ткнул пальцем в оттиск. — Тарелки над штатами, подпись Фрэнка, а он в Самгуни за 20 тысяч километров... Не понимаю?..

— Понимаешь, Джон, — отозвался Генри, — телеграмма Фрэнка напомнила мне историю с летающими тарелками, выдуманную херстовцами вскоре после войны 1941—1945 гг. Помнишь, какой фурор произвело тогда это сообщение.

— Прекрасно помню. Но тогда Херст оскандалился на весь мир с этой газетной уткой.

— Вот и прекрасно. Это-то меня и привлекло. Думаю, повторим еще раз — еще найдутся доверчивые простаки, поверят в то, что коммунисты хотят напасть на Соединенные Штаты... — Он задумался, попыхивая сигарой, потом проговорил с расстановкой: — Посмотри, что из этого родится. Не забывай, мой друг, простой истины: одна ложь остается ложью, в ложь, повторенную дважды, начинают верить, а ложь, повторяемая постоянно, становится похожей на правду.

Компаньоны по производству пенициллина и газетных уток встретились взглядами, улыбнулись. Похвалив сообразительность редактора еще раз, Джон посмотрел на оттиск телеграммы Фрэнка Фостера и сказал:

— Подлинник нужно послать им, — подразумевая под этим им своих шефов из «Си Ай Си» *.

* Американская контрразведка.

— Не беспокойтесь, Джон. Все депеши, поступающие из-за границы, они получают в копии и притом раньше нас.

— И даже интимные?— не без удивления спросил Джон.

— И даже личные письма Папы Римского нашему кардиналу Спэлману.

— Черт знает, что такое! Не может быть...

— А вот сейчас убедитесь. — Редактор взял трубку и набрал номер междугородной.

— Говорит Регби. Прошу «Си Ай Си»... Советника по печати... Хэлло! Господин Бридж? Вас беспокоит Генри по поводу сообщения Фрэнка Фостера... Подредактировать? Понятно, понятно. Будет сделано... Новости на Уоллстрите — любопытно?.. Ах, это та... авантюра, простите... Благодарю вас...

Положив трубку, Генри взглянул на «дядю Джона».

— Слыхал? И еще новости есть. Готовится фонд в полмиллиарда долларов на разные щепетильные дела в странах за «железным занавесом»...

Из зала кафе донеслись звуки джаза. Генри вызвал секретаршу и предупредил:

— Мы будем рядом в ложе. Поторопите печатников. Я жду сигнальные номера.

Потягивая прохладный коктейль, думая каждый о своем, Генри и Джон довольно улыбались. Джаз барабанил в таком темпе и с таким театрализованным оформлением, что нормальному человеку трудно было бы понять, что происходит на эстраде: или попури из танцев сумасшедшего дома или попросту драка. Редактор допил бокал и продолжал начатую мысль:

— «Печать — самое сильное оружие», говорят коммунисты. И они глубоко правы. Это поистине ни с чем несравнимое средство для психологического воздействия на массы. Посмотришь завтра, что сделает этот небольшой сенсационный репортаж Фрэнка. А напечатай его в том виде, как он передан, — эффект будет диаметрально противоположный, направленный только на то, чтобы поднять еще больше престиж Советского Союза.

В кафе загорелись лампы дневного света. Вечерело. Генри заказал ужин.

— Сэр! Пришли сигнальные экземпляры, — послышался голос секретарши из открытой двери...

Генри кивком головы подозвал секретаршу, бегло просмотрел разверстанную на всю первую страницу под крикливым двойным заголовком корреспонденцию Фрэнка и написал через всю обложку цветным карандашом: «Генри».

— Направьте выпускающему.

Девушка удалилась. Начались снова разговоры о бизнесе, лихорадочная какофония джаза, громкий хохот посетителей в зале. Генри рассеянно слушал собеседника. Прошло около часа. Генри уловил доносящиеся с улицы голоса продавцов газет. В распахнувшейся двери кафе появился мальчик с большой пачкой журналов. Лавируя между танцующими парами, он подошел к ложе редактора, подал молча два экземпляра журнала и, обернувшись к залу, крикнул:

— Экстренный выпуск! Адские машины над Штатами!

Трудно передать начавшуюся суматоху. Все устремились за журналом. Задвигались стулья, зал наполнился беспорядочным говором, выкриками. Джаз умолк, не окончив танго. Генри кивнул маэстро и бросил на эстраду номер журнала. Маэстро ловко подхватил журнал, перевернул обложку и крикнул в зал:

— Внимание! Внимание! Адские машины над Штатами!!!

Он обвел предупреждающим взглядом зал и начал читать сообщение:

«Голубой трансконтинентальный экспресс проходил вблизи скалистых хребтов Кордильер. В 18 часов по нью-йоркскому времени в открытые окна вагона донесся нарастающий грохот реактивных двигателей. Все пассажиры бросились к окнам. И вот что они увидели: впереди по ходу поезда, прячась в курчавых барашках облаков, летели непонятные, управляемые по радио адские атомные машины, напоминающие перевернутые вверх дном глубокие тарелки. Через несколько минут с земли дали залп по тарелкам наши высотные батареи. Навстречу летающим тарелкам понеслись с воем снаряды; оставляя после себя огненные хвосты. Вскочив на стол, я нажал кнопку своего «кинапа» и снял все последующие события на пленку.

Вот что запечатлел мой аппарат. Когда снаряды достигли белых барашков, являющихся искусной маскировкой адских машин, вспыхнули взрывы, разбрасывая баг

ровое пламя во все стороны. Донесся грохот грома, превосходящий гул землетрясений. Воздушной волной выбило окна, закачались вагоны, и поезд встал, задержанный ураганным вихрем. Так адские машины большевиков были расстреляны нашей артиллерией. Нападение не удалось, но может повториться с еще большим коварством.

Фрэнк Фостер».

От редакции: — Подробности читайте в очередном выпуске

Генри и Джон покинули кафе.

Народ, высыпавший на улицы, остановил движение. Всюду крики, шум, истерические голоса родственников тех, кто ехал голубым экспрессом.

Генри самодовольно улыбался.

Глава X

В ЗЕЛЕНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Дачный пригород Самгуни. Широкая асфальтированная улица с ровными рядами стройных, как свечи, пихт, елей, ширококронных сосен скорее похожа на большой городской бульвар. Вдоль тротуаров, приподнятых и отделенных от полотна улицы высокой каменной бровкой, идет непрерывный забор однотипного штакетника. В каждом квартале пять домиков-дач, расположенных в глубине квартала, отделенных от улицы густой зеленью палисадников. Весной, когда цветет черемуха, вся улица покрывается сплошным белым кружевом. Воздух наполняется пьянящим ароматом.

Этот поселок возник недавно. В годы войны на этом месте стоял густой хвойный лес. Леса и сейчас подступают вплотную к домикам-дачам. Многие переулки, разделяющие кварталы, упираются в густой сосновый бор, а дальше идут кедровые леса, где горожане собирают летом бруснику, а осенью кедровые шишки. О близости тайги напоминают названия многих переулков: Кедровый, Пихтовый, Брусничный, Мачтовый бор, Глубокий лог и тому подобное.

В конце Зеленого переулка, ведущего к Пади трех ключей, стояла богатая двухэтажная дача, обнесенная высоким тесовым забором. Позади дачи густой ельник, скрывающий начало обрывистого ущелья, тропинка по

дну и осыпям которого выводит к реке Самгунь. На даче почти никто не жил. Лишь наступившим летом жители Зеленого переулка стали замечать перемены, происходившие на даче. Сначала появилась злая овчарка, предупреждавшая владельцев дачи громким лаем о приближении посторонних. Потом в окнах второго этажа опустились плотные портьеры. Особенно привлекали внимание соседей ночные визиты легковых машин к дому над обрывом. Но не только машины посещали дачу.

Однажды, когда солнце скрылось за бором и надвинулись сумерки, на тропинке оврага появился человек. Он шел осторожно, поминутно останавливался, прислушиваясь к шорохам ельника. Выбравшись из оврага, он внимательно огляделся по сторонам и, пригнувшись, прошел несколько шагов в сторону от тропинки. Разгреб под большой елью хвою и что-то взял в руку. В то же время на даче раздались три коротких звонка. Незнакомец положил взятый предмет на место, тщательно заровнял над ним хвою.

Минуты через две калитка открылась. Согнувшаяся старуха посмотрела направо, налево и, вынув носовой платок, трижды громко чихнула.

Незнакомец направился к даче и неслышно скрылся за калиткой.

Прошло несколько минут. Вдоль улицы поселка скользнул яркий свет фар. У дачи остановилась легковая машина. Из нее вышли двое. Вскоре во всех окнах опустились плотные шторы. Машина развернулась и ушла в направлении города.

Один из приехавших был хозяин дачи — кандидат наук Эмиль Фирсун — известный нам шпион «Брюнет-прима». Войдя в гостиную, он спросил у сидевшей за рукодельем старушки:

— Пришел?

Старуха молча кивнула головой и указала глазами на дверь с тяжелыми бархатными портьерами.

— Мы будем в кабинете. Пригласите.

Хозяин жестом руки указал своему спутнику на противоположную дверь и, пропустив его, закрыл дверь плотнее. Как только закрылась дверь, незнакомец покровительственно хлопнул хозяина по плечу со словами:

— Неплохо устроились... укромный уголок. Вокруг лес — великолепная маскировка. Удобные подступы.

— Ваша речь, господин профессор, выдает офицерскую принадлежность, — заискивающим тоном заметил хозяин.

— Для вас я только ученый... запомните это...

Тон, каким были произнесены эти слова, заставил хозяина дачи поежиться.

Эмиль Фирсун не чувствовал особого угрызения совести, когда выполнял за приличное вознаграждение некоторые поручения Пауля. Но теперь, когда его дача оказалась резидентурой разведки, он частенько испытывал приступ страха. Ему вдруг начинало казаться, что за дачей наблюдают. Он слышал, как стучит сердце, но не мог ни вымолвить слова, ни сдвинуться с места.

В раскрывшейся двери показался незнакомец, который пробирался к даче по тропинке оврага. Переступив порог, он по-военному вытянулся. Теперь его можно было рассмотреть как следует. Перед ними предстал Пауль Митчелл — «Турист».

— Докладывайте кратко, — предложил профессор.

— Именно кратко. Все сказано в этом документе.

Профессор взглянул на растерявшегося владельца дачи и процедил сквозь губы:

— Оставьте нас наедине...

Эмиль Фирсун не помнил, как очутился в другой комнате. Он устало опустился на стул, обхватил голову руками и произнес тоном обреченного: «Пропал... Погибло все...»

Принимая протянутый листок бумаги, профессор привычным движением левой руки надел роговые очки. Он дважды прочел текст и вопросительно взглянул на собеседника.

— А где подлинник? Почему только выдержка из документа?

— Подлинник представляет из себя сильно забитый лист копировальной бумаги. Его сейчас расшифровывают, но надежды на большие подробности никакой. Все, что удалось разобрать, занесено на этой фотограмме.

— Значит, это все?..

— Полагаю, господин профессор, что для такого опытного разведчика, как вы, вполне достаточно и этого.

Профессор, польщенный комплиментом, еще раз прочел текст фотограммы, потом повторил его вслух: «... в радиусе 400 километров между побережьем и городом

Б... с 15 по 20 июня закрыть движение гужевого, автомобильного транспорта и пешеходов. С ноль часов 20 июня прекратить на 10 часов в зоне полеты авиации и движение поездов. Установить в зоне военный карантин на все дни и для всех лиц, не имеющих наших специальных пропусков. Персонал охраны сформировать из офицерского состава в соответствии с прилагаемой инструк...»

— Так, так, — чуть слышно произнес профессор, нервно барабанил о сукно стола холеными пальцами. Медленно поднялся, прошел молча от стола до двери, заложив руки за спину и вернувшись к столу, остановил испытующий взгляд на Пауле. — Сегодня 11 июня. До закрытия зоны немногим больше трех суток.

— Жду приказаний, — сказал, щелкнув каблуками, разведчик.

— Ваше мнение, коллега?

— Один из опытных разведчиков должен быть доставлен к утру на аэродром «Порт-Аттик». А завтра в ночь его перебросят на истребителе через границу в зону испытаний. Связь — рация 557.

— Мало, капитан, мало... Это должно быть смелой разведкой, диверсией, но без шума. Секрет испытаний вместе с языком, который владеет этим секретом, должен быть в наших руках. Именно без шума. А одному человеку эта операция, полагаю, не под силу.

Он подошел к висевшей на стене карте Азии и, очеркивая взмахами руки прибрежные уступы моря, продолжал:

— Видите, озера, тростники. Вот здесь, в районе зарослей и островов, и надо провести операцию.

«Турист» понял намек шефа. Встретившись с ним взглядом, он почтительно склонил голову и кратко изложил свой план.

— Изучение местности, смелая операция по изъятию «языка», доставке его в условленное место, и секрет перестает быть секретом....

— Только не горячитесь. Помощника вы встретите в кабинете инспектора аэропорта «Аттик». Пауль, слушайте внимательно.

Пауль подошел к карте, а профессор, взяв со стола фотокопию полученного документа, начал излагать план операции.

«Турист» слушал молча.

Изложив задачу, профессор поднялся.

— Итак, цель ясна. Теперь кое-какие напутствия. На канале «Зюйд» под пешеходным мостом будет ждать Януш Карл. Пароль — «Голубая вода». В супергондоле опуститесь вниз по течению до развалин крепости, помеченной на карте знаком ЗЕТ. Здесь затопите супергондолу. Определите ориентиры и постарайтесь пробраться в район города Б. В остальном полагаюсь на вашу смелость и находчивость. А дальше. В обществе сына профессора Кремлева с его секретом в кармане спуститесь в гондоле по течению в море. Плыть без внутреннего освещения.

— В море вас встретит подводная лодка. Ее опознавательный знак — двойной сигнал треугольником синего, красного и зеленого света на перископе. На него вы ответите дважды включением внутреннего красного света. Все ли вам понятно?

— Да, господин профессор!..

— Попутно еще попрошу захватить кое-какие необременительные посылочки и их содержимое... рассеивать из окна вагона, если не будет свидетелей или... выбор путей оставляю за вами.

Он взял со стола привезенные им три картонные коробки разного цвета и пояснил:

— Когда поезд пройдет станцию Дальняя, откройте вот эту серую коробку. В ней 50 ампул. Каждая ампула герметически закрыта. Содержимое вас не должно интересовать. В пробках ампул есть с полсантиметра величиной фитилек. Подождешь зажигалкой — и за окно. Так одну за одной кидайте подальше от вагона на растительность, кусты или посевы — все равно.

— Позвольте...

— Слушайте, когда говорят старшие, — повысил голос профессор.

— После отхода поезда от города Н. возьмете красную коробку. Способ обращения тот же самый. А как переедете мост через реку А., сразу после тоннеля покончите с содержимым синей коробки.

— Позвольте, господин профессор... А... а что в ампулах?

— Пустяки... Бациллоносители сонного паралича...

— А я думал, — широко улыбнулся разведчик, — чумные блохи или... атомные фауст-ампулы.

Опытный глаз профессора заметил искусно скрываемое волнение разведчика, опасющегося за свою жизнь. Он покровительственно похлопал Пауля по плечу.

— Ничего, ничего! Иногда и рисковать можно. Зато как платят хозяева! За каждый очаг вспыхнувшей эпидемии — чек на крупную сумму. — Он пристально посмотрел на своего подручного и поднял палец. — Сотни миллионов долларов расходятся на эти дела!!! Наши акции поднимаются, Пауль...

— Да, но разведчик и — вредитель...

— Э-хе-хе-хе!.. Так вон оно что. Вас мораль разведчика беспокоит. А какая разница — похитил чертежи нового оружия, взорвал секретный завод, заразил чумой птицеферму, подсыпал яд в бокал противнику или просто пустил в него пулю — какая между этим разница? Никакой! В борьбе за свое существование все средства хороши. А нам еще и платят.

Он взвесил на руке картонные коробки, как бы определяя, сколько долларов он получит за эту людоедскую работу. Затем испытующе взглянул на расплывшегося в улыбке собеседника и добавил с улыбкой:

— Разве уютная дачка на берегу Женевского озера не стоит этих поручений и чина майора, — добавил он после паузы. «Турист» пытался что-то сказать или возразить, но профессор опередил его:

— Знаю, знаю, понимаю вас. А за старое получите. Вот это будет выплачено вам в любом банке по вашему выбору. — Он протянул ему предъавительский чек на пять тысяч долларов...

Глава XI

НАКАНУНЕ ИСПЫТАНИЙ „СИД-Г“

Владимир Петрович посмотрел на компас, положил его на стол рядом с ручными часами и включил приемник. Донеслась знакомая мелодия позывных Москвы.

Открыв журнал наблюдений, Владимир Петрович сделал первую запись «19 июня 19... года. В 19 часов багряный закат солнца. В играющих маревах ложные отражения дальних окрестностей поминутно меняющих формы своих очертаний. Температура плюс 40 градусов. Легкое движение раскаленного воздуха юго-западной четверти...»

Закрыв журнал и положив в карман планшета компас, он погрузился в раздумье. Стояла гнетущая тишина: не слышно крика петухов, лая собак, точно все живое вымерло. И люди передвигались как-то осторожно, крадучись — так была угнетающая эта нестерпимая жара, не спадающая ни днем ни ночью вот уже второй месяц. Глубоко вздохнув, охваченный размышлениями Владимир Петрович сказал про себя:

— «Да-а, засуха несет неурожай... Попробуем завтра прогнать этот зной...»

За стенкой палатки послышался ласковый женский голос:

— Владимир Петрович, чай пить будете?

— Спасибо, с удовольствием!

Перед палаткой, поднимая тучи пыли, с шумом развернулся вынырнувший точно из-под земли райкомовский вездеход. Секретарь райкома партии Василий Ефимович шепнул что-то шоферу и с армейской ловкостью выпрыгнул из машины.

Он подошел к палатке, заметил кипящий самовар и открытую банку консервов, догадался, что Владимир Петрович еще не обедал.

— Здравствуйте, Матрена Лукинишна! — обратился он к женщине. — Ваш подопечный, как я вижу, еще не отдыхал.

— Добрый вечер, Василий Ефимович. Заходите в горницу. Профессор с утра на ногах. Встречал восход, теперь провожал закат солнца. Все что-то свои инструменты разглядывает, на солнышко смотрит да записывает. Заходите, чашку чаю выкушайте с дороги. Никак отмахали, поди, сегодня сотни три километров.

— Духота нестерпимая, — сказал Владимир Петрович, появляясь в дверях палатки, — а вы все на своем «горьковском рысак» по степи кружитесь. Пыль подымаете.

— Владимир Петрович, — укоризненно произнес Василий Ефимович, — мы с Колей спешили доставить вам к ужину зеркальных карпов, а вы, даже еще не отведав ухи, осуждаете самый замысел о ней.

— Да что вы, Василий Ефимович, я же шучу. Ну как гам в зоне, все готово?

— Все в порядке, профессор. Сейчас начальник охраны проверит посты ограждения, проинструктирует ох-

рану и подъедет, доложит. — Он посмотрел из-под руки в степь и добавил: — А вон он пылит.

— Подождем... Да, пока не забыл, Василий Ефимович, почему вы так возвеличиваете мою персону. Только и слышишь «профессор, профессор...» Какой же я, помилуйте, профессор? Ну, инженер, ну, кандидат наук, но это же далеко еще не профессорские атрибуты.

— Раз народ называет, Владимир Петрович, профессором, надо прислушиваться. Народ далеко вперед видит, — отшучивался секретарь райкома.

Еще один газик-вездеход заворчал вблизи и стремительно подкатил к палаткам. Начальник охраны, козырнув по привычке, доложил:

— В зоне без происшествий, Владимир Петрович. Охрана на местах. Укрытия надежны.

— Тогда идемте чаевать. В двадцать два часа нужно быть у аппаратов. Предупредили, чтобы ваши люди не курили с 22 часов до сигнала ракеты?

— Да, самым категорическим образом.

— Ну, заходите. Да, Василий Ефимович, а шоферы-то ваши не с пустыми желудками ездят весь день?

— Пожалуй, да. Сейчас хозяйку попросим рыбу обжарить.

— Не успеет. Времени не хватит, а нам еще с часок вздремнуть нужно.

— Шоферы помогут. Не знаю, как у начальника УВД, а мой шофер неплохой кулинар по части дичи и рыбы.

— Мой тоже кое-что умеет — неисправимый охотник.

— Коля! — крикнул Василий Ефимович. — Забирай рыбу, готовьте ужин, только учтите, в вашем распоряжении не более двух часов.

— Это мы разом сообразим! — ответил весело шофер.

Начальник охраны достал из газика канистру с водой и начал поливать на руки Василия Ефимовича. Потом снял гимнастерку и подставил под холодную струю запяленную голову. Женщина подала длинное с узорами полотенце и спросила:

— Может, здесь, а не в палатке собрать ужин.

— Пожалуй, так лучше будет, хозяйюшка, — согласился Владимир Петрович, — как-никак на воздухе, хотя и далеко не на свежем.

Женщина постелила кошму, поставила на нее самовар, чашки, консервы, вареные яйца, сыр, нарезала хле-

ба. Шоферы пришли с рыбой и расположились у большого плоского камня. Через минуту из-под их рук, в свете электрической лампочки, полетели в разные стороны блестящие брызги чешуи.

Когда закипел котел, послышался рокот мотоцикла.

— Это мои, — сказал начальник охраны и пошел навстречу.

Мотоцикл пофыркал и смолк. Потом заскрипел песок. Подошел начальник охраны.

— Получена ориентировка, — сказал он, — пограничники задержали неизвестного при довольно подозрительных обстоятельствах. Приплыл по реке в специальной гондоле, под прикрытием камышей намеревался высадиться. При задержании оказал вооруженное сопротивление. По-видимому, не один. Никаких документов. Назвался Карлом Янушем.

— Задержали?

— Да, без жертв...

— Вот и хорошо. Пограничники разберутся.

Поужинав, Владимир Петрович и Василий Ефимович прилегли здесь же на кошке отдохнуть. Подполковник уехал в зону. Шофер секретаря райкома устроился на заднем сиденье газика.

Минут через десять утих говор. Послышалось ровное дыхание спавших людей.

Глава XII

ПОД КУПОЛОМ ГОНДОЛЫ

Антон Савельевич возвратился из долины Архаров во втором часу дня в приподнятом настроении. Он был доволен не только успешным завершением испытаний, но и хорошей оценкой самолетов-снарядов представителем министерства. В квартире были всюду свежие букеты цветов. Разносился вкусный запах печеного. Споряну пошел на кухню. Лукерья Ильинична вынимала в этот момент пирог из духовки.

— Недаром вкусным пахнет... Догадываюсь, по какому поводу. Поздравляю с днем рождения.

— А ты думал мать забыла, что ей исполнилось сегодня 60 лет. Нет, сынок, не забыла. Ой, да ты не так усердно обнимай... Приглашай гостей на именины.

— Хорошо, мамочка. Сейчас еду на совещание к начальнику ЦАВИ. Часа через два принимайте гостей.

После официальных разговоров Прозоров пригласил всех участников совещания в комнату отдыха. Во время начавшейся беседы зазвонил телефон. Споряну взял трубку.

— Я вас слушаю...

— ..

Встретившись взглядом с Галаджи, Споряну утвердительно кивнул головой, ответив в микрофон:

— Передаю трубку...

Галаджи поздоровался с кем-то, не назвав имени, и стал слушать, нетерпеливо повторяя: Так, так!.. Дальше!.. Короче!.. — Потом улыбнулся еле заметно одними уголками губ. — Хорошо, молодцы!.. Нет, сегодня, через час-полтора. — Положив трубку, он подсел к наблюдавшему все время за ним Дмитрию Дмитриевичу и поделился новостью: Сосед сообщает для сведения. В районе, где должен проводить испытания Владимир Петрович, задержан неизвестный. Пробирался со стороны моря. Арестован при выходе из гондолы. Видимо, приплыл издалека. Надо полагать, с «деликатным» заданием...

Сидевший рядом профессор вопросительно взглянул на Галаджи, намереваясь спросить, обнаружен или нет баллон с образцами краткогаза, похищенный из склада лаборатории, но счел разговор об этом неуместным. Затем, бросив короткий взгляд в сторону Прозорова, обратился к Галаджи:

— А как в самой зоне? Какие вести от Володи?

— В зоне все в порядке, Петр Кузьмич. Погода благоприятствует наблюдению. Испытания начнутся вовремя.

Галаджи сказал это подчеркнуто спокойно, но Дмитрий Дмитриевич по еле заметным ноткам возбуждения и блеску глаз генерала догадался, что Галаджи сказал не все и что в зоне не так уж благополучно. Волнение генерала заметил и Юрий Капустин. Дмитрий Дмитриевич переглянулся с Галаджи и кивком головы подозвал к себе. Генерал понял его вопросительный взгляд и сказал тихо:

— В гондоле было двое. Пограничники ищут второго. От места высадки до площадки испытаний двое суток

ходьбы. Доступ в зону закрыт. Для беспокойства нет оснований.

Сидевший рядом с Дмитрием Дмитриевичем на диване представитель ВВС уловил отрывки фраз генерала и начал намеренно громко рассказывать профессору последние новости о летающих тарелках над Америкой. Дмитрий Дмитриевич пересел поближе к профессору и вступил в разговор:

— Да, да, Петр Кузьмич, любопытно услышать ваше мнение. Газетное описание летающих тарелок имеет что-то общее с теми небесными пейзажами, которые воспроизводите вы.

Петр Кузьмич откинулся на спинку дивана, разделил бороду на две пряди, как бы собираясь с мыслями, и ответил с расстановкой:

— Очень метко сказал об этом на заседании Парижской Академии медицины профессор медицинского факультета доктор Жорж Эйре.

— А именно? — любопытствовал летчик Капустин. — Я что-то не заметил этого в печати.

— Об этом упоминалось в журнале «В защиту мира», в номере 43. Доктор Эйре сказал (профессор достал памятную книжку и процитировал): «...Случай массового психоза наблюдался в 1000 году, когда верующие ожидали конца мира... В настоящее время мы являемся свидетелями другого коллективного психоза. Причины его распространения неизвестны; возможно, что он вызван галлюцинацией или является результатом заблуждения. Благодаря современным средствам пропаганды, печати и радио, психоз этот получил массовое распространение и перекидывается ныне из страны в страну, с континента на континент, рождая самые чудовищные и нелепые слухи и «свидетельства очевидцев»...

Профессор закрыл памятную книжку.

— Так отзывается видный французский ученый о грязной стряпне врагов мира. Летающие тарелки — одна из разновидностей коллективного психоза. Это просто очередная газетная утка. Далеко нацеленный шантаж... Наша авиация не производила, насколько нам известно, полетов и не собирается пока этого демонстрировать над Соединенными Штатами. Для испытаний различных технических новинок у матушки-России хватит своих просторов.

Генерал Галаджи, стараясь не выдавать себя, украдкой посмотрел на часы. Профессор заметил это и протестовал.

— Нет, нет! Оставьте и думы об этом — никуда не уйдете.

— Я не собираюсь, Петр Кузьмич, — отшучивался Галаджи, переглядываясь с Дмитрием Дмитриевичем, рассчитывая на его поддержку.

Но Дмитрий Дмитриевич отрицательно покачал головой, дескать, там за тысячи километров от Самгуни в районе зоны испытаний станции «СИД-1» и без тебя, генерал, справятся.

Галаджи понял это и, вздохнув, достал папиросу.

* * *

А в зоне, где Владимир Петрович готовился начать испытание, произошло вот что:

Начальник пограничной заставы — капитан обходил дозоры. Он знал хорошо каждый мыс, каждый кустик камышей на своем участке. О нем говорили в отряде, что он узнавал бойцов заставы не только по походке, но и по отпечаткам сапог на песке.

Пробираясь осторожно от дозора к дозору по узкой тропинке, вьющейся берегом реки между кустарниками и камышами, капитан то и дело прислушивался к шорохам, которые умел читать так же, как и следы своих солдат. Вдруг ему показалось, что в полосе солнечного света, пересекающей зеркальную гладь реки, что-то блеснуло. Он застыл на месте, раздвинул чуть-чуть перед глазами покрывавший голову и плечи зеленый травяной капюшон, и стал наблюдать. Минуты через две ему показалось, что несколько ниже по течению снова что-то блеснуло.

Капитан вскинул бинокль. Теперь он хорошо видел, что блестит предмет, показывающийся время от времени на поверхности. Смутное беспокойство овладело капитаном. «Что-то не так», — подумал он. Как бы в подтверждение его догадки, странный предмет вдруг начал перемещаться наперерез течению, приближаясь к берегу, заросшему высоким камышом. Капитан, не упуская его из вида, короткими перебежками добрался до секрета и,

поручив наблюдение часовому, связался по телефону с дежурным по отряду.

Пока он говорил с дежурным, странный предмет приблизился к камышам и скрылся за их высокой стеной. Капитан перебежал к следующему секрету, поближе к камышам. Ему слышались приглушенные голоса и легкие всплески воды, но из-за густых камышей ничего не было видно. В камышах закричали утки, перекликаясь друг с другом. «Значит, людей нет», — отметил про себя капитан. Часовой осторожно прикоснулся к его плечу и шепнул:

— Вон, ниже камышей... поплыли дальше.

Напрягая зрение, капитан отыскал плывущий предмет и стал следить за ним, не спуская глаз. За поворотом плеса показался катер. Отдав короткое приказание, капитан неслышно сбежал к реке, поджидая приближения катера. Вскочив на катер, он занял место у штурвала. Юркое суденышко рванулось вперед и, обогнув камыши, пошло на сближение с чуть заметным на фоне заката предметом.

— Включить прожектор? — спросил вполголоса старшина.

— Не смей! — отрезал капитан и расстегнул висевшую сбоку кобуру пистолета. В тот же момент, как бы в ответ, у всех бойцов согласованно щелкнули затворы автоматов.

Катер сбавил ход. Капитан шел на сближение с плывущим предметом.

— Смотрите, под водой свет, — слышался чей-то приглушенный голос, — это подводная лодка.

— Т-с-с! — предупредил капитан, не отрывая глаз от загадочного предмета.

Метрах в пяти-десяти от них под водой плыл огромный застекленный купол. Под ним сидел, чуть сгорбившись, человек, он прильнул глазами к окулярам перископа, обращенного в сторону берега, и нажимал ногами поочередно педали горизонтальных рулей, точно ехал под водой на велосипеде. Внутренность купола освещалась маленькой электрической лампочкой, прикрытой сверху темным колпачком. Когда стемнело больше, человек придвинул к себе металлическую трубку и начал методически повторять одни и те же движения, как будто накачивал насосом автомобильную камеру.

Через минуту на поверхности воды забурили воздушные пузырьки, и стеклянный купол всплыл почти до половины. Сидевший в нем человек не отрывал взгляда от берега. Чуть покачиваясь, купол плыл все ближе к камышам и вошел в узкий коридор прибрежных зарослей.

Когда купол приближался к берегу, а группа автоматчиков поджидала подводного «путешественника» на берегу, второй шпион, покинувший гондолу раньше и о существовании которого капитан пока не догадывался, искусно замаскировавшись в зарослях, ждал часа, чтобы под покровом ночи проникнуть в зону:

Глава XIII В ГОРОДЕ КРАСНОГО КАМНЯ

В Кзыл-Кентабад (город Красного Камня) майор Ярусов добрался лишь под вечер в среду. Слишком долго, во-первых, длилась процедура проверки документов на пограничных заставах. Потом, почти пять часов петляя по горным лабиринтам, взбирался под самые облака двадцатипятиместный автобус. Еще задолго до спуска в Кентабадскую долину Ярусов почувствовал себя усталым от длительного горного пути, резких перемен в высоте и непрерывной качки.

Заняв номер в туристской гостинице «Кентабад», Ярусов в полусонном состоянии принял ванну и повалился в кровать. Проснулся он бодрым, в хорошем расположении духа, довольный тем, что генерал Галаджи вновь поручил ему навестить «Лесную Каравеллу». Да и цель поездки была более интересной, чем в прошлый раз. «С чем придется столкнуться на этот раз, — думал Ярусов, — куда приведут опасные пути разведчика?»

«Ничего... Главное встретить Энрике Томмаха, — думал Ярусов. — Он поможет найти, к кому ведут эти следы из Самгуньской долины и почему они идут к «Лесной Каравелле». Не забыл ли Энрике условие: «На закате солнца у водопада».

Ярусову было известно, что цитрусовод Таберидзе в свое время был связан с «Лесной Каравеллой». Теперь предстояло установить связных между бароном фон Бретт, «Брюнетом-прима» и «Туристом». Клички эти уже

были известны разведке. Энрике Томмах — радист резидента фон Бретт, должен был помочь Ярусову распутать запутанный клубок явок и связей, установить, кто скрывается под кличками «Брюнет-прима» и «Турист».

Проснувшись, Ярусов невольно начал прислушиваться к шумам отеля. За стеной ходили, смеялись, что-то говорили. Шаги то удалялись, то приближались. Временами через ровные промежутки раздавались характерные щелчки дверцы подъемного лифта, и люлька уходила дальше к пятнадцатому этажу или опускалась вниз. Затем вновь приближалось гудение моторов лифта. Ярусов поймал себя на том, что считает, через сколько секунд оборачивается лифт, улыбнулся и, свесив с кровати ноги, стал нащупывать комнатные туфли. Накинув халат, он вышел на балкон полюбоваться просыпающимся городом. Потом вернулся, принял душ и решил подышать утренней свежестью залитого цветочными клумбами большого сквера-парка перед отелем.

Но идти в парк не пришлось. Зазвонил внутренний телефон.

— Алло! Да, триста десятый слушает... Да, я инженер Ярусов. Да, да! Пришлите, жду...

Бросив трубку, он нервно заходил по комнате, представляя содержание неожиданной бильдограммы: «Что могло случиться?..»

Через некоторое время загорелась красная лампочка над входной дверью и раздался сигнал. Сияясь скрыть волнение, Ярусов открыл дверь. Перед ним стояла полная женщина в форме почтового ведомства.

— Могу я видеть господина Ярусова?

— Я инженер Ярусов. Войдите, пожалуйста.

Женщина, словно не расслышала, продолжала стоять у двери, задавая вопросы:

— Осмелюсь спросить господина, разрешите документы, подтверждающие личность.

Ярусов подал паспорт. Посыльная телеграфа вошла в комнату. Положив на колени свой почтовый саквояж, она стала пристально рассматривать паспорт Ярусова. Ярусову казалось, что эти формальности длятся бесконечно долго. Затем она занесла номер паспорта в журнал и, протягивая скрепленный сургучной печатью конверт, попросила расписаться в журнале.

Проводив посылную, Ярусов нетерпеливо сорвал печать. В бильдограмме было несколько лишь ему хорошо понятных слов: «Поздравляем сыном, пьем здоровье Быстрова — Селивестр».

Ярусов набрал номер телефона и продиктовал безобидный текст ответной телеграммы. Потом поднял портьеру и распахнул окно. С высоты девятого этажа казалось, что большой южный город, окутанный туманом, плывет среди океана. Где-то далеко внизу перекликались автомобили или подавали свой пронзительный голос сирены троллейбусов. Город только просыпался.

«Пьем здоровье Быстрова. Это значит — испытания начнутся послезавтра», — вспомнив шифровку, подумал Ярусов.

До перевалов, отмеченных профессором на карте зеленым крестиком, за зоной которых должен попутно вести наблюдение Ярусов, было около 300 километров. Спуски да подъемы, а их на этом пути восемь, кроме того, — три опасных серпантина над пропастью. Перебирая все эти препятствия в уме, Ярусов медленно высчитывал, когда ему удастся достигнуть конечного пункта.

— Спешить, спешить нужно! — решил он.

Ярусов снова заходил по комнате, озадаченный неприятными догадками, повторяя вслух: «А что, если на перевале все еще нет радиосвязи... как узнать об этом и не привлечь к себе внимания?» Опустившись в кресло, он обхватил руками голову. «Установил ли рацию Энрике Томмах, как с ним связаться? А, может, барон фон Бретт увез его совсем в другое место?»

В такой позе, с запрокинутой назад головой и ничего не видящим взглядом, он просидел, как ему казалось, слишком долго. Однако это длилось лишь несколько минут. Затем он вскочил, поднял трубку телефона и, помедлив несколько мгновений, набрал номер:

— Алло! Дежурный буфет. Две порции заливной дичи, бутылку вермута и чай с лимоном.

— На сколько персон? — услышался женский голос.

— На сколько персон? — повторил рассеянно Ярусов и машинально почти крикнул в микрофон: — На двоих, на двоих! Кстати будем признательны еще за одну любезность. Нам нужен подробный туристский справочник, из которого можно узнать о маршрутах по достопримечательным местам вашей страны...

Положив руку на трубку телефона, он стал пристально вглядываться в далекие очертания синих горных громад, словно стараясь проникнуть в их тайну. Раздался певучий сигнал комнатной сирены. Ярусов принял непринужденный вид и открыл входную дверь.

Перед ним стояла улыбающаяся официантка в белоснежном переднике, напоминающая своим правильным профилем римлянку. Девушка молча поставила на стол поднос с завтраком. Заметив между приборами «Справочник туриста», Ярусов невнятно пробормотал какую-то любезность и сунул в руку девушки кредитный билет, равный ее месячному заработку. Девушка остановилась в нерешительности, смущенно подняв глаза.

— О, господин! Это слишком крупная сумма. У меня нет при себе сдачи.

Поймав лукавый взгляд южанки, Ярусов поспешил расставить ее ложные догадки.

— Пусть это будет в память о богатом туристе.

Проводив официантку до дверей, Ярусов, забыв о завтраке, начал поспешно перелистывать справочник. На одной из страниц он трижды перечитал вслух строчки рекламы. Закрыв книжку, он задумался:

«...Базальтовый перевал. Высота 4700. Меблированный отель «Лесная Каравелла». Лучшая кухня альпийской дичи. К услугам туристов горное солнце, горячие серные ванны, спортивная база, кино, радиотелеграф...»

— Прочь сомнения, — сказал громко Ярусов.

Теперь нужно было скорее в путь. Ему была дорога каждая минута. Стало совершенно ясно, что многое будет зависеть от машины и водителя. Ярусов набрал номер таксомоторного парка и дал заявку.

Через полчаса мощная легковая машина мчала его уже за городом по прямому асфальтированному шоссе.

Глава XIV

„ЛЕСНАЯ КАРАВЕЛЛА“

«Значит, снова в «Лесную Каравеллу», — думал Ярусов, мчась в легковой машине. — Сумел ли Энрике Томмах сохранить к себе доверие, узнать людей, работающих на резидента фон Бретт и остаться вне подозрений? Жаль юношу, если заподозрят его в двойных связях... Конец и моей карьере, а может, и жизни.

Ярусов обдумывал, как ему оградить юношу от опасности и в то же время воспользоваться его осведомленностью в делах шпионского гнезда, искусно свитого бароном фон Бретт в «Лесной Каравелле». Обстоятельства требовали: узнать всех людей, с кем связан барон, кто, кроме арестованных Кинга и Таберидзе, работает на разведцентр «ОСТ»? Кому, кроме адмирала Ландэ, служит барон фон Бретт?

Последнее было срочным заданием разведцентра «ОСТ», под предлогом которого Ярусов считал вне подозрений поездку в «Лесную Каравеллу» с заданием Галладжи.

Развив большую скорость, шофер будто слился с баранкой руля. Он не отрывал взгляда от полотна шоссе. И пассажир и водитель, казалось, не замечали друг друга.

Ярусов вначале никак не мог отделаться от ощущения возможного столкновения со встречной машиной или настигнутым на повороте фаэтоном, попадавшимися то и дело на пути. Но потом вспомнив, что в этой стране ездят, подражая американцам, по левой стороне, успокоился.

Занятый размышлениями о том, что побудило профессора перенести испытания на неделю раньше, он перебирал все возможные доводы и аргументы за и против, но ясного ответа найти не мог.

Через три часа машина заметно убавила скорость, начались петли спусков и горных подъемов.

На горном плато начались густые леса. Сначала встречался клен, дуб, платан, затем пошли массивы хвойных лесов: ель, пихта, сосна и тысячелетние кедры-великаны. Если спилить такой кедр, то на его пне свободно уместится легковая машина. По сравнению с этими гигантскими деревьями, сосны толщиной в обхват кажутся тоненькими прутиками.

В глубине горных дебрей шофер остановил машину, чтобы наполнить радиатор ключевой водой. Источник, бьющий из скалы с высоты 12 метров, выточил у подножья большого камня глубокую чашу, пополняемую водой источника зимой и летом, может быть, уже не одно столетие.

Кончилась живописная дубрава. До «Лесной Каравеллы» оставалось не более двух часов пути. Машина

вошла в узкое ущелье. Вершины отвесно поднимавшихся Базальтовых гор скрывались за пеленой седых облаков. «Чем не Дарьяльские теснины Кавказа», — подумал Ярусов. Лакированный голубой лимузин нырнул в тоннель. Через минуту-две машина вырвалась на простор горной долины. Еще несколько поворотов, и точно из-под земли вырос серый, похожий на гранитную глыбу, пятиэтажный дом. Здесь, за горами, уже были сумерки. На фасаде этого здания светились метровые неоновые буквы: «Отель «Лесная Каравелла».

После выполнения требуемых формальностей, портье проводил Ярусова в номер. Открыв дверь, он объявил многозначительно, с явной претензией на чаевые:

— Люкс в современном русском стиле!

В спальне стояли две никелированные кровати. Между ними огромная шкура белого медведя с искусственными фарфоровыми зубами и зелеными глазами из уральских самоцветов. На ванне, раковине умывальника — марка Лысьевского завода. Люстры, бра, графин — завода в Гусь-Хрустальном, ленинградский приемник «М-100». Ярусов включил его и, пройдя по шкале коротких и средних волн, отметил про себя: «Порядок».

Ярусов невольно стал обращать внимание на все, что его окружает. Мягкий диван, кресла, буфет, стулья и письменный стол оказались работы львовских краснодеревщиков. Вилки, ножи, дверные никелированные ручки — павловских металлостов. Ковры и дорожки с характерными туркменскими узорами.

Ярусов решил прогуляться, подышать вечерней прохладой. Не доходя до горячего источника, падающего с огромной высоты, он заметил Энрике Томмаха. Сначала оба сделали вид, что удивились встрече. Потом Энрике Томмах, спохватившись, спросил отрывисто:

— Какой номер?

Услышав ответ, он встал на педаль велосипеда и умчался под гору, не подав даже руки.

Вернувшись через полтора часа в номер, Ярусов обнаружил просунутую через замочную скважину записку. Прочитав ее, Ярусов достал блокнот и написал телеграмму генералу Галаджи, в которой сообщал: «Ветер дует из Тибета тчк Храм желтого дракона посетил снова адмирал вместе кривым бароном тчк Оба знают о проекте инженера Споряну — Ярусов».

Отправив радиogramму, Ярусов принял ванну и заказал на обед куропатку и бутылку сухого столового вина.

Однако есть не стал. Накрыв стол газетою, Ярусов пошел в ресторан. Среди завсегдатаев ресторана «Лесной Каравеллы» оказался кое-кто из людей, известных Ярусову не только по врученным ему Вересаевым фотокопиям, но и по их профессиям. Здесь собрались люди разных профессий и наций. Зал то и дело оглашался взрывами смеха, раздававшегося то за одним, то за другим столиком.

Не видя ничего заслуживающего внимания, Ярусов вышел из ресторана и решил осмотреть обстоятельнее «Лесную Каравеллу». В фойе он заметил большую рекламу, предлагающую вниманию туристов маршруты прогулок. Перечитывая крупные строки плаката, Ярусов задержал внимание на одной из них.

«Вид на окрестности, — проговорил он про себя. — Это, пожалуй, недурно для начала».

Он вошел в лифт и поехал вверх на террасу, находящуюся над крышей здания.

Здание туристского отеля «Лесная Каравелла» стояло на широком уступе горы. С юга перед зданием поднималась стена высоких гор, их склоны до самой вершины были покрыты лесом. Проплывающие по горной долине облака напоминали гигантский тент, опирающийся на вершины и медленно перемещавшийся с востока на запад. С северной стороны сразу за площадкой, примыкающей к подъездам отеля, начинался обрыв, спадающий на дно ущелья. За ущельем шло горное плато, всхолмленное небольшими возвышенностями, тоже покрытыми сплошной стеной девственных лесов. Вдали, где кончалось плато, вздымалась к облакам вторая гряда могучих горных кряжей. На глаз до этих гор было не более 40—60 километров, но когда Ярусов взглянул в дальномер своего фотоаппарата, то рельефное изображение наступило только после того, как он поставил усилитель камеры отражения на деление, равнозначное 175 километрам.

Гряда высоких горных кряжей до половины была покрыта лесами. Дальше шли альпийские луга, а еще выше лежали снега, окрашенные багрянцем заходящего солнца.

«Самая лучшая точка для наблюдений», — сказал

сам себе Ярусов и решил сделать несколько пробных снимков.

Вскоре потянул ветерок и на открытой террасе, на высоте почти четырех километров над уровнем моря, стало очень свежо. Ярусов вызвал лифт, чтобы вернуться вниз и проявить пробные снимки. В фойе первого этажа он обратился к швейцару:

— Скажите, пожалуйста, где у вас фотолаборатория?

— Нужно перейти в левый отсек. Там рядом с кинозалом фотоателье и при нем лаборатория.

Проявив пленку и закрыв ее в камеру воздушной сушки, Ярусов стал рассматривать коллекции групповых снимков, любовные виньетки развлекающихся туристов, увеличенные крупным планом открытки, фотоэтюды и пейзажи окрестностей. На одной из витрин фотоателье он заметил среди группы туристов очень знакомого офицера-иностранца. Он долго припоминал свои рискованные поездки с поручениями Галаджи, восстанавливая в памяти очертания, выражения лиц встречаемых им офицеров иностранных разведок, но не мог оживить в памяти сколько-нибудь напоминающего того, который стоял перед ним в надменной позе на фотографии.

— Знакомого встретили? — спросил его дежурный фотограф.

Напряженно работавшая мысль опытного офицера-контразведчика мгновенно подсказала решение.

— Да, да! — живо согласился Ярусов. — Тут два человека мне близко знакомы, даже больше чем знакомы. С одним я состою в родстве. Я бы очень хотел иметь этот снимок. Сколько он будет стоить?

— Сущие пустяки. Три доллара и через час у вас будет отличная копия.

— Почему доллара? — спросил Ярусов.

— Теперь тут все — и нефть и министры — продается за доллары...

— Значит, вы переснимете? — переспросил сомневавшийся еще в таком удачном обороте дела Ярусов.

— Нет, зачем переснимать. У нас есть и негативы. Я могу отпечатать нужное количество фотокопий.

Ярусов достал портмоне и протянул фотографу две бумажки пояснив:

— Сделайте, пожалуйста, три общих групповых отпечатка, поконтрастнее, а затем увеличьте вот этих двух мо-

лодых людей в военной форме и того в штатском, — он указал на опознающего им журналиста Юлиана.

— Сколько снимков сделать?

— Ну... по полдюжине хватит.

Фотограф направился в архив отыскивать негативы. Ярусов достал из камеры высохшую пленку, свернул в трубку и, спрятав в металлическую катушку, направился снова в общество шумной беспечной компании за столиками ресторана.

Глава XV

В ЗОНЕ СТАНЦИИ „СИД-1“

Когда Ярусов был на верхней террасе «Лесной Каравеллы», в зоне станции «СИД-1» наступила южная июньская ночь.

Шофер секретаря райкома Коля, утомившийся за день, дремал на заднем сидении газика, невольно прислушиваясь к редким однообразным звукам ночной степи. На земле и сохранившейся кое-где растительности нельзя было отыскать даже признаков росы. Сегодня, как и в прошедшие ночи, казалось, сама земля источает этот обессиливающий все живое расплавленный зной.

— П-и-и-т-ь!.. — чуть слышно донесся откуда-то крик ночной птицы и вновь все стихло.

В этой степи километрах в двадцати от палаток станции «СИД-1» Назар Гурджия встречал сегодня на колхозной ферме второе новолуние. Нужно было сохранить скот—богатство, золотой фонд колхоза—80 симментальских и 45 красностепных молочных коров. Животные надсадно дышали, тараща глаза. Но достаточно было скрипнуть шестернями колодезной лебедки, как все стадо с диким мычанием бросалось к каменным колодам. И в этом многоголосом «м-м-у-у-у!» слышалось тоже «в-о-ды-ы!»

Но воды в колодце было мало. Несколько раз колхозный животновод Назар Гурджия накачивал в колоды скупые порции влаги, поил животных, печально покачивая головой. Сейчас мычание утихло. Душная ночь легла на пески.

— Беда, — сказал Гурджия колхозному сторожу, который подошел к подвешенному на столбе куску рельса, чтобы отбить время.

Владимир Петрович не слышал этих десяти ударов о рельс. Но у него были часы. И когда сторож ударил в железо, инженер Кремлев взглянул на циферблат.

— Пора в зону. Надо проверить, как идут последние приготовления.

Вместе с Василием Ефимовичем и начальником охраны через несколько минут они проехали мимо постовых, оцепивших площадку. На ней стояло несколько укрытых брезентами машин, расположенных симметрично веером на 20 метров одна от другой. Плотный мужчина в запыленном комбинезоне обменялся несколькими словами с Владимиром Петровичем и сказал рядом стоящему лейтенанту:

— Снять чехлы, проверить углы подъема направляющих механизмов.

По цепочке, от машины к машине, экипажи повторили приказание. Владимир Петрович внимательно наблюдал за подъемом направляющих механизмов, перебрасываясь короткими фразами с экипажами реактивных аппаратов. Василий Ефимович с любопытством рассматривал конструкцию аппаратов передвижной станции искусственного дождевания «СИД-1». Они мало чем отличались от реактивных минометов — «Катюш», разве только углом расцеивания и более удлиненным направляющим механизмом.

— Если удадутся опыты, — мечтательно произнес Василий Ефимович, обращаясь к начальнику охраны, — какую силу получают хлеборобы в борьбе со стихией!

— Да-а, — отозвался тот. — Если удастся вызвать дождь из ясного неба, то это будет равнозначно революции в сельском хозяйстве.

— Не только в сельском хозяйстве, а в экономике всей страны. Все засушливые степи, все пустыни будут поставлены на службу народу, — сказал Владимир Петрович. — Ну, что же, Василий Ефимович, — добавил он, — пошли в блиндаж, посмотрим управление огнем...

Метрах в пятистах от площадки они опустились в траншею и вошли в блиндаж. Человек в пыльном комбинезоне, вошедший первым, повернул включатель. В блиндаже стало светло, как в салоне служебного вагона, в котором ехал в зону Владимир Петрович. Осмотревшись вокруг, как бы прикидывая в уме, выдержат ли толчок взрывной волны стойки блиндажа, подпирающие накат

бревен, Владимир Петрович присел на один из ящиков, заменивших стулья, закурил папиросу и взглянул на часы.

— До запуска остается полтора часа. Через полчаса проверьте, инженер, лично угол рассеивания каждой пары аппаратов и отправьте экипажи в укрытия. Задача следующая: запишите.

Инженер записал условия запуска снарядов-самолетов, угол рассеивания и потолок каждой серии залпов.

— Последняя пара аппаратов, — повторил еще раз Владимир Петрович, — должна послать снаряды ровно через 30 секунд после первой.

Он сделал глубокую затяжку, пустил под потолок блиндажа одно за другим несколько колец дыма, выжидая, пока инженер зоны закончит запись. Потом попросил повторить задачу и добавил:

— Вторая серия снарядов должна уйти в стратосферу через пять минут после первой. Третья — через 10 минут. Высота второй серии, как условились: четные — 15 тысяч, нечетные — 20 тысяч метров. Высота третьей — четные 17 тысяч, нечетные — 25 тысяч метров.

Владимир Петрович обернулся к стоящему рядом начальнику охраны, но заметив, что он беседует с Василием Ефимовичем, молча подошел к ним поближе. Василий Ефимович встретил его вопросом:

— Где вы, Владимир Петрович, намерены находиться в момент запуска снарядов?

— Как где? На наблюдательном пункте, — уклонился он от прямого ответа.

— Приказано быть не ближе 700 метров от площадки.

— Очень хорошо! А я облюбовал холмик в километре от площадки. Когда долетит до нас грохот взрыва и достигнет воздушная волна, снаряды уже будут в заоблачных далях, а фотометры успеют зафиксировать исходное положение и момент взрыва.

— Учтите, Владимир Петрович, — предупредил начальник охраны, — за 15 минут до запуска закрывается всякое хождение в черте зоны. Ни вопросов, ни ответов охрана не признает. В силе будет только одна форма объяснений — «Руки вверх!»

— Не страшайте. Если потребуется, вы первый пойдете к аппаратам.

— Я в вашем распоряжении...

— Ну вот и договорились. А теперь, — он взглянул на часы, — пора за безопасную черту.

— Включите радар! — крикнул начальник охраны в траншею.

— Учтите! — строго сказал Владимир Петрович, обращаясь последний раз к инженеру зоны, — сигнал: три ракеты. Третья, красная, — залп.

Они поднялись с Василием Ефимовичем из траншеи и сели в машину. Начальник охраны отдал последние приказания, занял место рядом с шофером.

Через две-три минуты свет фар прочертил по склону холма и погас за высоким гребнем.

Глава XVI

ИСКУССТВЕННЫЙ ДОЖДЬ

Назар Гурджия дремал на корточках, примостившись к каменной стенке колодца. То, что вскоре произошло, он принял сначала за кошмарный сон. Однако не мог понять происходящего и тогда, когда очнулся.

Вдруг на огромном пространстве поднебесья, словно занавес, распахнулась ночная мгла. Все озарилось светом необычайной силы. Назару показалось, что его кто-то с силой толкнул. Он не помнит, как вскочил, ухватившись за чугунную ручку колеса, жмурясь от яркого зарева, охватившего весь небосвод. Проснулось все село. Народ в испуге выбегал из домов на улицу и замирал в неподвижном молчании, наблюдая невиданное сияние, словно извергаемое вдруг прорвавшимся вулканом.

Что произошло в эти предутренние часы, никто толком не мог понять. Так же внезапно свет погас. Все стихло. Лишь откуда-то сверху потянуло прохладой. А затем упали на землю тяжелые холодные капли. Невесть откуда надвинулись тучки, пошел холодный, освежающий дождь.

Занималось утро. А дождь все лил и лил, не переставая, до самого вечера. Раскаленная, не видевшая на протяжении почти двух месяцев влаги, почва задымилась теплыми испарениями. Вставшие над землей туманы стелились плотной пеленой по степи всю ночь.

На следующий день Владимир Петрович встал до восхода солнца и уехал в поле. Начиналось ясное, тихое утро... Около полудня, возвращаясь обратно, Владимир Петрович встретил машину МТС и остановился.

Плотный загорелый мужчина соскочил с сиденья, отошел к заднему скату, присел на корточки, осматривая заброшенный грязью кузов машины. Владимир Петрович наблюдал за ним, раскуривая папиросу. Узнав агронома МТС, подошел поближе, улыбнулся и спросил:

— Чем вы так заинтересовались, Леонид Васильевич?

— Грязью, Владимир Петрович. Первый раз в жизни обнаружил ее настоящую красоту. Посмотрите, сколько налипло, будто по весенней распутице проехали. Замечательно! Хорошо промочило почву.

— Да, неплохо. Осадки, мне кажется, вполне достаточные для полевых культур.

— Разумеется. Два таких дождя в засушливую пору лета и тогда никакие суховеи не страшны.

Они отошли на обочину поля, разрыли в одном, втором, третьем месте прибитые ливнем пары. Владимир Петрович измерил рулеткой глубину влаги в почве, записал в блокнот цифру.

— Выше всяких ожиданий, Владимир Петрович, — сказал восторженно агроном МТС, обтирая платком взмокшее от пота лицо, всматриваясь в бескрайние дали степей. — Знаете что, — предложил он, — проедем еще в одну сторону. Посмотрим, как себя чувствуют хлеба, скажем, километрах в сорока от места испытаний.

Владимир Петрович улыбнулся, вспоминая, сколько уже им проверено полей, взглянул на часы.

— Ну что ж, поедем. Любопытно сравнить распределение осадков на разных площадях.

Машины вышли на районный большак и помчались навстречу восходящему солнцу по прямой, как стрела, дороге, убегающей к горизонту. Справа и слева пошли поля озимой пшеницы, играющие мириадами алмазных искорок, как после обильной ночной росы. Агроном МТС, любуясь этим зрелищем, мысленно прикидывал, сколько даст прибавки в урожае прошедший дождь. А Владимир Петрович думал о том, как лет через пять преобразится этот засушливый край при искусственном дождевании.

Переехав лесную балку, машины взбежали на увал. Вдали виднелись строения большого села. Справа начались бахчи. Леонид Васильевич, сидевший на заднем сидении, положил руку на плечо шофера.

— Вася, остановись. Идемте, Владимир Петрович, послушаем, что говорят колхозники.

— Любопытно. Очень важно услышать мнение населения.

Они вышли из машин и направились по тропинке, ведущей к полевому шалашу. Старый колхозник — сторож бахчи узнал еще издали агронома МТС и встретил расспросами:

— Леонид Васильевич! Чудеса какие-то происходят. Все лето стояла сушь. Весь рост на полях остановился. А тут вчера ночью ни с того, ни с сего — дождь из ясного неба. А гром-то какой грянул, ой-ей-ей!..

— А разве это плохо, Афанасий Андреевич?

— Да кто же сказал, что плохо. Все посевы ожили. Посмотрите, как листва на бахчах ободрилась. Разве я о том говорю? Народу непонятно, что это за небесная катавасия. Шестой десяток доживаю, но ума не приложу, что произошло. Может, вы объясните?

Леонид Васильевич кивнул на Владимира Петровича.

— Это ученый всему виновник. Объясните, Владимир Петрович, что за громы и молнии запустили вы в небо.

Сторож заторопился, не по годам быстро сходил на пасеку, расстелил коврик, поставил мед, нарезал хлеба и закурил трубку, внимательно прислушиваясь к каждому слову ученого. Когда Владимир Петрович закончил свой рассказ о проведенных опытах, старик заключил:

— Так мы и думали, что неспроста разразилась эта небесная суматоха. Учитель нашей школы о том же говорил. Да и в газетах писали о такой же небесной передрыге где-то в Самгуни. Ну, стало быть, думаем, и в наших местах кутерьма сродни той. Так оно и выходит...

Он помолчал немного, стараясь разобраться в не совсем понятных ему вещах, потом сказал, с любопытством и глубоким уважением поглядывая на ученого:

— Вот бы такую машину для колхоза купить. Где нужно, там бы и потрусил дождичком.

— Скоро, Афанасий Андреевич, скоро, — ободрил его агроном МТС, — если не в колхозе, то в районе будем иметь такую машину. Владимир Петрович проверит ее в работе и передаст заказ на завод.

— А чего же проверять-то. Своими глазами видели — действует за мое поживаешь. А дождик-то какой. Как голубая слеза: прозрачная и прохладная.

Побеседовав с гостеприимным сторожем бахчи, проверив степень увлажнения почвы в нескольких местах, они поспешили на станцию железной дороги. Эшелон уже был готов к отправке. Секретарь райкома встретил Владимира Петровича еще одной новостью.

— Вам телеграмма, Владимир Петрович, — сказал он, раскрывая бланк с жирным красным грифом — правительственная.

Пробежав телеграмму, Владимир Петрович протянул ее агроному МТС.

— Значит, генеральная репетиция.

Леонид Васильевич взглянул на телеграмму и воскликнул:

— Вот это да! Смотрите, какая ставится задача. На южной границе Мертвой степи запустить пятью ярусами по сто снарядов... Представляю себе, какой это гром великий грянет.

Владимир Петрович попрощался с Василием Ефимовичем и поднялся на подножку вагона. Поезд медленно тронулся с места, застучали колеса на стыках рельс, и вскоре последняя платформа вышла за семафор. Донесся прощальный гудок, и состав растаял в синеве вечерних сумерек.

Поезд уходил на юг, к конечной станции, прижавшейся у Базальтовых гор. В этот вечер журнал наблюдений Владимира Петровича пополнился еще одной записью:

«... Ливневый дождь, перемещаясь с севера на юг, захватил площадь шириной в 300—400 километров. Количество осадков в центре циклона достигает 25 миллиметров — больше чем достаточное для разового орошения любых сельскохозяйственных культур».

Закончив запись, Владимир Петрович задумался над тем, какое действие произведет такая бомбардировка стратосферы зимой в зоне продолжительных снегопадов или сибирских метелей. «Что она вызовет?» — думал он.

Глава XVII

НОЧЬ ВОЛШЕБНОГО СВЕТА

В один из вечеров Ярусов, сидя за столиком ресторана, наблюдал за подвыпившей компанией барона фон Бретт. «Насколько каждый из них и все вместе подлы и ничтожны», — думал он. В нем проснулось мальчишеское желание пощекотать нервы у этих бездельников. Он начал обдумывать план злой шутки. Минуты через три-четыре спохватился, взглянул на часы, учтиво извинился перед дамами, занимавшими вместе с ним столик, и вышел в фотолабораторию.

— Я не обнаружил в архиве негатива семейного снимка вашего знакомого, — пояснил фотограф, — пришлось переснять копию.

Добавив еще пару кредиток фотографу и получив снимки, Ярусов закрылся в своем номере.

Долго и внимательно рассматривал Ярусов заинтересовавший его снимок офицера. Склонившись над фотокарточкой, он думал и подрисовывал мягким карандашом штатский костюм вместо военного, стараясь угадать незнакомца по штатской одежде. Точно электрический ток, пробежала в сознании догадка.

— Эмиль Фирсун — кандидат наук! — почти вскрикнул Ярусов и пугливо оглянулся на входную дверь.

Сомнений больше не оставалось. Это был он, по убеждению Ярусова, именно он, Эмиль Фирсун — ученый-шпион. Но кто с ним в компании, на кого эти люди работают?..

Он занялся пристальным изучением семейного снимка, припоминая, с кем из знакомых ему лиц схожи эти подвыпившие физиономии.

— Ба-а-а! — удивился Ярусов. — Да это же начальник АХО института ЦАВИ и его супруга Фаина Григорьевна — заведующая библиотекой института. «Но как, — думал Ярусов, — мог попасть этот снимок в «Лесную Каравеллу», ведь начальник АХО никуда не выезжал за последние пять лет? В какой обстановке они сфотографированы, за чьим семейным столом?»

Ярусов спрятал снимки, составил подробный текст шифровки и пошел за бланками радиোগрамм.

Вернувшись из почтового отделения, он начал печатать на дорожной машинке шифрованную телеграмму,

потом телеграмму-шутку, предвкушая, какое действие произведет его острая выдумка на ресторанный компанию. Закончив печатать, он прочитал депешу-шутку вслух:

— Молния. «Лесная Каравелла» Юлиану Тамманису. Ровно семь часов пулковскому 21 июня слушайте важную передачу волне девятнадцать пять десятых. — Редакция.

Спустившись в зал ресторана, Ярусов присел к одному из столиков и начал весело шутить с собеседниками. Он небрежным жестом пригласил официанта, заказал бокал вермута, а сам неизменно наблюдал за компанией Юлиана. Минуты через две коридорный служащий появился в зале. Не доходя шага три до Тамманиса, он произнес нараспев:

— Юлиану Тамманису, молния!...

Весь зал настороженно обернулся, наблюдая за нетерпеливо скользящим взглядом Юлиана Тамманиса по тексту телеграммы. Пробежав депешу, редактор порывисто встал и громогласно объявил:

— Господа, синьоры, дамы! Сенсация, важная сенсация... — Он громко прочитал вслух текст телеграммы и, обведя зал наполеоновским взглядом, важно опустил в кресло, добавив многозначительно: — Скоро услышим новости.

Ярусов посмотрел на часы, прикидывая в уме: «Сейчас без десяти минут десять, значит, по пулковскому — без десяти минут семь».

Без пяти минут десять в окружении Юлиана, а затем, по его примеру, во всем зале наполнили бокалы. Предложил своим собеседникам тост за предстоящую сенсацию и майор Ярусов.

В зале установилась напряженная тишина. Все следили за часами.

В зале полилась мелодия боя часов. Все поднялись с бокалами в руках. Стоял с бокалом в руке и улыбающийся Ярусов, чувствуя себя в этот момент именинником. Он с волнением ожидал думая:

«Вот сейчас, через секунду...»

Под сводами «Лесной Каравеллы» полились звуки далекого джаза. Собеседники Тамманиса переглянулись, пожимая плечами. Посоветовавшись между собой, они обернулись лицом к репродуктору. На второй минуте

утихли мелодии бравурного джаза, раздался отчетливый голос диктора: «Внимание! Внимание! Говорит...»

Слышимость вдруг пропала. Потом попеременно с грозовыми все нарастающими разрядами удалось разобрать еще несколько слов: «...испытание двигателей... двадцать пять тысяч километров... одним центнером топлива...»

Обитатели «Лесной Каравеллы» не знали о том, что это была передача радио из Самгуни о начавшихся испытаниях первого газотурбинного тепловоза на транссибирской железнодорожной магистрали.

Грозовые разряды заглушили дальнейшую слышимость. Репродукторы заполнили зал завывающим стоном и грохотом электрических разрядов. Однако и отрывки фраз произвели сильное впечатление. Все сидели молча, затаив дыхание, впившись глазами в висевшие на стене репродукторы. Вдруг чей-то голос разорвал напряженную тишину зала.

— Смотрите, смотрите! Какой силы молнии!

Все устремились к окнам. Где-то за Базальтовыми горами, а может, среди них, неслись в высоту яркие полосы света, точно лучи мощных прожекторов. Через несколько мгновений в далеком небесном пространстве, над остриями убегающих в высоту ярких лучей полыхнуло огромное зарево, заставившее всех зажмуриться.

Обитатели «Лесной Каравеллы» сначала затихли в немом изумлении, потом начали шумно делиться впечатлениями. Но там, где пять минут тому назад разверзлись небеса, уже стояла непроглядная тьма, раздираемая докати́вшимися до «Лесной Каравеллы» раскатами грома.

— Ну и гроза, — сказал кто-то, не скрывая своего удивления.

Через 10 или 15 минут набежал порыв ветра. По стеклам окон, железной крыше забарабанил дождь, нарастающий все больше и больше. К утру ливень достиг небывалых в этих местах размеров. Люди забыли о веселье, отдыхе и сне. По коридорам поползли разные выдумки перетрусившей публики.

Дождь, не утихая, лил сутки. Потоки горных речек бушевали, заглушая своим шумом говор людей, заполняя гулом всю горную долину.

Израсходовав всю пленку, сделав записи нужных наблюдений, Ярусов вернулся в номер и лег в кровать, перебирая в памяти последние самые важные данные, полу-

чёрные от Энрике Томмаха. «Та-а-к, значит, резидент, учёный Фирсу — «Брюнет-прима»... Любопытно. Пауль встречался с Агнессой... Она оказалась в СССР... Не готовит ли Пауль провал для меня?... Он не остановится ни перед чем. Может завалить и барона фон Бретт...»

Ярусов долго не мог уснуть, думая о том, какую подлость может выкинуть карьерист Пауль, и уснул с твердым намерением: «При первой же встрече — пристрелю...»

Почти во всех крупных городах Ближнего Востока утренние газеты вышли 21 июня 19... года с сенсационным сообщением на первых полосах. Еще до выхода газет эту необычайную новость, взбудоражившую обывателей и суеверных людей, разнесло радио. На перекрестках улиц, у трамвайных остановок, около магазинов разносчики выкрикивали одну и ту же фразу: «Солнечная буря над Россией!» И в тот же момент вокруг разносчика газет или киоска вырастала толпа людей. Газеты шли нарасхват. Никто не спрашивал сдачи. Пробравшись к киоску или окруженному разносчику и завладев газетой, они забывали обо всем. Часто за номер газеты оставляли десяти- и двадцатикратную стоимость. Очевидцы рассказывали, что один предприимчивый юнец в Кабуле распространил в это утро больше газет, чем за год своей работы в розничной конторе частного издательства, и заработал, по его признанию, на сенсации полуторагодовую зарплату.

Что же произошло над Базальтовым перевалом?

В Кзыл-Кентабдской вечерней газете «Шарк телеграф» («Телеграф Востока») текст сенсационного сообщения гласил:

ЗАГАДОЧНОЕ СИЯНИЕ

Вчера в 7 часов 05 минут утра по пулковскому времени весь небосклон над северо-восточными отрогами Базальтовых гор неожиданно озарился светом необычайной силы. По первым предположениям, поступившим ночью в редакцию, произошел взрыв крупнейших подземных бензохранилищ в Н-ском нефтяном районе СССР. Затем эти догадки были опровергнуты сообщением по радио-телефону из Самгуни и гидрометрических пунктов перевала. В районах, прилегающих к верховьям реки Самгунь, это загадочное явление природы наблюдалось в направлении юго-запада. В районе «Лесной Каравеллы» и в окрест-

ных горных селениях слышны были сопровождавшие сияние грозовые раскаты большой силы.

В следующем номере читайте комментарии ученых и очевидцев».

С аналогичными сообщениями вышли многие газеты городов Синцзяна и Пакистана. Краткие хроникальные заметки об этом промелькнули также в газетах Тибета.

«Тайна природы!» — кричали заголовки газетных полос в следующие дни. В районы предполагаемых событий устремились наблюдатели, специальные корреспонденты телеграфных агентств, газет и журналов из всех стран Арабского Востока. В периодической печати появились занятные рассказы очевидцев. На страницах газет и журналов тех дней можно было встретить описание любопытных явлений. Один известный натуралист в десяти номерах журналов печатал свои очерки под заглавием: «Ночь волшебного света». В этих очерках описывались загадочные картины. «Волшебный свет исторической ночи, — писал натуралист, — еще долгие годы будет оставаться загадкой для человечества. Он пока пробудил лишь чувства суеверия среди религиозной части населения. Да и чем могли неграмотные люди объяснить эти поистине волшебные превращения? Крестьяне кишлака Д. посеяли 18—19 июня несколько танапов кукурузы. А днем 23 июня на полях показалась зелень буйных всходов. Колосовые молочной спелости через два дня после «сияния» оказались годными к уборке, как после 20 зарниц. В одну ночь изменились краски листвы, лесов, садов и виноградников. Выгоревшие от жары поляны и луга в течение трех дней покрылись коврами цветов. Происхождение «сияния» пока остается тайной, но сила его воздействия на природу необычайно благоприятна».

Однако большинство из этих сообщений «от наших специальных корреспондентов» нельзя было принимать сколько-нибудь всерьез. Каждое из них являло собой чересчур смелый полет фантазии, а все вместе — досужий вымысел. Среди всей этой чепухи и репортерского вздора представляли интерес лишь скупые рассказы очевидцев.

Загадочное явление природы, как его почти единодушно окрестила вся печать, заслонило все остальные события. Им всерьез заинтересовались многие ученые. Они

просили советских ученых поделиться результатами наблюдений над великим сиянием природы, прошедшим, как уже стало известно, над территорией СССР, в районе северных склонов Базальтовых гор и в полупустыне Кыл-Кентабада.

Глава XVIII

ГРЕМУЧИЙ ПОЕЗД

Дежурный станции «Первый каскад» сделал необходимую запись в журнале, еще раз проверил «нитки» графика движения поездов на участке и подумал: «Почти час свободного времени. Вполне успею поужинать». Поднявшись, чтобы уходить, он посмотрел на часы. «Нет, позвоню все же диспетчеру», — решил он и вернулся к столу. Не успел еще он придвинуть поудобнее микрофон селектора, как раздался резкий звонок и знакомый голос диспетчера дороги:

— «Логовая?»

— «Логовая» слушает. У селектора ДСП — дежурный по станции Степанов.

— «Первый каскад?»...

— Я у селектора.

— «Узловая?»

— Я, «Узловая»...

Диспетчер управления движения вызывал одну за другой станции главного направления и, когда дошел до конечного пункта на «Восточном отделении» дороги, сказал отчетливым голосом:

— Внимание на линии! Сверьте часы. Сейчас двадцать ноль девять по железнодорожному... В двадцать два часа тридцать принимаю вне графика литерный. В двадцать один сорок пять начиная с «Восточного отделения» открыть «зеленую улицу». Закрыть все переезды и допуск на перрон посторонних. Пропускать литерный по второму пути станций. Задача ясна?

— Ясно — дать «зеленую улицу» литерному, — повторило в репродукторе несколько голосов.

— Вторая задача: зарегистрировать прохождение состава с точностью до секунды. Результаты немедленно телеграфировать начальнику дороги.

— Есть телеграфировать прохождение, — ответил де-

журный станции «Первый каскад» и подумал: «Скоростью интересуются. Видимо, возвращается тот самый «гремучий поезд».

В двадцать сорок дежурный станции проверил по телефону готовность к приемке литерного на постах входных и выходных стрелок, приказал закрыть шоссейные переезды, одел форменную фуражку с малиновым околышем и вышел на перрон.

— Товарищ дежурный, — обратился к нему начальник вокзала, — прикажите включить орошение, хотя бы минут на десять. Духота невероятная. Детишки в комнате матери и ребенка, да и транзитные пассажиры в зале ожидания истомились от этой жары.

Дежурный посмотрел на вокзальные часы, прикидывая в уме: «До прихода литерного еще полтора часа...»

— Набежит порыв ветра, — продолжал убеждать его начальник вокзала, — как и в прошлый раз за этим «гремучим поездом», поднимет пыль с путей и тогда совсем нечем будет дышать.

— Вы, пожалуй, правы, — согласился дежурный, имея в виду не ветер, а «гремучий поезд», за которым прошлый раз пронесся через станцию вихрь мелкого шлака, песка, пыли. Он достал из бокового кармана блокнот, написал несколько слов и подал листок со словами: Передайте сменному инженеру.

Минут через десять со стороны депо донеслись предупредительные сигналы. Из станционных репродукторов слышался сиповатый басок сменного инженера:

— Внимание!... Включаю орошение станции...

Между путями и вдоль цветников, отделяющих вокзал от перрона, на дорожках и вокруг беседок сквера брызнули словно из-под земли тонкие струйки воды и стали подниматься все выше и выше, образуя над путями, цветниками, дорожками и беседками высокую завесу водяной пыли. Сразу повеяло освежающей прохладой. В окнах вокзальной гостиницы слышались голоса:

— Посмотрите, какие чудеса!...

— Действительно редкое зрелище.

— Интересно, неужели столько фонтанов?

— Какая красота!..

— Вот бы в наш сквер такую машину...

— В больших городах, наверное, уже есть.

— Есть такие машины — целый город могут поливать.

Над путями станции сильные струи воды поднимались на высоту второго этажа и, отражаясь в перекрещивающихся ярких лучах прожекторов, рассыпались мириадами искр. Через некоторое время водяные струйки оборвались, как будто все эти тысячи фонтанировавших отверстий закрыли одним разом. Стало тихо и влажно, как после дождя. Из раскрытых окон технической доносились резкие звонки селекторной связи и отрывистые фразы дежурного о количестве погруженных вагонов, наличии порожняка на станции, потребности сернокислотных цистерн. Наконец после одного из селекторных звонков дежурный и начальник станции вышли на перрон. Вдали, на уходящей строго по прямой к горизонту железнодорожной линии, блеснул ослепительный луч прожектора.

— Идет!

— Да, это литерный.

Донесся приглушенный бас электросирены поезда. Через несколько минут мимо перрона, рассекая тишину ночи, с глухим гулом, напоминающим рокот авиадвигателей в закрытом ангаре, промелькнули цельнометаллические вагоны. Дежурный, засекавший по часам точное время проследования, даже не успел сосчитать количество классных вагонов в составе и спросил начальника:

— Сколько же вагонов?

— Пять или шесть, я не успел сосчитать. Хорошо заметил только одно — локомотив без тендера. Любопытно, что это: дизель или электродвигатель.

— Без тендера? Я что-то не обратил внимания. Помоему, на локомотиве нет и дымогарной трубы. Вероятно, на электрической тяге от мощной аккумуляторной станции.

Пока дежурный и начальник станции «Первый каскад» обменивались впечатлениями, «гремучий поезд» проследовал еще одну станцию, оставляя позади себя струю горячего воздуха с миндальным привкусом. Утром поезд шел уже по высокой насыпи западного Прииртышья, привлекая внимание населения своим необычным очертанием. Внешне «гремучий поезд» напоминал большую торпеду, только с более заостренной, для обтекаемости, приплюснутой к рельсам передней частью. Там, где у обычных локомотивов тендер и будка машиниста, у этого поезда — комфортабельный салон с широкими,

почти во всю длину боковых стен окнами, и с остекленным полукуполом на крыше, подобным кабине летчика на самолете.

В одном из сибирских сел люди, видевшие близко проходивший «гремучий поезд», утверждали, что сзади у поезда два пропеллера, как у двухмоторного самолета.

В тот момент, когда поезд пересекал степи Барабы, начальник ЦАВИ Прозоров получил в Самгуни такую радиограмму:

«...Прошли 15 тысяч километров получасовой остановкой Владивостоке. Идем том же малом баллоне топлива континентальному маршруту Владивосток — Мурманск. Двигатели работают безотказно. Позволяют развивать значительно большую скорость, сравнению допустимой скоростью рельсового транспорта.

Инженер Жезлов»

Глава XIX

ЗАГОВОР ПРОВОКАТОРОВ

Редактор «Воскресного журнала» Генри сидел в раздумье перед раскрытой папкой, перечитывая про себя сообщение телеграфного агентства Афганистана о «Солнечной буре» над Европой. Напротив в кресле полулежал с закрытыми глазами, дымя папирсой, «дядя Джон».

— Солнечная буря, — произнес про себя редактор, постукивая карандашом о сукно стола. Затем поднялся, обошел вокруг стола и остановился перед собеседником. — Джон, хотел бы я слышать твое мнение об этой солнечной буре.

— Мнение... Ах, мое мнение. Оно еще не сложилось, — ответил рассеянно Джон, не переставая дымить сигарой и не оборачиваясь к собеседнику.

— А что сообщает «Турист», заменивший сейчас Кинга в Самгуни?

— Он связан непосредственно с фирмой «Пенициллин» и Уоллстритом. Но фирма не получала еще его отчета.

Редактор снова сел в свое кресло. После паузы он резко отодвинул папку и сказал громче обычного:

— Кто есть из ваших людей среди научных сотрудников сейсмической службы?

— Не понимаю вопроса, — ответил Джон, повернувшись в кресле, — причем здесь сейсмическая служба?

— Причем? — повторил редактор, широко улыбаясь. — А вот слушай внимательно. Это не солнечная буря, а испытание атомных пушек. Большевики готовятся к атомному наступлению.

— Ну и что же? — резко обернулся Джон.

— Надо кричать об этом и как можно громче. Убедить как можно больше людей. Создать общественное мнение не на Бродвее и Уоллстрите, а в народных массах ряда стран, везде, где удастся.

— С помощью печати, насколько я понимаю, — иронически заметил Джон.

— Да! Сейсмическая служба будет периодически регистрировать испытание атомного оружия, определять их точки, а мы будем комментировать.

— А Пентагон под завесой газетной шумихи — вооружать наших союзников, строить военные базы, засылать диверсантов, шпионов. Так я понимаю?

— Приблизительно, да. Но это уже вопросы большой политики. Наше дело подогревать страсти.

Редактор резко поднялся:

— Идемте в ложу, Джон. Послушаем «Альпийские новости». Вчера вернулся свой человек из Мюнхена. Через пять минут будет в кафе.

* * *

В тот момент, когда секретарша редактора «Воскресного журнала» читала интимное письмо его племянника — Пауля, «Турист», сидевший в кабинете первого этажа дачи Эмиля Фирсуна, получил последнее задание адмирала Ландэ. Прочитав шифровку, «Турист» нажал кнопку сигнализации. Подумав немного, взял карандаш, поставил на поле шифровки большой вопросительный знак, подчеркнул его дважды и произнес тихо: «Если удастся вывести лайнер за границу территориальных вод...» Открылась дверь. «Турист» кивнул головой вошедшему и протянул молча шифровку. Закурил сигару и стал наблюдать за выражением лица читающего.

— Все ясно? — спросил «Турист».

— Безусловно. Но на кого, если не секрет, пал выбор исполнения этого задания? — спросил Фирсун.

— А ваше мнение?

— Жду приказаний, — щелкнул каблуками Эмиль.

— Именно вам, «Брюнет», по плечу такое задание. Тем более, что тучи над вашей головой, по моему мнению, сгущаются. Галаджи что-то пронюхал. — «Турист» взял шифровку и прочитал вслух подчеркнутые строки: «Если удастся вывести лайнер за границу территориальных вод, просигнализировать знаками Морзе красного света слова «море синее» и для отвлечения внимания поднять панику на судне...» Понятная идея?

— Вполне. Тем более, что патрульные миноносцы наших союзников, как ориентирует шифровка, дадут о себе знать светом прожекторов. Значит, будут наготове.

— Т-а-а-к. А детали?

— Нужно связаться с нашими людьми, узнать точный адрес маникюрши Лалы и с ее помощью проникнуть на лайнер. Положение облегчается тем, что я с ней лично знаком.

— Прекрасно. Вам надо условиться о визите к маникюрше. Но есть ли у нее связи с персоналом порта или дока?

— По-моему, она все еще в браке по расчету с тем же моряком-дизелистом. Наша фирма ей платит недурно за эту моральную жертву...

Когда Фирсун умолк, «Турист» предложил сигару.

— Какой способ, Эмиль, думаете избрать для того, чтобы вывести лайнер за пределы территориальных вод?

Фирсун задумался, несколько раз затянулся сигарой, положил ее в пепельницу и начал излагать свой план.

— Способов, по-моему, много, но я считаю наиболее пригодным два.

Выслушав внимательно, каким путем намерен Фирсун выполнить это трудное задание адмирала Ландэ, «Турист» заметил с удовлетворением:

— Остроумно. Одобряю, целиком одобряю второй вариант. А его детали?

— Детали в зависимости от обстановки.

— Думаю, полезно будет захватить с собой профессорский термос, выпустить краткогаз в машинном отделении — все уснут и лайнер пойдет по нашему курсу...

Одна задача — заполучить еще противогаз профессора Кремлева...

— Это блестящий план, — воскликнул «Турист». — Оставить образцы для исследования, а остальные... Я целиком полагаюсь на тебя, Эмиль. Учти, это последнее солидное поручение нам. Так надо понимать тонкие намеки шефа.

— Да, шифровка достаточно прозрачно намекает именно на это.

— Справитесь... добудете противогаз?..

— Постараюсь!.. Зосим Лукич согласился добыть. Получил аванс.

Эмиль простился и скрылся в потайном ходе. «Турист» взял со стола шифровку и начал неторопливо перечитывать ее, вникая в смысл каждой фразы.

«...По сообщению из надежных источников в ближайшие дни начинаются рейсовые испытания нового лайнера. Настоятельно рекомендую, в связи с неудачей получения чертежей двигателя, проникнуть одному из ваших людей на лайнер. Если удастся — вывести лайнер за границу территориальных вод, просигнализировать знаками красного света «море синее» и для отвлечения внимания поднять панику на судне.

Поблизости будут наготове эсминцы дружественной державы, которые интернируют лайнер, отведут его в одну из ближайших гаваней. Пока длятся формальности по возвращению «сбившегося с курса» лайнера, наши инженеры успеют сделать все необходимое.

Действовать решительно!

Адмирал Дж. Ландэ

Г л а в а Х Х

ПРИ ВСПЫШКАХ ЗАРНИЦ

Генерал Галаджи стоял около окна. Полковник Вересаев докладывал план операции по ликвидации шпионского гнезда, окопавшегося в Зеленом переулке на даче Эмиля Фирсуна. Вересаеву показалось, что Галаджи не слушает его, а занят какими-то другими мыслями. Вересаев умолк на несколько мгновений.

— Замысел, полковник, хорош, — резко обернулся

Галаджи. — Но я думаю, звонить на дачу нашим людям, даже подходить близко к сигнализации не следует. Надо ждать в засаде. День, сутки, неделю — только ждать. Пусть просигналит на дачу сам шпион. Мы же не знаем паролей явки — сигналов на дачу. Во всяком случае, не уверены в чередовании их. Позвонишь трижды, а может, в этот день нужно дважды или два длинных и один короткий. А это провал операции.

— Вы правы, генерал, — согласился Вересаев. — Мы имеем это в виду. Но как только будет подан сигнал...

— Вот именно, — перебил генерал, — как только шпион просигналит, нужно взять его и взять без шума. На дачу не допускать. И операцию на даче провести умело, смело и без жертв.

Они склонились над столом. Галаджи внимательно просмотрел все детали операции, задумался. Снова отошел к окну, будто был не меньше заинтересован перемигивающимися где-то за Кедровой горой всполохами зарниц. Постояв минуту-полторы около окна, он обернулся к Вересаеву.

— Обстоятельства обязывают спешить. И в то же время наша цель — выждать, чтобы захватить не только Фирсуна и «Туриста», но главным образом не упустить из этого капкана основную фигуру — связанного резидента, выдающего себя то за инженера Второва, то за профессора «ИКС». Вот в чем соль операции.

Вересаеву стало предельно ясно, почему генерал решил всех сотрудников городского отдела оставить на своих местах. Неожиданная отлучка их или замена другими насторожит шпионов. Шпионы, несомненно, знают отдельных работников, наблюдают за ними. Генерал, будто угадав мысли Вересаева, сказал тоном приказа:

— Поручаю эту операцию вам. Согласны?..

— Благодарю за доверие.

— У вас неплохой опыт. Подберите людей.

— Понятно.

— Кое-какие коррективы внесем и в план операции. — Галаджи решительно подошел к столу, взял карандаш. — Изменим название операции и оставим без перепечатки. Время, основные детали, исполнители пусть будут известны только нам двоим. — Генерал задумался, постукивая карандашом по столу. Раскурил потухшую папиросу, отошел к окну, закрыл форточку и заговорил,

не оборачиваясь к Вересаеву. — Выходной день не годится для проведения операции, тем более в условиях дачной местности... Лучше, если организовать в лесу около дачи массовки молодежи, пикники, выезд людей на рыбалку. Одним словом, надо переждать воскресенье, но... помешать в этот день встрече шпионов. Понятно?

— Понятно, генерал... А как предлагаете назвать операцию?

Галаджи улыбнулся, взглянув на сверкнувшее за окном зарево зарниц, взял карандаш, перечеркнул слова «Операция Бор» и вместо этих слов вывел каллиграфическим почерком: «Вспышки зарниц». Вересаев встретился взглядом с генералом, улыбнулся. Тем же ответил и генерал, кивнув головой на окна:

— Люблю эту пору сияния зарниц...

Оба рассмеялись. Вересаеву было хорошо понятно лирическое настроение генерала. Это был не просто искусственный прием, рассчитанный на то, чтобы вселить уверенность в успех предстоящей операции. Генерал такими неожиданными поворотами своего настроения не раз встряхивал подчиненных, вливая в них бодрость своим вдохновением. Он мог не спать ночами напролет. Мог сутками не выходить из кабинета и, несмотря на смертельную усталость, свою и подчиненных, умел создать такое настроение, что молчаливые, утомленные люди начинали улыбаться, шутить. А, главное, вдруг обнаруживали в себе новый прилив энергии готовые снова уходить с головой в работу.

Но сейчас лирическое отступление в настроении генерала было вызвано другими обстоятельствами, которые доставил майор Ярусов из «Лесной Каравеллы». Теперь почти все нити, ведущие к разведцентру «ОСТ» из Самгуньской долины были в руках генерала. Галаджи прохаживался по кабинету, посматривая на окна. Вересаев наблюдал за ним молча. Минуты через две Галаджи подошел к столу и постучал карандашом о пустую бутылку из-под боржома. Вошел адъютант.

— Машину к подъезду, — сказал генерал и, обернувшись к Вересаеву, добавил с улыбкой: — поедem за город, на свежий воздух.

Спустившись к подъезду, Галаджи остановился около машины, снял фуражку, наблюдая за огнями пролетаю-

щего самолета. Постоял минуту в мечтательном раздумье, вздохнул полной грудью и сказал:

— До чего же изумительно хороша природа в это время!

Возвращаясь после полуторачасовой прогулки в загородном сосновом лесу, Галаджи сказал Вересаеву:

— Значит, договорились. Завтра выходной. В дачном пригороде, на лесных лужайках будут молодежные массовки. Это хорошо. Шпионы не рискнут встречаться в такой день, тем более не удастся остаться незамеченными... Жаль нет времени, посидел бы с удочкой на берегу... В общем, завтра выходной.

— Я и не ориентируюсь на завтра, — заметил Вересаев, поняв намек генерала.

— Отдыхать, — перебил его генерал, — отдыхать всем. Под вечер созвонимся. — Машина остановилась около квартиры Вересаева. Пожимая руку, Галаджи повторил еще раз: — Спать не меньше восьми часов. Спать всем. Учтите — проверю!

— Есть спать восемь часов.

Вечерело. Эмиль Фирсун заметно нервничал. То сидел на диван, закинув ногу на ногу, то вставал, подходил к окну, всматривался в сгущающиеся сумерки. Сидевший в глубоком кресле «Турист» внимательно наблюдал за ним. Фирсун вышел на террасу, прислушался, глубоко вздохнул, вернулся в комнату. «Турист» пристально посмотрел ему в глаза и процедил сквозь зубы:

— Нервы зашалили. Перетрусили...

— Очень волнуюсь... Что могло его задержать — уже девять часов?

— Вчерашний срыв явки «Профессора» вы объяснили выходным днем. «Пикники, игры молодежи — кругом люди в лесу...» А сегодня тоже могут быть люди, тоже влюбленные пары, прогулки в лесу... Перестаньте топтаться, ипохондрик! Не действуйте на нервы, я тоже человек. Лучше покажите, где у вас потайной выход?..

Фирсун резко обернулся, уставив на «Туриста» испуганный взгляд.

— Садитесь, трус! Я говорю вам о предосторожности, а вы голову потеряли. Где потайной выход? В случае

чего, незаметно исчезну, а вы дома, и никаких улик. Поняли?..

— Понял... Но почему его нет до сих пор?.. Потайной выход из ванной комнаты. Там люк, под ним выход под террасу. Из-под террасы ход в дровяник, а там, через слуховое окно голубятника, в переулок.

«Турист» встал, с прищуром посмотрел на хозяина. Подошел к окну, открыл форточку, затем распахнул створную раму, опустил портьеру, прислушался к голосам улицы и звукам, доносившимся с опушки леса. «Ничего подозрительного», — отметил он про себя и обернулся к Фирсуну.

— Показывайте потайной выход!..

Фирсун нехотя направился в ванную комнату. «Турист» пошел за ним, незаметно переложил пистолет в боковой карман. Когда Фирсун стал поднимать люк в полу ванной, неосторожно стукнул им о ведро, «Турист» вздрогнул и процедил сердито:

— Потихе вы, слякоть...

Фирсун опустил люк. За ним осторожно пролез в квадратное отверстие и «Турист», не вынимая руки из правого кармана. Через полминуты стихли шорохи. Вот Фирсун уже идет под полом террасы, чуть согнувшись. Взглянув в щель боковой обшивки, Фирсун прошептал обрадованно:

— Он идет. Вон, посмотрите, закрывает калитку.

— Назад, быстрее, — нетерпеливо бросил «Турист» и подтолкнул Фирсуна локтем. — Да не запинаясь, не шумите, растяпа!..

Пока они выбирают из потайного хода, расскажем читателю о том, что помешало «Профессору» прийти на дачу в воскресенье и почему он опоздал сегодня.

* * *

Пробираясь в воскресенье берегом Самгуни к оврагу, из которого ведет тропинка к даче Фирсуна, «Профессор» услышал близкие голоса и залег в расщелину, укрывшись за кустарником. Из оврага вышли на берег реки двое мужчин с бамбуковыми удилищами и спиннингом. Они не спеша выбрали места, закинули удочки и стали выбирать место для запуска спиннинга. Обходя лежавшие на берегу коряги, повалившиеся в воду

деревья, они приблизились к тому месту, где залег «Профессор». Он затаил дыхание, боясь выдать себя неосторожным движением, прижался к самой земле, не сводя глаз с рыбаков.

Рыбаки забросили спиннинг один раз, второй. Перешли по берегу еще ближе к шпиону, закинули спиннинг еще несколько раз, но выбирали пустым. Они присели на выступ берега, закурили.

— Рановато, должно быть, — сказал один. — Попробуем на закате. Шука и судак к ночи бывают азартнее.

«Профессор» лежал на накалившейся за день земле, обливаясь потом. Лежал и думал: «Если и останусь незамеченным — сорвется встреча. Не мешало бы их провалить на пару, но уйти от УГБ самому. Дети меня уже раз видели. Надо еще чем-нибудь привлечь внимание к даче и уйти в тень. А что, если послать в УГБ подменное письмо на Фирсуна...»

Он лежал не шевелясь, размышляя над своим положением, а рыбаки рассказывали разные истории из охотничьей жизни, смеялись, поглядывая время от времени в сторону заброшенных удочек. Наконец зазвонил колокольчик у одного из удилищ. Рыбаки вскочили и побежали к удочкам. «Профессор» осторожно приподнялся и ползком полез на откос к лесу. Пока рыбаки были увлечены подсечкой добычи (на удочку попал крупный сом), он вылез на берег и скрылся в густых зарослях ельника.

Полежав минуты две-три под лапами густой ели, «Профессор» убедился, что к даче пробраться не удастся. Кругом слышны голоса, звуки гитар, баянов, шлепанье волейбольного мяча. Становилось все темнее и темнее. Послышались близкие шаги и мужские голоса: «Вот здесь самое уютное место, зажжем фонарик и потрапезничаем...» «Профессор» отполз в сторону, затем, пригнувшись, пошел в обход дачного поселка. Встреча на даче не состоялась.

В понедельник он пришел на это место раньше. Затаился, укрывшись ветвями пихты, прислушиваясь к шорохам в лесу. Тишина, нарушаемая только перекликающимися бурундуками, окончательно успокоила его. Он вытер платком вспотевшее лицо, шею, руки, отряхнул испачканные сухой землей брюки, локти пиджака и стал определяться, где находится, в каком направлении сигнализация на дачу. Шел уже восьмой час. «Опять опоздаю

на много», — подумал он, взглянув на часы. Поднялся, осторожно раздвинул преграждавшие дорогу ветви и пошел в направлении оврага. Он еще раз осмотрелся — вокруг ничего подозрительного не заметил. На высоком тополе у опушки леса сидела стая галок. На соседнем дереве была в разгаре воробьиная сходка. Это окончательно успокоило его.

Осторожно ступая на шуршащую хвою, он обратился весь в слух. Отыскав нужную елку, он разрыл подстилку, открыл коробочку и нажал кнопку. Прошла минута, вторая. Из калитки дачи никто не выходил. Он повторил сигнал. Прошло еще две минуты, но калитка не открывалась. Только тут он заметил примятую траву, следы очага рядом с линией идущего провода.

«Наверно, дрова рубили», — сказал он про себя.

Осторожно ступая по линии скрытого под хвоей провода, он подошел к месту пикника и быстро обнаружил повреждение.

— Так я и знал, — сказал он облегченно и наклонился, чтобы соединить разрубленный нечаянно кем-то провод.

Соединив концы, он поднялся и вздрогнул. Прямо перед ним в пяти-шести шагах стоял Вересаев с направленным на него пистолетом. «Профессор» повел глазами направо, налево — с обеих сторон направлены на него стволы автоматов. Прошли какие-то мгновения, он еще не сообразил, как быть, услышал резкий и властный голос:

— Руки вверх!

В тот же миг его правая рука оказалась стиснута, словно железными клещами. Только тут мелькнула мысль, что можно было бы в два прыжка, одним рывком оказаться у оврага и, пользуясь сумерками, скрыться. Но было уже поздно. Оба его пистолета были в руках у чекиста, а руки крепко перехвачены за спиной. Но, и догадавшись вовремя, он не смог бы ускользнуть. В овраге, на всякий случай, была начеку засада с овчарками. Вересаев стоял в двух шагах, внимательно рассматривая задержанного, затем отчеканил по слогам:

— Раздевайтесь — быстро!..

«Профессор» стиснул зубы, но не произнес ни одного слова. Он смотрел на чекиста не мигая, не проявляя намерения раздеваться. Он знал, что его сразу не расстреляют, будут допрашивать, но из головы не выходила тревожная мысль: «Чекист приказал раздеваться, значит,

намерен без допроса утопить в реке». Он стоял неподвижно, не отводя злобного взгляда. Вересаев помедлил минуту и приказал:

— Раздеть!.. Капитан, дайте ему плащ и наденьте его костюм. Быстрее...

Только тут «профессор» сообразил, в чем дело. «В моем костюме хотят проникнуть на дачу и...» Додумать мысль до конца не хватило времени. Пиджак уже был в руках капитана. Через пять минут он с накинутым на плечи плащом спускался под охраной автоматчиков на поляну в лощине. А Вересаев, перехвативший код сигнализации, звонил на дачу. Минуты через полторы открылась калитка дачи. Оглядевшись по сторонам, старуха громко кашлянула в платок, не спеша положила его в карман и скрылась во дворе дачи. Вересаев кивнул капитану и сказал полупрошептом:

— Смелее... Больше уверенности.

Капитан, крадучись, перебежал между елок. Открыл калитку и шагнул во двор дачи. Как только закрылась за ним калитка, перед ней с обеих сторон, словно изпод земли, возникли автоматчики с овчарками. Вересаев перебежал к калитке, посмотрел в щелку. Капитан уже поднимался на террасу, затем смело вошел в комнату. Вересаев и два автоматчика, приоткрыв калитку, неслышной поступью, затем бегом устремились к террасе...

Что же происходило в эти минуты в комнатах дачи, как восприняли «Турист» и Фирсун появление капитана в костюме «Профессора»?

Капитан открыл дверь в комнату с террасы. Старушка, открывавшая калитку, сидела у стола перед электрическим чайником и наливала в стакан. Окинув быстрым взглядом комнату, капитан кивком головы указал на массивную дверь, будто спрашивал: «Там?» Старуха отрицательно качнула чепцом, указав глазами на широкие створные двери с хромированными ручками. Толкнув ногой дверь, капитан оказался лицом к лицу перед Эмилем Фирсун. Хозяин дачи, заметив под костюмом голубой кант воротника кителя, сначала лишился дара речи, потом весь затрясся и закричал:

— Я не виноват... Это все они... Я их всех знаю!..

В то же мгновение за спиной Фирсуна раздался выстрел. Капитан инстинктивно отскочил и дал ответный выстрел в коридор, ведущий в кухню. Послышался глу-

хой стук. Капитан и подоспевший Вересаев бросились на кухню. А Фирсун, морщась от боли и прижимая к груди простреленную руку, кричал им вслед:

— Это шпион... Он в ванной, там люк — ход на улицу под террасой.

Один из автоматчиков обыскал Фирсуна и поставил его в угол, лицом к стене.

В тот момент, когда на даче раздались два выстрела, владелец соседней дачи сидел с женой на веранде за чаем. Услышав выстрелы, он выбежал в переулок. Не решаясь заходить во двор подозрительной дачи, он остановился и начал прислушиваться к возне, доносившейся из дровяника. Минуты через полторы распахнулось окно голубятника и из него выскочил человек. Сосед-дачник спрятался за деревом. Незнакомец, испуганно оглянувшись, побежал в сторону леса. Когда он поравнялся с деревом, сосед-дачник подставил ногу. Незнакомец со всего разбега упал на землю, выронив пистолет. Сосед прижал незнакомца к земле. Они долго барахтались. И вдруг дачник увидел, как над ним поднялась рука незнакомца с ножом, и потерял сознание. Незнакомец вскочил, схватил пистолет, но в этот момент из окна голубятни выскочила овчарка. Он дважды выстрелил, но промахнулся. Собака прыгнула на него. Он застрелил ее в упор, почти у себя на груди, и бросился бежать.

Следом за овчаркой из окна голубятни выскочил Вересаев с автоматчиком, но опоздал — незнакомец уже скрылся за углом. С противоположной стороны дачи доносился окрик: «Стой!» и выстрел. Вересаев побежал на выстрел. Из-за угла прямо на него выскочил незнакомец и растерялся. Этого было достаточно. Вересаев с первого выстрела остановил незнакомца. Пуля прошла навылет, чуть ниже легких. Незнакомец, оказавшийся бежавшим с дачи «Туристом», преодолевая боль, дважды выстрелил в Вересаева, но промахнулся, прострелил лишь пиджак и легко поцарапал левое плечо. Затем незнакомец медленно опустился на землю, поднял пистолет и выстрелил себе в висок.

Когда Вересаев подскочил к нему, «Турист» был мертв.

— Машины! — крикнул Вересаев.

Автоматчик дал в воздух условную очередь. Послышалась ответная очередь. В лощине вспыхнули фары

Автоматчик включил нагрудный фонарик и сильный луч света направил на дорогу. Вересаев услышал позади себя стон, обернулся. Сосед-дачник пытался подняться, но снова упал. Вересаев поднял его на руки и положил на заднее сиденье подошедшей машины.

— В санотдел, немедленно!..

Подошла вторая машина «пикап». В кузове сидел «Профессор» с завязанными за спиной руками. Рядом посадили Фирсуна. В ногах положили труп «Туриста». Из ворот дачи вышел капитан с двумя лейтенантами и автоматчиками. Капитан подошел к Вересаеву.

— Больше никого на даче нет. Дача оцеплена. Как быть со старухой?

— Дачу охранять до утра. Придет машина — отправьте старуху в отдел.—Он отвел капитана в сторону и сказал что-то шепотом. — Понятно?..

— Ясно, товарищ полковник.

— Мотоцикл сюда, — крикнул Вересаев в переулок.

Автоматчик посигналил красным светом. Переулок заполнился рокотом моторов. Два мотоцикла вывернулись из темноты, развернулись. Вересаев сел в коляску первого. Следом развернулся «пикап» с арестованными. В коляске замыкающего мотоцикла и на заднем сидении разместились автоматчики.

— Готовы? — услышался из темноты голос Вересаева.

— Все в порядке, — ответил капитан.

Вдоль переулка упали полосы яркого света фар, чертили на повороте по дачным палисадникам.

— Все, — сказал капитан стоявшему рядом лейтенанту, — идем на дачу к телефону.

Закрылась калитка дачи. Утихли шаги во дворе. Наступила тишина, как будто ничего здесь и не происходило.

Глава XXI

МАНИКЮРША ЛА ЛА

В фойе портовой гостиницы у барьера стоял гражданин в зеленой велюровой шляпе, манерно откинув полу бежевого макинтоша, опираясь ладонью правой руки о бедро. Дежурная гостиницы, полистав журнал выбывающих, развела руками:

— С удовольствием, но отдельных номеров нет. Только двухместные.

— Хорошо, выписывайте двухместный. Через день-два, я думаю, представится возможность, и вы устроите другой, одиночный номер.

— При первой же возможности.

— Получите аванс.

— И документы, пожалуйста: паспорт, командировочное удостоверение.

— Командировочного не имею. Я приехал провести в вашем городе трудовой отпуск.

Дежурная дала гражданину листок прибывающих, вернула паспорт со словами: «Заполните и сдадите попозже... Люда, проводи гражданина в двенадцатый номер...»

Девушка подняла чемодан и скрылась с гражданином в коридоре. Сидевшие в глубине фойе, скучающие от безделья официанты ресторана начали строить догадки о профессии нового жильца двенадцатого номера. «Наверно, артист», — сказал розовощекий, точно надутый буфетчик. «Возможно», — согласился официант, поправляя стягивающий его шею галстук-бабочку. — «Скорее ученый или лауреат какой-нибудь, видали, как одет», — возразила дежурная... Посудачив еще минут пять, буфетчик и второй официант с мефистофельской бородкой пошли в зал к буфету обслуживать вошедших посетителей.

Часа через полтора незнакомец вернулся из номера в фойе, сдал дежурной заполненный листок, паспорт, оставил в фойе тонкий аромат дорогих духов и вышел на улицу.

Он зашел сначала в одну парикмахерскую, потом в другую. В третьей парикмахерской не было очереди, но незнакомец не занял кресла и пошел в следующую. Однако и здесь не нашел того, кого искал. Он уже повернулся уходить, но, заметив в женской парикмахерской склонившуюся у столика золотоволосую маникюршу, остановился, пристально вглядываясь в ее красивый профиль. Выйдя в комнату ожидания, он снял макинтош, сел в свободное кресло и достал портсигар. Медленно извлекая папиросу, посмотрел на лежавшую в портсигаре фотокарточку женщины и отметил про себя: «Да, это она».

Сидя затем в кресле, он пристально следил в зеркало за видневшимся между штор отражением маникюрши. Рассчитываясь у кассы, он незаметно сунул кассирше записку, шепнув:

— Побystрее передайте Лалочке.

Кассирша понимающе улыбнулась и утвердительно кивнула головой. Незнакомец вышел и направился к центру города. В парфюмерном магазине он купил сюрпризную коробку подарочных духов, в ювелирном — модные золотые серьги и направился к центральному скверу. Здесь зашел в кафе, занял свободный столик по соседству с захмелевшими уже двумя мужчинами и позвал официанта.

— Следите за моим столиком. Когда придет дама, подадите коробку лучшего мармелада, бутылку «черри-бренди» и две плитки шоколада. А пока холодную осетрину и бокал сухого вина.

Незнакомец отпил пару глотков вина, начал неторопливо закусывать, поглядывая на дорожку сквера. Закусив и выкурив папиросу, посмотрел на часы.

В конце аллеи показалась Лала. Войдя в кафе, она осмотрелась и направилась к столу незнакомца. Он назвал пароль явки. Скользнув взглядом по сидящим за столиками парам, Лала достала зеркальце, губную помаду и, делая вид, что прихорашивается, сказала тихо, без движения губ:

— Осторожнее. Здесь говорить не нужно.

Официант накрыл стол. Незнакомец и Лала поели. Перебрасываясь безобидными фразами, вышли в сквер.

— Где остановились? — тихо спросила Лала.

— В двенадцатом номере «Приморской».

— Напрасно. Там сейчас рискованно.

— Что посоветуете?

— Перебраться ко мне. Через неделю муж уходит в плавание.

— А как же быть эту неделю?

— Надо подумать. Хорошо, если бы удалось вам познакомиться с мужем, войти в его компанию. Но в таком изящном костюме в их общество не войдешь. Их можно провести, но надо сделать это тонко.

— Что же предлагаете?

— На время стать моряком. И проникнуть в их об-

щество. Да, а где же Пауль? Меня предупреждали, что выедет он.

— Пауль провалился.

Медленно прогуливаясь по дорожкам сквера, они наметили пути дальнейших действий, условились о месте встреч. Маникюрша Лала, приняв подарок, вернулась в парикмахерскую, а незнакомец пошел по магазинам подбирать нужный матросский костюм и тельняшку.

Во второй половине дня человек среднего роста, в потертом бушлате, остановился у ворот дока морского порта. Поставив на землю дорожный баульчик, он осмотрелся по сторонам, приглядываясь к выходящим из ворот рабочим дневной смены.

Устало опустившись на баульчик, он достал из кармана сигарету, помял ее между пальцев, закурил, продолжая осматривать проходивших мимо него рабочих. Через некоторое время из ворот дока вышли трое. Один высокий, худощавый. Между распахнутыми полами бушлата виднелась засаленная матросская тельняшка. Второй толстый, приземистый, с непомерно длинным туловищем и короткими ногами, как бы искусственно укороченными. Третий среднего роста, атлетического сложения, с мохнатыми бровями и сильно угрыстым лицом. Незнакомец торопливо поднялся и шагнул к ним навстречу:

— Ребята, где тут контора дока?

Человек в матросской тельняшке осмотрел его с головы до ног, переглянулся с угрыстым соседом и спросил фамильярно:

— Что, насчет работёнки?

— Да. Приехал в незнакомый город. Еще никого не знаю. Без работы надоело дрейфовать. Решил здесь пришвартоваться. Говорят, в доке нужны рабочие.

— Из трюмных или палубная швабра?— спросил толстяк, хлопнув по-приятельски незнакомца по плечу, и добавил: — Не сердись. Вижу, что нашей профессии.

— Да, по турбинной части. Знаю электрику, компрессорное хозяйство. В подводном служил, старшина первой статьи.

— Значит, все харчевые вытравил, сел на мель, — заметил угрыстый с усмешкой.

— Нет! С харчевыми полный порядок. Старики умерли — хатенку продал, живность кое-какая была. В об-

щем собрал прилично, мог бы еще с годик дрейфовать, но руки по работе зачесались.

— Чего же молчишь. Хочешь войти в общество — ставь смазку, — оживился толстяк и указал рукой через улицу на вывеску закусочной.

— А что ж, я могу. И сам не прочь пропустить адмиральскую. — Он подхватил свой баульчик и сделал широкий жест рукой: — Пошли в кубрик.

Часа через три, когда солнце опустилось на холмы за бухтой, компания вышла из чайной заметно навеселе. Толстяк еле выговаривал слова:

— Н-ночевать есть где?

— Сегодня есть. Снял угол у одной старушки.

— Ну-у р-раз так, то п-порядок, а то можно и ко мне.

— Нет, он пойдет ко мне, — перебил толстяка угрюмый. — Зачем платить деньги, если у меня свободная комната, тем более через несколько дней я уйду в рейс.

Незнакомец задумался над тем, как ему быть.

— А не стесню я вас?

— Нет, мы вдвоем с женой. Мешать не будешь.

— Тогда я лучше завтра переберусь.

Договорившись, приятели разошлись, условившись встретиться завтра в этой же закусочной. Все пошли по домам, а незнакомец — в баню. Когда он после банных процедур выходил из номера, старушка-контролер промолвила про себя:

«Вроде заходил пожилым моряком, а вышел на десять лет моложе. — Она посмотрела вслед уходящему мужчине в облегающем фигуру дорогом коверкотовом костюме и покачала головой. — Просто диву даешься, как преобразает человека одежда».

На второй день после работы худощавый моряк и толстяк, поджидая своего товарища перед выходом из дока, вспомнили вчерашнюю беседу в закусочной со старшиной первой статьи.

— Кажется, неплохой парень, свойский, — заметил худощавый.

— Рубаха-парень, — согласился толстяк. — Видал, сколько вчера заплатил. От всей души, без всяких колебаний.

— Где же Ефим Середа? — нетерпеливо сказал худощавый, поглядывая вдоль набережной дока. — Что его могло задержать?

— Пойдем по домам. Он может задержаться надолго. К рейсу готовится, сам знаешь.

Они уже собрались выходить в проходную, но, услышав голос Середы, остановились. Ефим подошел, обтирая на ходу паклей руки.

— Вчерашний парень поджидает у закуской, я сквозь ворота видел. Идемте быстрее.

Миновав проходную, они осмотрелись: ни у ворот дока, ни у закуской никого не было. Пройдя несколько шагов по направлению к дому, они услышали голос из окна закуской:

— Эй, друзья, куда вы! Я жду давно. Разворачивайтесь — пришвартовывайтесь в знакомой гавани.

Друзья, переглянувшись, обменялись улыбками и повернули через улицу к закуской. С этого вечера старшина первой статьи переселился на квартиру к Ефиму Середе.

Через несколько дней, накануне выхода лайнера в море, жена Ефима Середы, маникюрша Лала, взяла на работе выходной для проводов мужа в плавание. Поджидая ушедшего в город Ефима Середу, они со старшиной первой статьи уточняли последние детали хитроумного плана. Лала полулежала на кушетке, дымя папиросой, не спуская чуть прикрытых ресницами глаз со старшины, гримировавшегося перед зеркалом.

— Нет, очень грубо, — сказала она и, отбросив небрежно папиросу, взяла один из тонко отточенных карандашей. — Чтобы угринки были естественными, их нужно не на кожном покрове рисовать, а наносить искусно в самые поры. — Растянув пальцами кожу, она вставила острие карандаша в пору кожного покрова, покрутила легонько карандаш, переставила его в другую пору. Сделав несколько угринок, она сказала: Вот как нужно делать, посмотри.

Старшина поднес к лицу настольное зеркало, сравнивая свою работу и маникюрши.

— Да, ты, Лалочка, права. Моя работа слишком грубая.

— Хорошо. Иди умойся. Я сама тебе сделаю перед уходом в порт.

— Знаешь, Лала, что мы не предусмотрели? Накануне выхода лайнера в море команду могут не отпустить на берег. И тогда все пойдет прахом.

— Что же ты предлагаешь?

— Вместо Ефима Середы сегодня на ночную вахту должен пойти я.

Во дворе слышались тяжелые шаги Середы. Старшина первой статьи быстро умылся, обмахнулся полотенцем и надел китель. Когда вошел хозяин на крыльцо, старшина надел фуражку и встретился с ним в передней.

— Вы куда же? Хозяин в дом, а гость со двора?

Старшина оглянулся, не подслушивает ли хозяйка, и шепнул:

— В «Гастроном». Завтра день моего рождения. По случаю вашего отъезда вспрыснем авансом сегодня. Но жинке ни гу-гу. Я мигом обернусь.

Хозяин понимающе улыбнулся, хлопнул старшину по плечу и вытолкнул его легонько за дверь.

К десяти часам вечера, за час до вступления на вахту, Ефим Середа спал мертвецким сном, а Лала, посматривая на лицо спящего мужа, наводила угринки на щеках старшины. Когда все было готово, старшина достал пачку кредиток и передал маникюрге со словами:

— Постарайся, Лала, поддержать его в этом состоянии до возвращения лайнера. Завтра выпиши бюллетень, и он успокоится. Скажи, что вынужден был пойти вместо него, чтобы выручить товарища... Ну, вот и все. Денег вам хватит. Впрочем, — он достал из внутреннего кармана пачку сторублевых кредиток и протянул маникюрге, — это, Лалочка, за услуги.

В полдесятого вечера, положив в карман паспорт и пропуск в док на имя Ефима Середы, «старшина первой статьи» взял чемоданчик, вышел на улицу и затерялся в толпе.

Глава XXII

НА ЛАЙНЕРЕ

Антон Савельевич взял для предосторожности Зинаиду Петровну под руку, помог ей сойти по трапу на глиссер. Опустившись на сиденье, он почувствовал, как вздрогнул корпус. За кормой поднялись буруны отталкиваемой винтом воды. Плавно развернувшись, глиссер начал лавировать между стоявшими на якорях судами. Обогнув мол и миновав каменную стену волнолома, глиссер вышел на простор морского рейда. Зинаида Петровна вски-

нула бинокль, рассматривая стоящий на рейде трехпалубный белоснежный лайнер.

— Какой красавец, — сказала она восторженно. — Неужели это он?

— Он, он, Зиночка. Прочитай надпись.

Зинаида Петровна перевела бинокль в направлении носовой части судна и прочитала с расстановкой, выделяя каждый слог:

— «Профессор Кремлев»... Тоня, когда подъедем поближе, сфотографируй. Вернёмся домой, увеличим и сделаем папе сюрприз — повесим в его кабинете, в хорошей раме. Это будет лучший подарок для него. Ты же знаешь, папа немножко честолюбивый.

— Обязательно сфотографирую, только не сейчас, а около Крыма. Там снимок будет лучше, с живописным фоном.

Глиссер развернулся вдоль борта и сбавил ход. В борту лайнера между первым и вторым рядом иллюминаторов распахнулись во внутрь герметические створы дверей. Через порог дверей опустился металлический конус лестницы — трапа. По ступенькам сбегали на мостик трапа два матроса. Один помог подняться Зинаиде Петровне, второй подхватил из рук Споряну чемодан. На внутренней палубе их встретил капитан третьего ранга:

— Первый помощник капитана лайнера, — браво козырнул он. — Каюта, товарищ Споряну, в первом классе, разрешите сопроводить.

Он кивнул державшему чемодан матросу. Зинаида Петровна и Антон Савельевич прошли следом за матросом на ступеньки уходящей вверх лестницы — эскалатора. Помощник капитана встал на ступеньки и перевел пусковой рычаг. Ступеньки эскалатора бесшумно двинулись вверх. Поднявшись на палубу первого класса, помощник капитана пояснил:

— Все эскалаторы, их на лайнере пять: два трюмных, два палубных и один к бассейну для плавания, включаются поворотом рычага, а выключаются автоматически, как только сойдет со ступенек последний человек.

Он включил снова эскалатор, сбегал на несколько ступенек вниз и, приблизившись к площадке палубы, перепрыгнул через две ступеньки. Когда его ноги отделились от ступеньки, не успев еще коснуться площадки, эскалатор остановился.

— Люкс номер два, — сказал помощник капитана матросу.

Зинаида Петровна была изумлена комфортабельной отделкой первого класса. Мягкая ковровая дорожка, рисунок которой напоминал посыпанную желтым песком аллею, зажимаемую с обеих сторон аккуратно подстриженными барьерчиками мелколистной лавровишни, могла бы быть украшением партера любого театра. Панели коридора, отделанные полированной карельской березой, двери кают красного дерева, окантованные хромированной сталью, ажурные плафоны, зеркальные вытянутые, ромбовидные лучи восьмиконечных звезд — абажуров, заливающих светом коридор, — все это Зинаида Петровна видела впервые в жизни. Двухкомнатная каюта-люкс, с ванным отделением и душем покорили ее окончательно. Ворсистый ковер покрывал весь пол гостиной. Изящная бархатная тахта, мягкие стулья с ковровыми накидками на сиденьях, зеркальный шифоньер, белоснежные постели — все радовало глаз, располагало к отдыху.

Закончив обход каюты, скинув дорожные плащи, Антон и Зина опустились в кресла, перебрасываясь шутками. Минуты через две зазвонил судовой телефон, Антон взял трубку:

— Слушаю... Да, Споряну... Есть, товарищ капитан, присутствовать при запуске двигателей, — громче обычного ответил Споряну и поднялся из кресла. — Зиночка, осваивайся пока. Меня приглашают члены комиссии в машинное отделение. Лайнер уходит в рейс. Я скоро вернусь...

— Иди, иди, Тоня. Может, обед заказать к твоему возвращению. Через сколько минут?

— Не нужно, Зиночка. Обед устраивает капитан в кают-компании, как только выйдем в море. Готовься на прием к капитану, — подмигнул он и улыбнулся.

Оставшись одна, Зинаида Петровна раскрыла телефонную книжку лайнера. На первой странице она увидела цветное фото лайнера, а под ним красочную рекламу: «Работают круглосуточно рестораны первого и второго классов, водный бассейн. Дежурный буфет выполняет заказы с 8 утра до 2 часов ночи. На лайнере — кинотеатр, библиотека, читальный и концертный залы,

комнаты отдыха и игр, аптека, врачебный кабинет, детский сад и детские ясли».

Донесся прощальный гудок сирены. Зинаида Петровна открыла окно. Лайнер плавно разворачивался, беря курс в открытое море. Полюбовавшись удаляющимся берегом, она раскрыла чемодан и начала размещать в шифоньере свой дорожный гардероб. Через полчаса возвратился Антон, и они пошли в кают-компанию на первый банкет «морской вежливости».

Пока в кают-компании звенели бокалы, произносились тосты, лайнер вышел далеко в открытое море, сделав левый разворот и лег курсом вдоль побережья. Дежурный механик записал в бортовом журнале: «В 22. 00 легли курсом на Батуми. Двигатели переключены на форсированный режим пятого деления. Число оборотов возросло до 1200. Пропорционально возрастает скорость».

Когда в кают-компании подняли прощальные бокалы, склянки пробили полночь. Антон Савельевич и Зинаида Петровна после банкета вышли на палубу подышать свежим воздухом. Впереди, слева по борту, дрожало далекое зарево. Зинаида Петровна заинтересовалась:

— Тоня, что такое там горит?

— По-моему, огни Сочи. Поравняемся, тогда узнаем по огням гору Ахун.

— А что это за гора?

— Это самая высокая точка в этом месте на Черноморском побережье. На гору проложена прекрасная, выходящая по склонам гор между садов и цветов асфальтированная дорога. На горе первоклассный ресторан. Не особенно давно построена в древнеримском стиле башня высотой 30,5 метра для обозрения морских далей и окрестных гор. В курортных справочниках о горе Ахун говорится примерно так: «Большое впечатление оставляет поездка на гору Большой Ахун. Протяженность маршрута 44 км. Вершина горы находится на высоте 663 метров над уровнем моря. Это наиболее высокая точка всей прибрежной полосы курорта Сочи — Мацеста. Гора Ахун — излюбленное место экскурсантов и отдыхающих в санаториях курорта Сочи — Мацеста». Вот и все.

— Интересно там побывать.

— Хорошо, Зиночка. Первый же отпуск — едем в Сочи.

Утром лайнер проходил внешним рейдом Сухуми.

Южное солнце, ставшее над вершинами белоснежных шапок седого Кавказа, алмазной россыпью заливало спокойную морскую гладь. Любуясь дрожащими маревами далее, Зинаида Петровна опустила раму окна: в каюту хлынуло дыхание Черного моря. На гладкой поверхности спокойного морского простора то тут, то там лениво переваливались белые туши и снова исчезали в морской бездне.

— Тоня, смотри, смотри, что это такое?

— Это, Зиночка, дельфины играют.

— Даже лайнера не боятся. Как красиво. Вон посмотри, как резвятся. Вон еще. Ой, сколько их!

— Они встречаются здесь вдоль всего побережья.

Зинаида Петровна долго любовалась этим зрелищем, не в состоянии оторваться от окна. Солнце подымалось все выше и выше, разгоняя утреннюю прохладу. Становилось все жарче и жарче. В репродукторе раздался звонкий голос вахтенного начальника:

— Внимание, товарищи! Закройте окна — включаем палубные фонтаны.

Зинаида Петровна подняла раму и инстинктивно отстранилась от окна. Вдоль палубы поднялся вихрь водяной пыли, орошая стены кают, палубные надстройки, солнечные тенты...

Антон Савельевич и Зинаида Петровна почти весь день провели на палубе, купались в бассейне, любовались морскими просторами, пейзажами гор. Когда солнце коснулось своим краем горизонта, лайнер отсалютовал берегу протяжным сигналом электросирен и взял от берега курс в открытое море. По мере того, как лайнер удалялся от берега, становилось все свежее, прохладнее. Вскоре корабль сделал еще поворот на несколько градусов правее и лег курсом на Крым. Начинался период основных испытаний: работы двигателей на максимальных режимах и определения крейсерских скоростей.

Полужинав, все свободные от вахты собрались в кино. После сеанса Антон Савельевич и Зинаида Петровна решили отдохнуть на морском воздухе.

Они прошли по палубе на носовую площадку лайнера и остановились, опираясь о перила. Распарываемая морская гладь вздымалась перед носом лайнера высокими бурунами и рассыпалась, фосфоресцируя искрящимся каскадом алмазных брызг. Антон Савельевич надел специальные очки, позволяющие даже ночью видеть жизнь мо-

ря на глубине 8—10 метров. Через минуту-две он сильно сжал руку Зины, проговорив скороговоркой: «Постой, постой — что там такое?»

— Где, Тоня?

— Простым глазом этого не заметишь — инфракрасные лучи. По-моему, кто-то сигналил с лайнера, но кому?.. Мы же недалеко от морской границы с Турцией.

— Кто же может сигнализировать? На лайнере, сказал капитан, нет кроме нас ни одного пассажира. Тебе просто показалось.

— Нет, Зина, не показалось... Смотри, смотри отвечают с моря тоже...

Они осторожно перешли поближе к корме на левый борт... Споряну отчетливо видел, как падают на черную гладь воды тонкие полоски красного света с методичностью сигналов азбуки Морзе. Антон Савельевич перегнулся через перила палубы и замер в изумлении. Один из иллюминаторов первого ряда над ватерлинией открыт. Именно из него и падают световые сигналы в сторону гурецкой границы.

Антон Савельевич приложил палец к губам, чтобы не заговорила Зинаида Петровна и, шепнув ей: «Следи — не своди глаз: может, вздумает через иллюминатор выпрыгнуть», неслышно скрылся в дверях первого класса. Через минуту рядом с Зинаидой Петровной бесшумно появились, как тени, два моряка с пистолетами в руках. Один из моряков был в таких же очках, как у Споряну. И в то же мгновение сигналы повторились снова. Слух Зинаиды Петровны уловил еле слышимые слова: «Семнадцатый кубрик». Один из моряков исчез так же неслышно, как и появился. Зинаида Петровна дрожала всем телом, боясь двинуться с места.

Моряк придвинулся к ней и молча осторожным движением руки отстранил от перил, дав знак сесть на палубный диван. В это время вблизи лайнера показался силуэт военного катера. Моряк нагнулся к ней и шепнул: «Наш пограничник-сторожевик — не волнуйтесь». С катера на корпус лайнера легли два пересекающихся луча прожекторов. На палубе стало светло, как днем.

Сторожевой катер, развернувшись у самого лайнера, лег на параллельный курс и дал сигнал: «Застопорить машины!» В это время вернулся Антон Савельевич.

— Ну, что, Тоня? — схватила его за руку Зинаида Петровна.

— Меня не пустили в трюм. Сейчас все выяснится. Пойдем на служебную палубу.

Спустившись по эскалатору на внутреннюю палубу, они застали такую картину. К ним спиной стоял среднего роста русоволосый матрос из экипажа лайнера. С боков со вскинутыми на него автоматами стояли два пограничника. Майор в пограничной форме просматривал документы матроса, бросая на него испытующие взгляды. Рядом с майором капитан лайнера, его первый помощник, четыре младших офицера. Поодаль на палубе перешептывались матросы команды.

— Фамилия? — сухо спросил майор-пограничник.

— Середа, — неохотно ответил матрос, стоявший спиной.

— Год рождения?

— 1925.

Майор пристально взглянул на матроса и сказал сквозь зубы:

— Не слишком ли молодо выглядите, гражданин Середа, для этих лет.

Матрос промолчал, не поднимая глаз.

— Кто из экипажа хорошо знает матроса Середу, подойдите сюда.

— Я с ним живу в одном квартале, — сказал один из матросов, стоявших поодаль, — но это не он, не Ефим Середа.

Задержанный бросил короткий взгляд в сторону говорившего и отвернулся так, что в профиль хорошо стал виден Зинаиде Петровне. Она сначала прижалась испуганно к мужу, не веря глазам своим, потом крикнула так, что все обернулись в ее сторону:

— Это он! Шпион, я его знаю...

— Кто? — спросил Споряну настороженно.

— Тот самый негодяй, который был с Таберидзе и предложил свои услуги подвезти меня из театра до дома, а отвез в подвал... Его... его фамилия... Старк!

Майор будто и не слышал ее. Он не отрывал взгляда от нервно переминающегося с ноги на ногу «матроса», как бы выжидая, что он предпримет. И этой паузы было достаточно. Когда Зинаида Петровна выкрикнула его фамилию, шпион в мгновение ока схватил дула направлен-

ных на него автоматов и выбросил обе руки в сторону майора. Раздалась короткая автоматная очередь, и майор упал. Споряну инстинктивно выпрыгнул вперед, загораживая собой Зину, и оказался лицом к лицу со шпионом, пытавшимся бежать, пользуясь замешательством. В тот момент, когда Споряну схватил его за шиворот, один из младших офицеров лайнера выбил из руки шпиона пистолет. Споряну не успел еще опомниться от вспышки ярости, как шпион уже был скручен и обезврежен.

Матросы отнесли раненого майора в судовой госпиталь, а шпиона спустили на катер для переправки в распоряжение береговых властей.

Раны оказались не смертельными. Одна пуля пробила мышцу правой руки. Две прошли под кожей в правом боку, слегка повредив ребро. Легко ранен оказался и один из младших офицеров лайнера. Когда майору перевязали раны, он, преодолевая боль, поднялся на служебную палубу, вызвал с катера офицера, трех пограничников и сказал:

— Быть на мостике лайнера. Пойдет в сопровождении патрульных катеров, по эстафете. Курс на Судакский маяк. Дальнейшее указание получите в пути.

Антон Савельевич и Зинаида Петровна после этого происшествия не могли уснуть. Посидели в каюте, выпили по стакану чаю и снова поднялись на верхнюю палубу. Лайнер шел на максимальной скорости курсом на синевшие вдали горы Крыма, оставляя широкий вспененный след. В трех-четыре кабельтовых, чуть позади, слева по борту шло сопровождение пограничных катеров.

На востоке начинала заниматься утренняя заря

Глава XXIII

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

По мере того, как поезд с аппаратами станции «СИД-1» приближался к зоне Мертвой пустыни, в вагоне становилось все жарче и жарче. К обеду второго дня в душе кончилась вода. Духота становилась нестерпимой. Владимир Петрович вышел в тамбур, попросил проводницу открыть дверь. Проводница укоризненно покачала головой, но все же открыла.

— Только не стойте близко. А то закружится голова от такого зноя и недолго упасть.

— Не беспокойтесь, не упаду.

В тамбуре оказалось еще хуже. Раскаленный воздух врывался в открытую дверь и обжигал, точно дыхание раскрытой топки паровоза. Владимир Петрович не вытерпел и трех минут. Вернулся в купе и снял пижаму, оставшись без рубашки. А тут еще дорога повернула на восток, и лучи огнедышащего южного солнца хлынули через окно в купе. Все вышли в коридор, спасаясь от жары.

День казался всем нескончаемо долгим. Но и вечером, когда солнце коснулось своим краем пиков далекого Базальтового перевала, жара не спадала. Только к полуночи остыл раскалившийся за день металлический вагон, стало немного легче. Все думали об одном и том же: каково-то будет завтра, когда поезд пойдет по раскаленным пескам пустыни.

Утром поезд остановился на разъезде, набрал воды, и люди, освежившись под душем, сразу повеселели. Вагон наполнился разговором, шутками, смехом.

— Ну и жарища, — сказал электротехник экспедиции, — и как живут тут люди да еще работают на полях.

— А они, — вставил его сосед по купе, — удивляются, как мы переносим сибирские морозы.

— Не-е-т! Уж лучше сорокоградусный мороз, чем это пекло ада.

— Вода — единственное спасение. Но сколько можно протянуть на привозной воде. Видели на разъезде, какая очередь у цистерны с водой?

— Почему же не строят каналы?

— Каналы кое-где есть, — заметил Владимир Петрович, — но только кое-где. Можно ехать сотню километров по Мертвой пустыне и не встретить воды.

За разговорами и попеременными отлучками под душ незаметно прошел день. В пункт назначения поезд пришел поздним вечером. На следующий день Владимир Петрович рано утром, используя не разогнанную еще солнцем прохладу, осмотрел зону испытаний. Пока он ездил с представителем Облисполкома, выбирая точку расположения станции для проведения опытов, коллектив скатил с платформы машины, зарядил аппараты и погрузил в грузовики запас воздушных торпед. Вернув-

шись из зоны, Владимир Петрович вызвал радиста и передал ему телеграмму. Через несколько минут в соседнем купе послышался голос радиста:

— Алло, алло... «Каскад»... Говорит «СИД-1». Как меня слышите? Передаю радиограмму! Внимание, передаю радиограмму!.. «Начальнику ЦАВИ Прозорову. — Завтра в два часа начинаем опыт в зоне Мертвой пустыни. Запускаем пять серий на разные высоты. Минимальная — 15 тысяч, максимальная — проектный потолок. Передача результатов наблюдения завтра восемь часов вечера. — Начальник «СИД-1» Владимир Кремлев». Как принято?.. Повторите текст... Кто принял?.. Передал Зимин.

В двенадцать часов ночи Владимир Петрович последний раз объехал расположенные вокруг подножья холма аппараты станции, дал последние распоряжения и вернулся на НП.

— Ну как, Владимир Петрович? — спросил председатель местного исполкома областного Совета, знакомивший Владимира Петровича накануне с расположением местности.

— Все готово, Абиджан-ата.

— А начнется скоро?

— Скоро, скоро. Попьем сейчас кок-чаю и как раз придет время начинать.

Все расселись полукругом на ковре под раскидистой кроной одинокого карагача. По рукам пошли пиалы с дымящимся кок-чаем. Пили молча, думая каждый о своем. Опорожнив две пиалы ароматного напитка, Владимир Петрович затянулся папироской и сказал с улыбкой:

— Кто курящий, не теряйте времени. — Взглянув на часы, он добавил: — Через десять минут курение будет запрещено до конца испытаний.

Владимир Петрович поднялся, повернулся лицом к востоку, угадывая, где займется утренняя заря. Через несколько минут он снова посмотрел на ручные часы. Все умолкли, ожидая его последнего слова. Он бросил на землю папиросу, тщательно затоптал ее и повернулся к сидевшим на ковре Абиджану-ата и радисту.

— Пора. Зимин, приготовьте ракету. Считаю до трех...

Зимин расторопно достал из кобуры ракетницу, вложил патроны и встал рядом с Владимиром Петровичем. Абиджан-ата отошел подальше за карагач, с волнением поглядывая то на Владимира Петровича, то в

сторону холма, где стояли аппараты станции «СИД-1». Владимир Петрович поднял руку.

— Внимание!.. Даю запуск... Раз... два... три!

В тот же миг от холма во мглу ночного неба брызнули огненные нити понесшихся в стратосферу воздушных торпед. Абиджан-ата невольно зажмурился, испугавшись непривычного зрелища, прижался к толстому стволу карагача, повторяя полупшепотом:

— Н-н-ачалась, н-н-ачалась...

* * *

...Старики сидели на раскинутой у самого края бетонного канала тростниковой циновки, сложив по-восточному ноги. Их было человек восемь. Священнодействуя в соблюдении древнего ритуала, они попеременно курили. Набрав полные легкие очищенного через воду дыма, сосед передавал чилим другому. Истово затянувшись и обтерев полый халата наконечник длинного чубука, собеседник передавал трубку дальше.

Около них, на раскинутом дастархане лежали четыре дыни золотистого цвета, стояли три решета с фруктами и виноградом. Рядом на куске фанеры, накрытые от мух кисеи, лежали горки нарезанного кусками бараньего мяса, мелко нашинкованной моркови, лука, горка лепешек и крупные помидоры. Старики затеяли плов, поджидая почетных гостей и начальство.

Этих разряженных в яркие шелковые халаты людей можно было принять за ханов или беков. Ведь не так уж давно в этой безводной степи шелковый халат был первым признаком власти и знатного происхождения. Теперь эти собравшиеся в час досуга за дастарханом поливальщики цитрусовых плантаций — полные хозяева земли и воды. Прогнав ханов, беков и баев, народ развел чудесные сады цитрусовых и субтропических культур, виноградники, бахчи. Вода вскоре изменила и основную страсть хозяйства степи — хлопок и каучуконосы. Но эта жизнь охватывала небольшую полосу земли вдоль канала, куда доходила вода. А дальше в степи — однообразный пустынный пейзаж — почти никакой жизни.

Вдали послышался еле различимый среди шелеста тополей гул мотора. Старики, сунув босые ноги в тростниковые шлепанцы, поднялись на гребень плотины. От-

сюда очерченный двумя рядами пирамидальных тополей канал казался бесконечной аллеей, смыкающейся у горизонта. По его зеркальной глади стремительно неслась моторная лодка, поднимая носом буруны брызг. Из еле приметной точки она становилась все больше и больше. Двое стариков сказали в один голос:

— Хикмат-Гваюла, кельды...

Хикмат работал бригадиром совхоза каучуконосов. Под наблюдением ученых он вывел новый высокоурожайный сорт каучуконоса-гваюлы, содержащий в корнях до 60 процентов каучука. За это его и прозвали Хикмат-Гваюла. Но чаще, в знак уважения, называли его «бошка агроном», что означало скорее не дословный перевод — старший агроном, а большой агроном — опытник.

Лодка, сбавив ход, плавно подходила к бетонной стенке акведука. На борту стоял плотный, высокого роста, бронзовый от загара Хикмат. Широко улыбаясь, он снял ковровую тибетейку, приветствуя встречающих.

— Салам, аксакалы!

— Салам! Салам, Хикмат! — закричали старики с берега. — Келинг, келинг!

Обменявшись с гостем рукопожатием, старики снова уселись на циновку, предложив агроному почетное место на подушке. Двое из них начали хлопотать около казана, готовя плов. Остальные слушали агронома, который рассказывал старикам о капризах новых каучуконосов, о строгом соблюдении режима трубочных поливов.

Хикмат был одним из организаторов большого государственного хозяйства по развитию каучуконосов. Шутливая кличка Гваюла теперь не только не выражает насмешки или шутки над Хикматом, связавшим всю свою жизнь с историей каучуконосов, а скорее звучит как похвала или мера уважения к этому неутомимому и трудолюбивому человеку. Носивший еще недавно огромную черную бороду Хикмат всегда аккуратно выбрит. По его могучему телосложению и залатым румянцем щекам никто не дает ему прожитых 55 лет.

Поливальщики давно покончили с пловом. Слушая своего агронома, они то и дело протягивали руку к разложенным на дастархане лакомствам. Потолковав о методах ухода за гваюлой и тау-сагызом, о неотложных работах на плантациях цитрусовых, Хикмат заговорил на самую любимую тему — о проблемах воды.

Наши хозяйства, — объяснял он старикам, — в ином положении, чем остальная степь. Наша долина — капля в море. Она занимает в республике всего три процента площадей. Вот если бы проложить пять таких каналов, поднять воду на перевалы и там провести оросительную сеть...

— Нельзя, эгит, того сделать, — заметил пожилой аксакал. — Воду на гору не заставишь подниматься. Машины надо... Дорогая вода будет, дороже золота...

— Ты прав, Сабир-ата. Такая вода дороже гранатного сока выйдет.

— Пруды надо в горах строить, — подсказал другой старик.

— Пруды — дело хорошее, но и из пруда воду на гору тоже не поднять. А на горе пруд построить нельзя.

— Но польза все же будет большая, Сабир-ата, — заметил Хикмат. — Много прудов, много испарений. Какая-то часть их будет оседать и на склонах.

Беседа о воде то прерывалась какой-нибудь другой, неожиданной возникавшей темой, то разгоралась вновь. Агроном все больше и больше увлекал собеседников своими планами. Стало вечереть.

Беседа затянулась до полуночи. Переговорив со своими садоводами обо всем, Хикмат поднялся.

— Ну, мне пора, — сказал он, посмотрев на звезды. — Еще надо успеть на питомник. Там, видимо, я за ночую. Скоро уже пять часов.

Старики почтительно встали. Неожиданно над облаками вспыхнуло зарево молний, стало ослепительно светло. Все с изумлением замолчали.

— Вот это гроза! — воскликнул Хикмат.

— Нет, это не гроза, — отрицательно закачал головой Сабир-ата.

— В наших местах из века в век в это время никогда не бывало гроз.

— Тогда что же может быть?

— И Аллаху неизвестно. Может, такое же несчастье, как извержение Везувия.

— Какое? — взволнованно насторожился Хикмат.

— С очевидцами я не встречался, но молва в народе идет такая, что там было землетрясение, похоронившее весь город и окрестные селения.

— Землетрясение, — задумчиво проговорил Хикмат. —

Если землетрясение, то откуда эти молнии от земли и до неба?

— Нет. Молнии только в небе блеснули, — возразил один из поливальщиков.

— Может, взлетела на воздух тайная база американцев, — заметил другой. — Они же Иран и Пакистан начинили порохом. Вот, может быть, и доигрались, как в Западной Германии.

— О Западной Германии я что-то не слышал, — заметил Сабир-ата.

— О взрывах военных складов в Западной Германии писали в газетах, — пояснил Хикмат. — Все взлетело на воздух. Ночью было светло, как днем. На сорок миль вокруг не осталось ни одной души...

— Тогда сообщали, что поднялся столб огня от земли к небу, — заметил один из поливальщиков, — а это мы сами видели: над облаками зарево. Может, и гроза большая. Шлюзы надо приготовить...

— Пожалуй, это верно, — согласился Хикмат. — Чувствуете, ветерок свежий потянул. Должно быть, сильная гроза идет...

Все повернулись лицом к северу. Замолчали. Зарева уже не было. Но ветер дул порывами, как перед грозой, и затем мгновенно набежал вихрем, нагибая деревья, поднимая тучи пыли.

— Ну вот, ждите большого дождя, — сказал агроном. — Смотрите за шлюзами. Нет, лучше заранее откройте все водосборы. Я попробую до бури проскочить на питомник.

Через минуту звонко запел мотор, и катер, рассекая рябь канала, понесся навстречу ветру.

От холма отделился мотоцикл, набирая скорость. обогнул высокий песчаный бархан и устремился к одиноко стоявшему старому карагачу. Подъехав поближе, мотоциклист приглушил мотор, привстал на сиденье, придерживая мотоцикл сильными ногами, приложил руку к козырьку:

— Задание выполнено, товарищ начальник. Аппараты работали безотказно. Запущено пять серий. Предельный потолок 450 тысяч метров...

Владимир Петрович кивнул мотоциклисту, что означало: «Я об этом знаю», продолжая следить за изменениями над зоной испытаний. Плотные оранжевые шары, образовавшиеся после взрывов на разных высотах, вызвали встречные воздушные потоки. Рождающиеся из оранжевых шаров черные завихряющиеся тучки сталкивались между собой, взмывали вверх, вытягивались в длину, поднимались стеной, опрокидываясь к земле верхней зубчатой стороной, — темнели, разрастались, застилая все большую и большую часть небосвода.

— Интересно, — слышался ни к кому не обращаемый голос Абиджана-ата. — Люди сделали тучи. Интересно... Вот бы сюда муллу Максума Ишана. Что бы он сказал?.. Нет, старикам, женщинам Востока надо показать это...

На лицо Абиджана-ата упала крупная холодная капля. Он смахнул ее полкой халата и подозрительно посмотрел вверх на крону карагача. В это время на его лицо одна за другой упали три капли. Он шлепнул ладонью по щеке, взглянул на ладонь и закричал:

— Владимир Петрович, вада. Честный слова — вада. Ват сматри насюда. — Он протянул руку. — Вада, дождь будит...

Владимир Петрович улыбнулся. Посмотрел еще раз на сгущающиеся тучи и сказал весело:

— Вода, Абиджан-ата, вода! Сейчас дождь пойдет!

Когда через несколько минут начался настоящий грозовой ливень, Абиджан-ата ловил его в тюбетейку, разглядывал прозрачную воду, не веря своим глазам, и восторгался, как малое дитя:

— Дождь! Правильный, настоящий дождь. Ай, хаша машинка!.. Владимир Петрович, прадай нам этот машинка. Облисполком купит. Любой цена проси. Ми ее работа будем показывать муллам, ишанам. Соберем всех стариков, женщин — всем показывать будем. Скажем, шайтан на земля попал. Ручным стал...

Все громко рассмеялись.

Владимир Петрович послал вечером радиogramму. Помимо подробного описания результатов испытаний, сообщил о впечатлениях и просьбе председателя Облисполкома Абиджан-ата. На второй день получил ответ за подписью Вахрушева и Прозорова. В телеграмме говорилось:

«Станцию «СИД-1» оставить для продолжения опытов в Мертвой пустыне сроком на три месяца. Дано указание отгрузить в адрес станции эшелон воздушных торпед. Составьте план испытания, наблюдения, проинструктируйте руководителей и возвращайтесь самолетом. — Вахрушев, Прозоров».

Абиджан-ата был в восхищении от такого неожиданного исхода дела. Он приказал построить под старым карагачом настоящую чайхану, доставлять ежедневно коллективу станции свежие фрукты, продовольствие и воду. Он очень любил повторять сорвавшуюся однажды у него с языка фразу: «Ваша работа — дирка делать на небе, чтобы вода бижал. Моя — кармить вас лютче курорта». И он был верен этому слову.

Прошла неделя, пока Владимир Петрович разработал программу длительных испытаний, закончил инструктаж персонала. Наступил последний день. Владимир Петрович попрощался с коллективом и уехал на аэродром. На следующее утро серебристая машина, пробежав по полю аэродрома, сделала круг над окрестными барханами и легла курсом на Самгунь.

Когда самолет пересек Мертвую пустыню и поднялся за облака, Владимир Петрович вспомнил совещание у Вахрушева, посмотрел в окно на пробегающие под крылом самолета заоблачные пейзажи, откинулся поудобнее в кресле и сказал про себя:

«Любопытно, где сейчас Жезлов со своим «гремучим поездом»?.. Как у него дела?»

Г л а в а XXIV

ПЗЛУЧЕНИЕ МЕРТВОЙ ПУСТЫНИ

После испытания первой станции искусственного дождения у отрогов Базальтовых гор и на границе Мертвой пустыни жители припустынных районов стали замечать небывалые, неизвестные в этих местах явления. Они, эти явления, настолько были неожиданными, оказывали такое чудодейственное влияние на природу пустыни, что сразу приковали внимание многих ученых.

Каждого десятого — двадцать пятого числа в июле, августе и сентябре где-то в центре Мертвой пустыни методически, после полуночи, вставали к небу огненные

свечи. Затем доносился грохот взрывов и начиналось на огромном расстоянии излучение пустыни. Излучение продолжалось не более минуты-двух, затем мгновенно потухало. Через час-полтора после излучения из центра пустыни налетал ветер: начинался дождь, переходящий в ливень, продолжающийся, как правило, до следующего полудня.

Мертвая пустыня, на песках которой веками ничего не росло, кроме саксаула и верблюжьих колючек, в начале августа покрылась зеленым ковром трав. Стада овец, табуны лошадей устремились в глубь пустыни на десятки километров. На просторах пустыни появились озера. Предутренняя тишина стала наполняться веселым разноголосьем птиц.

Население сначала смотрело на эти перемены с опаской и подозрением. Потом с любопытством, сочиняя об этих излучениях всевозможные легенды. Даже образованные люди не могли объяснить эти перемены сколько-нибудь вразумительно. Один старый учитель-физик, уверовав в свою гипотезу, доказывал, что наблюдающиеся излучения Мертвой пустыни — результат выделения газов магмы, пробивших земную оболочку. Нетрудно себе представить последствия такой «теории», если бы в действительности раскаленная масса центра планеты, скрытая в глубине земли на много километров от поверхности, вдруг прорвалась наружу. Даже невозможно представить себе последствия такой катастрофы — катастрофы в полном смысле этого слова для всего живого на земле.

Немало было сторонников и других гипотез. Одни утверждали, что Мертвая пустыня с ее знойным климатом, служившая много веков притяжением наибольшей массы солнечной энергии, перезарядилась ею и потому-де началась естественная разрядка — излучение. Другие усматривали какую-то связь с наличием солнечных пятен, вернее, с появлением их. Но почему эти пятна оказывают воздействие на такой ограниченный участок земной поверхности, как Мертвая пустыня, никто не мог объяснить даже сугубо теоретически.

Станным поведением Мертвой пустыни, получившим название земного излучения, всерьез заинтересовались многие научные учреждения. Эти настроения усилились, когда стало известно, что ни скот, ни птица (обычно рез-

ко реагирующие на такие явления, как солнечное или даже лунное затмения) не проявляют никаких признаков беспокойства. Начались поиски ответов на десятки новых загадок природы.

В резиденцию института физических проблем Академии наук СССР ежедневно шел огромный поток писем, телеграмм, радиограмм. Руководители института вынуждены были установить специальные дежурства у телефона. Научные общества многих стран, университеты, научно-исследовательские институты и лаборатории, многие видные ученые, телеграфные агентства, газеты, журналы просили советских ученых поделиться результатами наблюдений земного излучения — великого сияния природы, которое, как уже стало широко известно, происходило на территории СССР.

Первого октября академик Кремлев устроил пресс-конференцию редакторов газет, видных писателей, иностранных корреспондентов. Ответить устно на все вопросы оказалось просто невозможно. Помимо наивных предположений, подобно гипотезам о перезарядке Мертвой пустыни солнечной энергией или извержения магмы, было немало и сложных, порой очень щепетильных вопросов. Один корреспондент американской газеты спросил:

— В заграничной прессе промелькнула сенсация, что одним литром открытого вами жидкого газа можно усыпить целую дивизию. Применяется ли этот газ или его производные в медицине, как средство соннотерпии?

— Это область компетенции медиков, — уклончиво ответил академик. — Наш институт такие проблемы не интересуют.

— Какова область применения нового вещества? — спросил другой иностранец.

— Это прежде всего топливо с высоким октановым числом, — сказал академик. — О его большой калорийности дает представление тот факт, что самолет на одной заправке новым горючим может свободно облететь вокруг земного шара и не один раз.

Зашуршали блокноты иностранцев. Посыпались многочисленные вопросы об удельном весе, способах транспортировки, огнеопасности нового топлива и тому подобное. Академик терпеливо выслушал эти вопросы и ответил на все одной краткой фразой:

— Это газообразное вещество.

Выслушав участников пресс-конференции, академик дал обобщающие ответы и вручил для печати краткое сообщение.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЛУЧЕНИЯХ В МЕРТВОЙ ПУСТЫНЕ

«Происходившие над территорией СССР загадочные явления, известные из печати под названиями Солнечной бури, Земного излучения, Великого сияния природы и тому подобное, не составляют какого-либо секрета или непостижимой тайны природы.

Наблюдавшиеся сияния — явления термо-электрического происхождения, причем силы, впервые наблюдаемой. Создавались эти явления искусственно за счет столкновения взрывной волны газов нового вещества с воздушными течениями атмосферы при производственных испытаниях первой станции искусственного дождевания — «СИД-1».

Наблюдениями установлено и подтверждено лабораторными и производственными опытами, что эти явления относятся к ряду редких, но естественных грозовых процессов, происходящих в результате столкновения различных по плотности, направлению и температурам воздушных потоков. Влияние этих явлений на природу пока остается предметом изучения...»

Академика снова засыпали вопросами: сколько стоит новая машина, можно ли посмотреть этот «поливной комбайн», согласится ли правительство СССР продать такую машину американским фермерам и т. д. Академик улыбнулся и ответил:

— Если кого интересует сам процесс работы установки «СИД-1», можно будет понаблюдать это в самое ближайшее время в районе Кара-Кумов. Думаем вызвать грозовые явления аналогичных размеров, может, даже более мощных по силе своего воздействия на природу.

Он поднялся и добавил в заключение:

— Наше правительство не делает из этого открытия секрета, тайны. Если заинтересуются другие страны, Советский Союз поможет воевать с засухой в Египте и Сахаре так же, как решил помочь Монголии и Китаю...

На следующий день большинство авторитетных зарубежных газет на первых полосах напечатало подробные сообщения об испытаниях первой в мире стратосферной станции искусственного дождевания. Многие газеты сопроводили статьи своих корреспондентов фотоснимками тропических ливней и загадочных гроз, неведь где сфотографированных.

Некоторые обозреватели и комментаторы по-своему истолковывали это великое открытие. Страницы таких газет пестрели сенсационными заголовками вроде: «Газовые взрывы в стратосфере!», «Громы и молнии вселенной!», «Кремлевская стратосферная артиллерия!» и т. д. Но большинство газет приходило к единому знаменателю. русские изобрели ядерную установку, позволяющую управлять погодой — прогонять облака, когда они не нужны, и создавать грозовые циклоны при абсолютно ясной погоде.

Обывателей, падких на сенсации об испытаниях атомных и водородных бомб, может, и удовлетворило, вернее, успокоило прокомментированное журналистами интервью академика Кремлева о завершении испытаний станции искусственного дождевания. Однако видные ученые понимали, что крикливые газетные сообщения о станции «СИД-1», воспроизводящей в стратосфере волшебные излучения, и надуманные описания ее испытаний еще ни о чем не говорят.

Дальновидные ученые понимали, что за лаконичным сообщением русского академика и слишком многословными, но общими и чаще поверхностными газетными догадками и предположениями скрывается большая тайна.

Глава XXV

В ФИЛИАЛЕ АКАДЕМИИ НАУК

В конференц-зале Самгуньского филиала Академии наук с утра было особенно оживленно. Сухощавый, небольшого роста, подвижной старичок, профессор Хрусталев — директор научно-исследовательского института специального топлива (ЦНИИСТа) убежденно доказывал:

— Нет, не согласен, уважаемые коллеги! Проблему нового вида топлива можно считать решенной. Опыты,

проведенные инженерами Владимиром Петровичем Кремлевым и Антоном Савельевичем Споряну, убеждают нас окончательно.

— Согласен. Но это же только опыты, Сергей Сергеевич, — неуверенным тоном возражал доктор химических наук Степан Модестович Левашов.

— Вы, Степан Модестович, говорите опыты и потому полагаете, что новое топливо еще не вышло из пеленок, находится, с вашей точки зрения, в стадии эксперимента. Нет, решительно не согласен с вами.

— И я имел честь слышать тоже несколько иное мнение, Степан Модестович, — учтиво заметил доктор технических наук, директор Центральной лаборатории легких сплавов. — Вы извините, Степан Модестович, но я склонен возражать вам. В Министерстве Морского Флота восхищены ходовыми данными нового лайнера. А на этом лайнере установлены двигатели инженера Споряну, работающие именно на том топливе, о котором говорит Сергей Сергеевич.

— Сомневаться, становиться на позиции скептиков у вас, Степан Модестович, нет решительно никаких оснований, — продолжал запальчиво Сергей Сергеевич. — Представьте себе всю разнородность этих опытов. Самолеты-снаряды, стратосферные реактивные сигары, локомотив и, наконец, лайнер. Обратите внимание только на одну характерную деталь: локомотив совершил рейс в 25 тысяч километров и возвратился в Самгунь, израсходовав только два баллона — всего сто килограммов топлива. Разве не достаточно убедительны такие результаты производственных испытаний?

— Ваши доводы убедительны, Сергей Сергеевич. Но не забывайте старую русскую поговорку: «Семь раз отмерь, а один раз отрежь». Ведь никто еще результаты этих испытаний не изучал, не обобщал. Еще нет о них коллективного авторитетного мнения. Послушаем сегодня, как эти опыты оценят академики.

До начала заседания оставалось не более часа. Но разговоры ученых, сидевших небольшими группами, горячие споры о проблемах нового топлива, расширяли все больше и больше круг собеседников. Ученых-аграрников из сельскохозяйственной Академии интересовали прежде всего проблемы искусственного дождевания. Энергетики строили проекты теплоцентралей-гигантов, кораблестро-

ители мечтали о кругосветных плаваниях без захода в порты...

Увлеченные разговорами со Степаном Модестовичем ученые не заметили, как открылась боковая дверь, в которой появились руководители филиала Академии наук. Все обернулись в сторону кафедры. За столом президиума рядом с председателем филиала занимали места доктор химических наук, академик Кремлев, начальник ЦАВИ Прозоров, а слева от председателя филиала — секретарь филиала, академики. Когда утихло движение в зале, председатель поднялся:

— Товарищи! — раздался в репродукторах его бархатный голос. — Прежде чем открыть заседание, разрешите огласить один документ.

В конференц-зале наступила тишина.

— Группа академиков, руководство институтов ЦАВИ и ЦНИИСТА внесли предложение: «Учитывая выдающиеся достижения: решение проблемы искусственного дождевания, имеющей большую будущность, а также создание сверхэкономичного нового вида топлива, получившего название Кратногаз-200, представить доктора химических наук, академика Петра Кузьмича Кремлева к присвоению высшего почетного звания страны Героя Социалистического Труда».

Последние слова председательствующего заглушили аплодисменты. Когда рукоплескания утихли, председатель сказал:

— Разрешите считать Ваши аплодисменты как единое одобрение внесенного предложения.

Конференц-зал ответил новыми аплодисментами.

— Расширенное заседание Президиума Самгуньского филиала Академии наук Союза ССР объявляю открытым. На повестке дня один вопрос: доклад инженера Антона Савельевича Споряну о проблемах микроклиматов и управления погодой.

Споряну поднялся на кафедру, подошел к карте, обвел указкой северо-западные районы Казахстана, Заволжья, обращая внимание аудитории на красные стрелы наиболее постоянных воздушных течений, и бросил короткий взгляд на аудиторию:

— Наиболее характерным, — раздался в репродукторах его звонкий голос, — для управления погодой мне кажется район Заволжья с прилегающими к нему об-

ластями Казахстана. Здесь, как известно, в самую критическую пору вегетации зерновых происходит усиленное перемещение горячего воздуха с востока на запад. Эти воздушные течения, получившие название суховеев, наносят огромный ущерб народному хозяйству: сжигают хлеба, луговые травы, иссушают почву — вызывают иногда в ряде областей Поволжья и особенно Заволжья явления, ничем не отличающиеся от стихийных бедствий... О размерах наносимого суховеями ущерба можно составить представление по таким сравнительным данным. В районах с достаточными среднегодовыми осадками урожай пшеницы, например, составляет 20—25 центнеров. А в районах Заволжья в годы особенно сильных суховеев урожаи зерновых падают до трех-двух центнеров. Местами сгорают совершенно хлеба и травы.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом начал говорить о причинах, порождающих суховеи. А Дмитрий Дмитриевич, сидевший в президиуме рядом с академиком Кремлевым, придвинулся ближе к Петру Кузьмичу, показывая академику составленное уравнение: двадцать минус три, умноженное на пять миллионов, равно?.. «Вам, академик, — шепнул он, — предстоит решить эту задачу...» «Понимаю Вас, Дмитрий Дмитриевич, но почему пять, а не десять миллионов?..» «Пять миллионов гектаров Заволжья, Петр Кузьмич, самых уязвимых, наиболее подверженных влиянию суховеев. Суховеи съедают полмиллиарда пудов хлеба только в одном этом районе страны!..» Он положил карандаш, прислушиваясь к новым мыслям в речи Споряну.

— Настало время, — уверенно говорил Споряну, — дать бой этим явлениям!.. Вы спросите: какими средствами?.. каким способом?.. — Он подошел к кафедре, взял карту с нанесенным на ней планом наступления на природу, повесил ее рядом с картой изотерм и воздушных течений и обернулся к президиуму. — Мы можем в зоне зарождения суховеев и на пути их перемещения сосредоточить несколько станций искусственного дождевания. Представьте себе картину: мы вызываем обильные осадки, а воздушное течение перемещает их, распределяя, оставляя на огромном пространстве своего пути. Если нам удастся на пути казахстанских суховеев дать в июне сорок-пятьдесят миллиметров осадков, это уже будет победа.

Вахрушев бурно заплодировал. Аплодисменты президиума подхватила аудитория. Прислушиваясь к доводам, которыми оперировал докладчик, Вахрушев представлял себе в перспективе это управление погодой, прикидывал, что это даст через 10—15 лет.

«Интересно, — думал он, — как повлияет искусственное дождевание на природу степи. Достаточно ли обильным будет оно, чтобы вызвать растительность на песках, остановить распространение солончаков, опреснить или понизить концентрацию солей в лиманах?..»

Его мысль захватывала множество проблем, которые, по его убеждению, будут решены попутно искусственным дождеванием. Теперь в пору суховея лиманы испаряют вместе с водой мельчайшие частицы соли. В раскаленном воздухе соляные испарения превращаются в соленую пыль, которая оседает по пути движения суховея на посевы и луга — ускоряет гибель, высыхание хлебов и луговых трав... Активизация растительного покрова на песках и солончаках решит сразу несколько перспективных проблем: огромные пустыри превратятся в луга и пастбища, станут крупнейшей базой страны для нагульного откорма скота; на огромном пространстве нынешних пустырей с их большой суммой тепла, достаточного для созревания винограда и персиков, возникнут промышленные сады...

Зримо представляя себе картину будущего на бескрайних просторах Заволжья и Прикаспия, Вахрушев внимательно прислушивался к тому, что говорил Споряну, подытоживая свое выступление.

Профессор Хрусталеv, дотронувшись до руки соседа, многозначительно спросил:

— Ну, что вы, Степан Модестович, теперь скажете?..

— М-да, — нерешительно отозвался Левашов, — что я скажу... Судя по докладу, у руководителей филиала уже сложилось определенное мнение.

— Не только мнение, но и отношение.

— Да, да и отношение. Значит, мой скептицизм прозвучит ложно, неким отсталым мнением... Доклад с перспективой, с большой перспективой...

— А о топливе что вы думаете в связи с докладом?..

— О топливе... Ну, знаете, после такой увертюры... Героя Социалистического Труда и все прочее, остается только поднять руку, чтобы не оказаться в одиночестве...

Профессор Хрусталеv посмотрел на Левашова с нескрываемым неодобрением, подумав: «Типичный представитель консервативной школы...»

— А теперь, позвольте вместе с вами помечтать, пофантазировать... — говорил в это время Споряну. — Метеорологическая служба страны, — снова зазвучал его спокойный, уверенный голос, — за последние несколько лет наблюдает изменения температур в ряде северных районов. Например, в районе полюса холода температуры минус сорок-пятьдесят градусов, считавшиеся постоянными для периода ноябрь-февраль, почти не имеют места за последние пять лет...

Пережидая, пока утихнет движение в зале, Споряну отошел к возвышавшимся около трибуны высоким подставкам, поддерживающим рулончик географической карты, и потянул за шнур.

— Прошу обратить внимание. Еще в первых десятилетиях XX века южная граница максимальных холодов проходила по линии Киров (Вятка), Свердловск, Омск, Сталинск, Минусинск, Иркутск, Чита, Благовещенск, Хабаровск. — При этих словах он провел указкой по жирному красному пунктиру, соединяющему эти города на карте. — А за последние несколько лет южная граница максимальных низких температур не продвигалась южнее линии Магадан, Якутск, устье Подкаменной Тунгуски, Ханты — Мансийск, Сыктывкар.

Он обводил указкой один за другим кружки городов, называя цифры среднегодовых температур. Ученые внимательно слушали докладчика, думая про себя: «Действительно, почему, скажем, в Свердловске климат стал мало отличаться от климата Сталинграда, а Тобольска — от Семипалатинска?»

Приведя десятки сравнений, взятых из разных районов страны, Споряну сделал обобщение:

— Естественно, возникает вопрос, чем объяснить эти климатические изменения?..

Он обвел взглядом зал, как бы желая услышать ответ на этот вопрос.

— С тех пор, как задымили доменные печи и коксохимические батареи Магнитогорского металлургического комбината, в районе населенных пунктов, охватываемых линией Чкалов, Орск, Кустанай, Челябинск, Уфа, наблюдается ежегодно смягчение климата в зимний период.

Точно такие же явления наблюдаются в районе Кузбасса и ряде других новых промышленных центров...

— Разведка стратосферы показала, что над этими и другими промышленными районами существуют так называемые купола теплого воздуха, значительно отличающиеся по температурам от воздушных пространств на тех же высотах в соседних районах стратосферы. Правда, течение воздуха их перемещает, но источники тепла продолжают свою работу непрерывно.

Переждав возникшее в зале движение, он продолжал:

— Аналогичные явления были зафиксированы и над районами Самгуни, Базальтовым перевалом, где производились опыты по созданию искусственного грозового фронта...

Обернувшись к президиуму, Споряну взял снова указку и подошел к карте:

— Напрашивается логический вывод: коль скоро купола теплых воздушных течений существуют, то нельзя ли увеличить число таких куполов, попытаться отодвинуть черту полярного круга, растопить южную зону вечной мерзлоты, говоря иными словами, — продвинуть значительно севернее границы южного климата и разбудить плодородие почв на огромных площадях Севера?..

Он обвел вопросительным взглядом не ожидавших такой постановки вопроса ученых и заключил:

— В этом вкратце и состоит проблема, над которой также работает коллектив, возглавляемый академиком Петром Кузьмичом Кремлевым, и руководство ЦНИИСТА...

После продолжительной паузы Споряну обратился к ученым с вопросом:

— Возможны ли проблемы изменения макроклимата и управление климатическими условиями в районах северной полосы?— Споряну достал платок, неторопливо обтер вспотевшее от волнения лицо. Потом так же не спеша положил платок в карман, как бы давая возможность аудитории осмыслить вопрос: — По мнению академика Петра Кузьмича Кремлева, такая возможность не исключена. Эту точку зрения разделяет весь коллектив ЦНИИСТА. Если иметь в виду, что при взрыве одной серии — 25 самолетов-снарядов — реакция «Кратногаз-200» создает такое количество тепла, какого не выделяет в атмосферу Магнитогорский комбинат в течение года, то

не трудно составить представление о том, какое действие произведут на холодные слои стратосферы взрывы, скажем, серии в сто самолетов-снарядов.

— А если президиум Академии наук СССР найдет нужным эти опыты расширить, мы можем начать искусственное отопление стратосферы над всем побережьем Ледовитого океана от Урала до Чукотки — посылать в стратосферу через каждые пятьдесят часов тысячу самолетов-снарядов...

Споряну закрыл папку, повернулся вполоборота к президиуму, собираясь покинуть кафедру. Потом положил папку на кафедру, улыбнулся и продолжал:

— Считаю уместным поделиться еще одной мыслью. Что такое созданный коллективом ученых самолет-снаряд в более широком его понимании?.. Петр Кузьмич Кремлев видит в нем не только снаряд для бомбардировки стратосферы. По его мнению, это прообраз космического корабля для покорения вселенной, и если хотите, прообраз ракеты — спутника Земли. — Он пристально посмотрел в зал и добавил: — Мне кажется, круг применения ракетного корабля можно еще расширить. Почему бы, скажем, не оборудовать на таком корабле астрономическую обсерваторию, оснащенную мощной радиолокационной установкой, и заслать ее в пределы ионосферы!..

— Кстати, о дальновидении. Теперь уже можно сказать, что практически вполне разрешимо создание на определенных высотах в стратосферах ретрансляционных станций телевидения. Предварительные расчеты показывают, что достаточно поднять над землей всего три-четыре таких станции, и телепередачи Москвы можно будет видеть во всех городах и селах нашей страны — от Калининграда до Владивостока.

В зале началось оживление. Споряну не спеша сошел с кафедры и опустился на свободное место в первом ряду. В конференц-зале нарастал разноголосый говор. Председательствующий, понимая возбуждение, овладевшее аудиторией, объявил десятиминутный перерыв, после которого стали выступать ученые.

После второго перерыва на сцене появился вице-президент Академии наук СССР в сопровождении академика Кремлева, председателя филиала и ученого секретаря. Заняв председательское кресло, вице-президент доверительно сказал что-то Кремлеву. Петр Кузьмич широко

улыбнулся и одобрительно кивнул головой. Вице-президент поднялся, посмотрел в зал:

— Товарищи академики, члены-корреспонденты, профессоры! Президиум Академии наук Союза ССР считает, что проблема управления климатом, выдвигаемая академиком Кремлевым, заслуживает особого внимания как одна из важнейших народнохозяйственных проблем... Президиум Академии решил войти в Правительство с предложением рассмотреть этот вопрос и образовать правительственную комиссию по проведению широких производственных испытаний в различных зонах...

Инженер Споряну порывисто поднялся. Его аплодисменты подхватил весь конференц-зал.

Вице-президент, не любивший парадности на заседаниях, взял со стола колокольчик с намерением «пресечь» аплодисменты. Но встряхиваемый колокольчик был не слышен. Посмотрев в зал, вице-президент улыбнулся, поставил колокольчик на место, поднял предупреждающе руку и сказал громко:

— Заседание президиума Самгуньского филиала Академии наук СССР объявляю закрытым!

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Часть первая.</i> Дипломный проект	3
<i>Часть вторая.</i> Солнечная буря	120
<i>Часть третья.</i> Генеральная репетиция	224

Кабарин Федор Васильевич

Сияние базальтовых гор

Редактор *В. Богатырев*

Художник *Б. Бобров*

Худож. редактор *А. Евменов.*

Техн. редактор *В. Лукашевич.*

Корректоры: *Л. Семенова, А. Абрамова и Э. Быкова*

НГ01904. Подп. к печати 16/1-1957. Тираж. 15 000. Бумага 84×108/32.

Бум. л. 5,375. Печ. л. 17,63. Уч.-изд. л. 19,0. Цена 5 р. 70 к.

Переплет 1 р. 50 к.

Саратовское книжное издательство, Вольская, 81.
Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата. Заказ 3326.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Б. 20 К.

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

ЖЕНА

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

Ф. Кабарин. Сияние базальтовых гор

ФЕД. КАБАРИН

Сияние
**БАЗАЛЬТОВЫХ
ГОР**

